К-47

ЛО-
ЛИЕ
Ъ
ОРИ
НО-
ЛОГ
ЕВА
10

~~12318~~.

111639.

Биб Мор. Ак. Р. К. К. Ф.

БИБЛИОТЕКА
МОРСКОЙ АКАДЕМІИ
Шкафъ 14
Полка 1
№ ~~2463~~

26281
II Да
К-47

На правахъ записокъ.

Н. Л. Кладо.

ВВЕДЕНІЕ

ВЪ

КУРСЪ ИСТОРІИ ВОЕННО-МОРСКОГО ИСКУССТВА.

Цѣль и методъ изученія и преподаванія исторіи военно-морского искусства.

„На вопросъ: что дѣлать, я отвѣтилъ себѣ—не бояться истины, куда-бы она ни привела меня“.

Л. Толстой (мысли о переписи).

„Если я вѣрю, что тутъ правда, то стоитъ-ли служить лжи... Кромѣ того меня ободрила и вѣра въ моихъ читателей: они разберутъ...“.

Достоевскій (дневникъ писателя).

Военно-Морская Академическая Б-ка
АКАДЕМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
имени тов. Ворошилова
Ф 111639

С.-Петербургъ.
1910 г.

II Д 20

ВМА

1951

22.V 50

Фунд.

Передъ чтеніемъ слѣдуетъ исправить нижеслѣдующіе пропуски и опечатки *).

СТР.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
III	5 св.	военнаго	военного
4	18 св.	смысла.	смысла (см. стр. 63),
9	11 сн.	истратегіи	и стратегіи
10	1 св.	*o bjet*	*objet*
10	4 св.	*commende—*	*commande—*
11	12 св.	Николаевской	Николаевской
11	2 сн.	Лорингтофенъ	Лорингтофанъ
11	1 сн.	Клоаузевицу	Клаузевицу
12	2 св.	они	онѣ
17	10 сн.	пенія:	ненiй:
17	9 сн.	*Seetaktik».*	*Seetaktik» и Rittmeyer— «Seekriege und Seekriegswesen in ihrer weltgeschichtlichen Entwicklung»*
17	8 сн.	появилась	появились
17	7 сн.	первая часть этого труда,	первыя части этихъ трудовъ.
17	7 сн.	относящаяся	первая часть **) труда *Stenzel-a* относится
17	3 сн.	источники.	источники. Такой-же характеръ носитъ и трудъ *Rittmeyer'a*, который доведенъ пока до 1740 года.
22	11 св.	«анархія	«анархія (сравнить стр. 4 и 63)
28	13 св.	болѣ	болѣе
34	17 св.	борьбы)	борьбы),
34	3 сн.	равличными	различными
35	2 сн.	*)	**)
36	5 сн.	философскаго	философскаго
37	18 св.	*выполнеиы*	*выполнены*
40	15 сн.	сословія	сословій
44	13 сн	силъ	силъ,
47	16 сн.	лятся	ляется
47	4 сн.	извѣстный	извѣстной
47	2 сн.	всѣ	всѣ,
52	8 св.	теоріи	теоріи военнаго дѣла
55	12 св.	задачъ	задачъ,
56	16 св	ности	ности,
58	14 св.	незнакомъ	не знакомъ
58	15 сн.	морокой	морской
60	3 св.	его	это
60	14 св.	Мегень	Мегенъ

*) Вслѣдствіе спѣшности и особыхъ условій печатанія, пропусковъ и опечатокъ набралось очень много, а потому безъ исправленія ихъ положительно нельзя приступать къ чтенію.

**) Въ Февралѣ 1910 г. появилась въ печати вторая часть.

СТР.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
61	16 сн.	*эволюцій*	*эволюцій!*
62	15 сн.	офицеры	офицеры—
63	6 св.	стратегію	стратегію (см. стр. 4)
74	8 сн.	*Atlamayr.*	*Atlmayr.*
74	7 сн.	*taktics*	*tactics*
76	12 сн.	вытекающихъ	вытекающихъ.
78	6 св.	В. Н.	военныхъ наукъ
86	10 св.	принципы	принципы
88	3 св.	разумно	разумно (см. стр. 435—437)
90	1 сн.	безсознательности	безсознательности (см. стр. 146)
91	9 св.	дажо	даже
97	11 св.	что только они	что они
99	13 сн.	оно	онъ
108	10 сн.	зрѣетъ	зрѣетъ.
108	10 сн.	путемъ	путемъ,
112	10 св.	смыслъ».	смыслъ (см. стр. 230)».
113	13 сн.	собственцому	собственному.
113	13 сн.	понимаетъ	понимаетъ,
117	14 св.	прици-	принци-
118	6 св.	состава	состава,
119	14 св.	арръергардъ	арръергардъ
119	7 сн.	поддержки	поддержки.
128	11 сн.	энтузіамъ	энтузіазмъ
128	8 сн.	нипульсивности	импульсивности
129	6 св.	основанная	которая основана
129	14 св.	опасностъ.	опасность
132	13 св.	массѣ	массѣ.
133	11 сн.	преи-мущественность	преимущественность
133	4 сн.	направляются	управляются
133	2 сн.	элементарная	Элементарная
134	3 сн.	бестрашіе	безстрашіе
136	12 св.	непосредвтвенно	непосредственно
137	13 св.	всѣ не	не всѣ
138	1 св.	небхо-	необхо-
138	18 св.	такще	также
139	7 св.	представляетси	представляется
139	19 св.	Еслн	Если
139	14 сн.	ддя	для
139	9 сн.	мотивовъ.	мотивовъ,
140	12 св.	его—	его
142	16 сч.	искушеніе	искупленіе
142	15 сн.	даже	также
143	3 сн.	средствомъ	средствомъ.
145	7 св.	Эмоціи	эмоціи,
149	7 св.	выбора	выбора (см. стр. 90 выноска).
152	17 сн.	болѣе	болѣе идутъ
154	13 св.	Донскимъ	Дмитріемъ Донскимъ
154	12 св.	атогея	апогея
154	9 сн.	настрооніе	настроеніе
154	8 сн.	дѣйствительно	Дѣйствительно
155	14 сн.	промедливши	промедливши,
159	12 сн.	изслѣдованія	преслѣдованія
163	16 сн.	иные	иные,
167	13 св.	хотите	хотите,
175	1 сн.	Н К.	Н. К.
179	1 сн.	матеріальный, Н. К.	моральный. Н. К.
180	2 св.	побѣдитолемъ	побѣдителемъ.

СТР.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛЕДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
180	16 св.	останутся	остаются
182	13 св.	1866 г.	1866.,
186	2 св.	войны	войны,
186	20 сн.	на	не
188	6 сн.	водить	водитъ
188	1 сн.	Черкасовъ.	Черкасовъ 1-й.
189	1 св.	разстояніе	разстоянія
191, 193 и 194	1 сн.	Черкасовъ	Черкасовъ 1-й.
197	7 св.	хорошо	хорошо
198	7 св.	жизни	пищи
198	15 св.	искреніи	искренній
198	3 сн.	цитируюлся	цитируются
199	20 сн.	нуть	путь
200	2 св.	познать.	познать (см. стр. 279).
200	15 сн.	всеннаго	военнаго
200	5 сн.	поучатьск	поучаться
201	8 св.	истину	истину,
201	9 св.	истинѣ	истинѣ,
201	13 св.	женіе	женіе,
201	15 св.	не возможно	невозможно
201	18 сн.	каукъ	наукъ
201	11 сн.	взгляда	взгляда,
202	19 св.	изслѣдованію	изолированію
202	1 сн.	тотъ	тотъ,
203	6 св.	и показываетъ	показываетъ
203	18 сн.	доказываетъ	доказываетъ,
208	14 сн.	огромные	огромныя
209	8 св.	неизмѣнные	неизмѣнныя
216	13 сн.	нѣскользихъ	нѣсколькихъ
216	6 сн.	распространилось	распространилось
217	19 сн.	ножемъ	ножомъ
217	18 сн.	угрожающіи	угрожающіе
222	7 св.	іюня	Іюля
222	15 сн.	поредѣлать	передѣлать
227	15 сн.	случайно	случайно,
230	16 сн.	смысломъ",	смысломъ (см. стр. 112),
232	16 сн.	знали	знали,
234	13 св.	корабля.	корабля!
235	21 св.	заимствованіяхъ	заимствованіяхъ,
235	24 св.	изучанію	изученію
238	1 св.	нлана	плана
241	10 сн.	которыя	которые
242	12 св.	относящихся,	относящихся
243	17 св.	дѣятельносто	дѣятельности
245	4 св.	не	ни
246	2 св.	руль	руль,
246	17 св.	личный взглядъ	взглядъ
246	3 сн.	указаніями	указаній
247	1 сн.	содержаніе	созданіе
248	14 св.	этъ	это
249	4 св.	напротивъ	напротивъ,
249	5 св.	какества	качества
252	20 св.	способны,	способны (см. стр. 420 и 457),
252	7 сн.	вступила	вступила
256	12 и 4 сн.	Сюфренъ	Сюффренъ
257	4 сн.	что	это
258	11 сн.	участникамъ	участникамъ (см. стр 486)
258	12 св.	эскадры	эскадры

СТР.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
261	11 св.	врага.	врага (см. стр. 474—481).
264	12 св.	противы	противны
264	18 сн.	бозотчетному	безотчетному
264	14 сн.	безсознательнаго	безсознательнаго
265	9 св.	безотчетныѣ	безотчетный
266	8 св.	пособности	способности
268	21 св.	стрѣльбѣ,	стрѣльбѣ
268	1 сн.	времены	времени
270	9 св.	ніе	ніе,
271	1 св.	особенноств	особенности
272	2 св.	достаточными	достаточнымъ
273	3 сн.	отъ	онъ
275	9 св.	качальни-	начальни-
275	22 св.	изученіеиъ	изученіемъ
276	8 св.	идтъ	идетъ
277	18 сн.	силовй	силой
277	15 сн.	едингласнымъ	единогласнымъ
279	23 св.	презреніе	презрѣніе
280	1 сн.	психологій	психологіи
284	23 св.	дѣленностью?	дѣленностью.
284	16 сн.	цѣли	цѣли.
287	7 св.	которыя	которые
293	13 св.	веленіямъ	велѣніямъ
294	14 сн.	значитъ что	значитъ—
295	7 сн.	А значитъ	А значитъ,
295	5 сн.	необхоопмо т. е.	необходимо, т. к.
303	13 сн	веенной	военной
304	6 сн.	вообще	вообще,
305	13 сн.	сцѣпитьсь	сцѣпиться
307	12 св.	маневрированію	маневрированіи
309	18 сн.	укладывалось	укладывалась
317	3 св.	неддержать	поддержать
317	15 св.	несоблюдая	не соблюдая
320	14 св.	спрашивается	спрашивается.
328	1 сн.	оне	онъ
329	19 сн.	наудачи	неудачи
334	20 св.	затѣмненъ	затемненъ
341	12 св.	нскали	искали
346	15 св.	осторіи	исторіи
349	21 св.	презренія	презрѣнія
350	10 св.	обрацовъ	образцовъ
351	11 сн.	стороны	стороны (см. стр. 227)
352	7 сн.	привычныя	привычные
357	6 св.	слабой	сильной
357	6 св.	силь-	сла-
357	7 св.	ной	бой
357	17 св.	Сюфренъ	Сюффренъ
359	20 св.	не принятія	непринятія
362	19 св.	приглащенныыъ	приглашенныхъ
368	14 св.	другихъ	другихъ,
370	15 сп.	задумаля	задумался
370	13 сп.	Затѣмъ	Затѣмъ,
370	8 сн.	а	и
371	22 св.	фрагаты	фрегаты
373	16 св.	непріятелимъ	непріятелемъ
374	10 сн.	инціатива	инціатива
374	6 сн.	искуства	искусства
375	1 св.	французскомъ	французскомъ
376	7 сн.	пыполненія	выполненія

СТР.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛЕДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
376	5 сн.	отступитъ	отступить
378	8 св.	избав-	изба-
379	10 св.	Каллинг-	Коллинг-
380	19 св.	„Дмитрій	Дмитрій
381	7 св.	кооторые	которые
382	1 сн.	непріятельскаоо	непріятельскаго
387	15 св.	дипло-	дипло-
388	2 сн.	предкувство-	предчувство-
393	14 св.	разцвѣла	расцвѣла
397	17 сн.	наетигаетъ	настигаетъ
409	8 св.	спуститъ	спустить
409	12 св.	*по сы-*	*посы-*
413	18 сн.	вступитъ	вступить
414	1 сн.	рапортъ	рапортъ
417	19 св.	вее	все
417	4 сн.	угѣшеніе	угощеніе
418	8 св.	среди	средѣ
420	13 св.	опятъ	опять
420	9 сн.	словомъ.	словомъ (см. стр. 252).
423	11 сн.	товности.	товленности.
427	2 сн.	могуществунной	могущественной
428	7 сн.	любознательности	любознательности
431	2 св.	*Insitut*	*Institut*
431	2 сн.	мѣсящевъ	мѣсяцевъ
434	22 сн.	безпомощьностью	безпомощностью
435	14 св.	„Морскомъ Сборникѣ“.	Морскомъ Сборникѣ №№ 1—4 за 1909 г.
435	13 сн.	чнкъ	чикъ
435	2 сн.	надѣясъ	надѣясь
438	11 св.	явилисъ	явились
441	20 св.	преимущессву	преимуществу
444	8 св.	крайнец	крайней
447	11 сн.	привезеннаяи	привезенная
447	3 сн.	разсѣяли	развѣяли
450	12 сн.	остановка“?	остановка?“
453	4 св.	надо и	и надо
453	8 св.	благотріятной	благопріятной
453	11 сн.	мчатся	мчится
457	11 св.	дѣламъ	дѣломъ
457	10 сн.	410	252, 410
470	9 сн.	разчетъ	разсчетъ
470	1 сн.	**)	*)
471	5 сн.	Кондрагенко	Кондратенко
477	8 св.	очевидно, очевидно	очевидно,
486	16 сн.	искуство	искусство
487	22 сн.	выполнитъ	выполнить
487	16 сн.	какіе	какія
487	12 сн.	оченъ	очень
488	6 сн.	морякамъ	морякамъ
491	12 сн.	вѣсскія	вѣскія
492	3 св.	врамя	время
495	11 св.	фтота	флота
495	9 сн.	именно	именно
496	3 сн.	корстантированію	констатированію
509	13 сн.	изрѣченная	изреченная
513	15 св.	свѣдѣнія	свѣдѣній
513	18 сн.	стр.	стр. 497 и 498
515	15 св.	нѣтъ	нѣтъ
516	10 сн.	знать“	„знать“

стр.	строка.	напечатано.	слѣдуетъ читать.
517	11 св.	Чемборкскаго	Чембарскаго
518	6 сн.	оченъ	очень
520	4 сн.	гражданско	гражданское
522	9 св.	газ	газ.
522	29 св.	послѣднія	послѣдніе
522	26 сн.	вѣроятро	вѣроятно
524	9 сн.	святыя	святое
544	8 св.	показаній	показаніи
544	21 св.	пе-	не-

546 и 547 надо перемѣнить мѣстами.

577	6 сн.	принципы, здравый	принципы—здравый
586	3 сн.	корпусѣ	Корпусѣ
589	12 сн.	церства	царства
593	16 св.	72.	72,
597	22 св.	разходовъ	расходовъ

Поправка къ стр. 497, выноска **), 15—17 строки снизу: эти свѣдѣнія были присланы въ Академію послѣ напечатанія этой книги.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . . *1—22*

Какъ возникли курсы военно-морскихъ наукъ и положеніе первыхъ ихъ лекторовъ 1

Основанія на которыхъ была устроена высшая военно-морская школа во Франціи 6

Основанія принятыя для разработки курса исторіи военно-морского искусства 11

ГЛАВА I.

Военныя науки, ихъ раздѣленіе и взаимная связь . . . *23—44*

Военная наука и военное искусство 23

Задачи и источники военныхъ наукъ 35

Раздѣленіе военныхъ наукъ на сухопутныя и военно-морскія. 39

Единство военной мысли 42

ГЛАВА II.

Теорія и опытъ (практика) въ военномъ дѣлѣ . . . . *45—77*

Что такое теорія 45

Теоретики и практики 47

Теорія въ военномъ дѣлѣ 50

Какъ глядѣли въ русскомъ флотѣ на науку о веденіи морской войны за нѣсколько лѣтъ до войны съ Японіей и сейчасъ послѣ этой войны 56

«Отрицатели» военной науки 66

Значеніе и роль теоріи въ военномъ дѣлѣ 69

ГЛАВА III.

Принципы, правила и нормы . . . . . *78—195*

Законы, гипотезы и аксіомы въ соціальныхъ наукахъ . 78

Принципы, какъ исходныя положенія для военныхъ наукъ 84

Стр.

Принципъ развитія довѣрія къ своимъ силамъ 88

Принципъ подставленія своей сильной стороны и уклоненія слабой 89

Развитіе понятій о принципахъ 93

Принципы сосредоточенія силъ и взаимной поддержки . 97

Послѣдствія путаницы въ представленіяхъ о принципахъ. 110

Изслѣдованіе о нѣкоторыхъ сторонахъ сущности моральной стороны человѣческой природы 123

Мужество, паника, страхъ и испугъ 130

Принципъ внезапности 151

Принципъ энергичнаго использованія успѣха 155

Принципы организаціи 159

Наступленіе и оборона 169

Дальнѣйшее развитіе понятій о принципахъ 171

Моральный элементъ на войнѣ 174

Принципы, какъ результатъ изслѣдованія условій, ведущихъ неизмѣнно къ успѣху на войнѣ 183

Правила и нормы 185

ГЛАВА IV.

Методъ разработки и пріобрѣтенія военныхъ знаній . 197—281

Значеніе метода въ военныхъ наукахъ 197

Пріемы классификаціи и изолированія въ военныхъ наукахъ 204

Способы научнаго изслѣдованія въ приложеніи къ военнымъ наукамъ 210

О достовѣрности военныхъ событій 214

Индуктивный методъ въ приложеніи къ нахожденію причинъ военныхъ явленій 225

Значеніе *труда* въ усвоеніи принциповъ военнаго дѣла и въ пріобрѣтеніи способности примѣнять ихъ на дѣлѣ. 229

Критико-историческій методъ изученія военнаго дѣла . . 235

Основныя положенія *практическаго* пріобрѣтенія военныхъ знаній 242

Моральной элементъ. Искусство руководительства какъ главная составная часть этого элемента. Школа адмираловъ 246

Стр.

Какъ распредѣляется работа созданія моральнаго элемента между образованіемъ и воспитаніемъ 260
Управленіе массами 275

ГЛАВА V.

Задачи изученія и преподаванія исторіи военнаго искусства. 282—505
Неполнота формулировки задачъ исторіи военнаго искусства. 282
Здравый смыслъ въ исторіи 291
Задачи исторіи военнаго искусства 295
Какъ создается рутина 298
Созданіе нормъ эскадреннаго боя во второй половинѣ XVII столѣтія 305
Тулонское сраженіе и его вліяніе на идеи о веденіи боя. 311
Минорское сраженіе и его вліяніе на идеи о веденіи боя. 316
Джонъ Клеркъ 328
Человѣкъ и техника въ нашемъ флотѣ передъ послѣдней войной 336
Судебныя дѣла по поводу военныхъ неудачъ 340
Рутина и возрожденіе нашего флота 343
Выводы изъ историческаго изслѣдованія объ отношеніи къ строю въ эпоху отъ Рюйтера до Клерка 345
Задача исторіи русскаго военно-морского искусства . . 347
Характеръ творчества Петра Великаго 352
Адмиралъ Грейгъ въ Хіосскомъ и Гогландскомъ сраженіяхъ. 355
Творчество адмирала Ушакова 367
Творчество адмираловъ Сюффрена, Нельсона и Сенявина. 374
Аѳонское сраженіе 381
Корниловцы-нахимовцы и ушаковцы-сенявинцы 384
Корниловъ и Нахимовъ въ дѣйствіяхъ на морѣ въ Крымскую кампанію 394
Русскія военныя традиціи 418
Способность побѣждать 426
Традиція «духа» 442
О «подковываніи блохи». 444
Личная инициатива 448
Смотры и смотровая тенденція въ русскомъ флотѣ. . . 453
Смотръ-маневръ въ Ревелѣ 1902 г. и его послѣдствія . 464

Бы. Мор. Ин. В. Ф. Б. Ф.

Стр.

Представленіе о нашемъ военномъ могуществѣ передъ войной 468

Издѣвательство центральныхъ учрежденій надъ командующими военными силами на театрѣ войны 474

Что сулитъ намъ будущее 482

Маневры и ихъ задачи 484

Состояніе военно-морской печати какъ отраженіе состоянія военно-морской силы 488

Характеристика морского вѣдомства академикомъ княземъ Голицынымъ 490

О секретахъ и секретничаніи 496

Какъ преподавать исторію военно-морского искусства въ среднихъ морскихъ учебныхъ заведеніяхъ 498

Заключеніе . . . . . *506—528*

Путь для практическаго приложенія истины 506

Причины нашего разгрома 510

О гражданскомъ мужествѣ 518

Девизъ офицеровъ морского генеральнаго штаба 525

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ возникли курсы военно-морскихъ наукъ.

Въ Январѣ 1896 года при Николаевской Морской Академіи, въ которой за 70 лѣтъ ея существованія не отводилось никакого мѣста для военныхъ знаній, были открыты курсы военно-морскихъ наукъ. Вопросъ объ открытіи этихъ курсовъ былъ рѣшенъ очень быстро, такъ что приглашенные читать на курсахъ лекторы, имѣли едва нѣсколько мѣсяцевъ для подготовки. Трудность еще увеличивалась тѣмъ, что собственно задача курсовъ являлась тогда очень смутной, многіе морскіе офицеры считали эти курсы совершенно безполезными, и даже вредными, а въ большинствѣ — относились къ нимъ иронически, и во флотѣ ихъ иначе и не называли какъ «кулинарными курсами».

И можетъ быть еще долго русскій флотъ оставался-бы безъ учрежденія, гдѣ морскіе офицеры могли-бы получать хотя бы зачатки высшаго военнаго образованія, если-бы не толчекъ извнѣ.

Въ 1895 году, въ союзной намъ странѣ — во Франціи — комиссія изъ членовъ парламента, назначенная для разслѣдованія состоянія флота, пришла къ выводу, что французскіе морскіе офицеры не имѣютъ *общихъ* идей о веденіи морской войны, и что въ этой столь важной области замѣчается или разноголосица или индифферентизмъ. Этотъ неожиданный фактъ такъ обезпокоилъ комиссію, что она, въ особомъ протоколѣ, признала этомъ фактъ «опаснымъ для государства», и вошла въ парламентъ съ представленіемъ о настоятельной необходимости немедленно учредить во флотѣ «высшую военную школу», которая имѣла-бы задачей разрабатывать и обобщать, сообразно съ развитіемъ военно-морского дѣла, способы веденія войны на морѣ, и въ видѣ общихъ идей — распространять высшее военное образованіе въ флотѣ.

Представленіе это однако не встрѣтило сочувствія во французскомъ флотѣ—тамъ отнеслись недовѣрчиво и даже враждебно къ критикѣ и выводамъ штатскихъ людей. Я лично имѣлъ случай слышать отъ одного изъ французскихъ морскихъ министровъ, адмирала Бэнара, много плававшаго, бывшаго директора морского училища, что «его старые мозги не могутъ понять—для чего можетъ быть нужна флоту высшая военная школа».

И вѣроятно проектъ комиссіи остался-бы въ области благихъ пожеланій, если-бы вскорѣ на посту морского министра не оказался Локруа—бывшій предсѣдатель этой комиссіи. Онъ очень энергично принялся за дѣло и уже въ Декабрѣ 1895 года появился декретъ объ учрежденіи высшей военно-морской школы. Конечно нашимъ союзникамъ было далеко не безразлично, въ какой степени былъ подготовленъ къ войнѣ русскій флотъ, и весьма вѣроятно, что по различнымъ мѣропріятіямъ, сопровождавшимъ имѣвшее тогда мѣсто быстрое увеличеніе нашего флота, не разъ возбуждался, въ той или иной формѣ, обмѣнъ мнѣній между союзниками. Вѣроятно такой обмѣнъ мнѣній произошелъ и по поводу высшаго военнаго образованія морскихъ офицеровъ. Что французы принимали близко къ сердцу вопросъ о личномъ составѣ нашего флота показываетъ тотъ фактъ, что въ курсѣ тактики 1893 г. для гардемаринъ, въ той его части, которая введена въ курсъ особымъ декретомъ (*), имѣется указаніе, что «русскіе морскіе офицеры лишены военнаго образованія».

На самомъ дѣлѣ, французы видѣли въ нашемъ глазу сучекъ, не видя въ своемъ бревна. Но тѣмъ не менѣе фактъ отсутствія въ личномъ составѣ нашего флота военнаго образованія былъ замѣченъ правильно. И когда оказалось, что тѣмъ-же самымъ страдаетъ французскій флотъ, и что первый шагъ къ устраненію этого недостатка—учрежденіе высшей военной морской школы, легко могъ возникнуть обмѣнъ мнѣній по поводу желательности того, чтобы и нашъ

(*) Декретъ указывалъ, что будущимъ офицерамъ должны сообщаться не только свѣдѣнія о матеріальной части иностранныхъ флотовъ, но и характеристика ихъ личныхъ составовъ.

флотъ обзавелся подобной школой. Въ пользу вѣроятности этой догадки говоритъ и тотъ фактъ, что декретъ объ учрежденіи во Франціи высшей военно-морской школы и приказъ о курсахъ военно-морскихъ наукъ у насъ—помѣчены однимъ и тѣмъ-же числомъ—15 Декабря, по старому стилю, 1895 года.

Первые лекторы курсовъ военно-морскихъ наукъ.

Очевидно при такомъ быстромъ возникновеніи курсовъ, трудно было найти подходящихъ лекторовъ, тѣмъ болѣе что лицъ, посвятившихъ себя изслѣдованію вопросовъ морской войны съ точки зрѣнія военной науки, въ нашемъ флотѣ почти не оказалось. По крайней мѣрѣ, кому только изъ строевыхъ послужившихъ уже офицеровъ ни предлагали вести на курсахъ занятія по морской стратегіи и морской тактикѣ — всѣ отклоняли отъ себя это предложеніе. Такимъ образомъ въ русскомъ флотѣ не нашлось среди адмираловъ и командировъ судовъ такихъ лицъ, которыя считали-бы для себя возможнымъ изложить въ извѣстной системѣ свои мысли о томъ, какъ вести морскую войну и морской бой. Одинъ такой человѣкъ несомнѣнно былъ въ русскомъ флотѣ — это покойный адмиралъ Макаровъ. Но въ моментъ открытія курсовъ онъ находился въ пути, возвращаясь съ дальняго востока, и, хотя по возвращеніи, онъ и сдѣлалъ въ Морскомъ Собраніи въ Кронштадтѣ, рядъ чрезвычайно цѣнныхъ сообщеній по морской тактикѣ, но и онъ отклонилъ отъ себя предложеніе читать на курсахъ военно-морскихъ наукъ. Французскій флотъ въ этомъ отношеніи оказался счастливѣе. Въ числѣ первыхъ лекторовъ высшей военной морской школы оказался одинъ адмиралъ и три капитана 1-го ранга, не считая того, что и остальные лекторы въ большинствѣ принадлежали къ личному составу строевого плавающаго флота.

Для курсовъ-же военно-морскихъ наукъ не оказалось возможнымъ найти другихъ лекторовъ, кромѣ нѣсколькихъ совсѣмъ молодыхъ офицеровъ, въ чинѣ лейтенанта, притомъ очень мало плававшихъ и стоявшихъ, по своему служебному положенію — что очень характерно — внѣ строя. Конечно эти офицеры, даже при усиленной, хотя очень кратковременной подготовкѣ, обладали къ моменту открытія курсовъ, очень скудными познаніями, и не могли дать своимъ слушателямъ

*

чего-либо систематичнаго или законченнаго, и должны были ограничиваться посильными компиляціями изъ литературы по разбираемымъ вопросамъ.

Но по нѣкоторымъ предметамъ даже и такихъ лекторовъ нельзя было найти въ русскомъ флотѣ, и напр. читать стратегію—науку казалось-бы чисто военную и безъ знакомства съ которой постороннему человѣку трудно даже представить себѣ строевого офицера—пришлось пригласить офицера генеральнаго штаба. Впрочемъ это не должно казаться столь страннымъ, если вспомнить, что всего какихъ нибудь 50 лѣтъ тому назадъ, извѣстный французскій адмиралъ Bouët—Willaumez (*)—военно морской писатель и флотоводецъ — писалъ:

Какъ относились къ тактикѣ и стратегіи выдающіеся моряки въ серединѣ XIX стол.

«На сухомъ пути тактика и стратегія связаны между собою и необходимы для успѣха операцій арміи, но по отношенію къ флоту, въ то время какъ тактика еще допускаетъ извѣстныя, хотя и очень трудно принимаемыя правила, слово «стратегія» собственно не имѣетъ смысла, въ особенности со времени изобрѣтенія компаса». А французскій флотъ еще всегда былъ впереди по военному образованію своихъ офицеровъ. Также и для чтенія лекцій по нѣкоторымъ спеціальнымъ предметамъ,—напр., по оборонѣ береговъ въ инженерномъ и артиллерійскомъ отношеніи—были приглашены сухопутные офицеры спеціалисты. Ихъ курсы конечно были и систематичны и закончены—они состояли профессорами въ академіяхъ инженерной и генеральнаго штаба.

Но, въ свою очередь, и наши доморощенные лекторы имѣли передъ ними одно преимущество—у нихъ не было за спиной рутины, что позволяло имъ, при заимствованіи у сухопутныхъ своихъ коллегъ методовъ и пріемовъ изслѣдованія, изложенія и веденія занятій—безъ чего они конечно обойтись не могли — относиться къ нимъ безъ предвзятыхъ понятій, только съ точки зрѣнія здраваго смысла. Благодаря этому курсы военно-морскихъ наукъ при постановкѣ дѣла веденія занятій избѣгли слѣпого подражанія уже существовавшимъ въ

(*) «Batailles de terre et de mer». Paris 1855.

то время военно-сухопутнымъ академіямъ, заимствуя отъ нихъ только хорошее, и перерабатывая его сообразно потребностямъ флота.

Отношеніе флота къ курсамъ военно-морскихъ наукъ.

Выше было уже сказано, что флотъ, въ особенности въ высшихъ его слояхъ, отнесся съ большимъ предубѣжденіемъ къ учрежденію курсовъ военно-морскихъ наукъ, считая ихъ совершенно ненужными для флота. Конечно этому много способствовало несовершенство курсовъ, въ особенности неопытный и стоявшій внѣ строя личный составъ лекторовъ. Къ тому-же, учреждая курсы, морское министерство совершенно лишило ихъ какого либо практическаго оттѣнка, установивъ занятія только въ продолженіе 6-и зимнихъ мѣсяцевъ, безъ всякой возможности вести какія либо изысканія и повѣрки теоріи въ плаваніи на корабляхъ. Въ этомъ отношеніи французская высшая военно-морская школа была поставлена въ несравненно лучшія условія — она имѣла въ своемъ распоряженіи три крейсера.

Все это привело къ тому, что несмотря на очень легкія условія поступленія на курсы, они никогда не имѣли полнаго комплекта слушателей, хотя число ваканцій было очень небольшое—всего 15 человѣкъ. Только послѣ войны въ первый разъ число желающихъ поступить на курсы превысило число ваканцій.

Такое положеніе курсовъ военно-морскихъ наукъ, при недовѣрчивомъ отношеніи къ нимъ флота съ одной стороны, и при скудости средствъ и крупныхъ недостаткахъ въ организаціи съ другой, ставило лекторовъ курсовъ въ очень тяжелую обстановку для разработки порученныхъ имъ предметовъ, и крупныя ошибки были неизбѣжны.

Со всѣми этими трудностями пришлось считаться и мнѣ при разработкѣ порученнаго мнѣ курса «Военно-морской исторіи».

Прежде всего надо было отвѣтить себѣ на вопросъ—для чего собственно долженъ читаться этотъ предметъ и какая у него связь съ остальными предметами, читаемыми на курсахъ.

Никакихъ руководящихъ идей, поясненій, программъ и т. п. лекторы при открытіи курсовъ не получили, да и самая цѣль существованія курсовъ не была нигдѣ формулирована.

Французская высшая военно-морская школа и въ этомъ отношеніи была поставлена въ лучшія условія.

Въ декретѣ президента отъ 15/27 Декабря 1895 года, въ § 2, значится:

Цѣль поставленная при учрежденіи высшей военно-морской школы во Франціи.

«Высшая военно-морская школа имѣетъ цѣлью: 1) дать возможность изученія вопросовъ, связанныхъ съ современной войной на морѣ; 2) подготовить возможно большое количество офицеровъ къ командным должностямъ и къ той отвѣтственности, которая съ ними связана».

Въ Октябрѣ слѣдующаго года формула опредѣляющая цѣль школы была измѣнена, и въ Февралѣ 1897 года (отчетъ о засѣданіи палаты депутатовъ отъ 11 Февр. 1897 г.) окончательно было установлено, что высшая военно-морская школа имѣетъ цѣлью:

«1) устанавливать и распространять во флотѣ общность идей о веденіи войны на морѣ; 2) подготовлять офицеровъ флота къ командованію».

Идеи, положенныя въ основаніе этой формулы, подробно развиты въ докладѣ депутата графа де Тревенекъ, отъ имени морской комиссіи, при обсужденіи закона объ учрежденіи школы въ палатѣ депутатовъ.

Докладъ графа де-Тревенекъ.

Въ виду отсутствія у насъ опубликованныхъ подобныхъ документовъ, приходится остановиться на этомъ докладѣ.

Графъ де Тревенекъ началъ свой докладъ съ напоминанія депутатамъ того характернаго факта, что всѣ, которымъ приходилось обращаться къ морскимъ офицерамъ за разъясненіями по морскимъ вопросамъ, поражались различіемъ во мнѣніяхъ въ получаемыхъ ими отвѣтахъ.

При этомъ, даже въ бесѣдахъ съ самыми выдающимися моряками, и когда рѣчь шла только объ общихъ представленіяхъ о будущей войнѣ, по большей части отвѣты получались очень неопредѣленные, иногда—противорѣчивые.

Случалось даже слышать признанія очень *тревожнаго* свойства, что таковыя общія представленія и не существуютъ; что они даже и не могутъ существовать вслѣдствіе отсутствія опредѣленности въ элементахъ, входящихъ въ составъ будущей

морской войны; что таковая война разыграется въ совершенно новой обстановкѣ; что никакія стратегическія и тактическія представленія для такой войны не могутъ имѣть мѣста.

Но съ другой стороны, ясно, что какъ на сушѣ такъ и на морѣ, общность идей о томъ какъ должна вестись война— это главный и рѣшительный элементъ для достиженія успѣха.

Въ современной войнѣ, въ особенности на морѣ, надо наносить сильные и быстрые удары; для этого съ перваго же момента войны должны начать свою дѣятельность всѣ организованныя части морской силы, къ которымъ въ самомъ скоромъ времени должны присоединиться всѣ средства морской войны, которыми обладаетъ государство.

Это гигантское усиліе потребуетъ немедленнаго содѣйствія такихъ элементовъ, которые до этого момента въ извѣстной мѣрѣ были чужды другъ другу. Начальники будутъ имѣть и такихъ подчиненныхъ, которыхъ они не знаютъ; нѣкоторые могутъ передъ самымъ боемъ оказаться на такомъ посту, о которомъ они еще наканунѣ и не думали. А все-таки для побѣды необходима немедленная согласованность дѣйствій всѣхъ средствъ. Надо, чтобы на всѣхъ ступеняхъ іерархіи *направляющая* мысль понималась и даже предвидѣлась или угадывалась — безъ необходимости спѣшныхъ наставленій въ послѣднюю минуту.

Прошли тѣ времена (если только таковыя когда нибудь были), когда можно было надѣяться на побѣду, благодаря мысли осѣнившей генія во время самого боя. Будущая война должна быть подготовлена задолго и ея средства должны быть тщательно подготовлены къ употребленію. Вдохновенная мысль послѣдняго момента должна опираться и должна быть поддержана силой *общности мысли* у всѣхъ.

Для современной войны уже никуда не годится старая аксіома «война изучается только на войнѣ». Нѣтъ, теперь послѣдняя война не будетъ служить школой для подготовки къ слѣдующей войнѣ — таковой школой служатъ въ настоящее время періоды вооруженнаго мира. Теперь прошли тѣ времена, когда Дюкены, Турвили, Сюффрены могли во время без-

конечныхъ переходовъ и крейсерствъ выучить не только свои команды и офицеровъ, но выучиться и сами, подготовляя рядомъ блестящихъ стычекъ почву для рѣшительныхъ побѣдъ. Теперь во время войны должны сразу наноситься быстрые и рѣшительные удары, и тѣ, которые должны ихъ наносить, должны быть задолго къ этому подготовлены.

Къ тому же театры военныхъ дѣйствій все расширяются и множатся и разнообразятся средства для веденія войны. Одному человѣку невозможно со всѣмъ справиться — каждый долженъ быть на своемъ посту, готовый, по данному сигналу, выполнить назначенную ему роль.

Вотъ здѣсь и выступаетъ огромное значеніе *общности мысли*—въ высшемъ проявленіи этого качества — *иниціативѣ*.

Вѣдь это было-бы безразсудно предполагать, что всѣ многочисленныя средства морской войны — корабли различныхъ типовъ, береговыя батареи, мины загражденія и т. п. вступятъ въ дѣло одновременно, въ одномъ какомъ нибудь районѣ, и смогутъ быть непосредственно руководимы однимъ человѣкомъ.

А тогда единственная связь между ними, которую можно себѣ вообразить — это *общія идеи*, извѣстныя всѣмъ, всѣми понимаемыя, всѣми одинаково толкуемыя.

Не менѣе, чѣмъ для примѣненія средствъ морской войны, важна общность мнѣній и для матеріальной части флота.

Вѣдь ясно, что эта матеріальная часть исходитъ изъ стратегическихъ представленій о войнѣ, что въ данномъ случаѣ именно средство должно отвѣчать цѣли, а не наоборотъ, что это безуміе — строить корабли, стоимость которыхъ считается многими милліонами, если не знаютъ—какое примѣненіе они будутъ имѣть на войнѣ?

Прямое послѣдствіе отсутствія общности мысли—это разнообразіе въ типахъ кораблей.

Да собственно откуда и взяться этой общности мысли?

Все воспитаніе, обученіе и прохожденіе службы морского офицера такъ поставлены, что онъ все время занимается частностями военно-морского дѣла, на нихъ уходитъ вся его

энергія—а общія соображенія остаются въ сторонѣ. Каждый какъ-бы пріученъ думать, что общее — это не его дѣло, что это дѣло выше его стоящаго начальства, а потому онъ этимъ общимъ и не интересуется. И такъ проходитъ вся служба—отъ чина къ чину, отъ должности къ должности; въ командованіи за миноносцемъ слѣдуетъ броненосецъ, затѣмъ отрядъ и эскадра—и моментъ, когда наконецъ будетъ схвачено и изучено общее, заключающее въ себѣ всѣ частности—все представляется гдѣ то впереди, и въ результатѣ — не наступаетъ никогда. А между тѣмъ необходимость, чтобы этотъ моментъ имѣлъ мѣсто — прямое требованіе національной обороны. Однимъ словомъ *общность мысли* — эта необходимость настоятельная, неоспоримая, вытекающая изъ сущности современной войны—для нашей военной силы, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ—это вопросъ о томъ быть или не быть.

Общность военной мысли — настоятельная необходимость для военной силы.

Созданіе этихъ общихъ мыслей—доктрины—дѣло высшаго командованія; дѣло высшей военно-морской школы—ее распространить. Въ тоже время эта школа представляетъ изъ себя, въ рукахъ высшаго командованія, превосходный инструментъ для соотвѣтствующихъ изслѣдованій; она превосходно приспособлена, чтобы помогать высшему командованію создать вышеупомянутую доктрину, точно ее формулировать и разработать ее въ такомъ видѣ, чтобы слѣдствія изъ нея могли быть повѣрены практическимъ путемъ.

Преимущественное назначеніе школы (par excellence) — это служить *техническимъ отдѣломъ* по тактикѣ истратегіи, находящимся постоянно подъ рукой начальника генеральнаго штаба, которому она и подчиняется.

При разъясненіи второй задачи для которой существуетъ высшая военно-морская школа, — для подготовки начальниковъ — въ докладѣ комиссіи опять видно стремленіе выдвинуть на первое мѣсто значеніе обобщающихъ идей — доктрины—въ противовѣсъ частностямъ. Для этого составитель доклада воспользовался непереводимымъ двойнымъ значеніемъ слова «general» — «общій» и «начальникъ». Въ виду этого привожу это мѣсто доклада въ подлинникѣ.

«Son (de l'Ecole) deuxième o bjet, et ce n'est pas sa moindre mission, est de former des chefs à notre marine, de lui préparer des officiers généraux. (*) Nous retenons ici le vocable général dans son sens absolu. Un officier investi du commendement doit être un officier *général* dans l'acception étymologique du mot».

Начальникъ, говорится дальше въ докладѣ, долженъ быть выше всѣхъ частностей, чтобы охватить ихъ въ ихъ общемъ; онъ долженъ знать всѣ отрасли службы, какъ тѣ, которыми онъ руководитъ непосредственно, такъ и тѣ, которыя болѣе или менѣе тяготѣютъ къ послѣдней.

Въ его рукахъ долженъ производиться синтезъ всѣхъ живыхъ силъ приложенныхъ къ веденію войны. Внѣ этихъ живыхъ силъ — все безполезно, все — пустословіе, все — потеря труда, времени и денегъ. Ни въ какомъ случаѣ начальникъ не долженъ идти на буксирѣ у вспомогательныхъ отраслей службы. Его дѣло — приказывать, ихъ дѣло — исполнять. Приказанія должны быть исполнимы. А для этого нужно, чтобы тотъ, отъ котораго они исходятъ, зналъ-бы нужды, способы дѣйствій и точныя границы производительности тѣхъ органовъ, къ которымъ онъ обращается со своими приказаніями. Дѣйствительность командованія — слѣдствіе этого синтеза, посредствомъ котораго и достигается планомѣрность и стройность въ общемъ ходѣ дѣла. При отсутствіи такого синтеза — царятъ разброска усилій, безсвязность и безсиліе.

Какъ во время мира, такъ и во время войны начальникъ долженъ быть готовъ къ командованію раньше чѣмъ онъ облеченъ соотвѣтственной властью. Существуютъ такіе опыты, такіе промахи, которые недопустимы для того, кто облеченъ властью.

Престижъ начальника долженъ оставаться безупречнымъ. «Дѣйствительная» дисциплина — единственная, по мнѣнію Дра-

---

(*) Во французскомъ флотѣ адмиральскіе чины носятъ общее названіе— officiers generaux.

гомирова, имѣющая цѣну, можетъ исходить только изъ увѣренности подчиненнаго въ качествахъ своего начальника.

Высшая военно-морская школа должна быть разсадникомъ высшаго командованія.

Отсутствіе формулировки цѣли существованія курсовъ военно-морскихъ наукъ.

Я намѣренно остановился на подробномъ изложеніи той цѣли, которая была поставлена во Франціи при учрежденіи высшей военно-морской школы, такъ какъ изъ яснаго пониманія этой цѣли вытекаетъ и весь характеръ и методъ изложенія всѣхъ предметовъ. При открытіи-же курсовъ военно-морскихъ наукъ у насъ, эта цѣль не была формулирована и когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (23 Мая 1896) появилось новое положеніе о Николаевской морской академіи, то въ отдѣлѣ озаглавленномъ: «Цѣль и составъ академіи» значилось только, что: «Николаевская морская академія имѣетъ цѣлью доставлять чинамъ флота высшее образованіе, соотвѣтствующее спеціальнымъ требованіямъ того рода службы, къ которому они предназначаются», а даже о томъ къ чему собственно предназначаются офицеры, прослушавшіе курсы военно-морскихъ наукъ при академіи, въ положеніи не говорится ни одного слова. И такая болѣе чѣмъ неопредѣленная формулировка столь важнаго вопроса продолжаетъ существовать и до настоящаго времени, и за все время существованія курсовъ она ни разу не была соотвѣтственнымъ образомъ разъяснена или заполнена.

На какихъ основаніяхъ разрабатывался курсъ исторіи военно-морского искусства на курсахъ военно-морскихъ наукъ.

Вотъ почему при разработкѣ порученнаго мнѣ курса «военно-морской исторіи» я руководствовался задачами поставленными для высшей военной морской школы во Франціи.

И я поставилъ себѣ задачу — стремиться къ тому, чтобы, читаемый мною курсъ наилучшимъ образомъ способствовалъ созданію тѣхъ общихъ идей о веденіи войны на морѣ (*), въ которыхъ, судя по вышеприведенному докладу во французской палатѣ депутатовъ, столь нуждаются современные

(*) «Индивидуальность вождей и разнообразіе во взглядахъ ведутъ къ треніямъ, ослабить которыя, до извѣстной степени, можно только путемъ развитія однородныхъ взглядовъ на веденіе войны». *Фрейтагъ Лорингофенъ.* Господство личности на войнѣ. Изслѣдованіе по Клоаузевицу. стр. 49.

флоты. Эти идеи и ихъ слѣдствія, въ томъ видѣ, въ которомъ они могли-бы непосредственно прикладываться на войнѣ, могли въ большей или меньшей степени вылиться только при разработкѣ курсовъ морской стратегіи и морской тактики. Мой-же курсъ могъ лишь этому способствовать такимъ подборомъ и освѣщеніемъ фактовъ изъ военно-морской исторіи, которые давали-бы возможно ясное представленіе объ общихъ идеяхъ, руководившихъ подготовкой и веденіемъ войны на морѣ въ различныя эпохи, объ эволюціи этихъ идей, объ ихъ отношеніи къ средствамъ войны и обстановкѣ и, наконецъ въ видѣ результата вѣкового опыта исторіи, мнѣ предстояло отдѣлить и формулировать тѣ идеи, которыя неизмѣнно способствовали успѣху на войнѣ, отъ идей ложныхъ и умалявшихъ дѣйствительность военно-морской силы.

Эти историческіе и логическіе выводы и должны были лечь въ основаніе главнѣйшихъ предметовъ курсовъ — морской стратегіи и морской тактики, которымъ предстояло на этомъ фундаментѣ построить теорію подготовки и веденія войны и боя.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что самъ по себѣ курсъ военно-морской исторіи не могъ имѣть практическаго примѣненія въ военно-морскомъ дѣлѣ, значеніе его было очень важно— служить фундаментомъ для созданія вышеупомянутыхъ общихъ идей о веденіи войны на морѣ, а потому и работа надъ этимъ курсомъ являлась въ высшей степени отвѣтственной.

Никакого образца такой, работы какъ на русскомъ такъ и на иностранныхъ языкахъ, я не имѣлъ. Всѣ извѣстныя мнѣ сочиненія по исторіи флотовъ и морскихъ войнъ носили почти исключительно характеръ повѣствовательный. Въ нихъ устанавливались болѣе или менѣе достовѣрно лишь извѣстные факты. Связь-же этихъ фактовъ съ основными причинами ихъ порождавшими—съ существовавшими въ морской средѣ или у отдѣльныхъ людей правильными или ошибочными идеями о подготовкѣ и о веденіи войны на морѣ—совершенно не устанавливалась. Часто не устанавливалась достаточно подробно обстановка, которая могла-бы пролить извѣстную долю свѣта

на то почему фактъ произошелъ именно такъ, а не иначе. Наконецъ — почти совершенно игнорировалась исторія развитія общихъ идей о веденіи морской войны и вліяніе различныхъ стадій этого развитія на результаты войнъ.

Въ виду этого я обратился къ изученію военно-сухопутныхъ писателей, которые уже давно стали на путь научнаго изслѣдованія военныхъ событій, и рѣшилъ сдѣлать попытку примѣнить принятый ими методъ къ разработкѣ порученнаго мнѣ курса. Главнымъ руководствомъ мнѣ послужили мысли, высказанныя профессоромъ Г. А. Лееромъ, въ особенности въ его сочиненіи «Методъ военныхъ наукъ». Согласно его указанію я началъ работать надъ изслѣдованіемъ исторіи флотовъ и морскихъ войнъ, примѣняя къ этой работѣ критико-историческій методъ. При этомъ, такъ какъ цѣль моя заключалась въ полученіи общихъ широкихъ выводовъ, то я не входилъ въ детальное разсмотрѣніе какой либо одной эпохи, или отдѣльной войны, а тѣмъ болѣе—отдѣльнаго боя. Я старался уловить лишь то общее, что всегда, при всякихъ обстоятельствахъ способствовало успѣху и отдѣлить его отъ различныхъ заблужденій.

Въ результатѣ получилась собственно не «военно-морская исторія», повѣствующая—не мудрствуя лукаво—о происшедшихъ событіяхъ, заботящаяся главнымъ образомъ о вѣрномъ изложеніи этихъ событій, а «исторія военно-морского искусства», стремящаяся въ каждомъ событіи усмотрѣть олицетвореніе извѣстной идеи, принимающая событія на вѣру, какъ они установлены въ военно-морской исторіи и уже не занимающаяся спеціально ихъ провѣркой, а лишь ихъ сопоставляющая и пользующаяся ими для широкихъ обобщеній и выводовъ. Конечно въ этотъ курсъ вошло изслѣдованіе и событій относящихся къ русскому флоту, принимая и ихъ въ той степени достовѣрности, какъ она установлена въ существующихъ сочиненіяхъ по русской военно-морской исторіи.

Сознавая все несовершенство своей работы, я всѣми силами стремился вызвать критику, какъ поставленныхъ мною себѣ цѣлей, и методовъ ихъ достиженія, такъ и достигнутыхъ

результатовъ. Къ сожалѣнію такой критики я такъ и не добился, и лишь случайныя обстоятельства ясно указали мнѣ на серьезные пробѣлы въ моей работѣ.

Годъ тому назадъ появился почтенный трудъ А. Н. Щеглова подъ заглавіемъ «Исторія военно-морского искусства», во введеніи къ которому онъ подробно излагаетъ (стр. 5 — 12) цѣль изученія военно-морской исторіи. При этомъ, говоря о необходимости извѣстнымъ образомъ систематизировать историческій матеріалъ, ибо нѣтъ никакой надобности и возможности ознакомиться со всѣми морскими войнами, происходившими въ разныя времена у различныхъ народовъ, А. Н. Щегловъ указываетъ, что принято выяснять поучительные образцы тактики и стратегіи «только тѣхъ народовъ, которые являются наиболѣе яркими представителями данной эпохи».

И вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей книгѣ А. Н. Щегловъ, не смотря на то, что курсъ его составленъ, судя по предисловію, спеціально для русскаго морского корпуса, — совершенно не касается событій, относящихся къ русскому флоту. Такъ какъ онъ нигдѣ не даетъ объясненія этому факту, то остается предположить, что онъ сдѣлалъ это именно потому, что событія относящіяся къ русскому флоту не даютъ подходящаго матеріала для курса исторіи военно-морского искусства. Между тѣмъ я, съ самаго начала своей работы надъ такимъ же курсомъ, держался противнаго мнѣнія, и ввелъ въ свой курсъ разборъ цѣлаго ряда русскихъ морскихъ сраженій. И если, несмотря на то, что этотъ курсъ дважды являлся въ литографированномъ видѣ, и на полное отсутствіе въ литературѣ такихъ курсовъ, А. Н. Щегловъ все-таки не ввелъ въ свой трудъ разбора русскихъ морскихъ сраженій, то мнѣ это показало, что значитъ взгляды на цѣли, для которыхъ должна изучаться исторія военно-морского искусства у меня и у А. Н. Щеглова различные, и вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ моемъ курсѣ, помимо различныхъ другихъ его недостатковъ, существуетъ несомнѣнный и очень важный пробѣлъ, а именно — въ немъ очень плохо разъяснена та цѣль, для которой изучается исторія военно-морского искусства и та роль, которую оно играетъ въ образованіи морского офицера. А между тѣмъ, именно ясность

пониманія цѣли каждаго изучаемаго предмета значительно содѣйствуетъ установленію *общей* для него цѣли, а значитъ и разработкѣ *общихъ* мыслей о веденіи морской войны, въ чемъ собственно и состоитъ главная задача высшаго военнаго образованія, если стать на вышеприведенную французскую точку зрѣнія при учрежденіи тамъ высшей военно-морской школы.

Вотъ почему подробному и всестороннему выясненію цѣлей, которыя преслѣдуются при изученіи того или другого предмета, слѣдуетъ придавать самое серьезное значеніе, въ особенности при организаціи столь новаго и важнаго дѣла, какъ высшее военное образованіе флота. И вотъ почему я понялъ всю важность пробѣла въ моемъ курсѣ, который я замѣтилъ лишь благодаря появленію труда А. Н. Щеглова.

Вслѣдъ за этимъ и другое обстоятельство обратило мое вниманіе на тотъ-же допущенный мною пробѣлъ, но уже съ другой точки зрѣнія.

Въ концѣ прошлаго 1908 года въ Морскомъ Корпусѣ состоялось совѣщаніе изъ преподавателей морской тактики, стратегіи и исторіи военно-морского искусства по вопросу о формѣ и объемѣ преподаванія основъ морской стратегіи. Морская стратегія, морская тактика и исторія военно-морскаго искусства по существу крѣпко связаны между собою, а потому, отъ того *какъ* преподается одна изъ этихъ наукъ, зависитъ вопросъ — *какъ слѣдуетъ* или *какъ приходится* преподавать другія. Поэтому въ вышеуказанномъ совѣщаніи поднялся вопросъ и о трудѣ А. Н. Щеглова, и было высказано сожалѣніе по поводу того, что въ немъ нѣтъ разбора фактовъ изъ исторіи русскаго флота и было установлено положеніе, что ихъ необходимо ввести въ курсъ. При этомъ нѣкоторые изъ членовъ этого совѣщанія дали объясненіе — почему до сихъ поръ событія русской морской исторіи не вошли въ курсъ исторіи военно-морского искусства въ Морскомъ Корпусѣ. Причина оказывается въ томъ, что русскій историческій матеріалъ еще никѣмъ не былъ разработанъ съ примѣненіемъ критико-историческаго метода, и что все существовавшее до сихъ поръ имѣло лишь эпизодическій характеръ. А потому работа эта представляетъ большія трудности,

для преодолѣнія которыхъ *необходимо* не только *знакомство съ архивнымъ матеріаломъ* (перво-источниками), но и большой опытъ въ работахъ этого рода. Въ заключеніе совѣщаніе постановило предложить эту работу мнѣ.

Такъ какъ еще 12 лѣтъ тому назадъ я сдѣлалъ попытку примѣненія критико-историческаго метода къ разбору цѣлаго ряда русскихъ морскихъ сраженій, и попытка эта имѣется въ изданныхъ тогда же литографированныхъ запискахъ, и такъ какъ я для этого не прибѣгалъ ни къ какимъ архивнымъ изысканіямъ, то для меня было ясно, что члены совѣщанія считаютъ мою тогдашнюю попытку неправильно поставленною и неудавшейся, но вмѣстѣ съ тѣмъ предполагаютъ, что съ тѣхъ поръ я измѣнилъ свой взглядъ на методъ и средства для такой работы и въ на тоящее время могу ее выполнить надлежащимъ образомъ. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ, то ужъ это одно обязывало меня разобраться въ моемъ пониманіи цѣли изученія и метода разработки исторіи военно-морского искусства, и опять мнѣ стало ясно, что существуетъ у меня и у членовъ совѣщанія какая то разница во взглядахъ на эти цѣль и методъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ опять пришлось констатировать, что въ своемъ курсѣ я не обратилъ достаточнаго вниманія на этотъ важный вопросъ, потому что и самъ недостаточно въ немъ разобрался.

Съ перваго-же взгляда мнѣ показалось, что въ указаніи нѣкоторыхъ членовъ совѣщанія на особыя трудности, которыя представляетъ включеніе фактовъ изъ русской военно-морской исторіи въ курсъ исторіи военно-морского искусства, кроется какое-то недоразумѣніе.

Мнѣ какъ то никогда не приходило въ голову, что въ этомъ отношеніи можетъ существовать какая либо разница между напр. Абукирскимъ сраженіемъ и Чесменскимъ, между Минорскимъ и Гогландскимъ, или между Трафальгарскимъ и Аѳонскимъ.

Мнѣ казалось, что разъ мы имѣемъ передъ собою ясную цѣль—для чего предметъ изучается, если мы ясно сознаемъ

какого рода мысли и выводы мы хотимъ почерпнуть изъ этого изученія, то въ чемъ-же можетъ быть разница — *гдѣ* ихъ черпать — въ иностранной или русской исторіи, и почему можетъ существовать какая-то разница въ степени глубины источниковъ, т. е. — почему событія иностранныхъ флотовъ поддаются изученію съ приложеніемъ критико-историческаго метода по печатнымъ источникамъ, а событія русскаго флота необходимо изучать для той-же цѣли по архивнымъ даннымъ, и почему безъ такой работы въ архивахъ нельзя событіями изъ русской морской исторіи иллюстрировать тѣ мысли, которыя мы иллюстрируемъ войнами на морѣ другихъ государствъ?

Или, быть можетъ, тѣ, которые ощущаютъ эту разницу, изучаютъ исторію иностранныхъ флотовъ по архивнымъ даннымъ? Едва-ли такое предположеніе можетъ имѣть какое либо основаніе.

Или свѣдѣнія о событіяхъ относящихся къ русскому флоту въ печатныхъ источникахъ столь скудны, что нѣтъ возможности установить — какъ именно они происходили? Такое утвержденіе было-бы просто невѣрно.

Или быть можетъ въ иностранной литературѣ уже сдѣлана работа приложенія критико-историческаго метода, напр., къ разбору иностранныхъ морскихъ сраженій, причемъ авторы такихъ работъ потому и могли это сдѣлать, что работали по архивнымъ даннымъ? Я долженъ сознаться, что такихъ работъ я не знаю. Я не знаю на иностранномъ языкѣ ни одного курса исторіи военно-морского искуства, кромѣ сочиненія: «Stenzel. Seekriegsgeschichte in ihrem wichtigsten Abschnitten mit Berücksichtigung der Seetaktik», но и то въ печати появилась всего 2 года тому назадъ (1907 г.) только первая часть этого труда, относящаяся почти исключительно къ древнему періоду, и то къ незначительной лишь его части — персидскимъ войнамъ и пелопонезской войнѣ, — и въ своихъ многочисленныхъ ссылкахъ авторъ нигдѣ не ссылается на архивные источники.

Самый лучшій, извѣстный мнѣ, критическій разборъ цѣлаго ряда сраженій англійскаго флота, хотя и далеко не

удовлетворяющій требованіямъ критико-историческаго метода, сдѣланъ 125 лѣтъ тому назадъ Джономъ Клеркомъ, причемъ онъ съумѣлъ это сдѣлать по очень скуднымъ фактическимъ даннымъ. И могъ онъ это сдѣлать, по моему мнѣнію, только потому, что онъ совершенно ясно понималъ—*для какой цѣли* онъ дѣлалъ свою работу, а потому и находилъ и въ очень скудныхъ источникахъ соотвѣтственный матеріалъ для своихъ заключеній.

И потому, если, напр., А. Н. Щегловъ приложилъ критико-историческій методъ къ изслѣдованію исторіи иностранныхъ флотовъ и написалъ на основаніи этихъ изслѣдованій курсъ исторіи военно-морского искуства, то какъ онъ, такъ и всякій другой, имѣя въ своемъ сознаніи *ту-же цѣль*, которую онъ себѣ поставилъ, и кромѣ того, имѣя передъ глазами и *образецъ метода* его работы, тѣмъ болѣе легко могли приложить этотъ методъ по отношенію къ изслѣдованію событій относящихся къ исторіи русскаго флота.

И однако ни онъ, ни кто либо другой этого не сдѣлали, причемъ нѣкоторыми, какъ было указано выше, приводилось и объясненіе этому факту—особая трудность такой работы, вслѣдствіе необходимости работы въ архивахъ.

И я считаю, что такое разногласіе—прямое послѣдствіе того, что не достаточно еще полно и опредѣленно формулированы задачи курса исторіи военно-морского искусства.

Быть можетъ, именно благодаря тому, что я недостаточно продумалъ эти задачи, мнѣ и въ голову не пришло, что можетъ существовать какая либо разница въ степени удобопримѣнимости критико-историческаго метода къ событіямъ иностранной и русской морской исторіи, а потому я, ничтоже сумняшеся, примѣнялъ его и къ тѣмъ и другимъ, причемъ долженъ откровенно признаться—никогда ни въ какомъ архивѣ не работалъ.

Но и теперь, обсудивъ, на сколько мнѣ это оказалось по силамъ, эти задачи со всѣхъ сторонъ, я пришелъ къ убѣжденію, что, при разработкѣ курса исторіи военно-морского искусства, охватывающаго и исторію этого искусства въ русскомъ флотѣ,

нѣтъ настоятельной надобности въ архивной работѣ, и тѣмъ болѣе для разработки такого курса для морского корпуса.

Этимъ я совсѣмъ не хочу сказать, что работа въ архивахъ имѣетъ въ какомъ либо отношеніи второстепенное значеніе.

Мой курсъ исторіи военно-морского искусства составленъ безъ работы въ архивахъ.

Совсѣмъ нѣтъ. Я просто хочу указать, что именно для вышеуказанной работы нѣтъ въ ней необходимости, а кромѣ того я считаю себя обязаннымъ констатировать фактъ моей непричастности къ архивной работѣ, такъ какъ не хочу брать на себя излишняго груза учености, котораго у меня нѣтъ. Я просто еще не дошелъ до архивной работы, и считаю, что и всей моей жизни не хватитъ, чтобы разобраться въ той массѣ печатныхъ трудовъ, изъ которыхъ многіе именно и созданы на основаніи архивныхъ изысканій. Если-бы моя задача состояла въ подробномъ изслѣдованіи какой либо одной эпохи, или тѣмъ болѣе—отдѣльнаго событія, тогда—дѣло другое. Безъ изысканій въ архивахъ въ данномъ случаѣ обойтись нельзя, такъ какъ въ такой работѣ главное—это *точное*, во всѣхъ деталяхъ, *изложеніе факта*.

И хотя въ исторіи военно-морского искусства достовѣрность факта несомнѣнно имѣетъ огромное значеніе, но такъ какъ она охватываетъ огромные періоды и цѣлую массу событій у цѣлаго ряда народовъ, то очевидно, ни провѣрка всего матеріала, ни самостоятельный подборъ матеріала по первоисточникамъ, въ этомъ случаѣ совершенно немыслимы, и обращеніе къ архивнымъ изысканіямъ тутъ можетъ быть лишь чисто случайное, для выясненія какихъ либо отдѣльныхъ темныхъ мѣстъ.

Трудъ использованія „мысли и труда“ прошлаго для настоящаго долженъ быть раздѣленъ.

Изслѣдованіе-отдѣльныхъ вопросовъ относящихся къ исторіи военно морского искусства, и обобщеніе ихъ всѣхъ въ одномъ цѣломъ для полученія изъ нихъ широкихъ выводовъ—это двѣ одинаково важныя и необходимыя отрасли той-же работы—использовать для настоящаго «мысль и трудъ» прошлаго. Но разработать обѣ эти отрасли не по силамъ одному человѣку, и если бы кто либо за это взялся—работа его впередъ была-бы обречена на неудачу. Въ особенности требуетъ работы

*

многихъ людей и въ продолженіи огромнаго времени первая отрасль. А потому трудъ долженъ быть раздѣленъ, и работающіе во второй отрасли принуждены пользоваться сдѣланнымъ въ первой отрасли какъ матеріаломъ подлежащимъ лишь критической оцѣнкѣ, но не провѣркѣ, прибѣгая къ послѣдней лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Очевидно цѣнность результатовъ работъ во второй отрасли всегда будетъ зависѣть отъ того, какую цѣнность имѣетъ состояніе работъ въ первой отрасли. Чѣмъ добросовѣстнѣе отдѣльныя изслѣдованія и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ плодотворнѣе и цѣннѣе будутъ общія заключенія и выводы, и тѣмъ значитъ, въ данномъ случаѣ, будетъ совершеннѣе курсъ исторіи военно-морского искусства. Но это совсѣмъ не значитъ, что его совсѣмъ нельзя разработать, или что онъ не принесетъ никакой пользы, если въ томъ матеріалѣ, на основаніи котораго онъ составленъ, имѣются большія или меньшія погрѣшности.

Съ ними приходится мириться, такъ какъ устранить ихъ всѣ сразу и одному человѣку немыслимо. Если-бы кто нибудь вздумалъ по архивнымъ источникамъ разработать всѣ событія, на основаніи которыхъ онъ поставилъ-бы себѣ задачей составить курсъ исторіи русскаго военно-морского искусства, то безъ всякаго сомнѣнія онъ до этой послѣдней работы никогда-бы не дошелъ. А значитъ если таковой курсъ нуженъ, то надо обойтись съ имѣемымъ на лицо матеріаломъ. Вотъ я и позволяю себѣ думать, что и имѣемый въ данное время матеріалъ уже достаточенъ для включенія событій изъ исторіи русскаго флота въ общій курсъ исторіи военно-морского искусства, и не только для преподаванія въ морскомъ корпусѣ, но и въ морской академіи.

Необходимость точной формулировки задачъ изученія исторіи военно-морского искусства.

Но, какъ я уже повторялъ много разъ, для того чтобы это сдѣлать, и вообще, чтобы изученіе исторіи военно-морского искусства ближайшимъ образомъ вело къ созданію *общихъ* идей о веденіи морской войны, (см. стр. 15) необходимо точно и всесторонне формулировать задачи, которыя преслѣдуются при изученіи этого предмета.

Именно этого у меня не было сдѣлано, а потому я и рѣшилъ сдѣлать такую попытку теперь.

Въ виду важности правильнаго разрѣшенія этого вопроса для дѣла высшаго военно-морского образованія, а слѣдовательно и для флота, я рѣшилъ сдѣлать о результатахъ своей работы сообщеніе въ С.-Петербургскомъ Военно-Морскомъ кружкѣ, чтобы мнѣ могли быть указаны мои ошибки.

Начиная свою работу я рѣшилъ слѣдовать правилу высказанному графомъ Л. Толстымъ, что *при поискахъ истины не слѣдуетъ бояться куда-бы она ни привела.*

И вотъ когда, твердо придерживаясь этого правила, я закончилъ конспектъ своего доклада, нѣкоторые изъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ я пришелъ, показались мнѣ нѣсколько парадоксальными, а тѣ разсужденія, на которыхъ я ихъ обосновалъ—недостаточно ясными. Поэтому я хотѣлъ отложить свое сообщеніе на значительное время, чтобы дать работѣ вылежаться,—это полезно для всякой работы. Однако Инспекторъ классовъ морского корпуса и Предсѣдатель Военно-Морского кружка, которымъ я представилъ свой конспектъ для предварительнаго ознакомленія, нашли, что полезно обсудить эту работу теперь-же, а потому мое сообщеніе, подъ заглавіемъ «О преподаваніи военно-морской исторіи», состоялось въ общихъ засѣданіяхъ кружка 9-го и 16-го марта этого года. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ времени, пренія были очень сокращены, а потому мои разсужденія и не могли быть подвергнуты основательной провѣркѣ. Во всякомъ случаѣ и тѣ немногочисленныя замѣчанія, которыя были сдѣланы по поводу моего доклада, дали мнѣ возможность обсудить мои выводы съ новыхъ точекъ зрѣнія, и указали мнѣ на слабо и неясно аргументированныя мѣста, которыя и не могли быть поэтому надлежащимъ образомъ поняты моими слушателями.

Въ сообщеніи моемъ я разбиралъ главнымъ образомъ вопросъ о *цѣли*, для которой изучается и преподается военно-морская исторія, и почти не касался *метода* этого изученія. Присоединивъ въ настоящее время къ своей работѣ разсужденія по поводу и этого послѣдняго вопроса, заимствованныя мною главнымъ образомъ изъ сочиненія Г. А. Леера «Методъ военныхъ наукъ», я облекъ все это въ форму «Введенія въ курсъ исторіи военно-морского искусства», и рѣшилъ,

его напечатать, чтобы дать возможность ознакомиться съ этой работой широкому кругу читателей во флотѣ и подвергнуть ее всесторонней критикѣ.

Я увѣренъ, что для флота далеко не безразлично—для какой цѣли читается въ корпусѣ и въ академіи военно-морская исторія, и выбранъ-ли правильный методъ для достиженія этой цѣли? Вѣдь только ясно понимаемая цѣль и правильный методъ приведутъ къ *безспорности*, а черезъ нее и къ *общности* во флотѣ мыслей о веденіи морской войны. А въ этомъ, какъ мы видѣли выше, во флотѣ имѣется насущная потребность. Разноголосица, «анархія въ мнѣніяхъ о своемъ дѣлѣ»— это самая опасная болѣзнь современныхъ флотовъ, и въ особенности нашего, которому и безъ того очень трудно оправиться послѣ пережитаго имъ страшнаго разгрома. А потому, вполнѣ сознавая, что я могу стать на совершенно ошибочный путь, такъ какъ я могу ручаться лишь за качество своихъ намѣреній, но ни въ какомъ случаѣ за качество выполненія, и кромѣ того, такъ какъ мнѣ поручено преподаваніе исторіи военно-морского искусства въ академіи, я могу натолкнуть на этотъ ошибочный путь и другихъ, отчего произойдетъ несомнѣнный убытокъ для флота, я буду искренно признателенъ за всякія устныя, письменныя и въ особенности за печатныя замѣчанія по поводу настоящаго моего труда, имѣющаго лишь одну цѣль — принести посильную пользу флоту.

Н. Кладо.

23 Іюня
1909 года.

Введеніе въ курсъ исторіи военно-морского искусства.

Цѣль и методъ изученія и преподаванія исторіи военно-морского искусства.

При стремленіи къ истинѣ надо идти до конца и не бояться — куда-бы ни привело логическое развитіе мысли.

Графъ Л. Толстой.

ГЛАВА I.

Военныя науки, ихъ раздѣленіе и взаимная связь.

Что такое военная наука и военное искусство

Военныя науки—это группа наукъ разрабатывающая вопросы непосредственно связанные съ подготовкой и веденіемъ войны.

Военное искусство—это умѣнье при подготовкѣ и веденіи войны руководиться положеніями выработанными военными науками.

Существуютъ споры и разсужденія о томъ, можно-ли соединять слова «война» и «наука». Утверждаютъ что, напр., геометрія, физика и исторія—это науки, а, напр., стратегія и тактика — это только искусство и даже не болѣе чѣмъ ремесло.

Такіе споры и разсужденія едва-ли имѣютъ какой либо смыслъ. Ихъ возбуждаютъ обыкновенно люди, питающіе отвращеніе къ такому ужасному явленію какъ война, и которые, воспринявъ понятіе о наукѣ, какъ о чемъ-то достойномъ

высокаго уваженія, не хотятъ оказывать этого уваженія познаніямъ въ столь отвратительномъ дѣлѣ какъ война. Они какъ-бы противупоставляютъ всѣ остальныя познанія человѣка — познаніямъ военнымъ въ томъ смыслѣ, что первыя даютъ человѣчеству благо, а вторыя будто-бы неоспоримо ведутъ его только къ нанесенію себѣ вреда. Другого объясненія этого желанія, какъ-бы принизить военныя знанія, какъ и вообще это часто дѣлается по отношенію къ военному сословію, я не могу найти (*).

Но конечно согласиться съ такимъ стремленіемъ, хотя-бы и основаннымъ на благородномъ чувствѣ гуманности, никакъ

(*) Впрочемъ совсѣмъ не только одни военныя знанія не признавались за науку. По словамъ профессора Карѣева (Энцкл. Сл. Брокг. и Эфр. Т. XIII А стр. 505), даже исторія не всѣми признается за науку, и до сихъ поръ приходится слышать, что исторія даже и не можетъ сдѣлаться наукой. Защитники этого взгляда или понимаютъ слово «наука» въ какомъ либо условномъ смыслѣ, подъ который не подойдутъ тогда и многія другія науки, или требуютъ отъ исторіи такой-же точности, какую имѣютъ, напр., математика и механика. Напр., Шопенгауеръ потому отрицалъ значеніе исторіи какъ науки, что всякая наука есть система общихъ понятій, находящихся между собою въ необходимомъ подчиненіи и соподчиненіи, тогда какъ исторія занимается единичными фактами, координированными между собою чисто внѣшнимъ образомъ. На это профессоръ Карѣевъ возражаетъ, что общее опредѣленіе науки Шопенгауеромъ дано чисто условное, составленное лишь по типу наукъ извѣстной категоріи. Что-же касается до ссылки на неточность историческихъ знаній, то въ каждой научной области мы найдемъ большее или меньшее количество положеній точныхъ, рядомъ съ положеніями неточными: все дѣло лишь въ степени точности отдѣльныхъ наукъ, а не въ коренной ихъ противуположности. Исторія есть наука, потому что ставитъ себѣ, вмѣстѣ съ другими науками, одну и ту-же задачу — познаніе дѣйствительности, открытіе объективной истины, установленіе причинной или эволюціонной связи между явленіями, возведеніе отдѣльныхъ фактовъ къ общимъ началамъ, проникновеніе въ сущность законовъ, управляющихъ явленіями и т. п. . . . и для достиженія этихъ цѣлей пользуется такими-же мыслями, какими и другія науки добываютъ свои результаты. Другими словами, исторія есть наука и по своимъ задачамъ, и по своему методу. Въ сравненіи съ другими науками изслѣдующими прошлое — будетъ-ли то прошлое всей вселенной, или нашей солнечной системы, или земного шара, или наконецъ, органической жизни на поверхности земли—и неизбѣжно строящими свои выводы гипотетически, исторія имѣетъ то преимущество, что обладаетъ громаднымъ, разнообразнымъ и притомъ столь подробно и ясно говорящимъ матеріаломъ, какого нѣтъ ни у одной другой науки.

нельзя, потому что оно совершенно не обосновано. Едва-ли кто будетъ спорить противъ того, что война ужасное и отвратительное явленіе въ жизни человѣчества. Но забываютъ, что это явленіе вмѣстѣ съ тѣмъ совсѣмъ не зависитъ отъ воли человѣчества, что оно *стихійно* и наконецъ — что оно *неизбѣжно*, пока люди принуждены, существующими на землѣ условіями, къ борьбѣ за существованіе, и пока кореннымъ образомъ не измѣнится натура человѣка. Признаковъ-же таковой перемѣны мы не видимъ за все историческое время существованія человѣчества.

И если, когда таковое бѣдствіе обрушивается на ту или другую часть человѣчества, нѣтъ иныхъ выходовъ, какъ быть побѣжденнымъ или побѣдить, то отчего теорія и пріемы для подготовки и для достиженія именно второго выхода, т. е. теорія и пріемы борьбы со стихійными проявленіями массоваго насилія человѣчества, не могутъ составлять особую науку, какъ существуютъ таковыя, создавшіяся на почвѣ необходимости борьбы со стихійными проявленіями силъ природы, съ болѣзнями, съ невѣжествомъ и суевѣріями и вообще съ проявленіемъ дурныхъ инстинктовъ человѣческой природы.

По поводу разсужденій о томъ—можетъ-ли быть военное дѣло возведено на степень науки, существуетъ превосходное изреченіе Фридриха Великаго—«война есть *наука* для людей выдающихся, *искусство*—для посредственныхъ людей, и *ремесло*—для невѣждъ».

Это сказано очень мѣтко и годится для всевозможныхъ областей знанія, но конечно это еще не доказательство правильности примѣненія къ военному дѣлу слова «наука».

Для этого обратимся къ общему опредѣленію этого слова.

Вотъ что по этому поводу говоритъ философъ Владиміръ Соловьевъ (*).

Опредѣленіе слова—наука.

«Наука — въ широкомъ смыслѣ — совокупность всякихъ свѣдѣній, подвергнутыхъ нѣкоторой умственной провѣркѣ или

(*) Энциклоп. Словарь Брокгауза и Ефрона. Томъ XX А, стр. 692.

отчету и приведенныхъ въ извѣстный систематическій порядокъ, начиная отъ теологіи, метафизики, чистой математики и кончая геральдикой, нумизматикой, ученіемъ о копытѣ кавалерійскихъ лошадей».

«Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ изъ области науки исключаются, съ одной стороны, всѣ чисто—фактическія и техническія свѣдѣнія и указанія, а съ другой стороны—всѣ чисто умозрительныя построенія, и она опредѣляется какъ *объективно—достовѣрное и систематическое знаніе о дѣйствительныхъ явленіяхъ со стороны ихъ закономѣрности или неизмѣннаго порядка*».

«Существенные признаки науки какъ такой, или свойства научности сводятся къ двумъ условіямъ: 1) наибольшей провѣренности или доказательности со стороны содержанія, и 2) наибольшей систематичности со стороны формы».

«Оба эти условія ставятъ науку въ неизбѣжную связь съ философіей, какъ такою областью, въ которой 1) окончательно провѣряются понятія и принципы, безотчетно *предполагаемые* различными науками, и 2) сводятся къ всеобъемлющему единству всѣ частныя обобщенія этихъ наукъ».

«Въ самомъ дѣлѣ, математика, въ высшей степени точно и доказательно опредѣляющая всевозможныя пространственныя и числовыя отношенія, принимаетъ самыя понятія пространства и числа, какъ готовыя, безъ отчета и провѣрки; подобнымъ образомъ естественныя науки безъ доказательствъ принимаютъ бытіе матеріи и физическаго міра и постоянство естественныхъ законовъ. Съ другой стороны, если между областями всѣхъ частныхъ наукъ существуетъ связь, не входящая ни въ одну изъ научныхъ спеціальностей, то эта связь не можетъ быть опредѣлена и простымъ ихъ сложеніемъ».

«Слѣдовательно, если наука въ цѣломъ не хочетъ терять своего научнаго характера, оставаясь безъ полной доказательности своего содержанія и безъ полной систематичности своей формы, она должна ждать отъ философіи окончательныхъ принциповъ, своей достовѣрности и своего единства».

Военныя знанія—наука.

Очевидно военныя знанія подходятъ подъ опредѣленіе науки, не только въ общемъ, но и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ

этого слова. Дѣйствительно предметъ военныхъ знаній — дѣйствительныя явленія. Задача военныхъ знаній, и въ особенности, напр., исторіи военнаго искусства и стратегіи — изучить эти явленія со стороны ихъ закономѣрности или неизмѣннаго порядка. Наконецъ эти знанія, въ мѣрѣ соотвѣтствующей степени разработки первоисточниковъ, достовѣрны, а съ примѣненіемъ соотвѣтственнаго метода обработки полученнаго изъ первоисточниковъ матеріала — объективны и систематичны.

Связь науки съ искусствомъ.

Что-же касается до связи военныхъ наукъ съ военнымъ искусствомъ, то она та-же самая, что и во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія.

И вотъ что говоритъ по поводу этой связи, извѣстный соціологъ Стронинъ.

«Умѣнье предшествуетъ знанію, эмпирическое искусство предшествуетъ наукѣ. Вышедши изъ искусства, наука и оканчиваетъ искусствомъ: но то было слѣпымъ, эмпирическимъ, безсознательнымъ, — это является зрячимъ, раціональнымъ, сознающимъ себя. Начало — эмпирическое искусство, конецъ — раціональное».

Такъ конечно эволюціонировало и военное дѣло, и въ извѣстныхъ его отрасляхъ подобная эволюція происходитъ постоянно, по мѣрѣ измѣненія средствъ и обстановки войны.

Военныя науки — особый отдѣлъ соціальныхъ наукъ.

Военныя науки принадлежатъ къ циклу такъ называемыхъ, *соціальныхъ* или *общественныхъ* наукъ, т. е. такихъ, которыя изучаютъ разныя стороны жизни человѣческаго общества. Нѣкоторые считаютъ общественныя науки лишь за особый отдѣлъ *гуманитарныхъ* наукъ, изучающихъ духовную сторону жизни человѣка, и пожалуй это и правильно, такъ какъ именно эта духовная сторона служитъ основой всѣхъ проявленій общественной жизни. Другія общественныя науки — это государственныя или политическія, экономическія и юридическія, которыя изучаютъ вопросы объ устройствѣ и сношеніяхъ государствъ, о народномъ хозяйствѣ и экономической борьбѣ, о правѣ опредѣляющемъ общественныя отношенія въ государствѣ и отношенія государствъ между собою. Военныя науки отличаются отъ всѣхъ перечисленныхъ лишь тѣмъ, что они

изучаютъ вопросы, связанные съ проявленіями дѣятельности человѣческихъ обществъ по подготовкѣ средствъ на случай возникновенія вооруженной борьбы между отдѣльными государствами, и по примѣненію подготовленныхъ или импровизированныхъ таковыхъ средствъ, когда эта борьба имѣетъ мѣсто.

Соціальныя науки еще не достигли до такой степени совершенства, каковой болѣе или менѣе являются науки о природѣ (*естественныя* науки), а тѣмъ болѣе — науки *математическія*. Послѣднія имѣютъ дѣло съ самыми простыми явленіями (величинами), обладаютъ самыми точными выводами и къ нимъ легче примѣнимы самые точные пріемы изслѣдованія. Естественныя науки, хотя имѣютъ уже дѣло съ явленіями природы, т. е. съ явленіями гораздо болѣ сложными, и менѣе богаты точными выводами (хотя они и носятъ названія законовъ), сравнительно съ математикой, но за то при ихъ изученіи въ широкой мѣрѣ приложимъ такой превосходный пріемъ изслѣдованія — какъ *опытъ*, который даетъ возможность по произволу мѣнять условія, въ которыхъ протекаетъ то или другое явленіе.

Соціальныя-же науки имѣютъ дѣло съ самыми сложными явленіями, математическихъ пріемовъ онѣ не допускаютъ и опытомъ при ихъ изученіи можно пользоваться лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Нельзя, напр., какъ это дѣлается при изслѣдованіяхъ въ области естественныхъ наукъ, воспроизвести или видоизмѣнить какое либо явленіе, а можно только его наблюдать. Въ особенности это трудно въ военной отрасли соціальныхъ наукъ, потому что, напр., во время маневровъ, которые и изображаютъ въ данномъ случаѣ доступный наиболѣе полный опытъ, можно воспроизвести только подготовку и обстановку явленія, напр. боя, но не самый бой, и отсутствующая при этомъ «опасность для жизни» совершенно устраняетъ изъ нихъ самый важный элементъ — духовный (*). Вслѣдствіе такихъ различій по существу, вышеперечисленныя группы наукъ проходили далеко неравномѣрно различныя

(*) Лееръ. Методъ военныхъ наукъ. Стр. 64 и 65.

стадіи, которыя имѣютъ мѣсто во всѣхъ областяхъ человѣческаго развитія т. е. стадію предварительную — теологическую (олицетвореніе природы) и переходную — метафизическую (исканіе общей сущности), чтобы перейти въ окончательную стадію — позитивную (научное обобщеніе безспорнаго и вполнѣ достовѣрнаго фактическаго матеріала).

Стадіи развитія человѣческихъ познаній.

По Конту (*), умственное развитіе человѣчества (какъ и отдѣльнаго нормальнаго человѣка) въ его различныхъ возрастахъ послѣдовательно проходитъ черезъ три общія состоянія: въ первомъ — *теологическомъ* — человѣкъ, въ силу преобладающаго здѣсь воображенія, представляетъ весь міръ явленій по аналогіи со своею собственной дѣятельностью; онъ олицетворяетъ предметы и явленія природы, видитъ въ нихъ произвольныя дѣйствія индивидуальныхъ существъ или боговъ.

Во второмъ состояніи — метафизическомъ, гдѣ преобладаетъ *отвлеченное*, формальное *мышленіе* — воображаемые боги вытѣсняются понятіемъ общихъ сущностей, первопричинъ и цѣлей, къ которымъ сводятся отдѣльныя явленія.

Третье, *позитивное* состояніе ума выражается въ *научномъ мышленіи*, здѣсь вымыслы теологіи и метафизическія отвлеченности замѣняются познаніемъ дѣйствительныхъ законовъ природы, т. е. постоянной фактической связи наблюдаемыхъ явленій въ ихъ сосуществованіи и послѣдовательности. Связь между всѣми науками, какъ это дѣлала въ первыхъ двухъ стадіяхъ теологія и метафизика, — въ окончательной стадіи ставитъ себѣ задачей *позитивная философія*, которую и создалъ Контъ. Онъ опредѣлялъ ее какъ *обобщенный и приведенный въ систему здравый* смыслъ.

Характеристика позитивнаго познанія.

Ея характерныя черты, въ отличіе отъ теологіи и метафизики, суть:

1) *объективность*, такъ какъ она подчиняетъ мышленіе его предмету, а не наоборотъ; 2) *реальность*, такъ какъ самый предметъ ея есть всегда наблюдаемый фактъ, а не

(*) Вл. Соловьевъ. Энцкл. Сл. Бр. и Эфр. Томъ XVI стр. 124 — 127.

вымыселъ воображенія или логическій абстрактъ, 3) *достовѣрность*, такъ какъ всѣ утвержденія позитивной философіи, относясь къ фактамъ, всегда могутъ быть провѣрены фактически; 4) *точность*, такъ какъ математика, будучи основой всей системы (*), всегда остается нормою истиннаго познанія; 5) *органичность*, такъ какъ эта философія не противупоставляетъ своихъ идей дѣйствительной жизни — какъ это дѣлаетъ метафизика въ своихъ безусловныхъ требованіяхъ, критически разлагающихъ и разрушающихъ дѣйствительность, — а смотритъ на себя какъ на органическій продуктъ, естественное продолженіе или восполненіе дѣйствительнаго хода вещей; 6) *относительность*, поскольку всѣ явленія познаются здѣсь не въ своей абсолютной сущности, недоступной человѣческому уму, а въ своемъ дѣйствительномъ отношеніи къ нашему организму и взаимоотношеніи между собой; наконецъ, 7) *полезность*; въ то время какъ вымышленные предметы и пустыя абстракціи по необходимости остаются безплодными, положительное познаніе явленій въ ихъ дѣйствительной связи *позволяетъ* намъ *предвидѣть событія* и до нѣкоторой степени распоряжаться силами природы.

Вотъ почему позитивная стадія, по мнѣнію Конта, представляетъ изъ себя *окончательное* состояніе человѣческаго ума, тогда какъ теологическая имѣетъ лишь *предварительное*, а метафизическая — лишь *переходное* значеніе.

Въ общей исторіи человѣчества, каждая изъ этихъ стадій представляетъ сложный процессъ развитія, въ которомъ различаются отдѣльные періоды или фазисы. Такъ напр., теоло-

---

(*) Позитивная философія раздѣляетъ науки въ порядкѣ убывающей общности и простоты, или возрастающей спецификаціи и сложности. Такимъ образомъ, начиная съ самой общей или широкой по объему и простой по содержанію науки — математики, Контъ отмѣчаетъ шесть главныхъ ступеней, которымъ соотвѣтствуетъ шесть главныхъ наукъ: математика, астрономія, физика, химія, біологія и соціологія — наука о законахъ, управляющихъ общественными явленіями. При дальнѣйшемъ расчлененіи этихъ наукъ онъ руководится еще двумя относительными точками зрѣнія: противуположеніемъ 1) между абстрактнымъ и конкретнымъ и 2) между пребываніемъ и измѣненіемъ, или статическою и динамическою сторонами явленій.

гическое состояніе, начавшись съ *фетишизма*, т. е. съ признанія всѣхъ предметовъ одушевленными, перешло къ *политеизму* (многобожію), и завершилось *монотеизмомъ* (однобожіемъ).

Конецъ теологической стадіи былъ подготовленъ борьбою между духовною и свѣтскою властью, тою дѣятельностью ума, которую собственно самъ монотеизмъ и возбудилъ (ереси), и возникновеніемъ самостоятельнаго естествознанія.

Въ этомъ уже заключалось начало позитивной стадіи, но для полнаго перехода человѣчеству необходимо было пережить *критическую* или *метафизическую* стадію, рѣшительно выраженную въ протестантствѣ, продолженную деизмомъ (*), и достигшую кульминаціоннаго своего пункта во французской революціи, которая, по мнѣнію Конта, была совершена «метафизиками», и въ этомъ и причина ея крушенія.

Преобразованіе цивилизаціи въ позитивномъ смыслѣ въ особенности обусловлено развитіемъ промышленности и науки, на которыхъ основана организація управленія въ нормальномъ обществѣ. Въ теологической стадіи свѣтская власть принадлежитъ военнымъ, а духовная — жрецамъ; въ метафизической стадіи главное значеніе въ практическихъ дѣлахъ переходитъ отъ военныхъ къ законникамъ и юристамъ, потомъ — спеціально къ адвокатамъ, а въ дѣлахъ духовныхъ — отъ священниковъ къ отвлеченнымъ мыслителямъ (метафизикамъ), потомъ — къ литераторамъ и публицистамъ. Въ обществѣ, основанномъ на позитивныхъ началахъ, руководство практическими дѣлами и матеріальными интересами должно принадлежать промышленному классу (банкирамъ, торговцамъ, ремесленникамъ и земледѣльцамъ), а нравственный авторитетъ долженъ представляться учеными, точнѣе — позитивными

(*) Деизмъ—*естественная* религія—противупоставляется теизму т. е. вѣрѣ въ личнаго Бога и въ существованіе Промысла. Деисты критикуютъ откровеніе, съ точки зрѣнія разума, или здраваго смысла, общаго всѣмъ людямъ. Существованіе Бога, по ихъ мнѣнію (Шерберп), очевидно изъ разсмотрѣнія, какъ природы, такъ и человѣческаго сознанія. Они защищали право свободной мысли въ религіи. Ж. Ж. Руссо видѣлъ въ религіи проявленіе чувства, а не разума, и считалъ вѣру въ Бога и промыселъ возможными безъ всякаго откровенія и культа.

философами, какъ выражающими высшую, окончательную степень въ духовномъ развитіи человѣчества.

И вотъ позитивнаго состоянія различныя науки достигаютъ только постепенно и очень неравномѣрно. Ранѣе всѣхъ другихъ положительною наукою стала математика, какъ наука, стоящая во главѣ вышеуказанной классификаціи наукъ по ихъ общности и простотѣ. Въ математикѣ только символика чиселъ и пиѳагорейская идея числа напоминаютъ пережитыя стадіи. За нею послѣдовала астрономія, приведенная въ положительное состояніе Коперникомъ и Кеплеромъ, хотя послѣдній еще вѣрилъ въ звѣздныхъ духовъ и занимался астрологіей. Въ XVII вѣкѣ, благодаря Декарту и Галилею, позитивной наукой стала физика, хотя еще до сихъ поръ въ ней находятъ себѣ мѣсто метафизическія идеи о такихъ сущностяхъ какъ теплородъ, эфиръ и т. п. Химія, послѣ долгаго періода алхимическихъ бредней, вошла въ позитивную стадію только въ концѣ XVIII вѣка (Лавуазье), но и до сихъ поръ находится еще въ крайне несовершенномъ эмпирическомъ состояніи. Въ біологіи, не смотря на обиліе фактическихъ изслѣдованій, научный духъ до сихъ поръ еще не изгналъ метафизической идеи жизненной силы.

Послѣднее и главное торжество позитивной философіи состоитъ въ созданіи соціологіи, т. е. въ сообщеніи научнаго характера общественнымъ и политическимъ доктринамъ, которыя до сихъ поръ составляютъ излюбленное поприще метафизиковъ.

Чѣмъ вызывается сравнительное несовершенство соціальныхъ наукъ.

Значитъ, сравнительное несовершенство состоянія соціальныхъ наукъ, вызывается, помимо большей сложности соціальныхъ явленій, еще и болѣе долговременнымъ подчиненіемъ метафизическимъ умозрѣніямъ, и сравнительной недавностью систематической разработки ихъ методологіи. Кромѣ того понятно, что именно на нихъ вліяли гораздо сильнѣе различные практическіе интересы (напр. на экономическія и юридическія науки), партійныя (науки объ устройствѣ государства) и національныя (международное право) страсти, вѣроисповѣдныя, сословныя и т. п. традиціи, предразсудки и предубѣжденія.

Все это отразилось въ большей или меньшей степени и на военныхъ наукахъ.

Теологическая и метафизическая стадіи военной науки.

Можетъ явиться вопросъ — какъ можетъ военная наука пребывать въ теологической или метафизической стадіи? А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ — это вполнѣ возможно. Стоитъ только припомнить періоды появленія всякаго новаго оружія. Въ каждый изъ такихъ періодовъ, вопреки здравому смыслу, несмотря на противорѣчіе съ дѣйствительностью, изъ новаго оружія создается идолъ, которому поклоняются съ неменьшимъ рвеніемъ, чѣмъ въ былыя времена поклонялись лунѣ и солнцу. Изъ этого поклоненія вытекали совершенно абстрактныя, не имѣвшія никакихъ корней въ дѣйствительности, военныя теоріи, которымъ подчинялись и кораблестроеніе и тактика. И много проходило времени, пока идолъ ставился на присущее ему скромное мѣсто—одного изъ средствъ войны въ ряду другихъ, и взбаламученная имъ отрасль военной науки переходила въ позитивную стадію т. е. въ разумную связь съ дѣйствительностью.

Что нужно исключить изъ области военной науки.

Возвращаясь къ опредѣленію науки, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (стр. 26), изъ различныхъ знаній, относящихся къ военному дѣлу, надо исключить всѣ чисто—фактическія и техническія свѣдѣнія, а также всѣ чисто умозрительныя построенія (метафизику). Все это можетъ служить лишь какъ положительный или отрицательный матеріалъ для военной науки, которая представляетъ изъ себя объективно-достовѣрное и систематическое знаніе о военныхъ явленіяхъ со стороны ихъ закономѣрности или неизмѣннаго порядка.

Поэтому, напр., артиллерія, минное дѣло, фортификація, кораблестроеніе, гиппологія и т. п...—вообще всѣ познанія о *матеріальныхъ* средствахъ войны, не подходятъ подъ это опредѣленіе. Съ другой стороны всѣ эти области познаній не имѣютъ ничего общаго съ соціальными науками, и представляютъ изъ себя извѣстные конгломераты изъ различныхъ математическихъ и естественныхъ познаній, подобранныхъ съ опредѣленной цѣлью— руководствуясь требованіями обстановки войны данной эпохи, разработать теорію и практику созданія и *техническаго* примѣненія всѣхъ военныхъ средствъ.

Техническое примѣненіе я употребляю въ смыслѣ противупоставленія его *военному* примѣненію. Напр., умѣть обра-

щаться съ пушкой и стрѣлять изъ нея, т. е. попадать въ цѣль, принимая во вниманіе различныя физическія явленія, напр., вѣтеръ, состояніе атмосферы, качку, движеніе и т. п... — это техническое ея примѣненіе. А, напр., *выборъ* цѣли, умѣнье сообразоваться съ психическимъ состояніемъ людей управляющихъ пушкой во время боя — это военное примѣненіе пушки. Такимъ образомъ изъ всей массы познаній, необходимыхъ для веденія войны, выдѣляется одна группа, имѣющая задачей изслѣдованіе военныхъ явленій въ человѣческомъ обществѣ въ смыслѣ ихъ цѣлесообразности, закономѣрности или неизмѣннаго порядка, причемъ вопросы по военной техникѣ затрагиваются лишь по стольку, по скольку надо изслѣдовать способность использовать эту технику при подготовкѣ къ войнѣ и во время войны.

Область военной науки.

Эту группу познаній, обнимающую собою одну изъ сторонъ общественной жизни человѣка (въ предвидѣніи и въ состояніи вооруженной борьбы) ставящихъ себѣ одной изъ главнѣйшихъ цѣлей изученіе духовной стороны человѣка при проявленіи этой стороны общественной жизни, можно значитъ отнести къ области соціальныхъ и гуманитарныхъ наукъ, и именно эту группу и слѣдуетъ понимать подъ *военными науками* (*), въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Таковыми являются военная исторія (**), или вѣрнѣе исторія военнаго искусства, стратегія, тактика и военная организація (***).

(*) Иначе еще можно опредѣлить эту группу, какъ науки о военныхъ цѣляхъ (военная политика) и о веденіи войны.

(**) Конечно только при отрѣшеніи отъ чисто описательнаго характера, ибо иначе она не подойдетъ подъ принятое здѣсь опредѣленіе науки. Лееръ (методъ военныхъ наукъ, стр. 65) говоритъ: «къ сожалѣнію военная исторія сохраняетъ и по настоящее время—1894 г.—характеръ преимущественно *описательный* и *литературный*, но далеко не *научный*. Обратить военную исторію въ науку—это задача еще будущаго».

(***) Подъ военной организаціей здѣсь подразумѣвается наука, занимающаяся вопросами цѣлесообразнаго распредѣленія различныхъ задачъ военнаго дѣла между равличными органами и устройствомъ этихъ органовъ.

Хотя подъ военной администраціей и подразумѣваютъ науку, занимающуюся законами устройства и существованія военной силы, но на дѣлѣ часто

Наибольшее обобщеніе со стороны своей причинности, цѣлесообразности и закономѣрности военныя явленія получаютъ въ стратегіи, которую совершенно справедливо называютъ иногда «философіей военнаго дѣла (*)». **Стратегія-философія военнаго дѣла.**

Именно стратегія изслѣдуетъ основной вопросъ о сущности войны какъ явленія, и на основаніи этого устанавливаетъ истины, служащія основоначалами, изъ которыхъ исходятъ всѣ остальныя военныя науки (**). Въ результатѣ она снабжаетъ ихъ отправными истинами—*принципами*, на которыхъ должна быть основана вся ихъ дѣятельность, указываетъ имъ цѣли и даетъ имъ указанія—*почему*, *что*, *гдѣ* и *когда* должно быть предпринято, т. е. даетъ имъ *общій планъ* мѣропріятій, выясняя сущность каждаго изъ нихъ и взаимную ихъ связь. Воспринявъ эти указанія отъ стратегіи, соотвѣтствующія военныя науки занимаются изслѣдованіемъ вопросовъ—*какъ* выполнить указанныя мѣропріятія на дѣлѣ.

въ ней отсутствуетъ тотъ ея отдѣлъ, который изслѣдуетъ сущность дѣла т. е. заключающій въ себѣ выводъ вышеупомянутыхъ законовъ и обоснованіе на нихъ различныхъ отраслей администраціи—комплектованія военной силы, устройства военныхъ управленій и воинскихъ частей, прохожденія службы, хозяйства, высшаго командованія и т. п. и нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ переносятся въ стратегію. А тогда въ военной администраціи остается часть почти только описательная и въ этомъ случаѣ она уже никакъ не подходитъ подъ принятое здѣсь опредѣленіе науки. Поэтому здѣсь и принято другое названіе—военная организація. Въ Германіи, Австріи и Франціи подъ военной администраціей разумѣютъ лишь отдѣлъ о военномъ хозяйствѣ, а совокупность прочихъ отдѣловъ обыкновенно называютъ: Heerwesen, Heeres—Organisation, Legislation (законодательство) militaire.

(*) Философія есть *свободное* изслѣдованіе основныхъ проблемъ бытія, человѣческаго познанія, дѣятельности и красоты. Это наука, которая имѣетъ задачей установленіе первыхъ или основныхъ истинъ т. е. истинъ, служащихъ основоначалами или принципами для прочихъ истинъ. Такимъ образомъ философія есть наука, имѣющая предметомъ истины *общія* всѣмъ частнымъ наукамъ. Философія твердо стоитъ на *идеѣ единства науки*. Осуществляетъ она эту идею не черезъ формальное, внѣшнее, энциклопедическое сочетаніе наукъ, которое, какъ таковое, не вноситъ въ нихъ никакой внутренней связности, но черезъ систематическое подведеніе всей области познанія подъ единство основоначала (Э. Радловъ и Н. Дебольскій. Энцкл. Сл. Брокгз. и Эфр., Томъ XXXV *A* стр. 822—835).

(*) Какъ наука, философія установляетъ свои истины путемъ изслѣдованія и доказательства т. е. на разумныхъ основаніяхъ, а не на основаніяхъ

*

Соотношеніе между задачами стратегіи и задачами другихъ военныхъ наукъ.

Иначе говоря, задача стратегіи—это разрабатывать планъ подготовки къ войнѣ и ея веденія, поддерживая его все время въ соотвѣтствіи съ обстановкой, т. е. съ географическимъ, этнографическимъ и экономическимъ положеніемъ и внутренней и внѣшней политикой какъ своего государства, такъ и возможныхъ его противниковъ, союзниковъ и нейтральныхъ, и съ ихъ мѣропріятіями.

Задача другихъ наукъ,—руководствуясь этимъ, выполнить соотвѣтственныя части плана.

Такъ, напр., стратегія, выяснивши цѣли, къ достиженію которыхъ нужно стремиться при различныхъ комбинаціяхъ возможныхъ вооруженныхъ столкновеній, указанныхъ ей въ свою очередь политикой, должна опредѣлить мощность и характеръ различныхъ отраслей военныхъ силъ государства, должна указать — какъ эти силы должны быть распредѣлены, — какіе должны быть созданы для нихъ ресурсы, на какихъ основахъ должно быть организовано управленіе военными силами и ихъ ресурсами. Въ частности, послѣ того какъ война уже началась, стратегія, въ зависимости отъ исходнаго распредѣленія своихъ силъ и предполагаемаго непріятельскаго, указываетъ, какія должны быть сдѣланы передвиженія силъ и желательное мѣсто и время первыхъ столкновеній.

Въ дальнѣйшихъ подобныхъ своихъ указаніяхъ стратегія считается съ результатами каждаго столкновенія, съ каждымъ новымъ извѣстіемъ о непріятелѣ, съ событіями внѣшней и внутренней политики. При всемъ этомъ она стремится направить всѣ дѣйствія къ достиженію намѣченной ею главной цѣли для данной войны, но только до тѣхъ поръ, пока эта цѣль достижима и полезна. Въ противномъ случаѣ, руковод-

---

почерпнутыхъ изъ потребностей вѣры, чувства или чужого авторитета. Конечно мыслимо, что въ результатѣ философскаго изслѣдованія окажется невозможность установленія первыхъ истинъ иначе какъ сверхразумнымъ путемъ—но и этотъ результатъ долженъ быть для философіи доказаннымъ выводомъ, а не произвольнымъ положеніямъ, т. е. своего рода разумно-обоснованною первою истиною (Н. Дебольскій).

ствуясь оцѣнкой вышеуказанныхъ обстоятельствъ, мѣняется и главная цѣль, и всѣ дальнѣйшія указанія стратегіи уже приспосабливаются къ этой новой цѣли. Однимъ словомъ стратегія, направляя въ мирное время подготовку вооруженныхъ силъ, а во время войны ихъ дѣйствія, согласно съ выработанными ею научными истинами, постоянно считается съ обстановкой, вслѣдствіе чего результаты практическихъ приложеній этихъ истинъ являются наиболѣе плодотворными.

Задачи организаціи.

Получивъ соотвѣтственныя указанія отъ стратегіи, *организація* указываетъ *какъ долженъ быть распредѣленъ и организованъ трудъ исполненія* этихъ указаній между различными учрежденіями (управленіями и войсковыми частями). Въ свою очередь каждая изъ отраслей военнаго дѣла (артиллерія, инженерное дѣло, кораблестроеніе и т. п.), и каждое учрежденіе служащее военному дѣлу (генеральный штабъ, крѣпость, эскадра, полкъ и т. п.) поставленныя на свое мѣсто и получившія соотвѣтственную организацію, указываютъ *какъ именно должны быть выполнены* указанія стратегіи.

Задачи тактики.

Въ свою очередь *тактика*, воспринявъ отъ стратегіи, вытекающія изъ сущности войны, основы военныхъ дѣйствій, и получивъ отъ организаціи соотвѣтственные формы, въ видѣ извѣстнымъ образомъ скомбинированныхъ людей, боевыхъ средствъ и источниковъ ихъ пополненія, указываетъ—*какъ* должны производиться тѣ боевыя дѣйствія, которыя указываетъ стратегія.

Всѣ военныя науки и отрасли военнаго дѣла крѣпко связаны между собою.

Конечно всѣ военныя науки и отрасли военнаго дѣла находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Напр., тактика, хотя и получаетъ свои основы отъ стратегіи, а формы, въ которыхъ она примѣняетъ на дѣлѣ эти основы—отъ организаціи, но именно она, соприкасаясь непосредственно съ военными явленіями, даетъ стратегіи матеріалъ для изученія сущности войны и организаціи—для соотвѣтственнаго устройства учрежденій служащихъ военному дѣлу.

Она беретъ, напр., отъ артиллеріи пушку, соотвѣтствующую опредѣленному состоянію артиллерійской техники, и именно она указываетъ этой техникѣ цѣли для ея дѣятель-

ности въ видѣ опредѣленныхъ тактическихъ требованій къ пушкѣ, и даетъ ей наиболѣе цѣнныя указанія, вытекающія изъ опыта примѣненія пушки въ бою.

Всѣ военныя науки и отрасли военнаго дѣла объединяются въ своемъ первоисточникѣ—въ сущности войны, какъ явленіи, а значитъ и въ той наукѣ, которая занимается изслѣдованіемъ этой сущности, т. е. въ стратегіи.

Главный источникъ военныхъ наукъ — военная исторія.

Но для того, чтобы изслѣдовать сущность войны, надо ее наблюдать. И вотъ тутъ и приходится считаться съ серьезнымъ недостаткомъ соціальныхъ наукъ вообще, а военныхъ въ особенности,—съ огромной трудностью наблюдались тѣ явленія, которыя служатъ предметомъ ихъ изслѣдованія. Дѣйствительно, рѣдко кому приходится участвовать въ рядѣ войнъ, а въ особенности теперь, когда и самыя войны очень рѣдки. Да и наблюденіе во время войны далеко не легко. Прежде всего люди такъ заняты важнымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ, что имъ часто и не до наблюденій, а тѣмъ болѣе—не до размышленій и выводовъ, которые требуютъ покойнаго состоянія духа. Затѣмъ, чтобы наблюденіе имѣло дѣйствительную цѣну, надо очень ясно знать и понимать ту обстановку въ которой происходитъ явленіе, а это доступно лишь отдѣльнымъ стоящимъ во главѣ лицамъ, да и то не въ полной мѣрѣ, такъ какъ то, что происходитъ у противника и для нихъ въ значительной мѣрѣ темно. Неполное-же наблюденіе, лишь небольшой части явленія, да еще въ столь тяжелой обстановкѣ, вліяющей сильно на психику, можетъ привести къ впечатлѣнію и выводу совершенно невѣрному. Напр., чтобы получить болѣе или менѣе вѣрное описаніе боя, надо соединить и сопоставить показанія многихъ его участниковъ.

Поэтому главный источникъ военныхъ наукъ—это военная исторія.

При этомъ особенно важно для нихъ извлечь изъ исторіи именно тѣ положенія, которыя выясняютъ сущность военныхъ явленій, которыя лежатъ въ основѣ этихъ явленій, внѣ той обстановки въ которой эти явленія происходили, и которыя слѣдовательно могутъ быть приложены ко всякой обстановкѣ, а значитъ и къ современной.

Вотъ обработку военно-историческаго матеріала въ этомъ направленіи и беретъ на себя исторія военнаго искусства.

Задача исторіи военнаго искусства.

Если матеріаломъ для такой обработки служатъ только событія связанныя съ войнами на морѣ, то такая наука называется исторіей военно-морского искусства.

Вообще каждая изъ военныхъ наукъ раздѣляется на два крупныхъ отдѣла—военно-сухопутный и военно-морской.

Раздѣленіе военныхъ наукъ на сухопутныя и морскія.

Въ этомъ не было-бы надобности, если-бы науки эти не были столь обширны, и не прилагались-бы въ столь различной по существу обстановкѣ, какъ на сушѣ и морѣ, что вызываетъ употребленіе столь различныхъ органовъ для борьбы какъ, напр., полкъ и корабль.

Конечно въ тѣхъ своихъ частяхъ, въ которыхъ изслѣдуется сущность военныхъ явленій и отношеніе человѣка къ военнымъ явленіямъ, а также вліяніе этихъ явленій на человѣка, изъ чего и выводятся законы, управляющіе военными явленіями, сухопутные и морскіе отдѣлы военныхъ наукъ могутъ быть совершенно тожественны, такъ какъ и военныя явленія и человѣкъ по сущности своей одинаковы, въ какой-бы обстановкѣ они не происходили и дѣйствовали.

Но какъ только дѣло коснется до *приложенія* законовъ войны къ обстановкѣ сухопутной и морской и до выработки средствъ для веденія сухопутной и морской войны, такъ разница является столь большой, что какъ стратегія и тактика, такъ и организація должны раздѣлиться на особые отдѣлы—сухопутный и морской. Помимо этого—почти нельзя себѣ представить изслѣдователя одинаково хорошо знакомаго со столь разными обстановками и средствами—каковыя имѣютъ мѣсто въ сухопутной и морской войнѣ, а потому поневолѣ эти отдѣлы сами собой складываются въ особыя науки. Изъ за этого раздѣленіе поднимается и въ принципіальныя части военныхъ наукъ, о которыхъ выше было упомянуто, что они могли-бы быть совершенно тожественными. Дѣйствительно вѣдь нельзя изслѣдовать, напр., сущность войны какъ явленія только съ помощью совершенно абстрактныхъ разсужденій—надо постоянно обращаться къ различнымъ военнымъ явленіямъ.

Очевидно, въ зависимости отъ спеціальности изслѣдователя, одинъ охотнѣе будетъ обращаться къ изслѣдованію фактовъ изъ сухопутныхъ войнъ, а другой—морскихъ, уже просто потому, что въ однихъ ему легче разобраться, чѣмъ въ другихъ.

Тѣмъ болѣе это еще важно для того круга читателей, для котораго предназначается изслѣдованіе

Вотъ почему вполнѣ естественно одновременное существованіе отдѣльныхъ военныхъ наукъ—сухопутныхъ и морскихъ. При этомъ сухопутно-военныя науки принято называть, для сокращенія, просто стратегіей, тактикой, военной исторіей, исторіей военнаго искусства, военной организаціей—а военно-морскія—морской стратегіей, морской тактикой, военно-морской исторіей, исторіей военно-морского искусства и военно-морской организаціей.

Сухопутныя и морскія военныя науки едины по существу и цѣли.

Однако это раздѣленіе, которое можетъ быть оправдано вышеуказанными причинами, отнюдь не должно нарушать ихъ единства и чисто органической, а не внѣшней только связи. Военныя науки едины по существу и цѣли, и по главенствующему въ нихъ элементу—человѣку, а различаются только по средствамъ и по обстановкѣ приложенія этихъ средствъ.

Къ сожалѣнію печальная отчужденность военно-сухопутнаго и морского сословія раздѣлила и военныя науки гораздо больше, чѣмъ то вызывается различіемъ средствъ и обстановки, и въ этой отчужденности часто упускается ихъ органическая связь и единство.

Эта отчужденность—огромный вредъ для военнаго успѣха, т. е. для того, для чего собственно и существуетъ все военное дѣло, и съ нею необходимо бороться всѣми мѣрами.

Какъ бороться съ чрезмѣрной отчужденностью сухопутныхъ военныхъ наукъ отъ морскихъ.

Военная наука должна принять въ этой борьбѣ участіе тѣмъ, что она должна самымъ тщательнымъ образомъ выяснять существующія между сухопутными и морскими военными науками органическую связь и единство, она должна опредѣленно выдѣлить тѣ причины, которыя могутъ оправдывать ихъ раздѣленіе, и указать, что эти причины чисто внѣшнія. Наконецъ она должна, по мѣрѣ силъ и подготовки изслѣдователя, вводить въ сухопутно-военныя науки параллельныя

изслѣдованія морскихъ явленій и обратно, хотя-бы въ той мѣрѣ, чтобы ясно показать, что основные законы подготовки и веденія войны на сушѣ и на морѣ одни и тѣ-же, и что эти законы могутъ быть примѣнены и къ сухопутной войнѣ, если они выведены изъ изученія морской и наоборотъ.

Твердое внѣдреніе этого понятія должно входить въ программу всякаго военнаго образованія, въ особенности высшаго.

Для этого, гдѣ это возможно и въ средне-учебныхъ военныхъ заведеніяхъ, а въ высшихъ — академіяхъ — обязательно, параллельно съ подробными курсами военныхъ наукъ относящихся къ своей спеціальности, долженъ читаться, хотя бы и въ сжатомъ видѣ, въ сухопутныхъ — курсъ объясняющій обстановку морской войны и дающій примѣры приложенія общихъ законовъ войны къ морской обстановкѣ, и обратно.

Именно этимъ путемъ будетъ пробита серьезная брешь въ опасной для военнаго успѣха отчужденности различныхъ родовъ оружія между собою. Дальнѣйшее сдѣлаютъ совмѣстные маневры и лучше всего конечно сама война—боевое товарищество. Но для такого товарищества должна быть подготовлена почва,— иначе результатъ совмѣстныхъ дѣйствій на войнѣ можетъ оказаться совсѣмъ другой—взаимное раздраженіе. Примѣровъ этого сколько угодно дала именно наша послѣдняя несчастная война съ Японіей.

Породило эти случаи взаимное недовѣріе, а недовѣріе это выросло изъ взаимнаго незнанія и непониманія.

Армія и флотъ вмѣсто того, чтобы руководиться завѣтами Великаго Петра, который сказалъ, что «всякій потентатъ, который едино войско сухопутное имѣетъ, одну руку имѣетъ, а который и флотъ имѣетъ—обѣ руки имѣетъ», и дѣйствовать какъ двѣ руки одного человѣка вполнѣ согласованно къ достиженію общей цѣли, часто слѣдуютъ завѣту, хотя и евангельскому, но совершенно не для подобныхъ случаевъ предназначенному—«да не вѣдаетъ правая рука, что творитъ лѣвая».

Извѣстно, что слабая сторона всякой союзной силы лежитъ въ отсутствіи взаимнаго довѣрія, и какъ слѣдствіе этого—въ отсутствіи согласованности дѣйствій. Армія и флотъ—это тоже

союзники, но только союзники естественные, нераздѣльные и вѣчные. Разойтись имъ нельзя никогда, и въ этомъ сознаніи, имъ надо изучать другъ друга, чтобы научиться другъ другу довѣрять. Идеаломъ имъ слѣдуетъ поставить себѣ Великаго Петра, въ которомъ сухопутный военный крѣпко слился съ морякомъ.

Задача военной науки— создать единство военной мысли.

А понимать другъ друга, не только армія и флотъ, но вообще всѣ люди причастные къ военному дѣлу, будутъ только тогда, когда у нихъ будутъ общія — единыя мысли о веденіи войны.

И вотъ въ созданіи этой *общности — единства военной мысли* огромную роль играетъ военная наука. Вѣдь только тогда мысль и можетъ стать *общей*, если она всѣмъ извѣстна, и только тогда *единой* — если она всѣми принимается за истину.

А задача военной науки вѣдь въ томъ и состоитъ, чтобы вырабатывать истинныя познанія о веденіи войны и доказывать истинность этихъ познаній, и потомъ давать имъ широкое распространеніе. Этого совершенно не могутъ сдѣлать ни одинъ, ни много практическихъ дѣятелей, сколь-бы ни были они талантливы, такъ какъ работаютъ они въ самыхъ различныхъ условіяхъ, всегда находятся подъ вліяніемъ какъ этихъ условій, такъ и своей индивидуальности, возможность совмѣстныхъ повѣрокъ ихъ противуположныхъ мнѣній создается очень трудно, а потому и мысли ихъ о веденіи войны остаются очень различными.

Они только повѣряютъ положенія выработанныя наукой на практикѣ, и внося и свой опытъ въ дополненіе къ вѣковому опыту прошедшаго, уже сконцентрированному въ наукѣ, они способствуютъ совершенствованію этой науки.

А различіе въ мнѣніяхъ — это злѣйшій врагъ успѣха.

Вѣдь никто себѣ и представить не можетъ, чтобы одинъ человѣкъ могъ вполнѣ управлять всѣми отраслями военной силы государства; не можетъ онъ этого сдѣлать и по отношенію только къ одной сухопутной силѣ или морской; и даже больше — непосредственно одинъ человѣкъ не можетъ

управлять ни корпусомъ, ни эскадрой и—ни полкомъ, ни кораблемъ. Какъ-бы не было низко служебное положеніе офицера, ему въ извѣстной сферѣ дѣйствій, сплошь и рядомъ приходится рѣшать самому — какъ поступить. И предвидѣть всѣ эти случаи, оговорить ихъ въ инструкціяхъ—очевидно нѣтъ никакой возможности. И единственное средство, чтобы онъ поступилъ такъ, какъ на его мѣстѣ поступилъ-бы тотъ, отъ котораго онъ могъ-бы получить указаніе—это общность ихъ мысли о выходѣ изъ даннаго положенія.

Значитъ проявленіе личной иниціативы, безспорно качество высоко цѣнное и необходимое въ военномъ дѣлѣ, только и можетъ проявляться съ пользой при существованіи единства взглядовъ, — а для этого они должны быть истинны, — о веденіи войны.

Въ единствѣ военной мысли весь смыслъ военнаго образованія.

Въ этомъ единствѣ и весь смыслъ военнаго образованія, въ особенности высшаго. Люди съ высшимъ военнымъ образованіемъ — это опорные пункты единства мысли, разбросанные въ широкомъ просторѣ разнорѣчій общей массы, и изъ этихъ пунктовъ единство мысли и должно распространяться и пропитывать эту массу, извлекая изъ нея въ свою очередь повѣрку своей истинности и препровождая полученный матеріалъ въ военную науку, для общей его сводки.

Какъ могутъ быть созданы общія идеи о веденіи морской войны.

Въ заключеніе я позволю себѣ привести то представленіе, которое я имѣлъ и прежде и продолжаю имѣть и теперь о способѣ созданія общихъ идей о веденіи морской войны.

Вотъ что я писалъ по этому поводу въ моей книгѣ «Основы организаціи морской силы» (*).

«Первый центръ, въ которомъ должны концентрироваться эти идеи и отсюда расходиться по флоту черезъ самыхъ молодыхъ офицеровъ, это — курсы военныхъ наукъ въ учебномъ заведеніи, которое готовитъ офицеровъ».

«Въ продолженіе извѣстнаго числа лѣтъ службы полученныя свѣдѣнія провѣряются на опытѣ, обсуждаются въ каютъ-кам-

---

(*) См. «Основы организаціи морской силы». Часть I, стр. 213—221. СПБ. 1900 г., или Морской Сборникъ за 1900 г. статьи подъ тѣмъ-же заглавіемъ.

паніяхъ, перерабатываются посредствомъ чтенія, и опять сносятся въ одинъ центръ—высшую военно-морскую школу».

«Профессоры военныхъ наукъ, поставленные въ удобную береговую обстановку, имѣющіе подъ руками богатыя библіотеки, несутъ свою долю, въ видѣ теоретическихъ выводовъ и эссенціи изъ мнѣній выдающихся морскихъ авторитетовъ всѣхъ странъ; флотъ провѣряетъ эти теоретическіе выводы посредствомъ своего опыта, и въ результатѣ должно получиться нѣчто близко подходящее къ истинѣ».

«Переработанныя такимъ образомъ въ горнилѣ практическихъ умовъ теоретическія идеи, отсюда изъ этого центра, черезъ слушателей вновь расходятся по флоту».

«Такимъ образомъ, въ продолженіе ряда лѣтъ, оба эти центра, съ помощью флота, единственно для пользы котораго они и существуютъ, капля по каплѣ создаютъ науку войны на морѣ, науку единую и общую, такъ какъ въ разработкѣ ея принимало участіе все морское сословіе».

«Но даже и тогда, когда это болѣе или менѣе достигнуто, общая работа не должна ослабѣвать. Успокоеніе на лаврахъ для науки столь живой, столь близко соприкасающейся съ жизнью, будетъ началомъ конца — она быстро при такихъ условіяхъ обратится въ рутину и сдѣлается мертвой».

«Какъ сказочные богатыри, какъ герои миѳологіи, которые для совершенія новыхъ подвиговъ должны были припадать къ родившей ихъ землѣ, чтобы набраться новыхъ силъ такъ и наука морской войны должна черпать новыя силы отъ флота, который ее породилъ и для котораго она единственно и существуетъ.»

«Однако, эти два центра еще не совсѣмъ рѣшаютъ вопросъ; они все-таки окажутся не достигающими цѣли, если выработанныя ими положенія не совьютъ прочныхъ гнѣздъ въ самомъ сердцѣ флота, — въ его дѣйствующихъ эскадрахъ. Здѣсь будетъ третій центръ, и притомъ самый главный. Здѣсь общія идеи о веденіи морской войны примутъ свой окончательный видъ, подъ руководствомъ опытнѣйшихъ во флотѣ адмираловъ . . . . Здѣсь создадутся крѣпкія традиціи и опредѣленная школа».

ГЛАВА II.

Теорія и опытъ (практика) въ военномъ дѣлѣ.

«Туго проникаетъ свѣтъ тамъ, гдѣ мракъ имѣетъ много прелести».
Адмиралъ Григ. Ив. Бутаковъ «Новыя основанія пароходной тактики» стр. 184.

По принятому нами опредѣленію, наука — это объективно — достовѣрное и систематическое знаніе о дѣйствительныхъ явленіяхъ со стороны ихъ закономѣрности или неизмѣннаго порядка (стр. 26). При этомъ высшимъ состояніемъ всякаго знанія мы признали такъ называемое *позитивное* его состояніе (стр. 29), и одною изъ чертъ, которыя характеризуютъ знаніе въ этомъ состояніи, мы признали — *полезность* (стр. 30), ибо въ то время, какъ вымышленные предметы и пустыя абстракціи по необходимости остаются безплодными, положительное познаніе явленій въ ихъ дѣйствительной связи позволяетъ намъ предвидѣть событія и до нѣкоторой степени распоряжаться силами природы.

Что такое теорія.

Такимъ образомъ наука въ позитивной стадіи своего развитія непремѣнно имѣетъ практическое приложеніе. Та ея часть, которая выясняетъ закономѣрность или неизмѣнный порядокъ тѣхъ явленій, которыя составляютъ предметъ изученія извѣстной науки — есть ея теорія, и эта-то теорія и служитъ руководительницей при практическомъ приложеніи науки.

Знать теорію — это еще не значитъ правильно ее прилагать. Надо еще *уметь* это дѣлать, надо имѣть *опытъ* въ этомъ умѣньѣ. Надо умѣть въ каждомъ явленіи отдѣлять ту его часть, которая подчиняется закономѣрности, отъ той, которая сопровождаетъ первую вслѣдствіе различныхъ постороннихъ вліяній. Приложивъ затѣмъ къ этой выдѣленной части тотъ

или другой законъ (теорію), надо умѣть опредѣлить — какія произойдутъ въ немъ, въ каждомъ данномъ случаѣ, отклоненія отъ этихъ постороннихъ вліяній, или, какъ принято говорить, отъ вліянія той *обстановки*, въ которой протекаетъ данное явленіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что для того, чтобы умѣть это дѣлать, надо непремѣнно знать теорію, т. е. значитъ разумная практика безъ теоріи невозможна. Большее или меньшее количество таковой (разумной) практики даетъ соотвѣтствующій *опытъ*, а онъ то и является наиболѣе цѣннымъ качествомъ человѣка во всѣхъ областяхъ его дѣятельности.

Опытъ полученный безъ помощи теоріи — слѣпой.

Нельзя конечно отрицать и того, что опытъ можно пріобрѣсти и иначе — безъ знанія теоріи — просто вслѣдствіе долговременнаго имѣнія дѣла съ явленіями извѣстнаго разряда. Идя ощупью, пріобрѣтая инстинктивное познаніе сущности явленій путемъ многочисленныхъ своихъ ошибокъ, искупая эти ошибки дорогой цѣной затраты большого труда, средствъ, а въ нѣкоторыхъ областяхъ и человѣческихъ жизней, можно пріобрѣсти значительный опытъ. Однако очевидно на пріобрѣтеніе такого опыта, помимо вышеуказанныхъ жертвъ, требуется очень большое время, что очень не экономично, а кромѣ того и самый опытъ можетъ оказаться одностороннимъ, такъ какъ тому или другому лицу можетъ придтись имѣть дѣло не съ полнымъ количествомъ явленій въ извѣстной области, а только съ его частью. Наконецъ едва-ли можно оспаривать, что такимъ образомъ пріобрѣтенный опытъ, будетъ въ значительной мѣрѣ безсознательнымъ, только инстинктивнымъ, и потому и трудно передаваемымъ другимъ. Эти другіе, подъ руководствомъ въ вышеуказаннымъ смыслѣ опытнаго лица, конечно пріобрѣтутъ свой собственный опытъ нѣсколько скорѣе, но путь пріобрѣтенія ими опыта будетъ все тотъ-же — длительный и подверженный постояннымъ ошибкамъ при встрѣчѣ со всякимъ новымъ обстоятельствомъ, за которыя придется платить дорогой цѣной, и въ результатѣ опять таки будетъ получаться опытъ безсознательный, трудно передаваемый массѣ. Конечно современемъ изъ этого множества усилій, однако не безъ помощи выдающихся талантовъ и

умовъ способныхъ къ глубокому изслѣдованію и широкому обобщенію, выльются законы явленій въ извѣстной области. Но вѣдь это и будетъ тотъ долгій и трудный путь, которымъ создается теорія всякой науки, которая, по выраженію Стронина (стр. 27), именно и выходитъ изъ искусства (умѣнья опыта) эмпирическаго, слѣпого и безсознательнаго, чтобы, будучи приложена къ практикѣ, сдѣлать то-же искусство (опытъ, умѣнье)—зрячимъ, раціональнымъ, себя сознающимъ.

И разъ теорія, съ такими тяжелыми жертвами полученная, имѣется въ извѣстной степени разработанности на лицо, то конечно болѣе чѣмъ неразумно не исходитъ именно изъ нея въ пріобрѣтеніи умѣнья (опыта), а вновь начинать пріобрѣтать это умѣнье первобытнымъ путемъ, или путемъ только собственныхъ усилій, или даже и подъ руководствомъ другихъ, но обладающихъ лишь слѣпымъ, инстинктивнымъ умѣньемъ.

Казалось-бы, что нечего обо всемъ этомъ и говорить, на столько это понятно само собою, однако дѣйствительность дѣлаетъ это, къ сожалѣнію, необходимымъ.

Причины почему практика отдѣлятся отъ теоріи.

Дѣло въ томъ, что несмотря на совершенно ясную, необходимую и неразрывную связь, существующую въ любой области знанія между теоріей и практикой (умѣньемъ, опытомъ, искусствомъ), часто связь эта, и въ особенности польза этой связи отрицается. Причинъ этого страннаго явленія не мало. Съ одной стороны причина кроется въ томъ, что не всегда тотъ, который изучаетъ и разрабатываетъ теорію какого нибудь дѣла, т. е. тотъ который обобщаетъ и систематизируетъ все, что сдѣлано до него, занимается и приложеніемъ теоріи къ дѣлу. Это происходитъ или оттого, что работа по одной только теоріи предмета столь обширна, что можетъ захватить всю дѣятельность человѣка, или умъ этого человѣка обладаетъ способностью къ изслѣдованію и обобщенію, но не обладаетъ способностью разбираться въ дѣйствительной обстановкѣ, или просто, по какимъ-бы то ни было причинамъ, извѣстный человѣкъ самъ ограничиваетъ свою дѣятельность въ извѣстный области чисто теоретической ея стороной. Съ другой стороны, далеко не всѣ стоящіе у практическаго дѣла въ извѣстной области, сознательно исходятъ въ пріобрѣтеніи своего опыта изъ теоріи

дѣла. У иныхъ это происходитъ просто изъ за недостатка въ образованіи и въ развитіи — изученіе теоріи обыкновенно требуетъ значительной подготовки. Другіе вообще не склонны къ изслѣдованію причинъ явленій, тогда какъ практическіе пріемы, не вдумываясь въ ихъ сущность, они воспринимаютъ очень легко. Третьи, хотя и изучившіе теорію, видя, что она не можетъ одинаково прилагаться во всѣхъ случаяхъ, и что требуется еще большая работа, чтобы выучиться прилагать ее разумно, по извѣстной вялости своего ума, отказываются отъ этого пути, и отдаются на волю теченія окружающей ихъ въ извѣстной области среды, перенимая отъ нея понемногу извѣстный навыкъ въ болѣе типичныхъ сторонахъ выбраннаго или выпавшаго на ихъ долю дѣла.

Теоретики и практики.

Однимъ словомъ, какія-бы на то не были причины—свойства ума, склонности, желанія или необходимость раздѣленія труда—налицо имѣется фактъ, что въ любой области человѣческаго знанія имѣются съ одной стороны люди, занимающіеся исключительно теоріей дѣла, а съ другой такіе, которые занимаются исключительно практикой, и между послѣдними имѣются и такіе, которые не руководятся при этомъ теоріей, не имѣя о послѣдней иногда никакого представленія.

Очевидно существованіе какъ тѣхъ, такъ и другихъ совершенно естественно, (*) и какъ тѣ такъ и другіе приносятъ посильную пользу общему дѣлу, и въ одномъ наличіи этого факта еще не было-бы большой бѣды. Бѣда-же въ томъ, что именно изъ такого положенія дѣла возникаетъ извѣстный

(*) Чтобы стать реальнымъ двигателемъ, идея должна превратиться въ чувство, говоритъ Рибо. Наивыгоднѣйшимъ для проявленія дѣятельности, напр. для полководца, Наполеонъ считаетъ, чтобы умъ и воля составляли квадратъ. Отклоненія отъ этого могутъ быть въ обѣ стороны: или идеи не вызываютъ достаточно сильныхъ ощущеній или напротивъ, ощущенія, вызываемыя идеями, превосходятъ по напряженію важность и стоимость этихъ идей. Въ первомъ случаѣ мысли протекаютъ правильно, логически, но не связанныя съ ощущеніемъ не могутъ быть приведены въ исполненіе. Это будетъ типъ нерѣшительности. Таковы въ большинствѣ случаевъ *теоретики*, въ головѣ которыхъ идеи создались вдали отъ дѣйствительности, а

антагонизмъ между теоріей и практикой, извѣстное противупоставленіе одного другому.

Виноваты въ этомъ обѣ стороны, т. е. какъ теоретики, такъ и практики. Чистые теоретики, стоя слишкомъ далеко отъ практическаго дѣла, а потому съ нимъ и не считаясь, кромѣ обобщенія и систематизаціи всего что было выработано раньше, иногда присоединяютъ къ теоріи и свои собственныя мысли и гипотезы, далеко не всегда удачныя и оправдывающіяся на практикѣ. При этомъ теоретики, болѣе въ общемъ образованные и начитанные, склонны иногда глядѣть на практиковъ свысока, какъ-бы забывая, что только для надобностей практики они и существуютъ, и что одна абстрактная теорія совершенно безполезна.

Съ другой стороны чистые практики, отрицая иногда теорію только изъ за того, что всегда имѣется стремленіе отрицать и относиться свысока къ тому, чего не понимаешь, слишкомъ склонны частныя ошибки теоретиковъ переносить на всю теорію вообще и отрицать ее цѣликомъ.

Такимъ образомъ теорія и практика по существу дѣла крѣпко между собою связанныя, и одна изъ другой вытекающія, такъ какъ теорія черпаетъ матеріалы для своихъ положеній изъ практики, а практика руководится теоріей—искусственно расчленяются и противупоставляются другъ другу.

Теорія и практика по опредѣленію Л. Толстого.

Такое положеніе дѣла вызвало справедливое негодованіе Графа Л. Н. Толстого.

«Меня всегда удивляетъ» говоритъ онъ (**) «часто повторяемыя слова: да, это такъ по теоріи, но на практикѣ-то,

---

потому бѣдны ощущеніями. Напротивъ, *практикъ* не выходитъ почти изъ области конкретныхъ предметовъ, а потому каждая его идея покоится на широкомъ чувственномъ основаніи. Поэтому скорѣе можетъ случиться, что онъ придастъ ей чрезмѣрно большое значеніе, и даже оцѣнивъ значеніе вновь появляющагося фактора, *будетъ поступать попрежнему*, ибо старыя идеи богаты чувствами — и мы будемъ имѣть дѣло съ упрямствомъ, рутиной. Зыковъ. «Какъ и чѣмъ управляются люди. Опытъ военной психологіи» стр. 15—16.

(**) Мысли, вызванныя перепискою. Полное собраніе сочиненій. 1886 г. Часть XII-я, стр. 252—254.

какъ? Точно какъ будто теорія это какія-то хорошія слова, нужныя для разговора, но не для того, чтобы вся практика, т. е. вся дѣятельность неизбѣжно основывалась на ней. Должно быть было на свѣтѣ ужасно много глупыхъ теорій, если вошло въ употребленіе такое удивительное разсужденіе. Теорія, вѣдь это то, что человѣкъ думаетъ о предметѣ, а практика это то, что онъ дѣлаетъ. Какъ-же можетъ быть, чтобъ человѣкъ думалъ, что надо дѣлать такъ, а дѣлалъ-бы на выворотъ? Если теорія печенья хлѣбовъ та, что ихъ надо прежде замѣсить, а потомъ поставить, то, кромѣ сумашедшихъ, никто, зная теорію, не можемъ сдѣлать обратнаго . . . »

«Истина эта (что деньги зло) мнѣ была давно извѣстна, но ложныя ученія міра скрыли ее, и она сдѣлалась для меня именно теоріей въ томъ смыслѣ, какой любятъ придавать этому слову, т. е. пустыми словами. Но какъ скоро мнѣ удалось разрушить въ своемъ сознаніи софизмы мірскаго ученія, такъ теорія слилась съ практикой и дѣйствительность моей жизни и жизни всѣхъ людей стала ея неизбѣжнымъ послѣдствіемъ.»

Что такое теорія въ военномъ дѣлѣ.

Однако нигдѣ вѣроятно теорія не подвергалась такимъ жестокимъ гоненіямъ, какъ въ военномъ дѣлѣ. Причины все тѣ-же—ошибки и заносчивость теоретиковъ и невѣжество практиковъ.

Между тѣмъ теорія въ военномъ дѣлѣ имѣетъ тотъ-же смыслъ и значеніе, что и во всѣхъ остальныхъ областяхъ человѣческаго знанія. *Теорія въ военномъ дѣлѣ—это изслѣдованный обобщенный, и сведенный въ систему опытъ всѣхъ предыдущихъ войнъ* (см. Гл. III). А потому тотъ, кто отвергаетъ теорію, отвергаетъ опытъ своихъ предшественниковъ, что ужъ особенно странно именно со стороны людей опыта.

Археологическая точка зрѣнія на факты военной исторіи.

Обыкновенное возраженіе противниковъ теоріи въ военномъ дѣлѣ — это указаніе, что опытъ прошлаго, положенный въ основу теоріи, создался совершенно при другой—чѣмъ теперь обстановкѣ, а потому и не можетъ быть примѣненъ къ веденію войны въ настоящее время. Бываетъ иногда, что при

этомъ ссылаются даже на Наполеона, которому дѣйствительно принадлежатъ слова—«обстановка на войнѣ повелѣваетъ».

Однако это не болѣе какъ недоразумѣніе на почвѣ непониманія, что собственно представляетъ изъ себя теорія, и какія можно предъявлять къ ней требованія, и въ чемъ заключается вліяніе обстановки.

По отношенію къ дѣятельности предшественниковъ иногда замѣчается просто даже нѣсколько обидная точка зрѣнія.

Эта дѣятельность часто оцѣнивается исключительно съ точки зрѣнія степени той пользы, которую она принесла странѣ.

Имѣется налицо эта, притомъ еще ярко выраженная, польза, виновнику ея воздается похвала, ему ставятъ памятникъ, увѣковѣчиваютъ его имя въ исторіи, но даже и въ этомъ случаѣ не хотятъ интересоваться тѣмъ—*какъ* онъ дѣйствствовалъ, *какія* мысли положилъ въ основу своей дѣятельности, чтобы у него *поучиться*. Считаютъ, что учиться у него нечему, такъ какъ его дѣятельность протекла въ совершенно другой обстановкѣ, что вполнѣ достаточно оказать извѣстную долю почтенія къ его памяти. Такимъ образомъ напр. отношеніе къ дѣятельности адмираловъ Ушакова и Сенявина по существу ничѣмъ не отличается отъ взгляда на подвиги Геркулеса, и искусство ихъ готовить и водить флоты къ побѣдѣ ставится на одинъ уровень съ искусствомъ Геркулеса владѣть своей палицей.

Отсюда вытекаетъ и пренебрежительное отношеніе къ исторіи вообще, и взглядъ на нее только какъ на болѣе или менѣе занимательное повѣствованіе о томъ, что было прежде. И такую, если такъ можно выразиться, археологическую точку зрѣнія на дѣятельность предшественниковъ, нельзя иначе назвать какъ обидной. И это еще при наличіи принесенной и ярко выраженной пользы. Когда-же нѣтъ и этого, то или дѣятельность такого предшественника предается полному забвенію, или порицается, совершенно не входя въ оцѣнку намѣреній и мыслей, руководившихъ этой дѣятельностью и въ разборъ вопроса о томъ, на сколько вліяла на неудачу та обстановка, въ которой протекала эта дѣятельность.

*

Огромный вредъ такой археологической точки зрѣнія заключается въ томъ, что такимъ образомъ отъ дѣятельности предшественниковъ остается лишь — наличіе ихъ восхваленія или порицанія въ исторіи (польза и вредъ ими принесенные въ большинствѣ давно уже сгладились), вся-же работа ихъ мысли, методъ ихъ труда, ихъ опытъ—являются потерянными.

Взглядъ теоріи на факты изъ военной исторіи.

Между тѣмъ, отвергаемая, извѣстнымъ разрядомъ практиковъ, теорія военнаго дѣла смотритъ на это совершенно иначе. Она совершенно отбрасываетъ оцѣнку дѣятельности по результатамъ и ставитъ себѣ цѣлью выяснить—была-ли эта дѣятельность правильно обоснована и цѣлесообразна? И если была, и результатъ все-таки получился отрицательный, то она стремится выяснить, почему это именно случилось такъ, на сколько здѣсь вліяла, какъ и какая именно обстановка, и какія были ошибки въ примѣненіи этихъ правильныхъ основъ къ обстановкѣ, какъ вліяло ошибочное представленіе объ обстановкѣ и т. п. . . При такомъ отношеніи бѣдная результатами дѣятельность можетъ дать иногда больше матеріала для поученія, чѣмъ дѣятельность самая блестящая. Такимъ образомъ можетъ быть использована и вполнѣ отрицательная дѣятельность.

Значитъ теорія, не только не забываетъ, что «обстановка повелѣваетъ», но постоянно и твердо это помнитъ, а потому и очищаетъ тщательнѣйшимъ образомъ дѣйствія предшественниковъ отъ вліянія обстановки, и только тогда ихъ судитъ. Для сужденія-же въ этомъ случаѣ объ ихъ правильности и цѣлесообразности, она изъ тщательнаго сравненія цѣлаго ряда, очищенныхъ отъ вліянія обстановки, дѣйствій съ ихъ результатами, стремится подмѣтить и формулировать такія истины, которыя должны быть положены въ основу всякаго военнаго мѣропріятія, внѣ зависимости отъ обстановки, и которыя значитъ могутъ принести такую-же пользу и для современной военной дѣятельности.

Затѣмъ, именно теорія не ограничивается голословнымъ и мало понятнымъ, въ выхваченномъ изъ цѣлаго разсужденія видѣ, утвержденіемъ — «обстановка повелѣваетъ», а выясняетъ, что «повелѣваетъ» — это значитъ, что именно отъ обстановки зависитъ степень примѣнимости и способъ примѣ-

пенія вышеуказанныхъ неизмѣнныхъ истинъ, что мало еще обладать этими истинами, что надо еще умѣть ихъ примѣнять къ обстановкѣ, но что не имѣя этихъ истинъ, легко нарушить эти неизмѣнные законы, и приходится вмѣсто нихъ руководствоваться случайно слагающимся собственнымъ разумѣніемъ, что неизбѣжно ведетъ, при равенствѣ всѣхъ прочихъ условій, къ увеличенію шансовъ неуспѣха. И на этомъ и кончается роль теоріи.

Что даетъ теорія практику.

Указать, *какъ* именно надо прилагать неизмѣнныя истины къ обстановкѣ, теорія на себя не беретъ, да, понятно, и взять не можетъ, такъ какъ обстановка можетъ быть столь сложна и разнообразна, что никакое человѣческое воображеніе не можетъ предвидѣть всѣхъ комбинацій. Это ужъ приходится предоставить таланту и творчеству исполнителя — практика. Теорія вполнѣ можетъ считать себя удовлетворенной, если она укажетъ практику основныя истины, докажетъ ихъ истинность, добьется того, что онъ ими проникнется, и докажетъ ему, что ихъ слѣпо примѣнять нельзя, а надо ему еще выучиться оцѣнивать обстановку и сообразно этой оцѣнкѣ примѣнять къ ней основныя истины. Въ развитіе и для доказательства своихъ положеній теорія можетъ привести рядъ историческихъ или скомбинированныхъ примѣровъ примѣненія основныхъ истинъ къ нѣкоторымъ типичнымъ обстановкамъ — и дальше теоріи идти некуда.

И вотъ эта-то строго ограниченная, хотя тѣмъ не менѣе въ высшей степени важная, роль теоріи, служитъ часто причиной — почему ее извѣстнаго сорта практики отвергаютъ цѣликомъ (*).

Чего иногда требуютъ практики отъ теоріи.

Къ чему, говорятъ они, намъ теорія, если она не можетъ намъ дать указаній — какъ дѣйствовать въ каждомъ данномъ

(*) Впрочемъ этотъ упрекъ относится не только къ невѣждамъ и лѣнивымъ. Наука честно говоритъ — вотъ что я даю и больше этого я дать не могу. Это не удовлетворяетъ и идеалистовъ. Какъ говоритъ Лесюеръ (цитирую по Лебону «психологія народовъ и массъ» стр. 240), «въ сердцахъ жаждущихъ идеала, науку погубило то, что она не осмѣливается обѣщать больше и не умѣетъ достаточно лгать».

случаѣ? Это значитъ, что они ждутъ отъ теоріи не общихъ указаній, что они вообще не цѣнятъ такихъ указаній, а хотятъ получить рядъ рецептовъ, которые можно бы-было выполнять, не ломая головы, какъ существуетъ стремленіе у извѣстнаго круга людей во всемъ ожидать указаній начальства, снимая съ себя всякую отвѣтственность и необходимость самому раскинуть мозгами. И если начальство такихъ указаній давать не склонно, и даетъ лишь общія указанія, намѣчаетъ лишь цѣли, и требуетъ отъ подчиненныхъ способности къ личной иниціативѣ и къ разумному примѣненію общихъ указаній къ правильно оцѣненной обстановкѣ, однимъ словомъ если оно требуетъ развитія, мысли, труда и умѣнья взять на себя отвѣтственность, то вышеупомянутый сортъ практиковъ, который не цѣнитъ и общихъ указаній теоріи, подвергаетъ такое начальство жестокой критикѣ. Эти люди хотятъ, чтобы теорія была такова, чтобы за ней можно было существовать какъ за каменной стѣной, какъ чувствуютъ они себя, какъ у Христа за пазухой, у такого начальства, которое все за нихъ думаетъ, все имъ указываетъ, и съ которымъ они не несутъ никакой отвѣтственности, такъ какъ все что они сдѣлаютъ, при неудачѣ въ особенности, можно свалить на указанія начальства.

Вотъ того-же самого они хотѣли-бы отъ теоріи, и если она этого имъ не даетъ, они ее отвергаютъ совсѣмъ и готовы руководиться просто несущимъ ихъ общимъ теченіемъ—тогда все-таки можно свалить все на случайно сложившіяся обстоятельства, въ особенности въ столь рѣдко имѣющее мѣсто военное время. А во время мира отсутствіе руководящихъ началъ и личной иниціативы не даетъ непосредственныхъ рѣзко замѣтныхъ результатовъ.

Задача теоріи вообще.

Но пусть тѣ, которые предъявляютъ такія требованія къ теоріи военнаго дѣла, и на основаніи этихъ требованій ее отрицаютъ, пусть они подумаютъ, можетъ-ли теорія въ какой угодно научной области выполнить такія требованія, и именно въ такихъ областяхъ, въ которыхъ ужъ никто не рѣшится отрицать право теоріи на существованіе.

И если отвѣтъ получится отрицательный, то не будетъ-ли устраненъ тотъ упрекъ, который ставятъ теоріи военнаго дѣла, и на основаніи котораго рѣшаются отрицать ея значеніе.

Возьмемъ напр. геометрію. Теорія здѣсь несомнѣнно существуетъ и обойтись безъ нея нельзя. А между тѣмъ даетъ-ли она указанія, какъ прилагать ее въ различныхъ случаяхъ на практикѣ? И отвѣтъ на это получится отрицательный. Она даетъ цѣлый рядъ неизмѣнныхъ соотношеній, существующихъ между различными элементами фигуръ, она даетъ основныя свойства этихъ элементовъ, но уже при рѣшеніи болѣе или менѣе сложныхъ задачъ даже на вычисленіе, приходится уже самому придумать, какъ приложить эти соотношенія и свойства, для того, чтобы рѣшить задачу, и каждый новый типъ задачъ требуетъ новаго пути для приложенія взглядовъ теоріи къ рѣшенію этого типа задачъ. Тѣмъ болѣе это справедливо относительно рѣшенія задачъ на построеніе, гдѣ безъ умѣнья дать правильную оцѣнку условіямъ задачи и безъ извѣстной способности къ самостоятельному творчеству, при рѣшеніи этихъ задачъ не поможетъ никакая теорія, хотя опять-таки безъ этой теоріи рѣшеніе такихъ задачъ тоже невозможно.

Все это вѣрно и для всякой науки, и для военныхъ наукъ, и разница замѣчается лишь въ томъ, что въ математическихъ и естественныхъ наукахъ значеніе и право на существованіе теоріи отрицать невозможно — это значило-бы идти противъ очевидности,— тогда какъ въ соціальныхъ наукахъ и въ особенности въ военныхъ это все-таки является возможнымъ. Въ геометріи, напр., моментально можно довести до очевидности, что если нѣтъ знанія теоріи, то невозможно и рѣшеніе задачи. Точно также и другія причины мѣшающія рѣшать задачи столь немногочисленны, что могутъ быть немедлено обнаружены—напр. отсутствіе умѣнья разобраться въ условіяхъ задачи. А въ военномъ дѣлѣ, если даже не разрабатываются, или заброшены неизмѣнныя основы, управляющія военными явленіями, если не изслѣдована сущность этихъ явленій, то чтобы показать вредныя послѣдствія отъ этого— надо ждать войны. А придетъ война и неудача — найдутъ

Трудность въ военномъ дѣлѣ довести до очевидности вредныя послѣдствія пробѣловъ въ знаніи теоріи.

цѣлый рядъ другихъ причинъ, на это повліявшихъ, и эти причины дѣйствительно будутъ существовать, такъ какъ причинъ пораженія дѣйствительно можетъ существовать много и онѣ тѣсно переплетаются между собою и расчленить ихъ дѣло далеко не такое легкое.

И если значеніе отсутствія теоріи не признавалось до войны, то очень трудно довести это значеніе до очевидности и въ только что пережитой войнѣ. А какъ только пройдетъ достаточное время, чтобы могла быть установлена вся фактическая сторона, послѣ чего уже можно установить и всѣ причины удачъ и неудачъ, какъ уже подымется возраженіе, что война эта уже перешла въ исторію, что обстановка уже измѣнилась, и что выводы изъ военныхъ явленій при прежней обстановкѣ для будущихъ войнъ непримѣнимы. И такимъ образомъ это можетъ продолжаться, да и продолжается въ дѣйствительности для извѣстной категоріи людей, до безконечности. Отрицатели теоріи будутъ всегда, пока будутъ люди съ вялымъ инертнымъ умомъ, неспособные къ иниціативѣ и боящіеся отвѣтственности, или просто лѣнивые, или тупо-самонадѣянные, воображающіе, что они до всего могутъ дойти своимъ умомъ, а потому и презирающіе науку. Короче говоря— это явленіе всегда будетъ имѣть мѣсто, пока будутъ люди приверженные къ невѣжеству, его въ себѣ не замѣчающіе — а таковые будутъ всегда — такъ ужъ создано человѣчество.

И съ легкимъ сердцемъ такіе люди не только рѣшаются отрицать теорію военнаго дѣла и ея значеніе, но даже цѣлыя отрасли военной науки цѣликомъ, а то и вообще—высшее военное образованіе.

Такіе факты могутъ показаться съ перваго взгляда столь удивительными и даже не правдоподобными, что нельзя обойтись безъ того, чтобы не подтвердить ихъ примѣрами.

Характеристика взглядовъ на теорію военно-морской науки въ 1896 году.

Въ тотъ годъ когда при Николаевской Морской Академіи были открыты курсы военно-морскихъ наукъ, т. е. въ тотъ моментъ, когда можно было думать, что въ русскомъ флотѣ проявилась потребность въ военномъ образованіи, хотя, судя по обстановкѣ (см. предисловіе) учрежденія этихъ курсовъ, можно сильно сомнѣваться въ таковомъ стремленіи, въ Крон-

штадтскомъ морскомъ собраніи (мартъ 1896 года) было сдѣлано сообщеніе «Объ основахъ морской тактики, какъ науки». Сообщеніе было принято въ общемъ равнодушно. Оно не вызвало, ни горячихъ споровъ и полемики, ни критической оцѣнки — его просто пропустили мимо ушей, но утвержденіе лектора, что морская тактика—это наука, вызвало энергическій отпоръ. Одинъ изъ образованнѣйшихъ строевыхъ адмираловъ того времени — и именно потому его мнѣніе особенно хорошо характеризуетъ эпоху — контръ-адмиралъ Валицкій помѣстилъ въ газетѣ «Котлинъ» (№ 45 за 1896 г.) письмо въ редакцію, въ которомъ говоритъ такъ:

«До сихъ поръ неизвѣсто было, чтобы такая наука существовала. Никакихъ трактатовъ, ни иныхъ сочиненій объ этомъ не было, кажется, за все время существованія флотовъ; и не было даже сочиненій по той части тактики, которая въ береговой тактикѣ разсуждаетъ и поучаетъ объ организаціи войска, его рекрутированіи, снабженіи его и объ управленіи имъ. Не было въ морѣ этой науки, какъ нѣтъ науки у юристовъ о томъ, какъ вѣрно и справедливо судить и присуждать, хотя есть законы, и есть науки о всякомъ правѣ. Слово *«морская тактика»* и наука, подразумѣваемая подъ этимъ словомъ, были только въ морскихъ училищахъ, и то не во всѣхъ, а лишь въ нѣсколькихъ, въ томъ числѣ и въ нашемъ морскомъ корпусѣ; при этомъ она обыкновенно составлялась учителями для надобностей училища, изъ стѣнъ котораго и не выходила».

«Можетъ быть, я запамятовалъ, а можетъ быть, настолько былъ несчастливъ, что мнѣ никогда не попадалась книга, поучающая объ этомъ дѣлѣ, и я былъ-бы радъ исправить этотъ большой пропускъ. Если-бы лекторъ согласился указать, гдѣ эти сочиненія появлялись, въ какомъ они были видѣ и въ какомъ объемѣ, *многіе* были-бы ему очень благодарны за такую любезность. (Все писанное объ этомъ въ журналахъ въ послѣдній періодъ времени вызываетъ лишь тяжелую тоску)».

И что особенно характерно для эпохи это то, что ни редакція спеціально военно-морской газеты, которая помѣстила

это письмо, ни редакція другой военно-морской газеты (Кронштатскаго Вѣстника), ни кто либо изъ строевыхъ адмираловъ и вообще офицеровъ—никто не нашелъ нужнымъ отозваться на такое отрицательное отношеніе къ морской тактикѣ. Значитъ, или военно-морское сословіе того времени было согласно съ такимъ взглядомъ, или вообще ему эти вопросы (о военныхъ наукахъ) не были знакомы и его не интересовали.

А между тѣмъ приведенная выше выдержка изъ письма показываетъ, что авторъ его, помимо отрицанія за морской тактикой права именоваться наукой въ прошломъ — это еще можно-бы было понять,—просто утверждаетъ, что и сочиненій по морской тактикѣ никакихъ никогда не было. А такъ какъ таковыхъ сочиненій было очень много, то прямой отсюда выводъ, что авторъ во-первыхъ совершенно незнакомъ съ исторіей того дѣла, которое составляетъ его профессію, и въ которой онъ дошелъ до степени руководителя, а во-вторыхъ — онъ и въ принципѣ не допускаетъ существованія теоріи своего дѣла, т. е. систематизированнаго опыта своихъ предшественниковъ, — иначе-бы онъ его искалъ, и хотя-бы съ нимъ и не соглашался и не признавалъ-бы его для себя полезнымъ, то все-таки хотя-бы зналъ, что онъ былъ, и что онъ былъ много разъ систематизированъ въ сочиненіяхъ по морокой тактикѣ.

Перечисленіе всѣхъ этихъ сочиненій и выясненіе вліянія ихъ на состояніе морской тактики не входитъ въ задачу настоящей главы и вообще въ задачу введенія въ курсъ исторіи военно-морского искусства. Это будетъ подробно изложено въ самомъ курсѣ. Но на одно изъ нихъ нельзя не указать. Нельзя себѣ представить, чтобы авторъ цитированнаго выше письма, если-бы онъ хоть сколько нибудь интересовался мыслями своихъ предшественниковъ, могъ-бы пропустить мнѣніе о морской тактикѣ такого выдающагося моряка какъ Кинсбергена, который служилъ и въ русскомъ флотѣ, и одержалъ двѣ первыя побѣды въ Черномъ морѣ (*), и сочиненіе котораго

(*) Онъ былъ награжденъ за эти побѣды орденами Св. Георгія 4-й и 3-й степени.

«Начальныя основанія морской тактики» было переведено на русскій языкъ по Высочайшему повелѣнію (1791 г.) (*).

А между тѣмъ Кинсбергенъ въ своемъ введеніи къ тактикѣ говорилъ: «Морская тактика заключаетъ въ себѣ все потребное для военнаго флота, почему и раздѣлилъ я сіе искусство на двѣ части, то есть на элементарную (стихійную и начальную) и вышнюю. Элементарная (стихійная) содержитъ въ себѣ во всей подробности наставленія о экзерциціяхъ и дисциплинѣ на кораблѣ, чему обучиться можно изъ ежедневной отправляемой на кораблѣ службы».

«Вышняя собственно заключаетъ, въ чемъ состоитъ искусство или наука адмирала и содержитъ всѣ дѣйствія и движенія производимыя кораблями, какъ во время сраженія, такъ прикрытія высаживанія войскъ на берегъ, при защищеніи берега отъ непріятельскаго покушенія, при осадѣ города съ моря кораблями и прочая. . .»

«. . .Разсудилъ я быть не безполезнымъ, въ краткомъ, послѣдовательномъ и ясномъ порядкѣ и содержаніи написать главнѣйшія дѣйствія, которыя флотомъ или эскадрою производимы быть могутъ, къ пользѣ имѣющихъ благородную охоту, въ морскомъ искусствѣ знающими учиняться».

«Сіе есть удобнѣйшее средство, для наученія молодыхъ офицеровъ разсуждать съ наилучшимъ понятіемъ о томъ, что видятъ производимымъ на самомъ дѣлѣ; и такимъ образомъ, когда знаніе ихъ распространится, могутъ въ свое время сами въ сей части упражняться, ибо если офицеръ проведетъ въ праздности молодыя свои лѣта, въ которыя, какъ понятія его, такъ и душевныя силы еще въ полномъ жарѣ, почти невозможно надѣяться, чтобы онъ множественныя, черезъ единое неутомимое прилежаніе и труды пріобрѣтаемыя знанія, нужныя доброму адмиралу, могъ потомъ пріобрѣсть, хотя-бы по чіему предстательству или по долговременной службѣ и достигъ высшихъ степеней».

(*) Эта тактика употреблялась въ нѣмецкомъ флотѣ еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Не указали на это мнѣніе Кинсбергена автору письма и его сослуживцы—и опять, надо думать, потому, что они или его не знали, или считали его мнѣніе неправильнымъ.

Характерно, что авторъ письма очевидно на столько не считалъ нужнымъ стремиться къ изученію опыта своихъ предшественниковъ, что онъ и не подозрѣваетъ о фактѣ существованія у нихъ систематизаціи этого опыта, и ищетъ отвѣта на возникающіе у него вопросы о веденіи современной морской войны только у современниковъ, но «все писанное объ этомъ въ журналахъ въ послѣдній періодъ времени вызываетъ (у него) лишь тяжелую тоску».

И такое мнѣніе складывается у русскаго передового военнаго моряка въ 1896 году, когда въ военно-морской литературѣ имѣлись на лицо такія крупныя имена какъ Коломбъ и Мегенъ, когда закончилась ужъ японо-китайская война, когда напр. англійскіе авторы дали цѣлый рядъ превосходныхъ изслѣдованій по различнымъ вопросамъ морской войны, удостоенныхъ золотыхъ медалей отъ общества соединенныхъ службъ и т. п. И если все это вызвало у этого передового моряка лишь тяжелую тоску, и если его сослуживцы не нашли нужнымъ опровергнуть такое его мнѣніе, то спрашивается—чего-же требовали онъ и они отъ современныхъ имъ морскихъ писателей? И выходитъ, что они требовали отъ нихъ *рецептовъ* т. е. ясныхъ, точныхъ и детализированныхъ указаній—какъ дѣйствовать въ различныхъ случаяхъ морской войны. Всякій-же матеріалъ, изъ котораго они *сами* должны были составлять себѣ представленіе о сущности войны и извлекать то, что пригодно для приложенія въ современной войнѣ, всякая теорія, говорившая лишь объ общихъ вещахъ, и не впадавшая въ рецептуру—производили на нихъ лишь впечатлѣніе тяжелой тоски. Мнѣніе ихъ имѣло нѣкоторое основаніе по отношенію лишь тѣхъ писателей, и такіе были, которые, или въ угоду требованіямъ времени, или изъ за того-же непониманія роли теоріи, дѣйствительно пускались въ рецептуру. Очевидно, попытки эти страдали явной выдуманностью, въ нихъ чувствовалась фальшь, и они не могли удовлетворять практиковъ. Но практики, которые только такимъ попыткамъ могли и

умѣли давать оцѣнку, валили ихъ въ одну кучу съ плодотворными изслѣдованіями по теоріи веденія войны на морѣ, которыхъ они не признавали совсѣмъ, и все это характеризовали плодомъ непригодной ни для чего, по ихъ мнѣнію, теоріи и безполезной работы «теоретиковъ», не считаясь даже съ тѣмъ, что въ числѣ этихъ «теоретиковъ» было, въ особенности въ иностранныхъ флотахъ, не мало опытныхъ строевыхъ офицеровъ.

Развѣ не характеренъ для русскаго морского сословія тотъ фактъ, что, хотя извѣстные труды Коломба и Мегена появились уже въ русскомъ переводѣ въ 1894—5 годахъ, а значитъ въ подлинникахъ—гораздо раньше (*), только въ 1899 году появился критическій отзывъ о сочиненіи Мегена въ морскомъ журналѣ (Морск. Сб. № 7 за 1899) и при этомъ отзывъ этотъ принадлежалъ перу. . . офицера сухопутнаго генеральнаго штаба (**).

Развѣ не столь-же характерно, что, когда были основаны при морской академіи курсы военно-морскихъ наукъ, и на изученіе морской тактики было назначено 4 часа въ недѣлю, то одинъ изъ русскихъ адмираловъ выразилъ недоумѣніе—неужели потребуется столько времени на изученіе *эволюцій* Не значитъ-ли это, что и онъ совершенно не допускалъ возможности существованія морской тактики какъ науки?

Взгляды на военно-морскую науку въ русскомъ флотѣ за 4 года до войны съ Японіей.

И такое печальное явленіе къ сожалѣнію не было случайнымъ и временнымъ. Въ 1899 въ морской газетѣ «Котлинъ» (16-го Іюня) появилась статья Капитана 2-го ранга Большева «О тактикѣ и стратегіи». Въ данномъ случаѣ автора нельзя поставить на одну доску съ предыдущимъ—контръ-адмираломъ Валицкимъ, но характерно именно то, на что мы указывали и при разборѣ предыдущаго случая, что статья эта, притомъ очень обширная—не произвела надлежащаго впеча-

(*) «Вліяніе морской силы на исторію» Мегена помѣчено Декабремъ 1889 года, а «Вліяніе морской силы на французскую революцію и имперію»—октябремъ 1892 года.

(**) Профессоръ стратегіи въ Академіи Генеральнаго штаба Н. П. Михневичъ.

тлѣнія на морское сословіе—она не вызвала не только полемики, но даже хотя-бы коротенькаго возраженія.

А между тѣмъ въ этой статьѣ буквально говорилось слѣдующее:

«Въ послѣднее время современной морской темой стала «морская тактика». Но вопросъ въ томъ—что-же это за наука, которую игнорировали боевые флоты цѣлыя столѣтія и притомъ въ самое горячее боевое время.... Величайшій флотоводецъ Нельсонъ никакой тактики не признавалъ, но всегда побѣждалъ. Очевидно, если-бы была наука морская тактика, то она была-бы тотчасъ-же подмѣчена такими практиками, какъ эскадра Нельсона, все время крейсеровавшая и, конечно, ею-бы пользовались...»

«Да и мудрено искать морскую тактику—море гладко. Еще издалека адмиралы оцѣнятъ силы, какъ только увидятъ одинъ другого. Вѣдь есть альбомы свѣдѣній боевыхъ силъ каждаго судна. Всякій маневръ, предпринятый одной стороной, будетъ немедленно замѣченъ другой, и тутъ то вотъ и проявится личное умѣнье командира, сообразительность, вѣрность взгляда при поворотѣ. Несомнѣнно произойдетъ схватка, а въ ней «на брасахъ» не зѣвай». Командиръ, артиллерійскій, минный офицеры каждый безусловно будутъ самостоятельны».

«Другое дѣло сухопутная тактика—та существовала еще со временъ Александра Македонскаго, Аннибала и проч. Да и какъ ей не существовать—вѣдь поле сраженія не гладкая поверхность моря, тутъ есть и горы и рѣки, и болота, и озера, и лѣсъ, и строенія, и овраги и т. д., да и самыя арміи состоятъ изъ трехъ родовъ войскъ: пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи. Здѣсь необходимы комбинаціи, знаніе мѣстности. Нельзя-же кавалерію или артиллерію послать въ болото; нельзя артиллерію помѣщать въ низменности, а не на горѣ; не оставляютъ рѣкъ въ тылу, принимаютъ мѣры, чтобы противникъ не обошелъ съ тыла, не атаковалъ съ фланговъ; прикрываютъ свои движенія и силы, чтобы противникъ не видѣлъ, да и возможны ли передвиженія въ арміи со скоростью 25 узловъ? Очевидно подобныя комбинаціи чуть-ли не безчисленны въ

арміи, и очевидно должна существовать наука «сухопутная тактика», научающая, какъ пользоваться мѣстностью и родомъ войскъ, тогда какъ на морѣ, гдѣ все видно противнымъ сторонамъ, такія комбинаціи немыслимы,—никакой выдумки».

«Но если морской тактики нѣтъ, то того-же нельзя сказать про морскую стратегію—искусство массированія судовъ въ нужное время на рѣшительномъ пунктѣ. Вотъ о стратегіи мы ничего не слышимъ. Очевидно тактика, какъ блестящій предметъ, фиксировала на себѣ наше вниманіе, и мы забыли о стратегіи».

Въ этой статьѣ ярко выступаетъ и полное отрицаніе авторомъ даже возможности существованія морской тактики и представленіе автора объ условіяхъ возможности существованія таковой на сухомъ пути — лишь при наличіи собранія рецептовъ. Значитъ нѣтъ рецептовъ—нѣтъ и тактики. Не говоримъ уже о слѣпотѣ автора по отношенію къ обстановкѣ морской войны при сравненіи ея съ сухопутной. Онъ точно забываетъ, что соотвѣтственно тремъ родамъ войскъ на сухомъ пути во флотѣ существуетъ цѣлый рядъ различныхъ типовъ судовъ, преслѣдующихъ каждый свою опредѣленную цѣль и приспособленныхъ лишь для дѣйствія въ опредѣленныхъ, иногда рѣзко другъ отъ друга отличающихся обстановкахъ. Повидимому онъ не представляетъ себѣ, что подобно тому какъ на сухомъ пути очень разнообразна обстановка по мѣстности, на морѣ обстановка постоянно мѣняется въ зависимости отъ погоды, состоянія моря, положенія солнца и вѣтра относительно противника, близости береговъ и ихъ очертанія и т. п... Къ этому прибавляется очень узкое представленіе о стратегіи, какъ только объ искусствѣ массированія кораблей, причемъ изъ дальнѣйшаго изложенія автора слѣдуетъ, что все это искусство зиждется исключительно на развитіи способовъ собиранія свѣдѣній о мѣстопребываніи противника на театрѣ военныхъ дѣйствій.

И что еще болѣе удивительно — такія представленія о тактикѣ и стратегіи авторъ почерпнулъ не только въ самомъ себѣ, но и изъ чтенія—онъ цитируетъ и Мегена и Жюрьенъ-де-ла Гравьера и Наполеона.

И вотъ такія удивительныя представленія о своемъ дѣлѣ могли допускаться, безъ отпора со стороны морского сословія, въ то время какъ напоминанія, что веденіе войны на морѣ — это наука — встрѣчали немедленный отпоръ! И когда-же это было? За 4 года до войны съ Японіей! Развѣ не обрисовывался въ этомъ состояніи идей и направленіи умовъ морского сословія грядущій разгромъ въ первой-же борьбѣ съ серьезнымъ противникомъ?

Взгляды на военно-морскую науку, терпѣвшіеся въ русскомъ флотѣ послѣ войны съ Японіею.

Выше было упомянуто (стр. 55 — 56), что если значеніе теоріи въ военномъ дѣлѣ, изъ за пренебреженія опытомъ прошлаго, не признается до войны, то для извѣстной категоріи людей это значеніе едва-ли выяснится и той войной, въ которой они сами участвовали. Особенно яркимъ образчикомъ этого являются статьи все въ той-же морской газетѣ «Котлинъ» Капитана 1-го ранга Добротворскаго въ сентябрѣ и въ октябрѣ 1906 года, значитъ черезъ годъ по окончаніи войны, въ которой онъ самъ принималъ очень дѣятельное участіе. Онъ не только не вынесъ изъ своего опыта никакого уваженія къ теоріи военного дѣла, и убѣжденія, что въ основу практики должна быть положена именно теорія, а также сожалѣнія, что это не имѣло мѣста въ нашемъ морскомъ сословіи до войны, но напротивъ — онъ кипитъ негодованіемъ и противъ теоріи вообще, и противъ теоретиковъ, проповѣдующихъ необходимость черпать указанія для веденія современной войны въ опытѣ прошлаго. И что еще слѣдуетъ отмѣтить въ данномъ случаѣ — авторъ статей не только поверхностно или по наслышкѣ знакомъ съ теоріей военнаго дѣла — нѣтъ онъ передъ самой войной прослушалъ курсъ военно-морскихъ наукъ при Николаевской морской академіи. А значитъ онъ борется съ положеніями теоріи не стихійно, какъ дѣлали это вышеприведенные авторы, а сознательно, вооруженный при этомъ драгоцѣннымъ опытомъ только что пережитой войны. Это ужъ достойно большого вниманія и опять тѣмъ болѣе это показательно для характеристики морского сословія послѣ войны, что и мысли капитана 1-го ранга Добротворскаго не вызвали отпора со стороны строевыхъ офицеровъ, которые значитъ — или съ этими мыслями согласи-

лись, или отнеслись къ нимъ равнодушно, не видя въ нихъ какой-либо значительной ереси.

Чтобы не быть голословнымъ, нельзя не привести образчиковъ отношенія вышеуказаннаго автора къ исторіи, къ выводамъ изъ нея, къ теоріи и къ теоретикамъ.

Напр., одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ выводовъ изъ исторіи войнъ, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ — это преобладающее значеніе человѣка и его моральныхъ качествъ въ сравненіи съ значеніемъ матеріальной части. Формулировка этого вывода принадлежитъ Наполеону, который опредѣлилъ, что «во всякомъ военномъ предпріятіи успѣхъ на три четверти зависитъ отъ данныхъ моральнаго порядка и лишь на одну четверть отъ матеріальныхъ силъ». Съ этимъ согласны всѣ какъ сухопутные, такъ и морскіе писатели, изучавшіе исторію и каждая новая война даетъ яркое подтвержденіе этому цѣнному выводу изъ опыта прошлаго.

Но капитанъ 1-го ранга Добротворскій и не думаетъ считаться съ этимъ выводомъ.

Его мнѣніе такое («Котлинъ» отъ 22 Сентября 1906 г.):

«$^7/_8$ успѣха флота зависитъ отъ машинъ, отъ техники и только $^1/_8$ отъ качествъ и свойствъ человѣка. Если другіе думаютъ иначе, то они вѣроятно исходятъ изъ представленій о борьбѣ на сушѣ и тѣмъ впадаютъ въ большую ошибку, потому-что морскія дѣйствія отъ сухопутныхъ тѣмъ и отличаются, что флоты борятся въ движеніяхъ, а войска въ неподвижныхъ состояніяхъ, первымъ не надо завоевывать позицій — они бѣгаютъ съ ними, — вторымъ надо и притомъ съ величайшей отвагой. Кораблямъ выгодныя положенія даетъ машина, — солдатамъ беззавѣтная храбрость и талантъ начальниковъ. . . Храбрость въ современныхъ флотахъ чуть не вся отошла въ область того прошлаго, когда военнымъ судамъ надо было сцѣпляться на абордажъ. Какая теперь нужна храбрость, когда за крѣпкой броней быстроходныхъ военныхъ судовъ, когда за толстымъ слоемъ воды съ подводныхъ лодокъ могутъ сражаться не только мужчины, но чуть не дѣти». Покончивъ съ моральнымъ элементомъ, цитируемый авторъ столь-же круто расправляется и съ теоретиками и съ теоріей.

«Находятся» говоритъ онъ («Котлинъ» 6 Октября 1906 г.) «и удивительные морскіе компиляторы, пользующіеся притомъ — благо спроса на науку никогда не было, (авторъ очевидно очень это одобряетъ) — не меньшимъ обаяніемъ, чѣмъ въ старину французы гувернеры нашихъ прабабушекъ, которые съ комическимъ апломбомъ, ради личныхъ цѣлей (*) запугиваютъ начальство цѣлымъ арсеналомъ ржавленныхъ и прорржавленныхъ выводовъ изъ Саламинскихъ и другихъ допотопныхъ сраженій, которые безъ всякой церемоніи долбятъ публику выписками изъ сочиненій Леера и другихъ, столь-же идущихъ къ морскому дѣлу, какъ рыба землѣ, какъ огню вода».

«Какая забота строевому составу флота и арміи углубляться въ бездну премудрости, когда въ сущности все дѣло обстоитъ значительно проще. Ради чьихъ выгодъ мы сами себя запугиваемъ и замучиваемъ идя по кривой дорогѣ? Развѣ Александръ Невскій, Дмитрій Донской, Петръ Великій, Суворовъ и другіе выдержали-бы экзамены даже въ Юнкерское Училище, а не только въ академію генеральнаго штаба, однако они оставили послѣ себя безсмертные образцы своего искусства».

И вѣдь заглавіе статьи въ которой проводятся такія идеи — «Нѣкоторые выводы изъ Шантунгскаго и Цусимскаго сраженій».

И авторъ какъ-бы нарочно — на самомъ дѣлѣ онъ совершенно искрененъ — не хочетъ понять, что въ томъ и заключается заслуга и необходимость теоріи, что именно она сохраняетъ для потомства и распространяетъ среди личнаго состава эти безсмертные образцы искусства, *именно она ихъ дѣлаетъ безсмертными*, давая возможность неизмѣнной сущности этихъ образцовъ возрождаться во всѣхъ послѣдующихъ

Именно теорія дѣлаетъ безсмертными образцы военнаго искусства прошлаго.

(*) Тутъ цитируемый авторъ сходится съ вышецитированнымъ — контръ-адмираломъ Валицкимъ, который тоже представляетъ себѣ науку «морскую тактику», только въ видѣ безполезныхъ упражненій учителей для надобностей морскихъ училищъ, изъ стѣнъ которыхъ она и не выходила (см. стр. 57).

поколѣніяхъ, давая возможность этимъ поколѣніямъ воспитываться въ этой сущности, очищая эту сущность отъ налета обстановки прежняго времени, чтобы можно было ее приложить къ любому времени и любой обстановкѣ. Именно теорія, найдя эту сущность въ образцахъ искусства Петра Великаго и Суворова, и находя ту-же сущность и въ образцахъ искусства Ѳемистокла и Нельсона, даетъ этой сущности силу безсмертнаго закона, не зависящаго ни отъ времени, ни отъ обстановки. И вотъ такіе-то выводы авторъ и называетъ проржавленными и столько-же идущими къ морскому дѣлу, какъ огню вода, и такое глубокое презрѣніе къ работѣ и значенію теоріи, такое явное непониманіе этого значенія — не вызываютъ никакого отпора въ морскомъ сословіи.

Это не должно обозначать, что въ морскомъ сословіи не было въ это время людей думающихъ иначе. Послѣ войны среди молодыхъ офицеровъ выдвинулись цѣлыя группы ставшія совершенно на другую почву, но все таки значитъ и ихъ ухо недостаточно сильно рѣзали утвержденія подобныя вышеприведеннымъ, значитъ они не считали ихъ достаточно характерными, если они нашли возможнымъ пройти ихъ молчаніемъ. Такое равнодушіе тоже характерно для состоянія идей морского сословія.

Мнѣнія военныхъ писателей объ „отрицателяхъ военной науки“.

Конечно типъ «отрицателя науки» имѣется не только у насъ, а вездѣ, и мы привели только конкретные примѣры изъ мнѣній высказанныхъ и какъ-бы молчаливо поддержанныхъ въ русскомъ морскомъ сословіи только потому, что они намъ лучше извѣстны. Напр. Мегенъ въ предисловіи къ одному изъ своихъ трудовъ *) говоритъ, что онъ пришелъ къ заключенію, что явленія морской войны управляются тѣми-же основными принципами военнаго искусства, которые примѣняются и въ войнѣ сухопутной, хотя и отмѣчаетъ, что «развитіе военнаго искусства на морѣ шло медленнѣе и въ настоящее время (1892 г.) подвинуто менѣе чѣмъ искусство войны на

*) Вліяніе морской силы на французскую революцію и имперію стр. VI — VII.

сушѣ». Мегенъ объясняетъ это существованіемъ въ средѣ моряковъ значительнаго числа лицъ, съ пренебреженіемъ относящихся къ изученію прошлаго и преподаннаго имъ опыта, какъ «не приложимаго къ дѣлу», т. е. категоріи лицъ, отрицающихъ практическое значеніе и даже возможность существованія общихъ идей и усматривающихъ въ каждомъ новомъ историческомъ фактѣ явленіе, не имѣющее ничего общаго съ историческимъ прошлымъ.

Отмѣчая это указаніе Мегена, профессоръ стратегіи Н. П. Михневичъ говоритъ (*): «это повтореніе той-же исторіи, что и въ наукѣ о сухопутной войнѣ; и тамъ существуетъ та-же категорія отрицателей, про которыхъ къ сожалѣнію можно сказать, что они за деревьями лѣса не видятъ».

Что наука плохо проникаетъ и въ армію, хотя послѣдняя по постановкѣ тамъ военнаго образованія должна была-бы быть болѣе къ этому подготовлена чѣмъ флотъ, который долгое время совсѣмъ былъ лишенъ военнаго образованія, отмѣчаетъ и профессоръ тактики Б. М. Колюбакинъ въ своей статьѣ «Къ реформѣ тактической подготовки арміи». Онъ видитъ причину этого въ оторванности науки отъ арміи, т. е. въ томъ, что наука является у насъ достояніемъ лишь спеціальной литературы, а жизненнаго примѣненія ея въ арміи, въ системѣ ея обученія для боя, мы, къ сожалѣнію, какъ не встрѣчали до войны, такъ не видимъ этого и послѣ.

Въ заключеніе приведемъ мнѣніе Г. А Леера (**), что «стремленіе къ научнымъ обобщеніямъ, къ раскрытію законовъ, лежащихъ въ основѣ явленій, присуще только высшему умственному развитію какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и массъ; слѣдовательно оно встрѣчается только у высоко-культурныхъ людей и обществъ. У обществъ-же низко-культурныхъ, у дикарей, этой потребности не только не существуетъ, но у нихъ даже нѣтъ словъ для выраженія хотя-бы *родовыхъ понятій*. (Въ языкѣ чоктаусовъ есть названіе чернаго, бѣлаго

(*) Морской Сборникъ за 1899 г. № 7, библ. стр. 2—3.
(**) «Методъ военныхъ наукъ» стр. 53.

и краснаго дуба, но нѣтъ названія для обозначенія дуба вообще и тѣмъ менѣе дерева). Отрицаніе принциповъ (теоріи, науки), такимъ образомъ, при извѣстныхъ условіяхъ, хотя и становится понятнымъ, но тѣмъ не менѣе остается явленіемъ все-таки крайне прискорбнымъ. *Отсутствіе идейности* является весьма *нелестной* рекомендаціей для общества».

Типъ отрицателя науки — вѣченъ.

Всѣ приведенные примѣры доказываютъ высказанное выше положеніе (стр. 56), что отрицатели теоріи будутъ всегда, и никакой опытъ, даже участіе въ войнѣ — этихъ отрицателей просвѣтить не можетъ. Притомъ мы видѣли, что всѣ эти отрицанія совершенно голословны и таятъ въ себѣ въ той или иной формѣ — просто невѣжество. Поэтому приходится ограничиться лишь констатированіемъ факта такого отрицанія, но считаться съ нимъ при оцѣнкѣ значенія теоріи нельзя. Считаться съ этимъ фактомъ надо лишь только въ томъ отношеніи, что разъ онъ существуетъ и разъ онъ имѣетъ гораздо большее распространеніе, чѣмъ это принято обыкновенно думать, то надо самымъ обстоятельнымъ образомъ разобрать вопросъ о значеніи теоріи въ военномъ дѣлѣ и объ отношеніи ея къ опыту. Это и вызываетъ столь обширный размѣръ настоящей главы.

Драгомировъ объ опытѣ и теоріи.

Самая вредная тенденція, съ которой необходимо энергично бороться — это отдѣленіе теоріи отъ опыта — ихъ противупоставленіе другъ другу. Когда задали генералу Драгомирову вопросъ — что важнѣе — теорія, или боевой опытъ, то онъ высмѣялъ такой вопросъ. Точно опытъ и теорія, говоритъ онъ — отдѣльныя вещи? Вѣдь опытъ — это переживаніе событія. Но много пережившій — это еще не значитъ опытный (*). Необходимо извѣстное отношеніе къ факту — и именно такое, которое обезпечивало-бы цѣлесообразную дѣятельность въ будущемъ. А для этого надо умѣть отнестись къ переживаемому критически, а это возможно лишь при извѣстномъ развитіи, а таковое даетъ именно теорія.

(*) Точно также, какъ и много плававшій — это еще не значитъ морякъ, и всегда надо помнить выраженіе адмирала Лазарева о «чемоданѣ».

Отношеніе теоріи къ творчеству.

Теорія облегчаетъ воспріятіе, сравненіе и умозаключеніе— и только такимъ путемъ пережитое обращается въ капиталъ.

Цѣнность опыта зависитъ именно отъ теоретической къ нему подготовки, а теорія всецѣло обусловливается опытомъ, такъ какъ теорія — это не болѣе какъ собранный въ выводы пережитой опытъ.

А отсюда ясно, насколько теорія и опытъ крѣпко между собою связаны, и значитъ насколько лишенъ здраваго смысла вопросъ — что важнѣе теорія или боевой опытъ.

Теорія — это компасъ для творчества. Она направляетъ его на путь правильныхъ рѣшеній, не указывая самыхъ рѣшеній, и такимъ образомъ она не сковываетъ творчества, предоставляя ему полную свободу и даетъ ему лишь правильныя отправныя точки.

Чтобы имѣть возможность это дѣлать, теорія занимается изслѣдованіемъ сущности войны какъ явленія, намѣчаетъ законы управляющіе этими явленіями, и исходя изъ нихъ оцѣниваетъ, т. е. указываетъ положительныя и отрицательныя стороны всѣхъ средствъ войны и различныхъ способовъ ихъ примѣненія. Все это она почерпаетъ изъ изученія опыта прошедшаго, и очевидно, чѣмъ шире будетъ захваченъ періодъ этого опыта, чѣмъ будетъ онъ разнообразнѣе по обстановкѣ, тѣмъ выводы теоріи будутъ убѣдительнѣе.

Теорія— это отсутствіе рецептуры.

Такимъ образомъ теорія можетъ давать практикѣ указанія и общаго и детальнаго характера, но характеристика этихъ указаній будетъ неизмѣнна — одно лишь направленіе творчества на извѣстный путь, съ предоставленіемъ полной свободы ему идти по этому пути, указаніе только извѣстныхъ отправныхъ точекъ — полное отсутствіе такъ называемой рецептуры.

Едва-ли надо пояснять пользу для практики указаній законовъ управляющихъ военными явленіями — это, повторяю, для творчества, которое можетъ быть направлено въ любую сторону, то-же самое, что компасъ для мореплавателя. Не столь ясно, какія детальныя указанія можетъ давать теорія практикѣ и въ чемъ польза такихъ указаній?

Для поясненія этого посмотримъ — какую пользу напр. могутъ принести въ такомъ практическомъ дѣлѣ, какъ морская тактика различныя теоретическія разсужденія, основанныя на чисто геометрическихъ соображеніяхъ (*). **Значеніе теоріи въ морской тактикѣ.**

Здѣсь будетъ кстати отмѣтить, что различныя геометрическія соображенія въ гораздо бо́льшой степени приложимы къ морской тактикѣ, нежели къ сухопутной. Такъ какъ море представляетъ изъ себя ровную поверхность, то корабли обыкновенно могутъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, избирать любой путь, чтобы перейти съ одного мѣста на другое. Поэтому только на морѣ путь боевой единицы можетъ быть прямой линіей, дугой круга, или какой либо другой кривой, поддающейся изслѣдованію (напр. боевая локсодромія), только на морѣ корабли могутъ располагаться и двигаться въ видѣ геометрическихъ фигуръ. Въ управленіе кораблемъ входитъ цѣлый рядъ геометрическихъ соображеній, совершенно неизвѣстныхъ на сухомъ пути: углы, на который положенъ руль, румбы, пеленги, вліяніе теченія, дуги описываемыя носомъ или кормой — все это сплошь и рядомъ или соображается глазомѣромъ, или прокладывается на картѣ.

Поэтому нѣтъ причины, чтобы эти и подобныя имъ геометрическія соображенія не входили, такъ или иначе, въ управленіе кораблемъ въ бою. Но разница состоитъ въ томъ, что въ бою все должно быть рѣшено быстро, чертить что либо на бумагѣ или картѣ будетъ невозможно. А потому является вопросъ — если геометрія даже и даетъ отвѣты на

(*) Дальнѣйшія разсужденія взяты мною цѣликомъ изъ моихъ академическихъ лекцій по морской тактикѣ (литографированное изданіе 1897 года, часть 3-я, выпускъ IV) и моей статьи «Дозорная и развѣдочная служба», помѣщенной въ морской справочной книжкѣ В. К. А. М. за 1899, 1901 и 1904 года. Я вынужденъ сдѣлать это указаніе потому, что у нѣкоторыхъ авторовъ я встрѣтилъ дословныя цитаты, иногда цѣлыми страницами, изъ моихъ работъ, причемъ, по недосмотру конечно — безъ указанія источника. Такимъ образомъ, повторяя свои собственныя мысли, я могу быть обвиненъ въ заимствованіи ихъ у другихъ, безъ указанія источника. Къ сожалѣнію такіе случаи бывали, и потому эта замѣтка является для меня непріятной необходимостью.

нѣкоторые вопросы тактики, то какая отъ этого будетъ польза въ бою, гдѣ все-равно заниматься геометрическими соображеніями будетъ невозможно.

На это нужно отвѣтить, что геометрическіе способы рѣшенія тактическихъ вопросовъ совершенно и не предназначаются для боя — тамъ всякій вопросъ будетъ разрѣшаться моментально въ головѣ командира его опытностью и глазомѣромъ, но вотъ въ пріобрѣтеніи этого-то глазомѣра задолго до боя, въ мирное время, геометрическія соображенія могутъ играть чрезвычайно важную роль. Изъ нихъ можно прежде всего, при совершенно спокойномъ состояніи духа, у себя въ каютѣ, составить себѣ общую идею о томъ направленіи, въ которомъ надо дѣйствовать на самомъ дѣлѣ, какихъ положеній слѣдуетъ во чтобы то ни стало избѣгать, какой будетъ кратчайшій путь, который приведетъ къ поставленной себѣ цѣли, затѣмъ — какія цѣли совершенно недостижимы.

Эти первоначальныя соображенія — отправныя точки —, повѣренныя нѣсколько разъ на опытѣ въ мирное время, когда имѣется достаточное время, чтобы заняться этимъ на свободѣ, конечно могутъ оказаться въ той или другой своей части неправильными, но зато другія, которыя подтвердятся на опытѣ вызовутъ дальнѣйшую теоретическую разработку, дальнѣйшіе опыты и т. д... Такимъ образомъ такая постановка дѣла заставитъ умъ все время работать въ вѣрномъ направленіи, заставитъ правильно его развиваться, а правильно развитой умъ, вмѣстѣ съ прекраснымъ глазомѣромъ, вынесеннымъ изъ опытовъ, и дадутъ такого командира, который въ пылу боя, сразу, безъ всякаго раздумья, совершенно инстинктивно, всегда остановится на вѣрномъ разрѣшеніи вопроса. Вотъ это и значитъ — направлять творчество на путь правильныхъ рѣшеній, предоставляя ему полную свободу въ этихъ рѣшеніяхъ. Въ этомъ и будетъ въ данномъ случаѣ заключаться работа теоріи на пользу опыта, для подготовки его къ окончательной отшлифовкѣ въ бою — къ пріобрѣтенію *сознательнаго боевого опыта — капитала*, какъ его называетъ Драгомировъ.

Какъ понимать выраженіе—„теорія направляетъ творчество на путь правильныхъ рѣшеній“.

Значитъ геометрія въ тактикѣ помогаетъ правильному развитію ума, направляя его на вѣрный путь. Напр. въ тотъ періодъ, когда имѣлъ смыслъ таранный бой, самыя простыя геометрическія соображенія указывали сразу, что выгодно расположиться въ извѣстномъ разстояніи въ кильватеръ противнику, и что для занятія выгодной позиціи, идя съ противникомъ контракурсами, слѣдуетъ ему поворачивать подъ корму, не позволяя того-же дѣлать противнику. Также легко разобрать на бумагѣ—какъ распредѣляются выгоды и невыгоды противниковъ, въ зависимости отъ ихъ скоростей и діаметровъ циркуляцій, и къ какимъ положеніямъ имъ надо стремиться при различныхъ комбинаціяхъ и какихъ слѣдуетъ избѣгать.

Примѣръ такой теоретической подготовки и притомъ очень обстоятельной мы имѣемъ у Бутакова — а его едва-ли можно причислять къ теоретикамъ — въ его книгѣ «Новыя основанія Пароходной тактики» вообще и въ частности въ главѣ VII (изд. 1863 г. стр. 181 — 235), посвященной изслѣдованію таранного боя.

Если съ такой подготовкой, потомъ начать практиковаться въ таранномъ боѣ — какъ напр. это дѣлали на особыхъ таранныхъ барказахъ на эскадрѣ адмирала Г. И Бутакова, то практикующимся уже не приходилось терять времени на то, чтобы наткнуться путемъ продолжительной практики на тѣ исходныя положенія, которыя на бумагѣ получаются въ самое короткое время. Имъ оставалось только повѣрить эти положенія, и затѣмъ практиковать свой глазомѣръ въ использованіи тѣхъ указаній, которыя дала теорія, съ тѣмъ, чтобы ко времени боя и забыть о нихъ, достигнувъ *инстинктивнаго* ихъ примѣненія.

И именно адмиралъ Г. И. Бутаковъ, какъ сдѣлавшій подробный теоретическій разборъ таранного боя, былъ способенъ организовать таранныя упражненія и притомъ такъ, что они приносили несомнѣнную пользу учавствовавшимъ въ этихъ упражненіяхъ офицерамъ. Иначе прошло-бы очень долгое время, пока таковыя упражненія стали-бы становиться осмы-

сленными, и вѣроятно онѣ-бы и не дошли до этого момента, такъ какъ гораздо раньше потеряли-бы всякій интересъ для личнаго состава.

Просматривая нѣсколько различныхъ тактикъ того періода времени, когда еще допускалось употребленіе въ бою тарана (*), видно, что хотя всѣ авторы признаютъ возможность таранного боя, но никто изъ нихъ не разобралъ его даже приблизительно съ тою степенью подробности, какъ это сдѣлалъ Г. И. Бутаковъ. Не надо-ли отчасти именно этимъ объяснить тотъ фактъ, что ни въ одномъ флотѣ таранныя упражненія не были поставлены такъ хорошо, какъ на эскадрѣ Г. И. Бутакова. Къ сожалѣнію со смертью талантливаго адмирала окончились и таранныя упражненія въ русскомъ флотѣ и самое сочиненіе его основательно было забыто (**).

Другой характерный примѣръ теоретической подготовки путемъ геометрическихъ соображеній практической постановки дѣла — это въ практикѣ дозорной и развѣдочной службы. И опять — первыя такія изслѣдованія и притомъ очень обстоятельныя появились у французскихъ морскихъ писателей, напр., у адмирала Фурнье, котораго также, какъ и Г. И. Бутакова едва-ли кто рѣшится причислить къ «теоретикамъ», и именно во французскомъ флотѣ и главнымъ образомъ въ отрядахъ и эскадрахъ, которыми командовалъ адмиралъ Фурнье была раньше всего обстоятельно поставлена практика въ дозорной и развѣдочной службѣ. И въ русскомъ флотѣ, хотя и въ минимальныхъ размѣрахъ эта практика, начала пробивать себѣ дорогу лишь тогда, когда въ русскую морскую литературу начали проникать основанія, на которыхъ это дѣло

(*) Напр. «Eléments de tactique navale» par le Vice-Amirale Penhoat. 1879; «Studien über Seetaktik» Ferd. Atlamayr. 1875 (австр.); «Betrachtungen über Seetaktik» 1892 (герм.); «Elementary naval tacties» by commander Bainbridge-Hoff 1894 и др...

(**) О бывшихъ когда то таранныхъ упражненіяхъ напоминаютъ только «таранные» барказы, существующіе при артиллерійскомъ отрядѣ въ Ревелѣ. Именно на нихъ и упражнялись Бутаковскіе командиры. Названіе ихъ сохранилось. Одинъ изъ нихъ впрочемъ погибъ этимъ лѣтомъ на Ревельскомъ рейдѣ отъ столкновенія

было поставлено во Франціи. Къ сожалѣнію эти попытки были столь единичны и разбросаны, и настолько мало успѣли проникнуть въ толщу флота ко времени войны съ Японіей, что во время этой войны, какъ дозорная, такъ и развѣдочная службы оказались на самомъ низкомъ уровнѣ, что также прибавило свою долю къ причинамъ нашихъ неудачъ.

Дѣйствительно теоретическая подготовка практики именно въ дозорной и развѣдочной службѣ можетъ принести особенно ощутительную пользу, такъ какъ здѣсь практика въ мирное время можетъ наиболѣе близко подходить къ дѣйствительности, а потому и явится наиболѣе плодотворной; въ самомъ дѣлѣ — вѣдь бой для дозорныхъ и развѣдочныхъ судовъ является исключеніемъ, и для рѣшенія всевозможныхъ задачъ, относящихся къ этимъ службамъ, требуется лишь обозначить противника.

Опять повторяемъ, не надо думать, что командиръ, при рѣшеніи того или другого вопроса, относящагося къ этимъ службамъ, въ особенности имѣя непріятеля въ виду, долженъ прежде всего взяться за различныя математическія выкладки, чтобы совершить тотъ или другой маневръ. Отнюдь нѣтъ. Этого, конечно, онъ дѣлать не будетъ и будетъ совершенно правъ, ибо, занявшись выкладками, онъ можетъ упустить благопріятный моментъ, который уже больше и не представится; здѣсь, очевидно, въ большинствѣ случаевъ, все будетъ зависѣть отъ его опытности и глазомѣра.

Но вотъ эти-то столь драгоцѣнные опытность и глазомѣръ не сваливаются съ неба — съ полученіемъ званія командира корабля. Для пріобрѣтенія этихъ качествъ нужна долгая практика, хотя бы и въ мирное время, и практика эта должна быть организована такъ, чтобы опытность и глазомѣръ могли быть получены въ наикратчайшій промежутокъ времени, чтобы устранить безполезные опыты, отнимающіе столько времени и приводящіе лишь къ сознанію сдѣланной ошибки. Однимъ словомъ, надо организовать правильную систему подготовки къ боевой дѣятельности, ведущую къ истинѣ прямымъ путемъ, а не окольной дорогой всякихъ попытокъ,

не имѣющихъ подъ собой никакой почвы. Вотъ здѣсь-то и принесутъ громадную пользу различныя, чисто теоретическія соображенія. Онѣ даютъ возможность сначала разобрать, различныя комбинаціи того или другого вопроса на бумагѣ, выяснить—которыя изъ нихъ выгоднѣе и какъ нужно поступать чтобы поставить себя въ эти наивыгоднѣйшія условія. Этотъ разборъ и будетъ исходной точкой для практическихъ упражненій, послѣ которыхъ оказавшееся не пригоднымъ на практикѣ можетъ быть отброшено, и вмѣстѣ съ тѣмъ практика можетъ возбудить новые вопросы, которые опять, раньше чѣмъ испытывать, надо разобрать на бумагѣ, чтобы не дѣлать безполезныхъ опытовъ. Только такой совмѣстной работой теоріи съ практикой, все время повѣряющихъ другъ друга, можетъ создаться у командировъ и глазомѣръ и опытность, которые много помогутъ имъ въ боевой обстановкѣ. Практиковаться-же, не разобравъ вопроса въ теоріи — это значило бы бродить въ темнотѣ и надѣяться набрести на истину ощупью.

Теорія помогаетъ созданію глазомѣра.

Итакъ теорія ничего не *рѣшаетъ* — она только *объясняетъ*. «Ея назначеніе», какъ выразился Наполеонъ (*) — «дать только *общія идеи*, образующія умъ». Рѣшаетъ практика, но разумно можетъ она это дѣлать только руководствуясь *объясненіями* теоріи.

На почвѣ практики въ такихъ разумныхъ рѣшеніяхъ создается *сознательный опытъ*. Совмѣстная работа теоріи и опыта, постоянно другъ изъ друга вытекающихъ даетъ *науку*. Безъ теоріи нѣтъ совсѣмъ науки, а безъ практики нѣтъ движенія науки впередъ, такъ какъ теорія только резюмируетъ въ систематическомъ сводѣ и въ разумномъ ихъ истолкованіи результаты прежняго опыта.

Лееръ объ отношеніи между теоріей и практикой.

Вотъ какъ опредѣляетъ Г. А. Лееръ (**) отношеніе между теоріей и практикой. «*Наука, будучи силой регулирующею* творчество, въ то-же время является и *силой примиряющею* всякаго рода противорѣчія, и прежде всего—столь часто указываемое *противорѣчіе между теоріей и практикой*».

(*) «Методъ военныхъ наукъ»», стр. 47.
(**) «Методъ военныхъ наукъ», стр. 60.

«Къ этому *примиренію ихъ* изученіе каждой науки и должно окончательно приводить. Тотъ-же (а многіе и находятся именно въ этомъ положеніи), кто противупоставляетъ теорію практикѣ (или обратно), — что конечно односторонне, а слѣдовательно и ложно—тотъ до этой *примиряющей силы*, которая заключается въ основательномъ усвоеніи той или другой науки, не доросъ».

«Для него *идеалы* науки становятся въ разрѣзъ съ *фактами* обыденной жизни. Для того-же, кто въ этихъ *идеалахъ* видитъ *руководящіе принципы для практики, направляющіе послѣднюю на путь здравыхъ рѣшеній того или другого вопроса, и безъ этой регулирующей силы не можетъ себѣ представить никакой раціональной практической дѣятельности*,— для того подобнаго противорѣчія не существуетъ, теорія и практика не становятся на дыбы одна на другую и не претендуютъ, каждая сама по себѣ, на независимое, самостоятельное существованіе; онъ очень хорошо понимаетъ, что обѣ онѣ составляютъ лишь нераздѣльныя части извѣстнаго цѣлаго, отъ дружнаго содѣйствія, отъ гармоническаго сочетанія между которыми ближе всего и зависитъ судьба этого цѣлаго».

ГЛАВА III.

Принципы, правила и нормы.

«Вліяніе боя выражается главнымъ образомъ не въ убіеніи непріятельскихъ войскъ, въ а убіеніи ихъ духа» Клаузевицъ. (По методу В. Н. Леера).

«О нравственная сила, ты—царица армій». Маршалъ Бюжо.

(Опытъ военной психологіи Компсано, стр. VIII, изъ письма генерала Канонжа).

«Нравственная сила ставилась на первое мѣсто всѣми геніальными военными людьми, оставившими по себѣ кровавый слѣдъ въ исторіи».

Генералъ Канонжъ.

(Тамъ-же).

Мы опредѣлили (стр. 45) теорію—какъ ту часть науки, которая выясняетъ закономѣрность или неизмѣнный порядокъ тѣхъ явленій, которыя составляютъ предметъ изученія этой науки.

Значитъ первое, что должна сдѣлать теорія науки — это найти, выяснить и формулировать тѣ основанія, которыя даютъ право заключить о закономѣрности въ извѣстной области явленій.

Каждая наука строится на фундаментѣ такихъ основаній, которыя, въ зависимости отъ характера и объекта науки, и отъ степени ея совершенства, называются или аксіомами, или гипотезами, или законами. Въ дѣйствительности въ различныхъ наукахъ часто названія даваемыя вышеупомянутымъ основаніямъ являются далеко не точными—сплошь и рядомъ

напр. называютъ закономъ то, что представляетъ изъ себя не болѣе какъ болѣе или менѣе вѣроятную гипотезу, и именно благодаря этому, въ естественныхъ наукахъ, а тѣмъ болѣе въ соціальныхъ—нерѣдко случается, что съ развитіемъ и усовершенствованіемъ науки тотъ или другой, такъ называемый, «законъ» оказывается несостоятельнымъ и замѣняется новымъ, который ничѣмъ не застрахованъ отъ того, что и его постигнетъ такая-же участь. Даже въ математикѣ, напр. нѣкоторыя аксіомы не являются таковыми въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. такими истинами,—которыя очевидны непосредственно, внѣ характера нашего представленія объ объектѣ аксіомы. Въ этомъ смыслѣ напр. положеніе, что каждая величина равна самой себѣ—аксіома въ точномъ значеніи этого слова, а напр. положеніе, что кратчайшее разстояніе между двумя точками—прямая ихъ соединяющая—это аксіома, вытекающая изъ характера нашего представленія о прямой линіи.

Что такое законъ.

Законъ, въ смыслѣ научномъ, по опредѣленію профессора В. Нечаева (*) — это постоянное, опредѣленное и *неизмѣнное* соотношеніе между явленіями природы и явленіями человѣческой, какъ индивидуальной, такъ и общественной жизни, существующее, благодаря постоянному и неизмѣнному соотношенію силъ и факторовъ, производящихъ эти явленія.

Подъ такое опредѣленіе едва-ли подойдетъ хотя-бы одинъ изъ существующихъ законовъ, ужъ хотя-бы потому, что соотношеніе между извѣстными явленіями мы можемъ наблюдать и слѣдовательно знать, и въ извѣстныхъ предѣлахъ можемъ знать о неизмѣнности этого соотношенія — путемъ постоянной провѣрки,—но сущности тѣхъ силъ и факторовъ, которые производятъ явленіе мы часто не знаемъ, а значитъ и не можемъ утверждать, что мы знаемъ *всѣ* эти факторы и силы, и не можемъ знать о предѣлахъ постоянства ихъ соотношеній.

Даже напр. такой законъ какъ законъ всеобщаго тяготѣнія, съ отвлеченной точки зрѣнія, не имѣющей однако пока

(*) Энцикл. Сл. Брокг. и Ефр. Томъ XII стр. 177.

никакой опоры въ опытѣ, быть можетъ тоже подлежитъ отклоненіямъ (*).

Періодическій законъ элементовъ Менделѣева уже колеблется подъ вліяніемъ новѣйшихъ открытій въ химіи, и именно изъ за того, что при установленіи этого закона были замѣчены соотношенія между простыми тѣлами, но сущность этихъ простыхъ тѣлъ не была точно извѣстна, напр. возможность перехода одного простого тѣла въ другое.

Точно также опытъ напр. показываетъ, что газы не слѣдуютъ такъ называемому «закону» Бойля-Маріотта, ни при очень сильныхъ давленіяхъ, ни при очень слабыхъ, и кромѣ того характеръ отступленій неодинаковъ для различныхъ газовъ.

Тѣмъ болѣе значитъ шатки «законы» соціальныхъ явленій, такъ какъ, помимо трудности проникнуть въ сущность элементовъ производящихъ извѣстное явленіе, самые способы для того, чтобы замѣтить постоянство соотношеній очень не совершенны и ненадежны.

Самыя совершенныя науки — математическія и не ввели въ свою терминологію слова «законъ», хотя-бы только онѣ одни и имѣли на это право по простотѣ и неоспоримому постоянству соотношеній между извѣстными категоріями величинъ.

По отношенію только къ явленіямъ природы, профессоръ Ѳ. Петрушевскій опредѣляетъ законъ — какъ количественную зависимость одного явленія отъ другого, или нѣсколькихъ другихъ, служащихъ причиною перваго или совмѣстныхъ съ нимъ явленій; также—какъ количественно выраженную взаимную зависимость свойствъ тѣлъ. При томъ признакомъ дѣйствительнаго закона считается простота этихъ количественныхъ отношеній. Если нѣтъ этой простоты, то онъ такія числовыя зависимости между явленіями или свойствами тѣлъ считаетъ заслуживающими только названія правилъ. Напр. за таковое онъ считаетъ численную зависимость между темпе-

(*) Тамъ-же. Стр. 182. Статья профессора Ѳ. Петрушевскаго.

ратурой и упругостью пара въ закрытомъ сосудѣ, такъ какъ она выражается очень сложною въ математическомъ отношеніи формулою. Если-же отношенія между величинами, характеризующими явленіе, не могутъ быть измѣрены, и законъ выражаетъ только характеръ или качество явленій, то такой законъ считается неполнымъ и носитъ названіе *качественнаго* закона въ отличіе отъ закона *количественнаго*. Въ наукѣ обыкновенно первые являются предшественниками вторыхъ. На самомъ дѣлѣ огромное большинство такъ называемыхъ «законовъ»—не болѣе какъ *гипотезы*, т. е. предположенія, требующія подтвержденія наблюденіемъ, которыя существуютъ только до тѣхъ поръ, пока какой нибудь одинъ тщательно наблюденный фактъ имъ противорѣчащій ихъ не опрокинетъ и они не замѣняются другими.

Что такое гипотеза.

Достоинство гипотезы (*), оцѣнивается не только степенью согласія выведенныхъ изъ нея объясненій съ наблюденіями, но и степенью согласія самыхъ основаній гипотезы съ современнымъ ей міровоззрѣніемъ. Неограниченіе выбора гипотезы такими условіями дало-бы возможность подобрать самыя невѣроятныя основы для математическаго вывода результатовъ, совершенно согласныхъ съ наблюдаемыми явленіями. А это согласіе, вмѣстѣ со стройностью математическихъ выводовъ, часто подкупаетъ ученаго и заставляетъ его забывать непрочность самыхъ основаній выводовъ; между тѣмъ эти выводы отчасти и держатся только на этихъ зыбкихъ основаніяхъ и падаютъ вмѣстѣ съ ними. Но пока это случится, задержано будетъ развитіе истиннаго объясненія явленія, особенно если творцомъ ложной гипотезы является первоклассный авторитетъ. Такова, напр., была покинутая теперь гипотеза Ньютона, объяснявшая явленія свѣта истеченіемъ изъ свѣтящагося тѣла особой свѣтовой матеріи. Наоборотъ—постоянное подтвержденіе гипотезы наблюденіемъ увеличиваетъ вѣроятность правильности ея постановки, въ особенности если гипотеза даетъ возможность предсказывать еще ненаблюденныя явленія.

(*) Энцкл. Слов. Брокг. и Ефр. Т. VIIIA, стр. 735, статья профессора Фанъ-деръ-Флита.

Тогда гипотеза возводится на степень теоріи даннаго ряда явленій. Такова гипотеза того-же Ньютона о всемірномъ тяготѣніи; постоянное согласіе результатовъ вычисленія съ наблюдаемыми движеніями небесныхъ тѣлъ, предсказанное заранѣе открытіе планеты Нептунъ подтвердило гипотезу Ньютона и возвело ее на степень теоріи движенія небесныхъ тѣлъ.

Обратиться въ теорію соотвѣтственныхъ явленій, подтвержденную наблюденіями, могутъ лишь тѣ гипотезы или части гипотезы, которыя вѣрно выражаютъ способъ или законъ дѣйствія причинъ, количественное соотношеніе между этими дѣйствіями и этимъ самымъ даютъ основаніе для новыхъ выводовъ, объясненій и предсказаній явленій. Тѣ-же гипотезы, или части ихъ, которыя касаются сущности причинъ явленій, *недоступной наблюденію*, не могутъ разсчитывать на долговѣчность; онѣ необходимо должны или потерять свое значеніе или видоизмѣниться вмѣстѣ съ измѣненіемъ воззрѣній на сущность явленій, съ развитіемъ познаній природы. Примѣръ тому—та же теорія всемірнаго тяготѣнія. Сила тяготѣнія по существу совершенно намъ непонятна, но гипотеза Ньютона о *проявленіи* дѣйствія этой силы выражаетъ дѣйствительный ходъ явленій. А это-то и важно; мы наблюдаемъ не силы между небесными тѣлами, а ускореніе движенія тѣлъ, а эти ускоренія именно таковы, какъ будто-бы между тѣлами существовало взаимное тяготѣніе по гипотезѣ Ньютона. Точно также, напр. гипотеза волнообразнаго движенія свѣтового эфира вѣрна и согласна съ наблюденіями, пока она объясняетъ свѣтовыя явленія періодическими движеніями или измѣненіями въ нѣкоторой упругой средѣ—эфирѣ. Наблюдаемыя свѣтовыя явленія позволяютъ дѣлать нѣкоторыя общія заключенія о свойствахъ этой сферы; но лишь только мы коснемся вопроса о сущности эфира, такъ тотчасъ теряемъ прочную почву подъ ногами. Сущность вещества остается намъ недоступной.

Изъ этого явствуетъ сколь опасно прибѣгать къ гипотезамъ въ соціальныхъ наукахъ.

Въ нихъ очень трудно создать гипотезу, которая выражала-бы законъ дѣйствія причинъ и давала-бы количественнее

соотношеніе между этими дѣйствіями. Слишкомъ для этого сложна и пестра любая область соціальныхъ явленій, слишкомъ много одновременно дѣйствующихъ причинъ, и слишкомъ трудно поддаются ихъ дѣйствія какимъ-либо количественнымъ подсчетамъ. Здѣсь гипотезы скорѣе сбиваются на попытки объясненія сущности явленій, и въ результатѣ—полная разноголосица, такъ какъ взгляды на сущность, которая собственно не наблюдается, а чувствуется—чрезвычайно субъективны.

Въ области соціальныхъ наукъ не существуетъ законовъ и очень опасно прибѣгать къ гипотезамъ.

Самыми цѣнными основаніями для науки являются аксіомы, т. е. положенія, истинность которыхъ представляется очевидной нашему уму, по самому смыслу и значенію словъ его составляющихъ, положенія очевидныя непосредственно безъ всякаго вывода ихъ изъ какихъ либо другихъ. Онѣ неоспоримы, и значитъ неизмѣнны, а потому и выводы изъ нихъ не подвержены колебаніямъ. Критическая философія (*) утверждаетъ, что аксіомы — какъ непосредственныя, наглядныя очевидности, существуютъ только въ математикѣ; философскія-же аксіомы это—положенія, очевидность которыхъ обусловливается характеромъ нашего представленія.

Что такое аксіома.

Можно-ли себѣ представить аксіомы въ соціальныхъ наукахъ? Намъ представляется, что по стольку, по скольку эти науки основываются на свойствахъ отдѣльнаго человѣка—нѣчто близкое къ аксіомамъ можетъ въ нихъ имѣть мѣсто. Конечно аксіомы не такого характера, какъ напр. аксіома—каждая величина равна самой себѣ — это непосредственная истинность, внѣ зависимости отъ того, что собственно мы подразумѣваемъ подъ величиной, но, напр., подобныя аксіомѣ—кратчайшее разстояніе между двумя точками—прямая линія ихъ соединяющая, которая собственно обусловливается нашимъ представленіемъ о прямой линіи.

Существуютъ-ли аксіомы въ соціальныхъ наукахъ.

Развѣ не столь-же очевидны и неоспоримы, напр., положенія, что два человѣка вмѣстѣ обладаютъ большей силой, чѣмъ каждый изъ нихъ, или чѣмъ человѣкъ по силѣ равный

(*) Энцкл. слов. Брокгз. и Эфр. Томъ I, стр. 307.

одному изъ нихъ, что при спокойномъ состояніи духа человѣкъ способенъ дѣйствовать разумнѣе, чѣмъ при неспокойномъ, что человѣкъ инстинктивно противится смерти, что опасность потерять жизнь нарушаетъ спокойное состояніе духа и т. п.

Всѣ эти положенія вытекаютъ изъ самонаблюденія, изъ разума, изъ самаго простого представленія о сущности человѣка.

Это не гипотезы, такъ какъ они сами собой складываются въ умѣ человѣка и собственно не вызываютъ потребности въ какой либо повѣркѣ. Разница между этими положеніями и гипотезами заключается въ томъ, что въ гипотезахъ предполагается какая-то сущность сама по себѣ по своимъ свойствамъ совершенно неизвѣстная и даже недоступная для наблюденія, какъ напр. существованіе эфира, или силы тяготѣнія и лишь надѣливъ эту сущность извѣстными свойствами (эфиръ упругостью, силу тяготѣнія — возможностью дѣйствовать безъ посредства вещества тѣлъ) получается возможность объясненія явленій.

Въ приведенныхъ же выше положеніяхъ, и таковыхъ можно подобрать очень много, сущность не придумана, каждый ее и ея свойства въ себѣ чувствуетъ и сознаетъ.

Тѣмъ болѣе къ характеристикѣ свойствъ человѣка не подойдетъ названіе «законовъ», такъ какъ никакихъ количественныхъ отношеній между этими свойствами вывести нельзя. Значитъ, если и употреблять здѣсь слово законъ, то надо, помнить, что дѣло идетъ только о законѣ «качественномъ», т. е. собственно совсѣмъ и не о «законѣ».

Поэтому ближе всего опредѣленія свойствъ отдѣльнаго человѣка подходятъ къ аксіомамъ, хотя безспорно это и не аксіомы.

Что такое принципъ.

Главный элементъ, который составляетъ сущность военныхъ явленій, который всего сильнѣе вліяетъ на характеръ ихъ проявленія — это человѣкъ, и главнымъ образомъ его моральныя качества. Поэтому, если это вѣрно,—примемъ это пока какъ гипотезу—всего правильнѣе и надежнѣе за основаніе изученія военныхъ явленій, т. е. за основаніе военныхъ наукъ принимать свойства человѣка, и прежде всего—моральныя.

Какъ мы видѣли выше, эти свойства нельзя выразить, ни въ видѣ аксіомъ, хотя именно къ нимъ они очень близки, ни въ видѣ гипотезъ, ни въ видѣ законовъ.

Свойства эти, или вѣрнѣе непосредственныя изъ нихъ слѣдствія, вытекающія изъ примѣненія ихъ къ военнымъ явленіямъ (слѣдствія изъ нихъ въ примѣненіи къ другимъ явленіямъ могутъ быть другія) носятъ въ военной наукѣ названіе *принциповъ*. Вотъ они то и служатъ въ военныхъ наукахъ тѣми основаніями, которыя даютъ право заключить о закономѣрности въ области военныхъ явленій (стр. 78) и выяснить это и составляетъ первую задачу теоріи.

Принципъ или начало (*)—это то, чѣмъ объединяется въ мысли и въ дѣйствительности извѣстная совокупность фактовъ. Идеальныя требованія къ метафизическому принципу сводятся къ тремъ: онъ долженъ обладать наибольшимъ внутреннимъ единствомъ и наибольшею полнотою содержанія, и связь его съ тѣмъ, что изъ него объясняется, должна быть наиболѣе ясною. Помимо такого опредѣленія этотъ терминъ употребляется также и для обозначенія извѣстныхъ особыхъ точекъ зрѣнія на ту или другую сторону мышленія и бытія.

Въ приложеніи къ соціальнымъ наукамъ мы считаемъ лучше опредѣлить *принципы—какъ неизмѣнныя условія* (точки зрѣнія) *ведущія къ достиженію опредѣленной цѣли, для которой существуетъ наука*.

Если напр. цѣль науки—правильное устройство общества, то принципы — это будутъ тѣ точки зрѣнія, которыя неизмѣнно будутъ способствовать такому устройству, внѣ зависимости отъ мѣста, времени и обстоятельствъ. Напр., таковой явится точка зрѣнія или принципъ справедливости, который и ляжетъ въ основаніе науки объ устройствѣ общества.

Что такое принципы въ военныхъ наукахъ.

Военная наука, взятая въ общемъ, только для того и существуетъ, чтобы достигнуть побѣды надъ противникомъ. Поэтому принципы военной науки—это тѣ *неизмѣнныя* условія,

(*) Энцикл. сл. Брокг. и Эфр. Томъ XXV стр. 238. Статья Соловьева.

которыя ведутъ къ побѣдѣ, и которыя значитъ должны быть положены въ основу всякихъ военныхъ дѣйствій, внѣ зависимости отъ средствъ, мѣста и времени. Если такихъ *неизмѣнныхъ* условій—принциповъ—не существуетъ, то нѣтъ и закономѣрности въ области военныхъ явленій, и значитъ познаніе этихъ явленій не подойдетъ подъ принятое нами опредѣленіе науки (стр. 26).

Принципы военнаго дѣла должны выводиться изъ моральныхъ свойствъ человѣка.

Значитъ, чтобы положить основаніе теоріи военной науки (стр. 78), надо прежде всего сдѣлать попытку намѣтить тѣ принципы, которые могутъ быть выведены изъ моральныхъ свойствъ человѣка (стр. 84—85). А такъ какъ эти моральныя свойства по своей сущности остаются неизмѣнными, то значитъ можно съ достаточнымъ основаніемъ предполагать, что неизмѣнны и тѣ принципы, которые могутъ быть непосредственно выведены изъ этихъ свойствъ.

Способы противодѣйствія инстинкту самосохраненія.

Основаніемъ для сужденія о слѣдствіяхъ, вытекающихъ изъ моральныхъ свойствъ человѣка, поставленнаго въ обстановку вооруженной борьбы—это его отношеніе къ ежеминутной возможности потерять свою жизнь. Такъ какъ человѣкъ созданъ для жизни, и жизнь для него дороже всего, и онъ инстинктивно противится смерти, то онъ можетъ заставить себя бороться съ этимъ естественнымъ стремленіемъ и идти на смерть только усиліемъ своей воли надъ физической своей природой, которая неизмѣнно противится смерти, въ силу инстинкта самосохраненія. Для проявленія этой воли ему нужно фиксировать свою мысль на такихъ представленіяхъ, которыя были-бы способны отодвинуть представленіе о смерти на задній планъ. Это могутъ быть чувства — патріотизма, чести, самолюбія, мести, злобы, отчаянія, алчности, выгоды, стадности, страха наказанія (*) и т. п... Эти различныя чувства могутъ быть очень различны по своему качеству, съ точки зрѣнія морали, но результатъ ихъ тотъ-же самый—такое состояніе духа, которое позволяетъ человѣку выдерживать болѣе или менѣе продолжительное время ожиданіе могу-

(*) Фридрихъ Великій считалъ, что солдатъ долженъ больше бояться палки своего капрала, чѣмъ непріятельской пули.

щей придти въ каждый моментъ смерти. Храбрость, степень сознательности дѣйствій въ бою (степень хладнокровія) —все это различныя степени такого состоянія духа, а трусость— это его недостатокъ въ такой степени, что представленіе о смерти превозмогаетъ всѣ вышеперечисленныя и имъ подобныя представленія.

Надежность такого состоянія, духа т. е. его степень и продолжительность конечно будутъ очень различны, въ зависимости отъ того, на какихъ чувствахъ оно базируется. Очевидно чувство патріотизма дастъ несравненно болѣе надежное таковое состояніе, чѣмъ, напр., чувство выгоды или тѣмъ болѣе—чувство страха наказанія за проявленіе трусости. Съ помощью угрозы наказаніемъ можно въ извѣстныхъ случаяхъ человѣка заставить идти въ бой, но надѣяться при этомъ на его доблесть въ бою, на сознательность его дѣйствій — совершенно нельзя и въ каждый данный моментъ у такого человѣка можетъ превозмочь чувство самосохраненія и онъ дастъ волю трусости. Различныя степени надежности разбираемаго состоянія духа принято обозначать выраженіями — «подъемъ духа», «высокое состояніе духа», «упадокъ духа» и т. п...

Все, что ведетъ къ подъему духа въ бою, то ведетъ и къ побѣдѣ, и должно быть тщательно изслѣдовано и формулировано военной наукой, такъ какъ упадокъ духа—это вѣрное пораженіе. Какую пользу могутъ принести даже превосходное оружіе, и таковое-же умѣнье имъ дѣйствовать, если по какимъ либо причинамъ пропали—охота сражаться или сознательность дѣйствій въ бою.

Такія чувства, какъ патріотизмъ, честь и т. п...—развиваются соотвѣтственнымъ воспитаніемъ, гражданскимъ и военнымъ. Цѣль этого воспитанія—вселять въ человѣка высокій гражданскій и военный духъ, и согласно опредѣленію нами принциповъ, въ основу такого воспитанія непремѣнно должны лечь *принципъ патріотизма*, *принципъ чести* и т. п.... Японцы напр., готовясь къ войнѣ съ Россіей, клали въ основу воспитанія народа между прочимъ и *принципъ ненависти*

Биб. Мор. Вх. Р. К. К. Ф.

къ русскимъ (*), и съ точки зрѣнія подъема военнаго духа при борьбѣ съ опредѣленнымъ, задолго намѣченнымъ противникомъ—это вполнѣ разумно. Нельсонъ говорилъ, что для того, чтобы разбить французовъ надо (конечно помимо многого другого) ихъ ненавидѣть какъ чертей. Ненависть къ поработителямъ даетъ огромный подъемъ духа возстающимъ порабощеннымъ. Впрочемъ въ этомъ случаѣ ненависть входитъ въ составъ чувствъ опредѣляющихъ патріотизмъ.

Всѣ военныя науки работаютъ надъ созданіемъ довѣрія къ своимъ силамъ.

Надъ подготовкой данныхъ для «высокаго состоянія духа» личнаго состава, собственно работаютъ всѣ военныя и военно-техническія науки. Напр. очевидно, что «на подъемъ духа» значительно вліяетъ довѣріе къ своимъ силамъ. И вотъ, напр., стратегія (см. Гл. I стр. 35 — 37) создаетъ это довѣріе, указывая наилучшіе способы и средства подготовки и веденія войны, организація — указывая какъ наилучшимъ образомъ распредѣлить работу для этой подготовки и использованія этихъ средствъ, военно-техническія науки, какъ создать лучшіе корабли, пушки, мины и т. п... и какъ наилучшимъ образомъ изучить ихъ технику, тактика направляетъ на наилучшій и кратчайшій путь обученія личнаго состава военному использованію оружія, и указываетъ наилучшія условія и пріемы для успѣшнаго боя.

И чѣмъ правильнѣе и энергичнѣе работа по всѣмъ этимъ отраслямъ, тѣмъ больше проникается личный составъ довѣріемъ къ обстановкѣ войны, къ оружію, къ начальникамъ, къ своимъ товарищамъ и подчиненнымъ — и несомнѣнно духъ такого личнаго состава всегда будетъ стоять очень высоко. Такимъ образомъ *принципъ развитія довѣрія къ своимъ силамъ* должен быть положенъ въ основу организаціи всѣхъ отраслей военнаго дѣла.

Принципъ развитія довѣрія къ своимъ силамъ.

Однако всѣ приведенные выше, пока для примѣра, принципы должны служить основами тѣхъ частей отраслей военнаго дѣла и военныхъ наукъ, которыя ставятъ себѣ цѣлью *подготовить* военную силу для войны.

(*) Статья г. Азбелева «Къ характеристикѣ японскаго воина» М. Сб. № 2 за 1909 годъ.

Но мы не затронули тѣхъ частей военныхъ наукъ, которыя относятся къ умѣнью комбинировать и пускать въ дѣло наивыгоднѣйшимъ образомъ данныя силы, имѣщіяся на театрѣ военныхъ дѣйствій, для созданія наилучшей обстановки для сраженій, и въ опредѣленномъ мѣстѣ—для побѣды въ бою.

Цѣль какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ одна—сломить волю противника—заставить его упасть духомъ. Въ умѣньѣ это сдѣлать и заключается главнымъ образомъ военный талантъ начальниковъ.

Вотъ и попытаемся теперь намѣтить тѣ *неизмѣнныя* условія—принципы—которыя ведутъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и на мѣстѣ боя къ тому, чтобы поднять духъ у себя, и заставить его упасть у противника.

Принципъ подставленія своей сильной стороны и уклоненія слабой.

Очевидно, что каждая военная сила имѣетъ свои сильныя и слабыя стороны, которыя проистекаютъ или изъ сущности состава этой силы,—напр. слабая подвижность пѣхоты, отсутствіе брони у минныхъ судовъ, —или отъ упущеній въ организаціи и вооруженіи данной военной силы—напр. недостаточность пѣхоты или миноносцевъ въ ея составѣ, плохое обученіе, значительное количество запасныхъ, устарѣлое вооруженіе, плохой ходъ и т. п.

Такъ какъ эти сильныя и слабыя стороны, въ зависимости отъ того—каковы онѣ—или сознаются всѣмъ личнымъ составомъ, или по крайней мѣрѣ его командным элементомъ, то очевидно чѣмъ лучше, посредствомъ различныхъ мѣропріятій, будетъ обезпечена слабая сторона отъ возможности противнику ее использовать, и чѣмъ искуснѣе будетъ выдвинута возможность пустить въ дѣло противъ врага именно сильную свою сторону, тѣмъ выше будетъ состояніе духа сознающей это части личнаго состава, а значитъ такія условія всегда, внѣ зависимости отъ времени, мѣста и средствъ будутъ способствовать побѣдѣ.

Эти условія выражаются въ *принципѣ подставленія своей сильной стороны и уклоненія слабой.*

Напр. если начальникъ, располагая миннымъ флотомъ, пошлетъ его атаковать противника, состоящаго изъ большихъ

судовъ днемъ, то конечно миноносцы выполнятъ приказаніе и пойдутъ, но личный составъ ихъ несомнѣнно въ извѣстной мѣрѣ падетъ духомъ, видя, что его посылаютъ на вѣрную неудачу и на безцѣльное избіеніе. Это вѣроятно поведетъ къ тому, что атака будетъ ведена вяло, и миноносцы отступятъ раньше, при такихъ потеряхъ, которыя далеко еще не привели-бы ихъ къ отступленію при болѣе благопріятной для нихъ обстановкѣ.

Напротивъ, непріятель увидѣвъ такую атаку, воспрянетъ духомъ, такъ какъ ему предоставляется возможность легко истребить миноносцы, которые ему, быть можетъ въ слѣдующую же ночь, надѣлали бы много вреда.

Все это будетъ прямымъ послѣдствіемъ пренебреженія принципомъ подставленія своей сильной стороны и уклоненія слабой.

Нельзя отрицать конечно, что у начальника могутъ имѣться серьезныя причины, чтобы произвести такую атаку, напр. непріятель входитъ именно днемъ въ такой раіонъ, въ который его, по какимъ либо важнымъ причинамъ, никакъ допустить нельзя, или если упустить этотъ моментъ, то непріятель получитъ значительное подкрѣпленіе и т. п. Но тогда начальникъ долженъ сдѣлать эти соображенія совершенно ясными для личнаго состава миноносцевъ и это будетъ *надежнымъ* средствомъ предупредить то паденіе духа, о которомъ было говорено выше, и атака въ данномъ случаѣ, не смотря на всю ея трудность, будетъ ведена, на сколько это окажется доступнымъ, энергично (*).

(*) Ознакомленіе людей съ предстоящими передвиженіями и маневрированіемъ, т. е. достиженіе того, чтобы каждый воинъ зналъ свой маневръ, является мѣрой противодѣйствія страху. Выясненіе цѣли маневра составляетъ сколачиваніе той логической лѣстницы, по которой идея, приказываемая къ исполненію, доберется до господствующаго положенія. А тогда она и будетъ ослаблять страхъ, который тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сосредоточеннѣе ожиданіе страданій. Сосредоточеніе идеи перейдетъ на маневръ. Суворовъ не только добивался, чтобы каждый воинъ зналъ свой маневръ, но чтобы онъ также сознавалъ его трудности и возможныя опасности. Зыковъ. «Какъ и чѣмъ управляются люди. Опытъ военной психологіи» стр. 112, 152 и 168.

Сознательность врагъ страха, ютящагося въ области безсознательности.

Это совсѣмъ не значитъ, что въ данномъ случаѣ, принципъ подставленія своей сильной стороны и уклоненія слабой оказался несостоятельнымъ или даже излишнимъ. Совсѣмъ нѣтъ. Это значитъ только, что принципъ этотъ былъ принятъ во вниманіе начальникомъ, и, при невозможности его не преступить, дурныя послѣдствія этого были, на сколько то отъ него зависѣло, уравновѣшены другими способами подъема духа личнаго состава.

Можно даже сказать такъ, что слабая сторона дневной минной атаки—паденіе духа личнаго состава—была въ данномъ случаѣ соотвѣтственными мѣрами изъята или укрыта.

Могло бы случиться такъ, что начальникъ не нашелъ-бы нужнымъ сдѣлать личному составу совершенно яснымъ неизбѣжность атаки, и ограничился бы только какимъ нибудь воодушевляющимъ приказомъ, сигналомъ, или рѣчью. Безспорно это тоже послужило-бы къ поднятію духа, но едва-ли это оказалось-бы столь-же надежно какъ первое средство. Это значило-бы, что начальникъ недостаточно принялъ во вниманіе принципъ подставленія сильной своей стороны и уклоненія слабой. Наконецъ, если-бы онъ просто, безъ всякаго объясненія, послалъ миноносцы въ атаку, то значеніе вышеуказаннаго принципа ему совершенно непонятно, и тутъ-то бы и сказалось все это значеніе, такъ какъ пренебреженіе имъ несомнѣнно содѣйствовало-бы неудачѣ.

Нѣкоторые, пожалуй, возразятъ на это, что развѣ недостаточно будетъ въ данномъ случаѣ вліянія дисциплины и чувства долга?

Такъ, многіе поддерживаютъ формулу — воинъ повинуется не разсуждая. Его долгъ подсказываетъ ему, что онъ долженъ повиноваться отданному ему начальникомъ приказанію, и выполнить это приказаніе — въ данномъ случаѣ атаку — до конца съ полнымъ самоотверженіемъ. Все это такъ, но только забываютъ, что это идеалъ, до котораго дѣйствительность не доходитъ. Можно къ этому стремиться, но достигнуть въ полной мѣрѣ — невозможно. Ничѣмъ нельзя вытравить изъ человѣка разсужденія, въ особенности когда на карту ставится

его жизнь. И вотъ и надо умѣть использовать не только его чувство дисциплины и долга, но и способность его разсуждать — его сознательность, иначе эта сознательность можетъ умалить и чувство долга и опрокинуть дисциплину Не надо слишкомъ натягивать струны — лучше ихъ немного ослабить, но настроить ихъ въ тонъ. Тогда это будетъ полно и наиболѣе надежно, иначе-же — односторонне и разсчетъ можетъ быть легко нарушенъ.

Можно конечно, и то только до извѣстной степени, выбить изъ человѣка и самую способность къ разсужденію, а также имѣются люди съ минимальной дозой такой способности.

Однако едва-ли нужно доказывать, что такіе люди плохой матеріалъ для воина, въ особенности для современнаго.

Значитъ начальнику въ данномъ случаѣ очень важно руководиться принципомъ подставленія сильной стороны и уклоненія слабой. Во всѣхъ случаяхъ сообразованіе съ этимъ принципомъ будетъ вести къ успѣху. Если дневная атака миноносцевъ являлась въ данномъ случаѣ нецѣлесообразной, справка съ принципомъ заставила бы отъ нея воздержаться, а воздержаться отъ шага, ведущаго къ болѣе чѣмъ вѣроятной неудачѣ —тотъ-же успѣхъ. Если эта атака была неизбѣжна, тотъ-же принципъ подсказалъ-бы мѣры для противодѣйствія паденію духа — а это увеличивало бы шансы на успѣхъ.

Тотъ-же самый принципъ привелъ и противника къ рѣшенію двинуться въ раіонъ, защищаемый миноносцами именно днемъ, чтобы не дать имъ возможности при столкновеніи уклонить свою слабую сторону — беззащитность противъ артиллеріи и выставить сильную — невидимость, что имѣло-бы мѣсто ночью.

Этотъ-же самый принципъ подскажетъ, что выгоднѣе употребить въ дѣло миноносцы въ ночь послѣ боя крупныхъ судовъ, когда сильная сторона (артиллерія, прожекторы, сѣти, ходъ, управляемость) таковыхъ судовъ противника значительно умалена, а не въ ночь до боя, когда придется имѣть дѣло съ совершенно неповрежденнымъ противникомъ.

Но это не значитъ, что принципъ, даетъ какой-то *рецептъ* пригодный во всѣхъ случаяхъ. Совсѣмъ нѣтъ — онъ какъ и вообще теорія, лишь направляетъ творчество на путь правильныхъ рѣшеній, но отнюдь этихъ рѣшеній, не указываетъ, предоставляя творчеству придти къ таковымъ рѣшеніямъ, принявъ во вниманіе обстановку.

Принципъ не даетъ рецептовъ для дѣйствій. Онъ только помогаетъ разсуждать.

Напр. и въ разбираемомъ вопросѣ о цѣлесообразности минной атаки до или послѣ боя главныхъ силъ между собою, сейчасъ-же можно указать на случай, когда можетъ быть принято обратное рѣшеніе, между тѣмъ подсказанное тѣмъ-же принципомъ подставленія своей сильной стороны и уклоненія слабой.

Представимъ себѣ два флота, изъ которыхъ одинъ, уступая другому въ силѣ эскадренныхъ броненосцевъ, имѣетъ очень много минныхъ судовъ. Тогда именно это значительное количество минныхъ судовъ его сильная сторона, а недостатокъ въ линейныхъ корабляхъ — слабая. Не имѣя тогда надежды побѣдить въ эскадренномъ бою безъ того, чтобы противникъ такъ или иначе былъ ослабленъ, можетъ оказаться выгоднымъ использовать свою сильную сторону — количество миноносцевъ — и пустить ихъ въ дѣло до боя.

Выводъ изъ строя у противника нѣсколькихъ судовъ значительно-бы способствовалъ подъему духа въ послѣдующемъ эскадренномъ бою, а сознаніе важности выполненія такой задачи послужило-бы къ подъему духа личнаго состава миноносцевъ и повело-бы къ энергичной и рѣшительной атакѣ.

И подобныхъ рѣшеній, въ зависимости отъ обстановки можно привести очень много.

Напр., сильная сторона приближавшейся 26 января 1904 года къ Портъ-Артуру японской эскадры состояла между прочимъ и въ томъ, что она рѣшила начать военныя дѣйствія до объявленія войны и знала точно слабыя стороны русской эскадры — ея неготовность и диспозицію ея на внѣшнемъ рейдѣ.

При такихъ условіяхъ цѣлесообразность минной атаки японцевъ до эскадреннаго боя неоспорима.

Русскіе — напротивъ, зная прекрасно, что слабая ихъ сторона — неготовность, вмѣсто того, чтобы прикрыть ее и остаться на внутреннемъ рейдѣ, вышли на внѣшній рейдъ и грузили на немъ ночью уголь, и не приняли достаточныхъ мѣръ противъ внезапнаго нападенія, хотя должны-бы были его ожидать, такъ какъ могли-бы вспомнить, что японцы всего десять лѣтъ тому назадъ произвели цѣлый рядъ нападеній на китайцевъ на сушѣ и на морѣ безъ объявленія войны.

Итакъ принципъ — это не рецептъ. Это лишь основаніе для разсужденія. Онъ не даетъ готовыхъ рѣшеній, а лишь помогаетъ разсуждать.

Развивая разсмотрѣнный принципъ подставленія сильной стороны и уклоненія слабой, очевидно, что онъ получаетъ особую силу, если его примѣнять какъ *принципъ дѣйствія своей сильной стороны по слабой сторонѣ противника.*

Принципы надо формулировать какъ можно шире.

Однако остановиться именно на такой формулировкѣ разсмотрѣннаго принципа было-бы неправильно. Эта формула — частный случай общей формулы, ея слѣдствіе, между тѣмъ какъ обратное положеніе не имѣетъ мѣста. Очевидно, что выгоднѣе всего конечно дѣйствовать своей сильной стороной по слабой сторонѣ противника, но это будетъ лишь частный случай, такъ какъ надо предполагать, что и противникъ будетъ стремиться подставить именно свою сильную сторону. Стремясь-же непремѣнно соединить то, что иногда несоединимо, можно иногда придти къ недостаточному использованію своей сильной стороны, чего собственно слѣдуетъ избѣгать. Такая узкая формулировка принципа можетъ привести къ вопросу — а какое-же указаніе даетъ принципъ, если слабая сторона противника недоступна? И придется отвѣтить — никакого. И только потому, что неправильной формулировкой отграничена область частностей, вмѣсто того, чтобы охватить цѣлое.

Притомъ нужно сказать, что, прилагая общій принципъ, частное его слѣдствіе, о которомъ идетъ рѣчь, во многихъ случаяхъ осуществляется само собою, если только это возможно, и если это не такъ, то иногда было-бы и неразумно этого добиваться. Напр. пусть сильная наша сторона лежитъ

въ лучшемъ обученіи стрѣльбѣ, а слабая сторона — въ числѣ орудій на кораблѣ, или въ эскадрѣ — въ числѣ кораблей. Желая использовать нашу сильную сторону и прикрыть слабую, мы постараемся вести бой на большой дистанціи. На такой дистанціи очень сильно скажется разница въ искусствѣ стрѣльбы, и не смотря на меньшее количество у насъ орудій, мы можемъ даже имѣть преимущество въ числѣ попаданій; представляя изъ за меньшей по количеству артиллерійской силы и меньшую цѣль, мы еще болѣе затрудняемъ стрѣльбу противнику, значитъ выставляемъ и другую свою сильную сторону — малую цѣль, и пользуемся его слабой стороной — величиной цѣли, которая и на большомъ разстояніи еще достаточно велика, въ особенности для нашего, хорошо обученнаго стрѣльбѣ, личнаго состава. Такимъ образомъ мы противупоставляемъ наши сильныя стороны слабымъ сторонамъ противника. Сдѣлать мы это можемъ лишь при наличіи преимущества въ скорости, и значитъ мы тогда выдвигаемъ еще третью нашу сильную сторону — преимущество въ скорости опять противъ слабой стороны противника — недостатка въ скорости.

А теперь возьмемъ другой примѣръ. Пусть наша сильная сторона въ преимуществѣ въ числѣ миноносцевъ, а слабая — въ меньшемъ числѣ броненосцевъ, чѣмъ у противника. Значитъ сильная его сторона — броненосцы, слабая — миноносцы. Съ его стороны совершенно правильно будетъ добиваться эскадреннаго боя, чтобы выставить свою сильную сторону противъ нашей слабой, и также правильно будетъ съ нашей стороны стремиться къ миннымъ атакамъ, но очевидно это выставленіе нашей сильной стороны будетъ направлено не противъ слабой стороны противника (миноносцевъ), а именно противъ сильной (броненосцевъ), чтобы ее ослабить.

И такихъ примѣровъ можно подобрать много.

Такимъ образомъ принципъ тѣмъ болѣе подходитъ подъ принятое нами для него опредѣленіе (стр. 85) — *неизмѣнности*, чѣмъ онъ болѣе обще или шире выраженъ, чѣмъ больше частностей въ него входитъ само собой. А значитъ принципы надо формулировать очень осторожно.

Въ этомъ отношеніи есть основаніе считать принципъ подставленія сильной стороны и уклоненія слабой какъ-бы главнымъ и основнымъ для направленія дѣятельности военной силы на театрѣ военныхъ дѣйствій и на мѣстѣ боя (*). Онъ-же долженъ побудить и къ самому тщательному изученію какъ своихъ такъ и непріятельскихъ средствъ веденія войны и боя, чтобы сразу отдать себѣ вполнѣ ясный отчетъ въ сильныхъ и слабыхъ ихъ сторонахъ.

Но и этотъ, въ извѣстномъ смыслѣ «главный», принципъ заключается въ еще болѣе общемъ — принципѣ развитія довѣрія къ своимъ силамъ (стр. 88), который въ свою очередь представляетъ изъ себя неизмѣнное условіе для подъема своего духа, каковой неизмѣнно способствуетъ побѣдѣ т. е. ведетъ къ достиженію цѣли, для которой существуетъ военная наука.

Всѣ принципы крѣпко неизмѣнно связаны другъ съ другомъ.

Впередъ можно сказать, что области всѣхъ принциповъ сойдутся въ одномъ центрѣ, такъ какъ всѣ они — условія для достиженія той-же общей цѣли. Но эти области могутъ прилегать къ этому центру съ разныхъ и съ тѣхъ-же сторонъ, другъ друга не касаясь, или задѣвая и даже совсѣмъ перекрывая другъ друга. Въ этомъ смыслѣ ихъ можно отдѣлять другъ отъ друга, находить между ними зависимость и говорить, что одинъ изъ принциповъ заключается въ другомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надо помнить, что, сходясь по цѣли, они также и исходятъ изъ одного основанія, что захватываемыя ими области зиждятся на одномъ общемъ фундаментѣ — на

(*) Выдвиганіе на первый планъ именно этого принципа въ извѣстной мнѣ военной литературѣ встрѣтилось мнѣ впервые у В. Н. Черкасова въ его трудѣ «Элементарная и прикладная тактика» изд. 1909 г., откуда я и заимствовалъ это положеніе. Но при этомъ я долженъ отмѣтить, что все время формулируя этотъ принципъ какъ «дѣйствія своей сильной стороной и уклоненія слабой», авторъ въ части своихъ разсужденій и въ окончательномъ выводѣ (стр. 19) опредѣляетъ его какъ принципъ «дѣйствія своей сильной стороной по слабой сторонѣ противника», чѣмъ значительно съуживаетъ его формулировку и тѣмъ самымъ лишаетъ его и главенства. Клаузевицъ (Лееръ. Методъ воен. наукъ стр. 48) считаетъ первымъ и наиболѣе важнымъ принципомъ въ достиженіи цѣли войны — принципъ крайняго напряженія силъ.

моральныхъ свойствахъ человѣка. А потому очевидно всѣ принципы крѣпко связаны между собою и представляютъ изъ себя нѣчто общее единое, лишь искусственно раздѣляемое для удобства разслѣдованія и примѣненія различныхъ сторонъ того-же общаго — въ различныхъ обстановкахъ.

Принципы сосредоточенія силъ и взаимной поддержки.

И вотъ, продолжая поиски за тѣми *неизмѣнными* условіями, которыя ведутъ въ обстановкѣ войны къ подъему духа у себя и къ паденію его у противника, мы прежде всего встрѣчаемся съ принципами сосредоточенія силъ и взаимной поддержки. Я соединяю изслѣдованія этихъ принциповъ въ одно, потому что только они представляютъ изъ себя случай наиболѣе тѣснаго между собою единенія, ихъ области постоянно смѣшиваются — перекрываютъ другъ друга.

Психологія толпы.

На міру и смерть красна — говоритъ народная пословица. Только подъемъ духа можетъ сдѣлать и смерть «красной». И вотъ этотъ подъемъ духа даетъ «міръ». Достаточно даже если этотъ «міръ» только присутствуетъ, еще сильнѣе онъ дѣйствуетъ, если онъ участвуетъ, т. е. когда смерть грозитъ при общемъ дѣйствіи — скопомъ. Всякому извѣстно, что въ толпѣ человѣкъ себя чувствуетъ совсѣмъ иначе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если ему приходится дѣйствовать въ одиночку.

Дѣйствительно толпа (*) обладаетъ совершенно другой психологіей, сравнительно съ психологіей отдѣльнаго человѣка.

Именно благодаря численности, индивидъ, находящійся въ толпѣ, пріобрѣтаетъ сознаніе неопреодолимой силы. Быть можетъ это сознаніе по существу ложно, непреодолимой силы нѣтъ и въ поминѣ, но подъемъ духа участвующихъ въ организованной толпѣ, т. е. одушевленной стремленіемъ къ какой нибудь опредѣленной цѣли—это совершенно опредѣленное свойство человѣческаго духа.

(*) При дальнѣйшемъ изложеніи я руководствовался мыслями заимствованными изъ книгъ: Лебонъ. Психологія народовъ и массъ; Зыковъ. Какъ и чѣмъ управляются люди, опытъ военной психологіи; Компсано. Опытъ военной психологіи индивидуальной и общей; Фрейтагъ Лорингтофанъ. Господство личности на войнѣ, изслѣдованіе по Клаузевицу.

Дѣло въ томъ, что въ толпѣ, личная индивидуальность побѣждается массовой, и совершенно въ ней теряется. Толпою руководитъ не разумъ, ясно опредѣляющій степень опасности, а чувства и страсти. И когда эти чувства и страсти сосредоточены въ общую мысль объ истребленіи противника, то она легко отодвигаетъ мысль каждаго въ отдѣльности, о своей личной безопасности, на второй планъ. Эта послѣдняя мысль, исходящая изъ чувства самосохраненія, у каждаго является только за себя, а потому всѣ эти мысли не складываются, а скорѣе теряются въ толпѣ, тогда какъ общая всѣмъ мысль или качество суммируется и пріобрѣтаетъ особую мощь.

И это относится ко всякому общему человѣческому качеству. «Если мы обозначимъ» говоритъ Максъ Нордау (*) «черезъ x общее качество, а черезъ a, b, c, d и. т. д. личное качество, полученное путемъ воспитанія каждымъ изъ взятыхъ индивидуумовъ отдѣльно, то собраніе изъ 20 даже геніальныхъ людей будетъ имѣть 20x и только одно *a*, одно *b* и т. д. Итакъ личная индивидуальность будетъ побѣждена массовой»(**).

Очевидно эта массовая индивидуальность проще и низшаго порядка, сравнительно съ личными индивидуальностями участниковъ толпы. Разумъ, способность разсужденія, духъ критики—качества особенно отличающія одного индивида отъ другого—обыкновенно пропадаютъ въ толпѣ. Ей очень легко внушить то или другое, но столь-же трудно что либо доказать, такъ какъ она легко увлекается образами, но не признаетъ аргументовъ, такъ какъ не способна въ нихъ разобраться. «Дѣйствія толпы», по мнѣнію Лебона, «гораздо болѣе подчиняются вліянію спиннаго, нежели головного мозга... Толпа служитъ игралищемъ всѣхъ внѣшнихъ возбужденій и отражаетъ всѣ ихъ перемѣны; она, слѣдовательно, рабски покоряется импульсамъ, которые получаетъ. . . Различные импульсы, которымъ подчиняется толпа, могутъ быть, смотря по характеру возбужденій, великодушными или свирѣпыми,

(*) Парадоксы.

(**) Зыковъ. «Какъ и чѣмъ управляются люди» стр. 57 и 58.

героическими или трусливыми, но они всегда *на столько сильны, что никакой личной интересъ, даже чувство самосохраненія, не въ состояніи ихъ подавить*. . . Каковы-бы ни были чувства толпы, хорошія или дурныя, характерными ихъ чертами являются *преувеличеніе и односторонность* (простота)». И, какъ справедливо замѣчаетъ Компсано, преувеличенность чувствъ въ толпѣ обусловливается еще тѣмъ, что они укрѣпляются заразительнымъ одобреніемъ и силою численности.

Толпа, численность, сосредоточеніе всѣхъ силъ въ одной—сложеніе ихъ всѣхъ въ одну общую силу, силу уличной толпы, полка, эскадры, арміи, флота—все это просто гипнотизируетъ каждаго изъ участниковъ, заставляя его забывать о себѣ, а самозабвеніе— это и есть подъемъ духа.

Сознательный и безсознательный подъемъ духа.

Притомъ численность и сосредоточеніе силъ еще тѣмъ важно, что оно даетъ подъемъ духа, если такъ можно выразиться *сознательный*, имѣющій дѣйствительное основаніе, такъ какъ численность и сосредоточеніе силъ вѣдь это реальныя выгоды.

Подъ вліяніемъ извѣстныхъ импульсовъ подъемъ духа можетъ быть и *безсознательный*, т. е. не имѣющій подъ собой реальныхъ основаній, и онъ можетъ проявиться въ видѣ безграничнаго энтузіазма, можетъ привести къ геройству, но едва-ли оно будетъ столь-же продолжителенъ и вообще столь-же надеженъ, какъ подъемъ духа сознательный. А именно таково самочувствіе отъ сознанія сосредоточенности, дружности своихъ усилій.

Масса удерживается массой. «Численность прогоняетъ боязнь» говоритъ Компсано; а боязнь это и есть то, что ведетъ къ упадку духа.

Подъемъ духа ведетъ къ большей реальной силѣ.

И на что особенно надо обратить вниманіе, это на тотъ фактъ, что подъемъ духа ведетъ не только къ большему пренебреженію смертью, отодвигая мысль о ней на второй планъ, но и прямо къ большей реальной силѣ. По мнѣнію Зыкова (*),

(*) Какъ и чѣмъ управляются люди. Опытъ военной психологіи. Стр. 60—61.

*

въ толпѣ человѣкъ не только себя чувствуетъ, но и на дѣлѣ гораздо сильнѣе чѣмъ въ одиночествѣ, и толпа можетъ совершать поступки такой силы, которая зачастую много разъ превосходитъ математическую сумму силъ ее составляющихъ.

Каждый изъ членовъ толпы, подъ вліяніемъ психическаго зараженія, можетъ совершатъ такія дѣйствія, которыя для него произвольно невыполнимы, хотя возможность ихъ совершенія и дается строеніемъ человѣческаго тѣла.

Дѣйствительно, человѣкъ вообще обладаетъ гораздо большимъ запасомъ силъ, чѣмъ тотъ, которымъ онъ распоряжается въ нормальномъ состояніи, и этотъ избытокъ силъ легче всего вызывается къ дѣятельности вліяніемъ совмѣстной дѣятельности другого человѣка. Это взаимодѣйствіе, проявляющееся при соединеніи съ другими, повышаетъ и силу и сознаніе силы, т. е. ведетъ къ подъему духа.

Сосредоточеніе силъ неизмѣнно ведетъ къ подъему духа.

Вотъ почему сосредоточеніе своихъ силъ, уже само по себѣ, внѣ зависимости отъ того, какое примѣненіе получаетъ это сосредоточеніе, неизмѣнно ведетъ къ подъему духа, а потому и къ успѣху. Разброска силъ имѣетъ противоположный результатъ.

Эта истина и выражается въ *принципѣ сосредоточенія силъ*.

При этомъ сосредоточеніе силъ не слѣдуетъ буквально понимать, только какъ сборъ силъ.

Направленіе силъ къ одной цѣли это собственно и есть задача сосредоточенія силъ, и сообразно обстановкѣ можетъ оказаться, что въ одномъ случаѣ всѣ силы удобнѣе направить къ этой цѣли въ одной компактной массѣ, а въ другомъ— удобнѣе ихъ направить къ этой цѣли частями, напр., съ разныхъ сторонъ. И вліяніе такого способа сосредоточенія силъ на каждаго индивида будетъ то-же самое, что и въ компактной массѣ, но конечно при условіи, что всякій знаетъ, что это именно происходитъ такъ, а не иначе.

Поэтому, если части силы, направляющіяся одновременно къ той-же цѣли не видятъ другъ друга, то надо сдѣлать такъ, чтобы они объ этомъ знали и твердо этому вѣрили.

Сосредоточеніе силъ само по себѣ непремѣнно ведетъ къ подъему духа у себя и къ паденію духа у противника, если онъ не принялъ противъ этого и съ своей стороны соотвѣтственныя мѣры.

Если онъ допустилъ сосредоточить наши силы противъ какой нибудь своей части, то значитъ онъ своихъ силъ не сосредоточилъ, и такая бездѣятельность (абсолютная и сравнительная) нѣкоторыхъ частей его силы непремѣнно произведетъ въ извѣстной степени удручающее впечатлѣніе на духъ остальныхъ.

Точно также эти подъемъ и паденіе духа могутъ въ значительной степени усилиться въ зависимости отъ важности послѣдствій сосредоточенія силъ.

Если напр. удалось сосредоточить превосходныя силы въ сухопутномъ бою противъ ключа непріятельской позиціи, или въ морскомъ — противъ флагманскаго корабля, или противъ наиболѣе значущей части непріятельскаго флота, если удалось собрать *превосходныя* силы къ мѣсту именно *генеральнаго сраженія*, то въ той части личнаго состава, которая будетъ это сознавать, соотвѣтственные подъемъ и паденіе духа будутъ гораздо больше, чѣмъ если удалось то же самое сосредоточеніе, но только не грозящее трудно поправимыми послѣдствіями.

Въ этихъ случаяхъ — уже болѣе сложныхъ, — подъемъ и паденіе духа будутъ вызываться главнымъ образомъ уже не болѣе или менѣе сильною степенью заглушенія инстинкта самосохраненія, а степенью страха передъ грядущими отвѣтственностью и чувствомъ страданія изъ за неудачи, униженіемъ и т. п. Конечно всѣ эти чувства входятъ въ причины подъема и паденія духа во всѣхъ случаяхъ, но вліяніе ихъ тѣмъ сильнѣе, сравнительно съ вліяніемъ инстинкта самосохраненія, чѣмъ важнѣе по своимъ послѣдствіямъ случай, чѣмъ развитѣе, интелигентнѣе и сознательнѣе, по своей природѣ или по своему положенію, индивидъ.

Такимъ образомъ болѣе общій *принципъ сосредоточенія силъ*, можетъ для болѣе ограниченныхъ областей примѣненія выра-

Различныя формулировки принципа сосредоточенія силъ.

жаться въ видѣ напр. принципа сосредоточенія превосходныхъ силъ противъ части непріятеля, принципа сосредоточенія (просто или превосходныхъ) силъ на рѣшительномъ пунктѣ въ рѣшительную минуту и т. п.

Принципъ сосредоточенія силъ *именно противъ части непріятеля* черпаетъ свое основаніе еще изъ военно-психологической аксіомы (*)—*«потрясающее впечатлѣніе въ одной точкѣ линіи—заставляетъ войска сдать на всемъ протяженіи линіи»*. А тогда, такъ какъ задача боя—сломить именно моральную силу противника, всего выгоднѣе сломить ее своими сосредоточенными силами въ одномъ мѣстѣ, ибо это очевидно легче.

Что нужно подразумѣвать подъ „силой“ въ принципѣ сосредоточенія силъ.

Это было-бы ошибкою думать, что возможность примѣненія какъ общаго принципа сосредоточенія силъ, такъ и частныхъ его выраженій, ограничена лишь случаями имѣемаго превосходства въ численности. Это совсѣмъ не такъ. Превосходство можетъ быть и въ обученіи, и въ матеріальной части и въ талантѣ начальника и въ чувствахъ одушевляющихъ личный составъ.

Наконецъ и при отсутствіи всякаго превосходства вообще, все-таки превосходство въ силахъ въ рѣшительный моментъ и на рѣшительномъ пунктѣ, или вообще въ какой либо моментъ или въ какомъ либо пунктѣ, можетъ быть достигнуто, благодаря искусству распредѣленія и комбинаціи силъ и средствъ, или умѣнью воспользоваться обстановкой и т. п.

Именно только этимъ и объясняются случаи когда матеріально слабѣйшій бьетъ сильнѣйшаго, а такихъ случаевъ въ исторіи сколько угодно. Но именно эти-то случаи и доказываютъ наиболѣе ярко могущество принципа сосредоточенія силъ. Нельзя конечно отрицать, что нѣкоторые изъ этихъ фактовъ можно объяснить счастливой случайностью, но вопервыхъ такія счастливыя случайности — исключенія, а вовторыхъ и самая эта счастливая случайность—не болѣе какъ способъ, правда не подлежащій учету, но все-таки только

(*) Лееръ. Методъ военныхъ наукъ. Стр. 28.

способъ посредствомъ котораго силы одного изъ противника сдѣлались превосходными, или сосредоточенными, по сравненію съ другимъ.

Принципы вытекающіе изъ сознательнаго приложенія принципа сосредоточенія силъ.

При сознательномъ приложеніи принципа сосредоточенія силъ т. е. при искусствѣ распредѣленія комбинацій силъ и средствъ, само собою возникаетъ нѣсколько неизмѣнныхъ условій, ведущихъ къ достиженію цѣли т. е. значитъ — нѣсколько принциповъ.

Таковы напр. принципы крайняго напряженія силъ, принципъ экономіи силъ, принципъ подготовки удара, принципъ внутренней цѣлости дѣйствій или единства въ дѣйствіяхъ, принципъ одновременности дѣйствій и т. п.

Собственно говоря это все только различныя выраженія все того-же принципа сосредоточенія силъ, лишь опредѣляющія характеръ наилучшаго его примѣненія. Очевидно для лучшаго сосредоточенія силъ, т. е. для большаго превосходства, надо довести до крайности, на сколько то допускаетъ обстановка, напряженіе своихъ силъ—иначе, если это не будетъ сдѣлано, а сдѣлаетъ это противникъ, то именно онъ создастъ у себя средства для возможности сосредоточенія превосходныхъ силъ, а не мы. Понятно, что особенно это важно сдѣлать въ началѣ войны, такъ какъ важно заручиться возможностью сосредоточивать превосходныя силы *первому*.

Наверстывать потерянное послѣ неудачи во всѣхъ отношеніяхъ, и въ особенности въ смыслѣ состоянія духа, куда труднѣе чѣмъ поддерживать то преимущество, которое пріобрѣтено съ самаго начала. Притомъ это даетъ надежду на быстрое окончаніе войны, что ужъ во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ огромную выгоду. Этотъ принципъ, оттѣняя болѣе сильно важность не терять при этомъ времени, можно опредѣлить и какъ принципъ *одновременности* дѣйствій.

Напр. Клаузевицъ (*) именно этотъ принципъ — *крайняго напряженія сразу всѣхъ силъ*—признаетъ наиболѣе важнымъ. По его мнѣнію, этотъ принципъ «служитъ основаніемъ всѣмъ

(*) Цитирую по Методу военныхъ наукъ Леера, стр. 48—50.

остальнымъ. Кто распорядился сообразно съ нимъ, тотъ, основываясь на остальныхъ, можетъ рисковать въ высшей степени, не подвергая опасности всего дѣла, такъ какъ соблюденіе этого принципа даетъ возможность безпрерывно вызывать новыя силы, благодаря которымъ всякая неудача можетъ быть исправлена. Въ этомъ собственно и заключается *осторожность*, которая можетъ быть названа *благоразумною*, а не въ томъ, чтобы подаваться впередъ робко и нерѣшительно».

Выше было уже упомянуто, что всѣ принципы, проистекая изъ одного начала, крѣпко связаны между собою, а потому разные люди съ полнымъ основаніемъ могутъ ставить во главѣ остальныхъ различные принципы. Это собственно нисколько не мѣняетъ сущности дѣла и зависитъ просто отъ точекъ зрѣнія, или отъ понятій, которыя вкладываются въ то или другое выраженіе.

Напр., что собственно представляетъ собою второй изъ перечисленныхъ выше (стр. 103) принциповъ—принципъ экономіи силъ? Это вѣдь группировка силъ по важности участковъ, какъ на театрѣ войны, такъ и на мѣстѣ сраженія. Но направленіе всѣхъ возможныхъ силъ на главный участокъ, оставляя на другихъ лишь столько, сколько вызывается крайней необходимостью, т. е. возможностью противодѣйствовать противнику въ уводѣ оттуда частей своихъ силъ на тотъ-же главный участокъ,—что это такое, какъ не сосредоточеніе силъ на рѣшительномъ пунктѣ? Принципъ подготовки удара—это лишь указаніе, что самое использованіе сосредоточенія силъ (ударъ), надо производить не случайно, не очертя голову, а съ возможно болѣе разносторонней подготовкой, воспользовавшись для этого всѣми условіями обстановки. Это-же самое, но только въ другомъ видѣ, болѣе упирая лишь на одну сторону этой подготовки, говоритъ принципъ внутренней цѣлости или единства дѣйствій. Надо значитъ стремиться къ тому, чтобы всѣ части операціи представляющей собою примѣненіе сосредоточенія силъ, были связаны между собой, чтобы онѣ представляли одно цѣлое, чтобы отдѣльныя дѣйствія не мѣшали другъ другу, а другъ друга поддерживали, и чтобы результатъ

неизмѣнно наросталъ, а не колебался-бы въ ту или другую сторону.

Изъ всего изложеннаго о принципѣ сосредоточенія силъ, какъ-бы самъ собою вытекаетъ его преимущественно наступательный характеръ. Сосредоточиваютъ свою силу, чтобы куда нибудь ее направить, чтобы нанести ударъ. Конечно и для отраженія удара нужно сосредоточить свою силу, и всѣ выгоды сосредоточенія, про которыя было говорено, имѣютъ мѣсто и при оборонѣ. Но есть и существенная разница.

Принципъ сосредоточенія силъ имѣетъ преимущественно наступательный характеръ.

Сосредоточивать силы для отраженія удара можно только въ томъ случаѣ, если извѣстно куда и когда непріятель предполагаетъ нанести этотъ ударъ. Значитъ это уже отвѣтъ на сосредоточеніе силы противникомъ для извѣстной цѣли.

И если тотъ участокъ пространства, которое мы обороняемъ, на который противникъ направитъ свой ударъ, намъ точно не извѣстенъ, если этотъ ударъ можетъ быть направленъ на нѣсколько участковъ, то очевидно нѣтъ даже и возможности сосредоточить свои силы. Это можно начать дѣлать только тогда, когда опредѣлятся намѣренія противника. Заранѣе-же можно только расположить свои силы такъ, чтобы онѣ какъ можно скорѣе могли-бы сосредоточиться на любомъ изъ угрожаемыхъ участковъ или по крайней мѣрѣ на важнѣйшихъ изъ нихъ. И значитъ до выясненія намѣреній противника оборона приводитъ не къ сосредоточенію силъ, а въ извѣстной степени къ разброскѣ силъ. И болѣе или менѣе полное сосредоточеніе силъ въ этомъ случаѣ даже можетъ оказаться невыгоднымъ. Это даетъ противнику возможность направить свои сосредоточенныя силы именно на тотъ участокъ, на который всего труднѣе перевести наши главныя силы и легко одолѣть тѣ силы, которыя тамъ оставлены.

Стремленіе къ возможности сосредоточить свои силы при оборонѣ ведетъ къ принципу взаимной поддержки.

А та или другая степень разброски силъ для обороны, и неизбѣжное при этомъ ожиданіе удара противника въ разныхъ частяхъ своего расположенія, непремѣнно поведутъ къ тревожному состоянію духа, т. е. къ извѣстной степени его паденія.

И такъ какъ изъ мѣръ служащихъ для подъема духа, въ данномъ случаѣ сосредоточеніе силъ исключается, то замѣнить

его можетъ только *увѣренность*, что, когда намѣренія противника обозначатся, тогда и наши силы быстро будутъ сосредоточены—иначе говоря—всѣ быстро придутъ на помощь атакованному пункту.

Вотъ эта мысль и выражается въ *принципѣ взаимной поддержки*, который значитъ, какъ и другіе принципы, выражаетъ лишь одно изъ неизмѣнныхъ условій, ведущихъ къ подъему духа человѣка, поставленнаго въ боевую обстановку.

Взаимная поддержка ведетъ къ подъему духа.

Но и не только для боевой обстановки это вѣрно, а и для всякой. Въ любой области человѣческой дѣятельности «готовность положить душу свою за друзей своихъ» подымаетъ духъ.

Нѣтъ ничего тяжелѣе для человѣка (*), какъ дѣйствовать на какомъ-бы то ни было поприщѣ одинокимъ, безъ надежды на поддержку окружающихъ. Какъ-бы ни былъ онъ силенъ, какими-бы ни обладалъ средствами для достиженія своей цѣли, но если онъ въ своей дѣятельности не встрѣчаетъ поддержки окружающихъ, у него невольно опускаются руки, дѣйствія его являются неувѣренными, робкими и причина этому—упадокъ его духа. Бываютъ конечно, натуры исключительныя по своей энергіи, которыя не поддаются этому вліянію, но не о нихъ здѣсь рѣчь. Я говорю здѣсь о массѣ, о человѣкѣ среднемъ.

Если-же, напротивъ, человѣкъ знаетъ, что окружающіе воодушевлены одной съ нимъ мыслью, готовы поддержать его каждую минуту, духъ его пріобрѣтаетъ особую мощь, смѣлость его безгранична, никакіе удары, никакія матеріальныя потери ему не страшны. Онъ чувствуетъ, что въ тяжелую минуту его поддержатъ товарищи, а потому смѣло идетъ навстрѣчу этой тяжелой минутѣ.

Но для этого онъ долженъ быть твердо увѣренъ въ этой поддержкѣ, внутренно въ ней убѣжденъ. И вотъ въ бою, каждый въ своей области и долженъ быть поставленъ въ такую обстановку, которая давала-бы эту увѣренность.

(*) Цитирую по запискамъ исторіи военно-морского искусства составленнымъ мною для курсовъ военно-морскихъ наукъ въ 1896—7 годахъ.

На театрѣ войны эта увѣренность должна существовать у высшихъ начальниковъ, на мѣстѣ боя—у всѣхъ, включая нижнихъ чиновъ. Въ морскомъ бою, въ которомъ корабли вмѣстѣ съ заключающимися въ нихъ людьми, направляются исключительно по волѣ отдѣльныхъ людей—командировъ, въ особенности важно создать эту увѣренность во взаимной поддержкѣ именно между командирами.

Отъ нихъ эта увѣренность передастся и всѣмъ на кораблѣ и если командиръ какого нибудь корабля дѣйствуетъ смѣло потому что онъ увѣренъ, что остальные его поддержатъ, то его подъемъ духа сообщается и всѣмъ его подчиненнымъ. Если на театрѣ военныхъ дѣйствій, начальникъ какой либо эскадры убѣжденъ, что остальные начальники всѣми силами стремятся ему оказать всевозможную помощь, то и весь личный составъ проникается этимъ убѣжденіемъ и это выражается подъемомъ духа на эскадрѣ.

Какъ создается убѣжденіе въ томъ, что взаимная поддержка будетъ имѣть мѣсто.

Этотъ фактъ становится понятнымъ, если хоть сколько нибудь углубиться въ вопросъ—а какъ создается такое убѣжденіе. Надо помнить, что *убѣжденіе не приказывается, а именно создается*. Если просто отдать распоряженіе, чтобы напр., командиры въ бою поддерживали другъ друга, то это никоимъ образомъ не создастъ у нихъ убѣжденія, что это именно такъ и будетъ. И если такого убѣжденія, по какимъ либо причинамъ у нихъ нѣтъ, то въ бою они будутъ дѣйствовать вяло, нерѣшительно, разсчитывая только на свои собственныя силы, и духъ ихъ все время будетъ находиться подъ гнетомъ опасенія, что въ тяжелую минуту можно остаться одному. А тогда, помимо другихъ чувствъ, одно только тяжелое чувство отвѣтственности заставитъ ихъ избѣгать этой минуты, наложитъ тяжелыя оковы на полетъ ихъ мысли, и въ своихъ дѣйствіяхъ они не выйдутъ изъ уровня посредственности.

Командиры только тогда получатъ убѣжденіе во взаимной поддержкѣ, когда они будутъ видѣть, что къ развитію этой поддержки на эскадрѣ направлена вся дѣятельность и помыслы адмирала, что всѣ товарищи—командиры сочувствуютъ этому

направленію и проявляютъ этотъ взглядъ всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ и въ мирное время, если въ распоряженіяхъ адмирала передъ боемъ сквозитъ всюду та-же мысль, если на этомъ принципѣ построенъ планъ дѣйствій— однимъ словомъ, если командиры не только умомъ, а душой и сердцемъ поймутъ, что вся эскадра пропитана этимъ принципомъ. Тогда каждый изъ командировъ внутренно почувствуетъ, что онъ и самъ не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы оказать поддержку любому изъ своихъ товарищей, съ него спадетъ тяжелый гнетъ отвѣтственности за каждый самостоятельный шагъ, съ него спадетъ гнетущее чувство одиночества, и при этихъ условіяхъ самый посредственный командиръ проявитъ въ бою высокій подъемъ духа, смѣлость и стойкость.

Адмиралъ С. О. Макаровъ, въ своихъ лекціяхъ по тактикѣ (*) указывалъ, между прочимъ, что нужно всѣми силами развивать въ военныхъ морякахъ смѣлость. Вотъ однимъ изъ средствъ къ развитію этой смѣлости въ бою и является увѣренность въ поддержкѣ какъ своихъ товарищей и подчиненныхъ, такъ и адмирала.

Самый способъ созданія этой увѣренности, который былъ разсмотрѣнъ выше, достаточно разъясняетъ — почему, когда увѣренность во взаимной поддержкѣ возникаетъ среди высшихъ начальниковъ, она уже существуетъ и во всемъ личномъ составѣ, включая сюда и нижнихъ чиновъ. Она не создается мгновенно, по чьему нибудь приказу, а медленно зрѣетъ на глазахъ у всѣхъ путемъ постояннаго проявленія.

Напр. въ бою при мысѣ С. Винцентъ, никогда Нельсонъ не бросился-бы одинъ со своимъ кораблемъ на весь непріятельскій авангардъ, если-бы онъ не былъ твердо убѣжденъ, что онъ не останется безъ матеріальной поддержки своихъ товарищей и нравственной—своего адмирала. И такой поступокъ являлся-бы даже въ этомъ случаѣ съ его стороны безумнымъ, такъ какъ останься онъ одинъ, онъ не принесъ-бы никакой пользы дѣлу, погубивъ лишь свой корабль.

(*) 2, 9 и 16 Декабря 1896 года въ Кронштадтскомъ морскомъ собраніи.

И дѣйствительно онъ не ошибся. И два испанскихъ мало поврежденныхъ корабля, которыми онъ завладѣлъ, имѣя свой корабль сильно избитымъ, сдались ему не потому, чтобы были не въ состояніи защищаться, чтобы были его слабѣе—это было наоборотъ,—а только потому, что совершенно не надѣялись на помощь своихъ товарищей—и оказались въ этомъ правы, тогда какъ изъ дѣйствій англійскихъ командировъ (маневръ Коллингвуда) убѣдились въ томъ, что Нельсонъ при своемъ смѣломъ натискѣ не останется одинъ.

Нельсонъ прекрасно понялъ эту разницу въ моральномъ состояніи своего экипажа и непріятельскаго, умѣло ею воспользовался, и, будучи самъ сильно поврежденъ, завладѣлъ двумя кораблями несравненно его сильнѣйшими.

Передъ Трафальгарскимъ боемъ Вильневъ говоритъ въ своемъ приказѣ (*): «Всѣ усилія нашихъ кораблей должны стремиться къ тому, чтобы подавать помощь наиболѣе терпящимъ кораблямъ, и быть какъ можно ближе къ адмиральскому кораблю, который первый подастъ въ этомъ примѣръ».

Но командиры его не были воспитаны въ принципѣ взаимной поддержки, а потому приняли эти слова, не болѣе какъ за красивую фразу, они имъ не повѣрили, на поддержку своихъ товарищей не надѣялись, и поэтому спускали флаги передъ англичанами, хотя, въ союзномъ флотѣ въ это время было еще много кораблей, которые могли-бы подать помощь. И они оказались правы—помощи подано не было. Были такія части союзнаго флота—одна изъ нихъ подъ начальствомъ французскаго контръ-амирала—,которыя не приняли участія въ бою, и значительное количество кораблей — между ними были и французскіе—послѣ самаго незначительнаго участія въ бою, вышли изъ строя и, на глазахъ у окруженныхъ англичанами отчаянно сражавшихся кораблей, пошли въ Кадиксъ. Какой-же можетъ быть здѣсь разговоръ о существованіи въ союзномъ флотѣ принципа взаимной поддержки? И конечно не удалось создать его и приказомъ.

Примѣръ неправильнаго толкованія принципа взаимной поддержки.

(*) Жюрьенъ—де-ла-Гравьеръ. Морскія войны временъ французской республики и имперіи. Часть II-я стр. 116.

Однако ни въ коемъ случаѣ не нужно понимать принципъ взаимной поддержки въ томъ смыслѣ, что онъ требуетъ именно того, чтобы помогать своимъ, пренебрегая боемъ. Объ этомъ конечно можно-бы было и не говорить, если-бы даже такіе выдающіеся военные люди, какъ С. О. Макаровъ не впадали-бы въ ошибочное пониманіе принциповъ военной науки вообще, и принципа взаимной поддержки въ частности.

Вотъ напр., что говоритъ о принципахъ военнаго дѣла С. О. Макаровъ, въ самомъ капитальномъ своемъ трудѣ (*):

«Есть, разумѣется, общіе принципы, которые одинаковы, какъ для сухопутныхъ силъ, такъ и для морскихъ, напр., принципъ единоначалія, но принципъ этотъ, по сущности, вѣренъ и для всякаго дѣла въ жизни вообще. Принципъ сосредоточенія силъ на рѣшительномъ пунктѣ сраженія вѣренъ для насъ, какъ и для нихъ, но другой и наиболѣе важный принципъ, который ставится какъ-бы во главѣ всего военнаго дѣла (?) — принципъ *взаимной поддержки* къ морской обстановкѣ надо примѣнять осторожно. У сухопутныхъ онъ служитъ руководящей звѣздой, которую надо имѣть, какъ при составленіи диспозиціи, такъ и при исполненіи ея на полѣ сраженія; генералъ и солдатъ должны руководствоваться этимъ принципомъ и въ каждомъ должна быть увѣренность, что въ критическую минуту къ нему должна подоспѣть помощь; только при этихъ условіяхъ люди могутъ быть стойки. Вильневъ, въ приказѣ передъ Трафальгарскимъ сраженіемъ, поставилъ помощь своимъ кораблямъ главною задачею, но былъ разбитъ на голову, а его побѣдитель всегда руководствовался тѣмъ, что въ морскомъ сраженіи нужно нѣкоторую часть своего флота предоставлять случайностямъ. Если, дѣйствительно, корабли займутся тѣмъ, что будутъ въ бою думать только о помощи другъ другу, то непріятель, ничѣмъ не стѣсненный, непремѣнно ихъ разобьетъ Принципъ взаимной помощи морякамъ надо понимать въ смыслѣ дружнаго нападенія на врага. Лучшая помощь своимъ — есть дружное нападеніе на чужихъ.... Я боюсь, что коман-

(*) «Разсужденія по вопросамъ морской тактики». 1897 г. стр. 12 и 253.

диръ, усвоившій себѣ принципъ взаимной поддержки, можетъ въ жаркомъ бою выпустить изъ рукъ судно, которое почти разбито и не оказываетъ сопротивленія и устремится на помощь своему судну, атакованному болѣе сильнымъ противникомъ. Опасность принциповъ заключается именно въ томъ, что они могутъ быть неправильно истолкованы. Можетъ случиться, что у какого нибудь корабля въ бою испортится машина и онъ выйдетъ изъ строя, а слѣдующій за нимъ, руководствуясь принципомъ взаимной поддержки, безъ сигнала адмирала, выйдетъ изъ строя и останется при поврежденномъ кораблѣ. Такое дѣйствіе будетъ безусловно неправильно и передъ боемъ адмиралу надобно будетъ растолковать кому слѣдуетъ, что принципъ взаимной поддержки нужно понимать въ смыслѣ дружнаго боя, а не помощи одного корабля другому, которая должна быть поставлена на второстепенный планъ. Дѣло-же первостепенной важности — разбитіе непріятеля».

Адмиралъ Макаровъ о принципахъ вообще.

«Заговоривъ о принципахъ вообще, позволю себѣ сказать еще разъ, что къ нимъ надо относиться осмотрительно. Коломбъ и Мэхенъ проповѣдуютъ, что раньше, чѣмъ предпринимать десантную экспедицію, нужно уничтожить военный флотъ противника. Руководствуясь этими принципами (?), японскій адмиралъ Ито долженъ былъ сначала уничтожить китайскій флотъ, а потомъ уже приняться за содѣйствіе арміи фельдмаршала Ямагаты. Для уничтоженія китайскаго флота, надо было перейти къ Портъ-Артуру и брать этотъ портъ съ моря, или-же блокировать этотъ портъ, чтобы запереть въ немъ китайскій флотъ. Операціи на берегу отъ этого, безъ сомнѣнія сильно пострадали-бы, ибо движеніе береговой арміи и подвозъ провіанта всецѣло зависѣли отъ поддержки флота. Перевозочныя средства береговыя были крайне недостаточны и Ямагата требовалъ, чтобы перевозка всѣхъ матеріаловъ была какъ можно дальше по линіи операціи, да и время не ждало — приближалась холодная пора. Ито, вѣроятно, понималъ, какъ важно уничтожить китайскій флотъ, но обстоятельства заставляли Ито поступить иначе. При болѣе энергичномъ противникѣ можетъ быть слѣдовало поступить иначе, но въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ

которыхъ былъ адмиралъ Ито, выборъ рода дѣйствія былъ правиленъ и оправдался на дѣлѣ. Отсюда мы можемъ вывести заключеніе, что Наполеонъ былъ правъ, когда сказалъ, что на войнѣ *обстановка повелѣваетъ*».

«Объ общихъ принципахъ можно сказать, что ихъ нужно изучать, но для войны важнѣе всего глазомѣръ, т. е. умѣнье ясно представить себѣ всѣ обстоятельства и въ зависимости отъ нихъ выбрать должное рѣшеніе, руководствуясь главною идеей — разбить непріятеля и опираясь прежде всего на свой собственный здравый смыслъ».

Дѣлаю такую длинную выписку съ намѣреніемъ, — ужъ очень ярко она показываетъ ту путаницу въ основныхъ понятіяхъ, которая встрѣчается даже у выдающихся умовъ, превосходныхъ практиковъ, но не имѣющихъ почему либо теоретической подготовки.

Чего-же тогда можно ждать отъ массы?

Можно-ли замѣнить принципы своимъ здравымъ смысломъ.

С. О. Макаровъ, запутавшись въ понятіяхъ о принципахъ, разрубаетъ гордіевъ узелъ тѣмъ, что совѣтуетъ отодвинуть принципы на второй планъ, и опираться прежде всего на свой собственный здравый смыслъ. Ему это было легко не только сказать, но и примѣнить на дѣлѣ. Всѣ знавшіе покойнаго адмирала вѣроятно согласятся съ тѣмъ, что онъ въ высшей степени обладалъ именно здравымъ смысломъ, и если иногда и грѣшилъ противъ него и спорилъ даже противъ очевидности, то только поддаваясь общей человѣческой слабости, которая одолѣваетъ временами и самыхъ выдающихся и талантливыхъ людей — ложному самолюбію, не позволяющему отказаться отъ разъ высказаннаго мнѣнія, хотя оно и оказалось заблужденіемъ. Такой характеръ носила его борьба за превращеніе всего флота въ небронированные крейсеры въ 3000 тоннъ. Онъ не отказался отъ этого явнаго заблужденія и въ цитируемомъ трудѣ (*) и продолжалъ это утверждать въ офиціальномъ документѣ еще наканунѣ войны (**).

(*) «Разсужденія по вопросамъ морской тактики» стр. 234.

(**) Замѣчанія на матеріалы для обсужденія будущей программы судостроенія съ 1903 — 1923 г. стр. 91 — 95.

И цитируемый его трудъ служитъ яркимъ олицетвореніемъ достоинствъ и недостатковъ покойнаго адмирала. Онъ полонъ здраваго смысла, талантливость адмирала блещетъ почти на каждой страницѣ, щедрой рукой онъ разсыпаетъ массу мѣткихъ практическихъ замѣчаній, и рядомъ съ этимъ, и преимущественно именно въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ адмиралу не помогалъ огромный его опытъ и надъ которыми онъ вѣроятно не имѣлъ времени достаточно подумать — въ противномъ случаѣ природная его талантливость и здравый смыслъ выручили-бы его и тутъ — такіе полеты фантазіи, которые сразу обнаруживаютъ недостатокъ въ теоретическомъ фундаментѣ.

Предлагая поставить на мѣсто принциповъ здравый смыслъ, С. О. Макаровъ какъ будто забываетъ, что истинный, свободный въ своемъ проявленіи, здравый смыслъ — рѣдкій даръ Божій, и даже установить его наличіе — дѣло далеко не легкое. Кто-же не знаетъ, что обыкновенно человѣкъ можетъ признать въ себѣ недостатокъ знаній, умѣнья, даже ума — но почти никто не откажется отъ того, что именно онъ-то и обладаетъ здравымъ смысломъ. А между тѣмъ — какъ различны сужденія различныхъ людей, опирающихся при этомъ на свой здравый смыслъ, а вѣдь истинный-то здравый смыслъ все-таки одинъ. И можно себѣ представить какой хаосъ получится въ любомъ дѣлѣ, если предоставить всякому поступать по его собственному какъ онъ его понимаетъ здравому смыслу!

И даже при наличіи природнаго здраваго смысла, чтобы онъ могъ свободно проявляться, онъ тоже долженъ быть воспитанъ, тоже долженъ познать основныя истины, долженъ въ нихъ углубиться, ихъ продумать и прочувствовать—иначе онъ будетъ хотя и драгоцѣннымъ, но сырымъ и непригоднымъ къ дѣлу матеріаломъ. И С. О. Макаровъ, противупоставляя здравый смыслъ принципамъ, какъ будто-бы и не подозрѣваетъ, что именно принципы веденія войны—это и есть формулированный здравый смыслъ (см. стр. 29) въ области понятій о веденіи войны, что это и есть тотъ фундаментъ, на которомъ зиждется здравый смыслъ въ своихъ сужденіяхъ (*).

(*) См. въ главѣ IV мнѣніе о «здравомъ смыслѣ» и «глазомѣрѣ». Г. А. Леера.

Примѣръ путаницы въ разсужденіяхъ, вызываемой неправильнымъ представленіемъ—что такое принципъ.

Предлагая относиться къ принципамъ осмотрительно, С. О. Макаровъ очевидно не далъ себѣ труда точно ознакомиться съ тѣмъ—что собственно представляетъ изъ себя принципъ?

Изъ того, что онъ приводитъ какъ примѣръ опаснаго принципа—утвержденіе Коломба и Мэхена о томъ, что раньше, чѣмъ предпринимать десантную экспедицію, нужно уничтожить военный флотъ противника—ясно, что онъ принимаетъ за принципъ то, что ни въ коемъ случаѣ за таковой считаться не можетъ.

Принципъ—это неизмѣнное условіе, ведущее къ побѣдѣ, внѣ зависимости отъ обстановки, а вышеупомянутое утвержденіе—лишь извѣстное правило, выведенное изъ историческаго опыта, принаровленнее къ извѣстной обстановкѣ, и вѣрное только въ области именно такой обстановки. Въ данномъ случаѣ оно относится лишь до морской обстановки, и еще уже—лишь до десантной экспедиціи.

Исходя изъ невѣрнаго пониманія принципа, С. О. Макаровъ вооружается противъ этого воображаемаго принципа, и возстаетъ-опять таки противъ лишь воображаемаго утвержденія военной науки, что будто-бы принципы—это рецепты.

По его мнѣнію, выводъ военной науки тотъ, что «руководствуясь этими принципами (?), японскій адмиралъ Ито долженъ былъ (?) сначала уничтожить китайскій флотъ, а потомъ уже приняться за содѣйствіе арміи фельдмаршала Ямагаты». Но вѣдь это типичный образецъ рецепта. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія С. О. Макаровъ опирается на выраженіе Наполеона—«обстановка повелѣваетъ».

Я уже имѣлъ случай указывать на злоупотребленіе этимъ выраженіемъ Наполеона (см. глава II, стр. 51), и данный случай лишь даетъ новый тому примѣръ. Можно вѣдь пожалуй подумать, что Наполеонъ не признавалъ ни военной науки, ни принциповъ, а только одну «обстановку». Можно подумать, что и онъ возставалъ противъ принциповъ, видя въ нихъ рецепты! Между тѣмъ ничего подобнаго не было.

О теоріи стратегіи, т. е. о той части военной науки, противъ которой больше всего и возстаютъ, такъ называемые,

практики, Наполеонъ говоритъ такъ (*): «ея назначеніе—дать только общія идеи, образующія умъ». А отправными точками этихъ идей, ихъ фундаментомъ и служатъ принципы.

Наполеонъ о теоріи и о принципахъ военнаго дѣла.

Именно направляющую роль принциповъ Наполеонъ сознавалъ совершенно ясно.

«Истинные принципы войны» говоритъ онъ (*) «это тѣ, которые направляли великихъ полководцевъ, великія дѣла коихъ намъ передала исторія: Александра, Аннибала, Цезаря, Густава-Адольфа, Тюреня, Принца Евгенія и Фридриха». О себѣ Наполеонъ говоритъ: «планы всѣхъ 14 кампаній Наполеона отвѣчаютъ истиннымъ принципамъ войны; его войны ведены смѣло, но тѣмъ не менѣе методически».

Наполеону и въ голову не приходитъ рекомендовать руководиться такимъ неопредѣленнымъ и разнообразнымъ элементомъ, какъ «собственный здравый смыслъ».

Руководителями онъ считаетъ истинные принципы войны—вѣчные, независящіе отъ обстановки,—это ясно изъ того, что они тѣ-же самые, какъ для Александра, такъ и для Наполеона, которыхъ по времени отдѣляетъ 20 вѣковъ—и говоря, что «обстановка повелѣваетъ» онъ лишь выражаетъ, что способы примѣненія этихъ вѣчныхъ принциповъ зависятъ отъ обстановки, но ни въ коемъ случаѣ не хочетъ сказать, что къ принципамъ надо относиться осмотрительно, какъ къ чему-то опасному, могущему ввести въ заблужденіе.

Къ нимъ надо относится не осмотрительно, а ихъ надо понимать и знать какое ихъ назначеніе. Вотъ это вѣрно. Но это вѣрно вообще,—надо понимать назначеніе всего чѣмъ пользуешься.

Дѣйствія адмирала Ито въ 1894 году съ точки зрѣнія частныхъ правилъ морской войны и общихъ принциповъ военнаго дѣла.

Принявъ правило, да еще выраженное въ формѣ рецепта за принципъ, С. О. Макаровъ хочетъ въ данномъ случаѣ показать, что адмиралъ Ито хорошо сдѣлалъ, сообразуясь съ обстановкой, а не съ правиломъ, и правильно поступилъ, не предпринимая ничего противъ китайскаго флота. Но къ сожа-

(*) Лееръ. Методъ военныхъ наукъ, стр. 47.
(**) Лееръ. Методъ военныхъ наукъ, стр. 44 и 46.

лѣнію и это не такъ. Адмиралъ Макаровъ какъ-бы видитъ только два способа для Ито выполнить указанія Коломба и Мегена. Либо брать Портъ-Артуръ, либо заблокировать въ немъ китайскій флотъ. Здѣсь кстати указать, что второй способъ совершенно соотвѣтствовалъ обстановкѣ, такъ какъ китайскій флотъ весь находился въ Портъ-Артурѣ, и безопасность подвоза провіанта при движеніи японской арміи по берегу была-бы совершенно обезпечена, установленіемъ блокады Портъ-Артура. Но на самомъ дѣлѣ адмиралъ Ито,—и на это не указываетъ С. О. Макаровъ — не только не установилъ блокады Портъ-Артура, но и вообще не наблюдалъ за китайскимъ флотомъ, такъ что послѣдній *безъ его вѣдома* перешелъ изъ Портъ-Артура въ Вей-ха-вей. Такой образъ дѣйствій ужъ совершенно не отвѣчалъ обстановкѣ, такъ какъ подвергалъ десантную экспедицію, назначенную для взятія Портъ-Артура значительному и притомъ *безполезному* риску, разъ адмиралъ Ито даже не зналъ—гдѣ непріятельскій флотъ? Помимо этого, изъ за такой оплошности японцевъ, одновременно со взятіемъ Портъ-Артура, что далось имъ очень легко, не былъ взятъ и весь китайскій флотъ, а изъ за этого пришлось предпринимать тяжелую зимнюю экспедицію для взятія Вей-ха-вея, гдѣ укрылся непріятельскій флотъ, и кампанія значительно затянулась.

Такимъ образомъ никакъ нельзя говорить, что «въ тѣхъ обстоятельствахъ въ которыхъ былъ адмиралъ Ито, выборъ рода дѣйствія былъ правиленъ и оправдался на дѣлѣ», а тѣмъ болѣе нельзя было къ заключеніямъ изъ такого неправильнаго разсужденія, привлекать Наполеона, который ни въ коемъ случаѣ не одобрилъ-бы такого способа дѣйствій.

Вотъ если-бы С. О. Макаровъ посмотрѣлъ на дѣйствія адмирала Ито, не съ точки зрѣнія частнаго правила, принятаго имъ за принципъ — хотя въ данномъ случаѣ и правило было примѣнимо—а съ точки зрѣнія настоящихъ принциповъ веденія войны, то онъ вѣроятно не пришелъ-бы къ ложнымъ заключеніямъ.

Правило высказанное Коломбомъ и Мегеномъ, это,—приложенное лишь къ извѣстной обстановкѣ, выраженіе *прин-*

ципа безопасности операціи. Вотъ съ точки зрѣнія этого принципа нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствія адмирала Ито были неправильны, такъ какъ безопасность десантной экспедиціи не была имъ обезпечена, разъ онъ даже на столько не наблюдалъ за китайскимъ флотомъ, что не зналъ въ каждый данный моментъ—гдѣ онъ находится—въ Портъ-Артурѣ или въ морѣ?

Точно также его дѣйствія неправильны съ точки зрѣнія и принципа внутренней цѣлости и единства дѣйствій (стр. 104), и съ точки зрѣнія принципа подготовки удара.

Какъ подготовка удара, такъ и цѣльность операціи—требовали заблокированія китайскаго флота въ Портъ-Артурѣ.

Противупоставленіе принциповъ сухопутной войны принципамъ морской—печальное недоразумѣніе вредящее созданію единства военной мысли.

Все изъ того-же непониманія — что такое изъ себя представляетъ принципъ—исходитъ адмиралъ Макаровъ, и выдѣляя принципъ взаимной поддержки, какъ не столь пригодный на морѣ, какъ на сухомъ пути, тогда какъ принципъ сосредоточенія силъ не обладаетъ этимъ опаснымъ качествомъ.

Здѣсь печально прежде всего то, что такой авторитетный голосъ раздѣляетъ основные принципы военнаго дѣла на сухопутные и морскіе, когда этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и это не только не полезно, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ приноситъ даже не малый вредъ, о которомъ я уже имѣлъ случай говорить подробно (см. глава I, стр. 40 — 43). И этого-бы не было, если-бы адмиралъ Макаровъ принималъ за принципы—только *неизмѣнныя* условія, ведущія къ побѣдѣ, т. е. независящія совершенно отъ обстановки, а значитъ и отъ моря или суши, а также, если-бы онъ сознавалъ, что принципы опредѣляютъ собою сущность военныхъ явленій, какъ борьбы человѣка съ человѣкомъ, и что всѣ они могутъ быть выведены изъ моральной стороны человѣка, который, по своей сущности, тотъ-же и на морѣ и на сухомъ пути, и теперь и тысячу лѣтъ тому назадъ. Тогда онъ увидѣлъ-бы что всѣ принципы, какъ исходящіе изъ одного начала, крѣпко связаны между собою, что они переливаются другъ въ друга, что они по существу—едины.

Тогда онъ не рѣшился-бы утверждать, что на сухомъ пути люди могутъ быть стойки только при условіи увѣренности, что въ критическую минуту къ нимъ подоспѣетъ помощь, а что на морѣ существуетъ взамѣнъ этого нѣчто другое. Выводя принципъ взаимной поддержки, какъ неизмѣнное условіе для подъема духа личнаго состава нельзя придти къ такому странному заключенію.

Почему адмиралъ Макаровъ думаетъ, что именно морякамъ надо принципъ взаимной поддержки понимать въ смыслѣ дружнаго нападенія на врага? Безспорно, именно такъ онъ понимается и на сухомъ пути. Именно отсутствіе сознанія—что такое прицинъ вообще и принципъ взаимной поддержки въ частности, и откуда они выводятся, могли привести С. О. Макарова къ мысли, что на морѣ принципъ взаимной поддержки понимается военной наукой какъ помощь поврежденнымъ кораблямъ, а недостаточное углубленіе въ историческіе факты заставило его понять фразу приказа Вильнева (стр. 109), какъ указаніе, что онъ поставилъ главной своей задачей помощь своимъ кораблямъ именно въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ адмиралъ Макаровъ принципъ взаимной поддержки для сухопутнаго боя. Этимъ и объясняется боязнь адмирала Макарова, что «командиръ усвоившій себѣ принципъ взаимной поддержки» можетъ бросить начинающаго сдавать противника, чтобы пойти на помощь своему кораблю, что при выходѣ какого нибудь корабля изъ строя изъ за порчи машины, другой можетъ самовольно выйти изъ строя, чтобы остаться при поврежденномъ кораблѣ, и что передъ боемъ адмиралу надобно будетъ растолковать кому слѣдуетъ, какъ надо понимать принципъ взаимной поддержки и т. п...

Невѣрно утвержденіе, что адмиралъ Вильневъ былъ разбитъ изъ за того что онъ „поста-

На самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ. Помощь «наиболѣе терпящимъ кораблямъ» Вильневъ понималъ именно какъ сосредоточеніе всѣхъ своихъ силъ именно къ тому участку своего строя, на который со всѣми своими силами обрушится противникъ, т. е. значитъ онъ требовалъ совершенно правильнаго приложенія принципа взаимной поддержки, который изъ себя на самомъ дѣлѣ и представляетъ не болѣе, какъ выра-

женіе того же принципа сосредоточенія силъ, но лишь при обороне.

вилъ себѣ главной задачей помощь своимъ кораблямъ".

Адмиралъ Макаровъ навѣрно не высказалъ-бы такого предположенія, если-бы онъ познакомился съ классическимъ описаніемъ Трафальгарскаго боя Жюрьенъ-де-ла-Гравьера, который по поводу предположеній Вильнева говоритъ такъ (*):

«Вильневъ, — что-бы противъ этого не говорили, — былъ все-таки самый свѣдущій офицеръ и самый искусный тактикъ, но только не самый твердый характеръ во французскомъ флотѣ. Онъ съ отчаяніемъ въ душѣ предугадывалъ намѣренія своего искуснаго противника. «Онъ не удовольствуется тѣмъ» говорилъ онъ своимъ офицерамъ «чтобы, построясь въ линію баталіи параллельно намъ, положиться въ остальномъ на свою артиллерію. Онъ будетъ стараться окружить нашъ арръергардъ, прорѣжетъ нашу линію, и на тѣ изъ кораблей нашихъ, которые ему удастся вырвать изъ ордера, устремитъ цѣлыя массы своихъ, чтобы ихъ окружить и уничтожить».

«Желая противупоставить такой необыкновенной тактикѣ подобную-же, Вильневъ предполагалъ тогда устроить въ линію только то число кораблей, которое будетъ у англичанъ; остальную-же часть флота ввѣрить адмиралу Гравинѣ, и составить такимъ образомъ резервъ, готовый устремиться на помощь угрожаемымъ кораблямъ».

Такимъ образомъ то, чего требовалъ отъ своихъ командировъ Вильневъ—было сосредоточеніе къ атакованному пункту, но чего у нихъ не было—это подготовки къ проявленію принципа взаимной поддержки и старанія адмирала растолковать имъ передъ боемъ—какъ надо понимать принципъ взаимной поддержки не привели ни къ чему, не смотря на то, что онъ угадалъ даже участокъ куда непріятель сосредоточитъ свои силы и способъ, которымъ онъ это сдѣлаетъ.

И такъ и здѣсь принципъ взаимной поддержки самъ собою переливается въ принципъ сосредоченія силъ.

(*) Морскія войны временъ французской республики и Имперіи. Часть II-я стр. 115.

Я потому неоднократно возвращаюсь къ этому приказу Вильнева и его критикѣ, что изъ одного изъ величайшихъ сраженій, именно по этому пункту дѣлаются совершенно ложные выводы. Хотятъ показать, что вотъ Вильневъ построилъ весь свой планъ на принципѣ взаимной поддержки и былъ разбитъ—а значитъ принципъ взаимной поддержки опасенъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ, Вильневъ только понималъ, что единственная надежда отбиться отъ противника — это вести бой на почвѣ энергичной взаимной поддержки, онъ стремился это сдѣлать разъясненіемъ передъ боемъ и приказомъ, но, какъ и надо было ожидать, цѣли своей не достигъ, и, какъ вкратцѣ было выше указано (стр. 109)—именно взаимной-то поддержки и не оказалось въ союзномъ флотѣ.

Тутъ конечно не мѣсто касаться тѣхъ разнообразныхъ причинъ, которыя привели союзниковъ къ разгрому при Трафальгарѣ. Но по скольку въ эти причины входятъ основные принципы военнаго дѣла, можно съ увѣренностью сказать, что не изъ за того былъ разбитъ Вильневъ, что онъ построилъ свой планъ на принципѣ взаимной поддержки, а совершенно обратно—именно оттого, что союзный флотъ оказался неспособнымъ къ проявленію принципа взаимной поддержки.

Мы вѣдь теперь занимаемся выясненіемъ основъ военной науки, а потому ложный выводъ, касающійся этихъ основъ, сдѣланный изъ одного изъ важнѣйшихъ для военно-морского дѣла историческихъ фактовъ и притомъ лицомъ, имѣющимъ огромный авторитетъ въ нашемъ флотѣ, не можетъ остаться неопровергнутымъ въ настоящей работѣ. Въ томъ-то и дѣло, и это должно быть тщательнѣйшимъ образомъ разъяснено при установленіи основъ военной науки, что всѣ принципы—это единое, всѣ они переливаются другъ въ друга. И принципъ взаимной поддержки всего явственнѣе переливается въ принципъ сосредоточенія силъ и въ эскадренномъ бою — именно путемъ поддержки атакованнаго участка строя, т. е. способомъ примѣненнымъ Вильневомъ.

Въ эскадренномъ бою, командиру каждаго изъ кораблей, конечно, прежде всего надо стремиться къ тому, чтобы принять активное участіе въ бою, чтобы не остаться безъ против-

ника. Но при этомъ стремленіи, командиру корабля не разъ и притомъ мгновенно придется рѣшать вопросъ — направить-ли свои усилія туда, гдѣ уже сражаются его товарищи, т. е. оказать-ли имъ поддержку, или схватиться съ тѣми непріятельскими кораблями, которые еще не приняли участія въ бою?

Въ эскадренномъ бою принципъ взаимной поддержки приведетъ къ сосредоточенію силъ.

Конечно общее рѣшеніе придумать для этого трудно — очень много будетъ зависѣть это отъ обстановки и отъ глазомѣра командира т. е. отъ умѣнья его оцѣнить данную обстановку. Но все-таки можно сказать, что общее стремленіе командировъ сцѣпиться съ неучаствующими еще въ сраженіи непріятельскими кораблями, поведетъ къ *равенству* шансовъ, къ распредѣленію своей силы по всей силѣ непріятеля, въ извѣстномъ смыслѣ — къ *разбросу* своихъ силъ, тогда какъ стремленіе къ поддержкѣ своихъ поведетъ къ сосредоточенію своей силы противъ части непріятеля. Конечно и непріятель можетъ поступить точно такимъ-же образомъ и тогда въ концѣ концовъ бой сдѣлается общимъ, и шансы сравняются, и вся сила одного распредѣлится по всей силѣ другого. Но вѣдь этотъ результатъ будетъ лишь тотъ, къ которому привелось-бы сраженіе съ самаго начала, если-бы мы откинули соображеніе о непосредственной поддержкѣ уже вступившихъ въ бой кораблей. Значитъ потери, при проведеніи этого принципа не произошло, а выигрышъ могъ быть, такъ какъ всякая ошибка непріятеля, всякое промедленіе съ его стороны, продолжитъ то время, впродолженіи котораго наши силы будутъ сосредоточены противъ его части.

Такимъ образомъ, въ общемъ, слѣдованіе въ бою принципу взаимной поддержки, поведетъ къ принципу сосредоточенія силъ, т. е. одинъ принципъ какъ-бы переливается въ другой.

Одно изъ общеупотребительныхъ возраженій противъ

Здѣсь, кстати сказать, нѣсколько словъ по поводу одного очень общеупотребительнаго возраженія противъ какихъ-либо общихъ отвлеченныхъ идей о веденіи боя, и вообще о теоріи всякихъ способовъ получить перевѣсъ надъ противникомъ уже *въ самомъ бою*. На всякую такую идею, на всякій спо-

теоретических идей о веденіи боя.

собъ вамъ возражаютъ — но развѣ не можетъ того-же сдѣлать и противникъ, и тогда къ чему ваша идея и способъ? Это было-бы совершенно логично, но только при одномъ условіи— при полномъ тождествѣ противниковъ. А этого-то какъ разъ и не бываетъ. Не бываетъ и матеріальнаго тождества, хотя въ большей или меньшей мѣрѣ оно все-таки допустимо, но совершенно нельзя себѣ представить тождества въ моральной сторонѣ личнаго состава и въ способностяхъ начальниковъ различныхъ степеней.

Конечно допуская и такое тождество, т. е. собственно говоря, разсуждая въ безвоздушномъ пространствѣ, можно допустить, что нѣтъ такой идеи съ одной стороны, которой не могла-бы быть противупоставлена столь-же плодотворная идея съ другой, что нѣтъ такого маневра одного изъ противниковъ, который не могъ-бы быть съ успѣхомъ отпарированъ другимъ.

Про бой происходящій при такихъ условіяхъ можно сказать только одно — онъ будетъ очень рѣшителенъ, кровопролитенъ и именно такой-то бой и рѣшитъ какая-нибудь случайность. Именно такая идеальная обстановка и создастъ царство случая.

Но вѣдь на самомъ дѣлѣ такой обстановки не бываетъ и быть не можетъ. Противники различны, какъ въ матеріальномъ такъ и въ особенности въ моральномъ отношеніи—въ обученіи, въ талантѣ руководителей. Дѣйствія какъ той, такъ и другой стороны будутъ представлять рядъ вольныхъ и невольныхъ (отъ недостатковъ въ матеріальной части) промаховъ и недостатковъ. Всякое опозданіе въ противупоставленіи идеѣ или способу употребленному противникомъ соотвѣтствующей идеи или способа — поведетъ къ тому, что примѣненная имъ идея или способъ дадутъ уже ощутительный результатъ въ его пользу, создадутъ — что особенно важно — моральный перевѣсъ, и такимъ образомъ создадутъ благопріятную почву и для дальнѣйшаго использованія идеи или способа. И вотъ для того, чтобы быть готовымъ бороться съ идеями и способами противника, чтобы предупредить его въ приложеніи выгодныхъ идей и способовъ, чтобы воспользоваться его промедленіями, ошибками и недостатками, надо имѣть совершенно

ясное представленіе объ идеяхъ и способахъ задолго до боя, сдѣлать ихъ ясными для всего личнаго состава, пропитать его ими, (одни получаютъ эту ясность сознаніемъ, другіе— посредствомъ внушенія) и тогда въ бою всѣ эти способы будутъ использованы *инстинктивно*, и вотъ это качество инстинктивности въ принятіи рѣшеній особенно цѣнно въ бою. Добиться-же этого можно только съ помощью совмѣстной работы научныхъ изслѣдованіи теоріи съ безпрерывно ихъ повѣряющей и дающей для нихъ матеріалъ практикой.

Поступать иначе, т. е. положиться исключительно на наличіе хорошихъ кораблей, обильныхъ запасовъ, хорошую техническую выучку личнаго состава (командировъ — управлять кораблями, комендоровъ — стрѣлять, эскадръ — держаться въ строю и маневрировать, и т. п.) и на его мужество — это значитъ упустить все-таки главное—*творческую* способность человѣка при употребленіи всѣхъ этихъ превосходныхъ средствъ.

Эта творческая способность тоже можетъ быть развита и направлена на правильный путь и вотъ для этого-то и служитъ военная наука вообще и принципы военнаго дѣла — въ частности. Даже творчество нуждается въ развитіи и направленіи.

Къ этому вопросу я еще вернусъ (см. Гл. IV), а пока обратимся къ изслѣдованію еще нѣкоторыхъ принциповъ военнаго дѣла.

Изслѣдованія о нѣкоторыхъ сторонахъ сущности моральной стороны человѣческой природы.

Какъ я дѣлалъ это и раньше, буду и въ дальнѣйшемъ выводить ихъ изъ духовной стороны человѣка. Но сначала нѣсколько дополню тѣ указанія, которыя были сдѣланы раньше (см. стр. 97—100) относительно этой духовной стороны, и относительно психологіи организованной толпы, каковой является всякая часть военной силы.

«Человѣкъ» говоритъ Комисано (*) говоря вообще, есть злое животное, въ которомъ воспитаніе и цивилизація, далекія отъ уничтоженія борьбы (матеріальной или моральной) за

(*) Опытъ военной психологіи, стр. 19.

существованіе, умножили средства борьбы, сдѣлавъ его еще болѣе опаснымъ».

Первобытный человѣкъ, который легко убивалъ, чтобы не быть убитымъ самому, понемногу, путемъ культуры дошелъ до воздержанія отъ кровожадности и наконецъ — и до отвращенія къ ней, вѣдь тоже во имя непосредственнаго своего личнаго интереса. И едва-ли можно отрицать, что главнымъ средствомъ воздѣйствія на пути этой стороны культурнаго развитія человѣка — было установленіе отвѣтственности за проявленіе его дикихъ инстинктовъ вредныхъ другимъ.

Отвѣтственность матеріальная (лишеніе жизни, имущества и т. п.) перешла затѣмъ и въ нравственное чувство. Значитъ, чтобы теперь привести человѣка въ такое состояніе, чтобы онъ могъ убивать — а это необходимо для войны — надо пробудить въ немъ его первобытные инстинкты, снять съ него чувство отвѣтственности за нихъ, и наконецъ — окружить эти поступки нравственнымъ ореоломъ и такимъ образомъ оправдать ихъ въ его глазахъ.

Чтобы человѣкъ могъ убивать, надо пробудить его первобытные инстинкты и снять съ него чувство отвѣтственности.

Суммируются инстинкты присущіе человѣку и именно низменные легче всего въ толпѣ (см. стр. 98), точно также именно въ толпѣ человѣкъ теряетъ чувство отвѣственности за свои поступки, а потому именно въ толпѣ онъ легче проявляетъ свои инстинкты. Кромѣ того въ военной организованной толпѣ эту отвѣтственность на себя открыто принимаютъ начальники. Наконецъ — убійство на войнѣ окружается ореоломъ патріотическихъ чувствъ, еще болѣе ясно ощутимыхъ, когда человѣкъ видитъ, что кругомъ всѣ дѣлаютъ тоже.

Такимъ образомъ для веденія войны, необходимо соединить людей въ организованныя толпы, и помимо тѣхъ соображеній, которыя были уже подробно разсмотрѣны при изслѣдованіи принципа сосредоточенія силъ (см. стр. 97—100).

Но вмѣстѣ съ тѣмъ надо считаться и съ той психологіей, которая создается въ толпѣ только потому, что она — толпа.

Лебонъ высказываетъ о человѣкѣ тотъ-же взглядъ, что и Компсано. «Инстинкты разрушительной свирѣпости» говоритъ

онъ (*), составляющіе остатокъ первобытныхъ временъ, дремлютъ въ глубинѣ души каждаго изъ насъ. Поддаваться этимъ инстинктамъ опасно для изолированнаго индивида, но когда онъ находится въ неотвѣтственной толпѣ, гдѣ слѣдовательно обезпечена ему безнаказанность, то онъ можетъ свободно слѣдовать велѣнію своихъ инстинктовъ. Не будучи въ состояніи въ обыкновенное время удовлетворять эти свирѣпые инстинкты на нашихъ ближнихъ, мы ограничиваемся тѣмъ, что удовлетворяемъ ихъ на животныхъ. Общераспространенная страсть къ охотѣ и свирѣпыя дѣйствія толпы вытекаютъ изъ одного и того-же источника».

Вотъ что, напр., приходится наблюдать въ настоящее, яко-бы культурное, время.

Кровожадные инстинкты заложены въ человѣческой природѣ.

Въ городѣ Валенціи, на рѣкѣ Ронѣ (Франція) 22 Сентября 1909 г. была совершена публичная казнь. Какъ сообщаетъ объ этомъ корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» (10 Октября 1909 г.) публичная казнь и на этотъ разъ, какъ и въ Беттенѣ (при казни шайки Поле), сдѣлалась предметомъ народной оргіи. Казнь привлекла въ Валенцію огромную толпу не только изъ окрестностей, но даже изъ Парижа. Поѣзда наканунѣ казни вечеромъ приходили переполненные пассажирами. Окна и балконы, обращенные къ тюрьмѣ, занимались съ боя. Платили, какъ въ театрахъ на представленія знаменитостей, по 100 франковъ за мѣсто. Всю ночь передъ тюрьмой стояла огромная толпа. Ночью разразилась страшная гроза, но и она не разогнала толпу. Поведеніе толпы приняло положительно характеръ буйной и дикой оргіи, когда вывели преступниковъ. Вся толпа пѣла, кричала, смѣялась, свистала, проклинала, нѣкоторые приплясывали. Поведеніе толпы, опьяненной видомъ гильотины и запахомъ крови, вызываетъ французскихъ юристовъ на серьезныя размышленія о необходимости отмѣнить публичное совершеніе казней. Публицистовъ же — сцены въ Беттенѣ и Валенціи вызываютъ на другія размышленія — о чудовищной озвѣрѣлости французскаго народа.

(*) Психологія народовъ и массъ. Стр. 192.

А вотъ какую картину суда Линча надъ негромъ даетъ Америка (Штатъ Иллинойсъ) (*).

Негръ этотъ обвинялся въ изнасилованіи и убійствѣ бѣлой дѣвушки, магазинной продавщицы. Когда онъ былъ пойманъ, то для линчеванія его собралось до 10.000 человѣкъ, среди которыхъ было множество женщинъ. Толпа положительно озвѣрѣла. Сперва негра повѣсили, затѣмъ изъ ружей и пистолетовъ пробили все тѣло пулями. Протащивъ трупъ нѣкоторое разстояніе, отрубили голову и торжественно водрузили ее на шестъ, затѣмъ вырѣзали сердце и разорвали на мелкіе кусочки, а туловище сожгли. Кусочки сердца участники линчеванія забрали на память, какъ и куски веревки, омоченные кровью. Веревку при повѣшеніи затянули женщины, онѣ-же развели огонь для сожженія трупа. Послѣ этого, толпа, въ поискахъ за другимъ негромъ — соучастникомъ, бросилась въ тюрьму, разрушила камеру, въ которой содержался преступникъ (бѣлый), убившій свою жену и обрушила свою ярость на него. Несчастнаго выволокли на улицу, повѣсили на фонарномъ столбѣ и разстрѣляли.

Наличіе прирожденныхъ дурныхъ инстинктовъ въ человѣкѣ признаетъ и Шопенгауеръ.

«Кто-то сказалъ мнѣ однажды» говоритъ онъ (**) «что въ каждомъ человѣкѣ таится нѣчто очень хорошее и человѣколюбивое, а также и нѣчто дурное и недоброжелательное; и смотря по тому, какъ онъ расположенъ, проявляется то одно, то другое. Это совершенно вѣрно»!

«Видъ чужихъ страданій вызываетъ не только въ разныхъ людяхъ, но и въ одномъ человѣкѣ одинъ разъ безграничное состраданіе, а другой разъ нѣкоторое удовлетвореніе, которое можетъ усилиться до самаго жестокого злорадства. Я и самъ на себѣ замѣчаю, что на всѣ существа я смотрю иногда съ задушевнымъ состраданіемъ, иногда съ величайшимъ равнодушіемъ, а подчасъ съ ненавистью и даже злорадствомъ».

(*) Бирж. Вѣд. отъ 2/IX 9.

(**) Цитирую по «Кругу чтенія» Л. Н. Толстого, на 16-е Августа.

«Все это служитъ явнымъ указаніемъ на то, что у насъ есть два различныхъ и даже прямо противуположныхъ способа познанія: одинъ — по принципу обособленности, разобщенности, отчужденности; когда всѣ существа кажутся намъ совершенно чуждыми, когда они—рѣшительно не я: мы не можемъ тогда къ нимъ чувствовать ничего, кромѣ равнодушія, зависти, ненависти, злорадства».

«И другой способъ познанія, который мнѣ хотѣлось-бы назвать познаніемъ по сознанію нашего единства со всѣми. При этомъ способѣ познанія всѣ существа кажутся намъ тождественными съ нашимъ я, и потому видъ ихъ вызываетъ въ насъ состраданіе и любовь».

«Одинъ типъ раздѣляетъ насъ другъ отъ друга непроницаемой стѣной, другой убираетъ стѣну, и мы сливаемся въ одно. Одинъ способъ научаетъ насъ чувствовать относительно каждаго существа, что оно — я, а другой, — что оно— не я».

Первый способъ — это нравственный идеалъ къ которому стремится человѣкъ, — второй способъ — это тотъ, который надо искусственно привить къ человѣку, въ той или иной степени, въ зависимости отъ того на сколько близокъ онъ къ идеалу — для того, чтобы сдѣлать его пригоднымъ для участія въ войнѣ и въ бою.

Чтобы приспособить людей для боя надо собрать ихъ въ организованную толпу и внушить ей право убивать.

Одна изъ наилучшихъ обстановокъ для этого—собрать людей въ организованную толпу. Одно изъ лучшихъ средствъ воздѣйствія — это примѣръ и внушеніе, которымъ именно легче всего поддается толпа, которая живетъ не умомъ, а чувствомъ, которая поддается не логическимъ доказательствамъ, а образамъ и заразѣ. Толпа безхитростна и проста— она первобытна.

Военная сила не всегда толпа и не во всемъ похожа на обыкновенную толпу. Въ мирное время—это каста. По опредѣленію Комисано (*), «масса, состоящая изъ индивидовъ, каждый изъ которыхъ имѣетъ быть можетъ различныя мысли

(*) Опытъ военной психологіи. Стр. 66—69.

и желанія, но которые собраны для одного и того-же дѣла, съ полнымъ правомъ можетъ быть названа кастой. Каста преподноситъ своимъ членамъ готовую одежду, готовыя идеи, утвержденныя правила поведенія, не позволяя имъ думать своимъ умомъ. Между тѣмъ въ психологической толпѣ объединеніе чувствъ и мыслей совершается путемъ заразы, съ поразительной быстротой и съ тою-же скоростью исчезаетъ. Въ кастѣ тотъ-же процессъ совершается—въ силу привычки и традиціи, которая ничто иное, какъ привычка исторіи,—медленно, а исчезаетъ такъ же медленно и трудно, какъ и всякое качество, съ трудомъ усвоенное. На военныхъ парадахъ мы видимъ довольно крупное «множество», но не психологическую толпу, потому что для церемоніальнаго марша никто не станетъ взывать къ высшимъ чувствамъ солдатъ. На маневрахъ людямъ приходится переносить извѣстное утомленіе, но такъ какъ они рѣдко подвергаются при этомъ лишеніямъ и въ то-же время сознаютъ, что лишь изображаютъ сраженіе, то относятся къ нимъ довольно равнодушно, смотря на нихъ какъ на простыя ученья. Но на войнѣ, гдѣ солдатъ рискуетъ жизнью, условія мѣняются и армія преобразуется, да и должна преобразоваться въ психологически соединенное множество, въ толпу. Толпа эта хотя по своимъ главнымъ особенностямъ и похожа на обыкновенную толпу, но имѣетъ и особыя отличительныя черты».

Особенности организованной военной толпы.

«Тогда какъ импровизированное множество можетъ напрягать свою дѣятельность лишь въ теченіе короткаго промежутка времени, т. е. пока не улегся энтузіамъ къ соединившему его дѣлу, организованная армія подготовлена къ продолжительному дѣйствію. Утрачивая свойства чрезвычайной импульсивности и перемѣнчивости, общихъ другимъ массамъ, армія пріобрѣтаетъ два новыхъ качества—прочность и устойчивость. Но важнѣйшая ихъ особенность — это дисциплина. Когда войска мучатся отъ голода на сыромъ и холодномъ бивакѣ, когда они въ теченіе цѣлыхъ часовъ пассивно выносятъ непріятельскій огонь или когда они, послѣ пораженія, преслѣдуются противникомъ, находясь наканунѣ полной паники, то не можетъ быть и вопроса объ энтузіазмѣ; па-

прасно-бы стали мы искать спасенія въ немъ. По мнѣнію Блюме—одна только дисциплина можетъ въ этихъ случаяхъ обезпечить связь между войсками и вернуть имъ утраченную крѣпость».

«Но именно такая дисциплина, какъ опредѣляетъ ее фонъ-деръ-Гольцъ — основанная на обоюдномъ довѣріи между солдатами и вождями ихъ. Если солдатъ, идущій на встрѣчу непріятельскимъ пулямъ, знаетъ, что его сосѣдъ дѣлаетъ то же самое; если у него имѣется сознаніе, что онъ не будетъ покинутъ въ моментъ величайшей опасности въ бою, ни своими товарищами, ни своими начальниками, то сердце его забьется чувствомъ долга и чести, — чувствомъ, которое не позволитъ ему отстать отъ товарищей и заставитъ его презирать всякую опасность».

«Въ данномъ случаѣ вполнѣ примѣнимо выраженіе «удерживать массу массой», потому-что иногда достаточно одной трещины, чтобы распалось все цѣлое, какъ внезапно охлажденное стекло, по выраженію Клаузевица».

Въ извѣстные моменты и военная часть подчиняется законамъ управляющимъ обыкновенной толпой.

Но хотя военная толпа и имѣетъ свои особенности, но въ общемъ, и въ особенности въ извѣстные моменты крайняго и быстраго напряженія, напр., въ бою, она подчиняется законамъ управляющимъ обыкновенной организованной толпой, и изученіе психологіи такой толпы непремѣнно должно войти въ область военной науки, особенно въ той ея части, которая занимается основами, сущностью науки.

Еще нѣкоторыя данныя о психологіи толпы.

«Если толпа способна на убійство, поджоги и всякаго рода преступленія» говоритъ Лебонъ (*), «то она способна также и на очень возвышенныя проявленія преданности, самопожертвованія и безкорыстія, болѣе возвышенныя даже чѣмъ тѣ, на которыя способенъ отдѣльный индивидъ. Дѣйствуя на индивидъ въ толпѣ и вызывая у него чувства славы, чести, религіи и патріотизма, легко можно *заставить его пожертвовать даже своей жизнью....* Только толпа способна къ проявленію величайшаго безкорыстія и величайшей преданности.

(*) Психологія народовъ и массъ. Стр. 192—193. Здѣсь конечно дѣло идетъ не исключительно о военной толпѣ.

Какъ много разъ толпа героически умирала за какое нибудь вѣрованіе, слова или идеи, которыя она сама едва понимала. Личный интересъ очень рѣдко бываетъ могущественнымъ двигателемъ въ толпѣ, тогда какъ у отдѣльнаго индивида онъ занимаетъ первое мѣсто. Никакъ не интересъ конечно руководилъ толпой во многихъ войнахъ, всего чаще недоступныхъ ея понятіямъ, но она шла на смерть и такъ-же легко принимала ее, какъ легко даютъ себя убивать ласточки, загипнотизированныя зеркаломъ охотника. Случается очень часто, что даже совершенные негодяи, находясь въ толпѣ, проникаются временно самыми строгими принципами морали».

Всякая толпа, а значитъ и военная, легко подвержена паникѣ.

Но именно эта легкость дѣйствія на толпу примѣра, внушенія,—эта быстрота съ которою въ толпѣ передается внушеніе, эта быстрота распространенія психической заразы—представляетъ не малую опасность для военной толпы, ибо также быстро въ ней распространяется страхъ, какъ и доблесть. Именно толпа легче всего подвержена паникѣ, безсмысленной, не разсуждающей, стихійной.

Комисано (*) приводитъ такой примѣръ. Въ войну 1877—78 г. одинъ изъ румынскихъ полковъ находился въ траншеяхъ подъ Гривицей, и непріятельскія пули безвредно пролетали надъ его головами. Какъ вдругъ, огонь сдѣлался сильнѣе, и одинъ изъ солдатъ такъ перетрусилъ, что выпрыгнулъ изъ траншеи и бросился бѣжать, какъ сумасшедшій. Почти всѣ остальные послѣдовали его примѣру, промѣнявъ свое *вѣрное закрытіе* на такое мѣсто, гдѣ десятая часть ихъ была выбита турецкими пулями изъ строя.

Основныя причины возможности паники та, что въ каждомъ человѣкѣ крѣпко сидитъ инстинктъ самосохраненія.

И происходитъ это оттого, что каждый человѣкъ въ извѣстной степени трусъ, оттого что въ немъ сидитъ властный инстинктъ самосохраненія, который можно побороть только волей, а воля эта легко отнимается внушеніемъ и заразой ужаса.

Вотъ что говорятъ по этому поводу люди несомнѣнно обладавшіе большой храбростью, видѣвшіе не разъ смерть лицомъ къ лицу—адмиралъ С. О. Макаровъ, и по его свидѣтельству—Скобелевъ.

(*) Опытъ военной психологіи, стр. 117.

«Всякое живое существо», говоритъ Макаровъ (*) «въ силу инстинкта, боится смерти, но человѣку дана воля, чтобы побороть въ себѣ этотъ инстинктъ. Мы видимъ, что звѣри не только боятся смерти каждый для себя, но боятся и смерти другихъ, себѣ подобныхъ. Когда какое нибудь животное впадаетъ въ предсмертную агонію, то все окружавшее его стадо разбѣгается».

«Человѣкъ поборолъ въ себѣ это чувство и онъ безбоязненно работаетъ у умирающаго, чтобы облегчить его агонію или возвратить его къ жизни. Болѣе того, человѣкъ съ древнихъ временъ стремится побороть въ себѣ опасеніе за свою жизнь и военная доблесть, въ которой пренебреженіе къ смерти есть главное, давно уже была въ наибольшемъ почетѣ».

Адмиралъ Макаровъ и Скобелевъ о трусости.

«Надо однако-же имѣть въ виду, что никакимъ воспитаніемъ нельзя вполнѣ побороть природный инстинктъ. Мы для примѣра возьмемъ самого Скобелева, котораго никто не упрекнетъ въ трусости».

«Автору привелось перевозить моремъ раненыхъ подъ Плевной и въ другихъ мѣстахъ и судить объ отвагѣ Скобелева по разсказамъ людей, которымъ не было интереса хвалить его. Всѣ они въ одинъ голосъ превозносили Скобелева и говорили, что чѣмъ опасность сильнѣе, тѣмъ Скобелевъ казался веселѣе. Мы вспоминаемъ нашъ разговоръ со Скобелевымъ передъ Ахалъ-Текинской экспедиціей. Скобелевъ разспрашивалъ автора о подробностяхъ минныхъ атакъ, причемъ авторъ говорилъ ему, что все дѣло тутъ въ личной храбрости».

«Я воображаю, сказалъ авторъ, что сдѣлали-бы вы, никогда не знавшій чувства страха»?

«Вы ошибаетесь, если думаете, что есть люди совершенно безъ страха, отвѣтилъ Скобелевъ. Я въ это не вѣрю и думаю, что всякій человѣкъ, въ одномъ случаѣ беззавѣтно храбръ, въ другомъ—труслив. Въ большей части случаевъ, у человѣка съ достаточно сильной волей хватитъ самообладанія, чтобы побороть въ себѣ чувство страха, но я самъ помню,

(*) Разсужденія по вопросамъ морской тактики. Стр. 82—85

*

какъ лежалъ въ канавѣ и не смѣлъ приподнять голову, ибо мнѣ казалось, что надо мной сплошная туча пуль. Черезъ нѣсколько минутъ, я поборолъ въ себѣ это чувство и чтобы наказать себя, пошелъ еще въ большій огонь, но когда лежалъ въ канавѣ, я былъ самый жалкій трусъ».

«Изъ этого разсказа Скобелева можно вывести то правоученіе, что если подъ огнемъ у кого нибудь явится чувство страха, то надо этому не удивляться, а слѣдуетъ только сознательно побороть въ себѣ это чувство и самообладаніе сейчасъ-же явится. Чѣмъ человѣкъ развитѣе, тѣмъ въ большей мѣрѣ онъ можетъ усвоить себѣ самообладаніе».

Въ массѣ нельзя развить самообладаніе заглушающее инстинктъ самосохраненія.

Послѣднія слова очень хороши для единицъ, но они непримѣнимы къ массѣ Въ массѣ нельзя развить самообладаніе, къ ней надо примѣнить внушеніе, привить полубезсознательность, заглушающую инстинктъ самосохраненія или такую идею, которая отодвинула-бы мысль о смерти на второй планъ.

«При опасности», говоритъ Комисано (*), «когда человѣкъ долженъ жертвовать своей жизнью, все то, что приводитъ его въ полубезсознательное состояніе, облегчаетъ это требуемое отъ него самопожертвованіе. Шумъ (боя) оглушаетъ человѣка, подобно тому, какъ при атакѣ онъ дѣйствуетъ ошалѣвающимъ образомъ на лошадь, — и солдатъ, приведенный въ это состояніе, легче идетъ на смерть».

«Въ рукопашной схваткѣ» сражающіеся находятся (подъ вліяніемъ порыва) въ полубезсознательномъ состояніи, въ которомъ они не отдаютъ себѣ отчета, ни въ томъ, что дѣлаютъ, ни въ томъ что должны дѣлать. Въ этомъ состояніи солдаты ни на что не обращаютъ вниманіе. Какъ тонущій безпорядочно бьется всѣми своими членами, стремясь лишь къ тому, чтобы выйти изъ воды, такъ и бойцы наносятъ удары налѣво и направо, впередъ и назадъ, лишь-бы заставить противника отступить или спастись самимъ. И въ это остервенѣніе одинаково приходятъ и изящный офицеръ, и грубый крестьянинъ, и посѣдѣвшій въ бояхъ ветеранъ, и неопытный новобра-

---

(*) Опытъ военной психологіи. Стр. 133 и 61.

нецъ. Понятно, что силы тѣхъ и другихъ разныя, но не слѣдуетъ думать, что недостатокъ привычки и цивилизація дѣлаютъ человѣка неспособнымъ убивать и ранить. Это свойство лежитъ въ природѣ человѣка, и Барбостъ (*), желая мотивировать влеченіе индивида къ убійству, даетъ слѣдующее объясненіе: изслѣдованія указываютъ, что въ человѣкѣ существуетъ оставшаяся отъ его первобытнаго состоянія склонность къ убійству, нѣчто въ родѣ инстинктивной свирѣпости, находящей себѣ могущественнаго союзника въ наклонности къ подражанію».

Однако рукопашныя схватки очень рѣдки и въ сухопутномъ бою. На морѣ-же онѣ едва-ли допустимы. Поэтому на морѣ едва-ли можно дойти до полубезсознательности въ бою, да къ тому же сложная техника требуетъ именно сознательности въ управленіи ею.

Поэтому именно на морѣ имѣетъ особое значеніе внушеніе, которое очень сильно дѣйствуетъ на толпу, которое лишь заслоняетъ мысль о смерти, но не лишаетъ сознательности. Подспорьемъ здѣсь будетъ служить, въ противуположность, напр., штурму на сухомъ пути, не порывъ, а методизмъ въ дѣйствіи своимъ оружіемъ, болѣе сходный съ характеромъ дѣйствія оружіемъ на сухомъ пути при оборонѣ. А потому имѣетъ особое значеніе для подготовки личнаго состава къ морскому бою тщательность обученія.

Въ морскомъ бою обученіе личнаго состава имѣетъ преимущественное значеніе.

Остановимся еще нѣсколько (**) на томъ преимущественномъ значеніи, которое имѣетъ, въ морскомъ бою, обученіе личнаго состава, такъ какъ эта преимущественность составляетъ одно изъ характерныхъ отличій морского боя отъ сухопутнаго, въ которомъ эта преимущественность не имѣетъ столь преобладающаго значенія. Это происходитъ между прочимъ и отъ того, что на морѣ имѣетъ примѣненіе только метательное оружіе; если даже и считать таранъ холоднымъ оружіемъ — хотя едва-ли это теперь даже вообще

(*) На него-же ссылка и у Зыкова «Какъ и чѣмъ направляются люди» стр. 58.

(**) Цитирую здѣсь по моей работѣ «элементарная тактика» изд. 1902 г. стр. 18 — 21.

оружіе—то примѣненіе его находится въ рукахъ одного человѣка на кораблѣ—командира (*). При этомъ мы совершенно оставляемъ въ сторонѣ большую сложность матеріальный части флота, вліяніе которой въ этомъ случаѣ понятно само собою.

Два вида храбрости — пассивная и активная.

Результатъ храбрости—подъема духа — можетъ проявляться двоякимъ образомъ—*пассивно и активно.*

Въ первомъ случаѣ храбрость—подъемъ духа выражается тѣмъ, что человѣкъ заставляетъ себя оставаться на мѣстѣ, несмотря на рискъ ежеминутной смерти отъ снарядовъ, которые ему посылаетъ издали непріятель, иногда и совсѣмъ невидимый,—не смотря на льющуюся кругомъ кровь, и стоны раненыхъ.

Во второмъ случаѣ—человѣкъ, не смотря на ту-же страшную обстановку, еще заставляетъ себя двигаться впередъ, и, не смотря на увеличеніе риска смерти и увеличеніе потерь кругомъ, доходитъ до противника и схватывается съ нимъ грудь съ грудью, въ каковой схваткѣ преимущество вооруженія и умѣнья владѣть оружіемъ сводится почти къ нулю. При такомъ движеніи впередъ, необходимый для него порывъ поддерживается примѣромъ идущаго впереди начальника, его энергичными и ободряющими словами, энергіей своего собственнаго стремленія и движенія впередъ,—наконецъ пыломъ и увлеченіемъ непосредственной схватки съ противникомъ.

Пассивная храбрость должна соединяться съ выдержаннымъ и умѣлымъ дѣйствіемъ своимъ оружіемъ, такъ какъ это будетъ единственное средство ослабленія и одолѣнія противника,—иначе она будетъ только качествомъ безропотно подставлять себя подъ удары—геройствомъ не дающимъ результатовъ.

Активная храбрость далеко не требуетъ этого въ такой степени,—въ ней главное—не остановиться, и не пойти назадъ.

(*) «При употребленіи всякаго оружія съ цѣлью уничтожить противника, который имѣетъ то-же намѣреніе относительно васъ, требуется безстрашіе и умѣнье владѣть оружіемъ, но для холоднаго—требуется преимущественно бестрашіе, для метательнаго—умѣнье. Это-же показываетъ, что холодное оружіе отвѣчаетъ преимущественно волѣ,—огнестрѣльное—уму». Драгомировъ. Учебникъ тактики. Изд. 1881 г. стр. 8.

Въ первой все—строгая дисциплина, хорошее обученіе, методичность и выдержанное хладнокровіе; во второй все—увлеченіе, до потери сознанія опасности, бѣшенный порывъ и упоеніе непосредственной, часто прямо физической борьбой.

На сухомъ пути встрѣчаются оба вида использованія храбрости. Движеніе впередъ подъ огнемъ, для чего-бы оно ни совершалось,—для удара-ли въ штыки, или просто для уменьшенія дистанціи огня, непремѣнно требуетъ искусственнаго возбужденія и подъема духовныхъ силъ, такъ какъ каждый отдѣльный человѣкъ независимъ въ своихъ движеніяхъ: онъ можетъ идти впередъ, можетъ остановиться и наконецъ можетъ начать отступать, и даже обратиться въ бѣгство. И такія средства для подъема духовныхъ силъ, какъ указано было выше, на сухомъ пути существуютъ.

На сухомъ пути оба вида храбрости имѣютъ одинаковое значеніе.

Высокое проявленіе подъема духовныхъ силъ можетъ на сухомъ пути иногда вступить въ серьезную борьбу съ превосходствомъ въ обученіи и въ вооруженіи, и даже одержать надъ ними побѣду. Для этого нужно только, не смотря ни на какія потери, довести достаточное количество, хотя и плохо обученныхъ и плохо вооруженныхъ, но не боящихся смерти, войскъ до схватки грудь съ грудью съ противникомъ. Самымъ яркимъ примѣромъ возможности такихъ случаевъ служитъ жестокое пораженіе итальянцевъ нестройными полчищами абиссинцевъ при Адуѣ 28-го февраля 1896 года.

На сухомъ пути возможны случаи, когда активная храбрость замѣняетъ недостатокъ въ обученіи и матеріальной части.

На морѣ вся обстановка боя представляется въ совершенно другомъ видѣ, и на морѣ явленіе, подобное пораженію при Адуѣ, совершенно невозможно.

На морѣ это невозможно.

На кораблѣ нужна и должна развиваться всѣми способами храбрость именно пассивная, главные элементы которой—дисциплина, выдержка и, доведенное до степени *инстинктивности*, превосходное обученіе личнаго состава управленію сложной матеріальной частью.

На кораблѣ каждый имѣетъ свое опредѣленное мѣсто и свою опредѣленную обязанность, причемъ большинство не только не видитъ противника, но даже не знаетъ съ какой онъ находится стороны. Люди группами разбиты по отдѣль-

нымъ клѣткамъ (башнямъ, казематамъ, погребамъ, кочегарнямъ, машинамъ и т. п. . . .) и одна группа не видитъ другія и не знаетъ — что они дѣлаютъ. Только низшіе начальники, часто только унтеръ-офицеры, находятся при отдѣльныхъ группахъ людей, и приказанія высшихъ начальниковъ приходятъ лишь по переговорнымъ трубамъ, телефонамъ и посредствомъ звонковъ.

Никакое увлеченіе своими собственными движеніями впередъ, никакой порывъ по направленію къ противнику, никакое упоеніе непосредственной борьбой, — не имѣютъ мѣста въ морскомъ бою, въ которомъ большинство личнаго состава, даже *и не дѣйствуетъ непосредственно оружіемъ*. Ни отъ кого, кромѣ какъ отъ командира, не зависитъ двигаться впередъ, назадъ или стоять на мѣстѣ. Корабль всѣхъ одинаково, помимо ихъ воли и даже сознанія, несетъ туда и съ тою скоростью, куда его направляетъ командиръ, — невидимый, скрытый во время боя отъ всѣхъ взоровъ въ боевой рубкѣ. Противникъ, отдѣленный воднымъ пространствомъ, для непосредственной схватки съ нимъ недостижимъ. Покинуть свое мѣсто, даже при полномъ упадкѣ духовныхъ силъ, почти невозможно. Всѣ клѣточки корабля наполнены людьми, дѣлающими каждый свое опредѣленное дѣло, и исчезновеніе человѣка изъ одной клѣтки и появленіе его въ чужой, сейчасъ-же обнаруживается. Воодушевленіе людей примѣромъ ихъ начальниковъ — затруднительно. Большинство начальниковъ невидимо, а ближайшій, непосредственно находящійся при извѣстной группѣ людей, также прикованъ къ своей клѣткѣ, какъ и они, также лишенъ возможности заразить ихъ порывомъ своего необузданнаго мужества и движенія, что на сухомъ пути оказываетъ такое громадное вліяніе на людей.

На кораблѣ все стараніе, весь порывъ, все увлеченіе людей должны быть направлены на хладнокровное, правильное, и умѣлое управленіе пушками, подачей снарядовъ, минами, рулемъ, машинами, котлами и т. п., на точную передачу и исполненіе получаемыхъ приказаній, на способность ихъ обойтись безъ приказаній, и распорядиться самимъ, въ

случаѣ порчи проводовъ и переговорныхъ трубъ, или въ случаѣ выбытія изъ строя того или другого начальника, на умѣнье справиться съ пожаромъ, затопить извѣстный отсѣкъ, исправить полученное поврежденіе. . . .

Организованная толпа на сухомъ пути и на морѣ находятся въ существенно различныхъ условіяхъ.

Такимъ образомъ организованная толпа на сухомъ пути и на морѣ находятся въ существенно различныхъ условіяхъ, и эти особенности должны быть соотвѣтственнымъ образомъ учтены. Личный составъ корабля труднѣе заразить порывомъ, такъ какъ нельзя заразъ внушить его всѣмъ — надо повторить внушеніе много разъ, въ различныхъ частяхъ корабля. Также не такъ легко распространяется и паника по кораблю, именно потому, что если она возникнетъ въ одномъ мѣстѣ, всѣ не сразу видятъ и слышатъ, что тутъ происходитъ, и является возможность ее заглушить. Хотя надо думать, что паника распространится все таки скорѣе чѣмъ воодушевленіе. Воодушевленіе требуетъ или примѣра — какого нибудь дѣйствія, или все таки извѣстнаго объясненія — воодушевляющихъ словъ. Пробѣжавшій по отдѣленіямъ корабля человѣкъ напр. съ крикомъ «наша взяла», не разъ будетъ остановленъ, разспрошенъ и мало кто поможетъ ему въ распространеніи радостнаго извѣстія — именно въ это время всякому понятно, что нужно энергично продолжать дѣйствовать и всякій на мѣстѣ и останется. Зато если гдѣ нибудь въ одномъ изъ отдѣленій корабля кто нибудь крикнетъ: «тонемъ братцы» и вслѣдствіе этого возникла паника, и если ее не удалось потушить, то цѣлая группа людей броситъ свое дѣло и во мгновеніе ока разнесетъ эту панику по кораблю.

На кораблѣ напр. легче устранить вредное моральное впечатлѣніе смерти начальника. Командиръ можетъ быть убитъ и большинство на кораблѣ можетъ ничего не знать объ этомъ до конца боя. Напр. адмиралъ Фелькерзамъ, второй въ порядкѣ командованія послѣ адмирала Рожественскаго на 2-й эскадрѣ Тихаго океана, скончался до Цусимскаго боя, а въ бою никто не зналъ объ этомъ въ той части флота, которая находилась подъ его командованіемъ, за исключеніемъ личнаго состава того корабля, на которомъ онъ имѣлъ свой флагъ.

О необходимости предупрежденія возможности чувства страха.

Но какъ-бы то ни было, хотя паника труднѣе распространяется по кораблю и легче предупредить ея распространеніе, но все таки и на морѣ надо считаться съ очень опаснымъ свойствомъ толпы — способностью къ паникѣ. Поэтому надо принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы она не возникала, чтобы не возникло у отдѣльныхъ людей чувство смертельнаго страха, который служитъ паникѣ началомъ, на почвѣ котораго она распространяется съ ужасающей быстротой.

Ощущеніе неизбѣжности гибели парализуетъ дѣятельность.

На *вѣрную* смерть мало кто идетъ. Въ самомъ опасномъ предпріятіи существуетъ большая или меньшая вѣроятность остаться цѣлымъ, и воспользоваться результатами перенесенной опасности, и тѣмъ большими, чѣмъ больше выдержанная опасность.

Выдерживаютъ *полное* отсутствіе надежды уцѣлѣть только герои, но на героизмѣ—на исключительности—никакіе разсчеты строить нельзя. И поэтому мысль о *неизбѣжной* смерти—въ морѣ она соединяется съ неизбѣжностью гибели корабля—а также вообще всякая мысль о *неизбѣжности* дурного исхода — надо предупреждать всѣми средствами — такое *ощущеніе* парализуетъ дѣятельность человѣка (*).

Изъ чего вытекаютъ поступки.

Ощущеніе—это грань между духовной и физической дѣятельностью человѣка. Какъ воспріятіе дѣйствія внѣшняго міра, ощущенія относятся къ физическому міру. Какъ объясненіе этого воспріятія—къ духовному. Сознанное ощущеніе составляетъ сужденіе. Одновременное возбужденіе разнообразныхъ ощущеній однимъ предметомъ служитъ причиной связи идей (сужденій), возбуждаемыхъ каждымъ ощущеніемъ. Эта связь называется ассоціаціей идей. Ощущенія-же обусловливаютъ и волевую дѣятельность человѣка. Волей называются сила, вызывающая поступокъ, т. е. приводящая въ дѣйствіе стремленіе человѣка къ опредѣленному ощущенію. Но при

(*) Зыковъ. Какъ и чѣмъ управляются люди. Опытъ военной психологіи стр. 11—38 и 97—107. Дальнѣйшее до стр. 143 изложено все почти точно словами Зыкова, только въ сжатой формѣ.

этомъ онъ считается съ цѣлымъ рядомъ существующихъ въ немъ сужденій, вызванныхъ другими ощущеніями и воля еще должна согласовать всѣ сужденія и *выбрать* рѣшеніе, а затѣмъ уже слѣдуетъ поступокъ.

По мѣрѣ усложненія умственной дѣятельности возникаютъ такія сложныя отношенія, что согласованіе ихъ—удѣлъ весьма немногихъ; это согласованіе представляется въ формѣ особой работы, а сила ея производящая—это та-же сила воли.

И разсчитывать только на силу воли для преодолѣнія инстинкта самосохраненія и вызова поступка—такого дѣйствія которое ведетъ къ возможности смерти—нельзя (См. стр. 132).

Сила воли—это вѣдь непремѣнно и согласованіе поступковъ съ идеями, которыя мысль находитъ правильными. Какъ, принято въ психологіи, универсальный законъ человѣческой дѣятельности заключается въ томъ, что тотъ или другой поступокъ имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, если идея его сопровождающая, имѣетъ *положительный тонъ ощущенія.* Тономъ ощущенія называется отношеніе къ нему познающаго субъекта. Если человѣкъ познаетъ ощущеніе какъ пріятное—то это будетъ ощущеніе положительное, еели оно познается какъ непріятное, то тонъ его отрицательный.

Тонъ ощущенія.

Управленіе поступками другихъ людей основано на томъ, что вѣдь каждый человѣкъ является для другого внѣшнимъ предметомъ, порождающимъ въ немъ рядъ опредѣленныхъ ощущеній. А значитъ, въ извѣстной степени, въ его волѣ создавать импульсы для тѣхъ или иныхъ ощущеній. Эти ощущенія вызовутъ въ тѣхъ людяхъ, которыми приходится управлять, извѣстныя ассоціаціи идей, борьбу извѣстныхъ мотивовъ. результатомъ которой будутъ извѣстные поступки.

Управленіе поступками другихъ людей.

Какова-бы не была вызванная ассоціація идей, какая-бы изъ нихъ не заняла господствующее положеніе, необходимо, чтобы эта идея сопровождалась положительнымъ тономъ ощущенія—иначе она останется безплодной и не вызоветъ никакого поступка.

Чѣмъ выше отвлеченіе, чѣмъ абстрактнѣе понятіе, тѣмъ больше оно захватываетъ простѣйшихъ понятій, тѣмъ слож-

нѣе и неопредѣленнѣе ихъ *чувственный* т. е. положительный или отрицательный тонъ. Чувственные тона сложнѣйшихъ представленій показываютъ безчисленные качественные оттѣнки. Сложнѣйшія представленія—отечество, право, семья, честь и т. п. слагаются изъ огромнаго числа ощущеній положительнаго и отрицательнаго характера. Всѣ онѣ суммируются и въ результатѣ у каждаго человѣка сопровождаются особымъ чувственнымъ тономъ, называемымъ этическимъ чувствомъ.

Этическій тонъ. Этическій чувственный тонъ не отличается тою опредѣленностью, какъ, напр., тонъ идеи насыщенія, но зато, построенный на огромномъ количествѣ ощущеній и понятій, захватываетъ почти всего человѣка, приводитъ въ вибрацію всѣ его психическія силы и въ результатѣ является гораздо болѣе сильнымъ, хотя и менѣе напряженнымъ. Его можно сравнить съ гальваническимъ токомъ, производящимъ большую работу, но дающимъ едва замѣтную искру, тогда какъ тонъ менѣе общихъ понятій будетъ похожъ на статическое электричество, дающее большую искру при ничтожной работѣ.

Напр., у Сократа идея «отечества» покоилась на широкомъ основаніи всѣхъ понятій, изъ которыхъ оно слагается. Поэтому не только измѣнить отечеству, но уклониться отъ его законовъ для Сократа оказалось невозможнымъ. Когда онъ былъ приговоренъ къ казни, и ученики его предлагали ему спастись бѣгствомъ, то Сократъ сказалъ имъ, что всякій гражданинъ долженъ повиноваться отечественнымъ законамъ, и отказался отъ спасенія. Подобные примѣры показываютъ, что, вопреки часто высказываемому мнѣнію, наиболѣе отвлеченныя понятія наиболѣе опредѣляютъ поступки человѣка, хотя ихъ вліяніе и не высказывается въ столь наглядной формѣ, какъ вліяніе менѣе отвлеченныхъ идей.

Вліяніе характера чувственнаго тона идеи на поступки. Вліяніе характера чувственнаго тона идеи на поступки чрезвычайно велико, такъ какъ только идеи положительнаго тона могутъ ихъ вызвать. Этому какъ-бы противорѣчитъ тотъ фактъ, что, когда человѣку угрожаетъ опасность или смерть, онъ проявляетъ огромную дѣятельность, хотя, несомнѣнно,— идеи страданія и смерти имѣютъ весьма рѣзкій отрицательный

тонъ. Но это противорѣчіе лишь кажущееся. Когда человѣкъ находится подъ угрозой смерти и когда въ его головѣ царитъ одна эта идея смерти, идея отрицательнаго тона, тогда человѣкъ лишается возможности двигаться. Человѣкъ «каменѣетъ», «столбенѣетъ» отъ страха. Страхъ его «сковываетъ», «парализуетъ». Только когда у него являются идеи противуположнаго характера, когда въ его головѣ поднимается идея жизни, отклоненія отъ смерти, возможности спасенія, путей къ этому спасенію, т. е. идеи положительнаго тона, только тогда онъ проявляетъ свою дѣятельность. Точно также—не идея голода, а именно идея насыщенія порождаетъ сознательные поступки голоднаго.

Если идея положительнаго тона—идея насыщенія—будетъ какимъ либо средствомъ уничтожена, то никакихъ поступковъ не послѣдуетъ. Если, напр., человѣкъ, осужденный на голодную смерть, будетъ замурованъ и результатомъ его тщетныхъ поисковъ явится убѣжденіе, что пищи нѣтъ *и не будетъ*, и это убѣжденіе уничтожитъ идею насыщенія, то человѣкъ впадетъ въ отчаяніе, а это состояніе именно и характеризуется отсутствіемъ поступковъ. Это бездѣйствіе отчаянія продолжается до появленія снова идеи положительнаго тона. Если это будетъ идея искупленія грѣховъ и вѣчнаго блаженства—человѣкъ станетъ молиться. Если это будетъ идея помощи извнѣ—онъ станетъ стучать въ стѣны, если идея сладости возмѣщенія—онъ будетъ проклинать или дѣлать то, что по его мнѣнію непріятно виновнику его несчастья и. т. д. . .

Точно также сознаніе *полной* неизбѣжности смерти заставляетъ примириться даже съ ней, т. е. не вызываетъ никакихъ поступковъ. Преступникъ рвавшійся изъ рукъ стражи, молившій о прощеніи и дарованіи жизни, хотя-бы самой несчастной, вступивши на эшафотъ и потерявши надежду на прощеніе, т. е. тѣмъ самымъ погасившій идею жизни,—дѣлается покоренъ и не оказываетъ никакого сопротивленія. Повѣрившій въ неизбѣжность смерти раньше, хладнокровно ждетъ ее задолго до казни, не могущій повѣрить до самой казни, рвется до самаго конца.

Иррадіація чувственнаго тона.

Разъ это такъ, очень важно имѣть возможность придавать идеямъ тонъ соотвѣтствующаго характера. Это считается возможнымъ на основаніи слѣдующаго—психологическаго положенія: «Если у двухъ одновременныхъ представленій одно сопровождается болѣе сильнымъ тономъ, потому что въ основѣ его лежитъ ощущеніе опредѣленнаго тона, между тѣмъ какъ другое представленіе, происходящее отъ безразличнаго ощущенія, не сопровождается чувственнымъ тономъ или-же, хотя и сопровождается, но весьма слабымъ, то сильный тонъ одного ощущенія сообщается и другому. Эта передача чувственнаго тона одного представленія другому, одновременно съ первымъ появляющемуся представленію, называется *иррадіаціей* чувственнаго тона».

Въ первые вѣка христіанства идея страданія, идея рѣзко отрицательнаго тона, пріобрѣтала въ умахъ христіанъ положительный тонъ вслѣдствіе иррадіаціи этого тона, получаемаго отъ идеи загробнаго блаженства. Это было не только примиреніе со страданіями, необходимыми для достиженія блаженства, но идея страданій сама по себѣ возбуждала удовольствіе т. е. пріобрѣтала положительный тонъ. Добровольныя мученія накладывались на себя не только какъ искушеніе грѣховъ, а даже потому, что «Христосъ тоже страдалъ».

Идея «Христосъ» иррадіируетъ свой тонъ на идею «страданіе», и придаетъ ей положительный тонъ. Передъ сраженіемъ воины Императора Константина были охвачены извѣстнымъ количествомъ ощущеній разнообразныхъ тоновъ. Всѣ эти тоны исчезли, покрылись однимъ могучимъ положительнымъ тономъ, когда Константинъ водрузилъ на свои знамена крестъ. Трудности, опасности смерти пріобрѣли положительный тонъ, иррадіаціей его идеей «Христосъ», возбужденной этимъ актомъ.

Война поднимаетъ въ душѣ участниковъ цѣлый рядъ представленій отрицательнаго тона. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ нихъ требуется какъ можно больше дѣятельности, которая появляется только при наличности положительнаго чувственнаго тона. Поэтому примирить эти противуположныя условія можно

во-первыхъ—низведеніемъ до минимума ощущенія лишеній и опасностей, и во-вторыхъ — приданіемъ наибольшей яркости идеямъ положительнаго тона, чтобы ихъ положительный тонъ иррадіировался на идею желаемыхъ поступковъ.

Напр., всякому извѣстно, какъ сильно иррадіируется отрицательный чувственный тонъ голода на всѣ впечатлѣнія человѣка. Голодному человѣку непріятны даже тѣ впечатлѣнія, которыя, обыкновенно, когда онъ сытъ, доставляютъ удовольствіе. Также дѣйствуютъ и жажда и усталость, а также и печаль. Обратно дѣйствуетъ радость, бодрость духа. Всякому, напр., извѣстно какъ иррадіируется на всѣ впечатлѣнія чувственный тонъ впечатлѣнія на человѣка музыки. Суворовъ говоритъ, что музыка удваиваетъ, утраиваетъ силы.

Иррадіація чувственнаго тона—это краеугольный камень управленія.

«Въ сущности иррадіація чувственнаго тона» (*), говоритъ Зыковъ, «это—краеугольный камень управленія, такъ какъ какова бы ни была идея, достигнувшая главенства, она можетъ вызвать поступокъ только, если она будетъ положительнаго тона. Этотъ ея положительный тонъ иррадіируется и заглушаетъ отрицательный тонъ ощущеній, вызываемыхъ приведеніемъ ея въ исполненіе. Иррадіація чувственнаго тона идеи исполняемаго долга придаетъ положительный тонъ лишеніямъ, страданіямъ и даже смерти. Пріятно умереть за отечество, говорили римляне, и «сладость» смерти никому не казалась абсурдной. Обратно, идея долга и отечества не можетъ подвинуть ни на какой поступокъ, если у человѣка эти идеи не сопровождаются положительнымъ тономъ». Такихъ людей называютъ лишенными нравственнаго чувства.

Иррадіація тона болѣе мелкихъ идей иногда можетъ быть интенсивнѣе, острѣе, но быстротечнѣе и слабѣе. Веселая шутка, музыка, пѣніе, острота, порою грубая, иррадіируютъ свой положительный тонъ и побуждаютъ на поступокъ, самъ по себѣ, непріятный. Ротный командиръ пустившійся въ присядку передъ залегшей ротой, пользуется именно этимъ средствомъ Тѣмъ-же средствомъ воспользовался и генералъ, обращаясь

(*) Зыковъ. Какъ и чѣмъ управляются люди. Стр. 158—159.

къ испуганнымъ солдатамъ со словами — «За что боитесь? У васъ ничего кромѣ блохъ и клоповъ нѣтъ». Суворовъ при Треббіи, замѣтивъ отступающій батальонъ и зная, что отступленіе усиливаетъ сознаніе слабости, связалъ его съ хитростью. «Заманивай, заманивай его»! кричалъ онъ батальону. «Ну, теперь довольно. Впередъ»! и батальонъ бросился въ штыки».

Чѣмъ выше подъемъ духа тѣмъ сильнѣе онъ иррадіируетъ на страхъ.

Отсюда ясно, какъ важно всякими мѣрами возбуждать и поддерживать подъемъ духа въ воинскихъ частяхъ, такъ какъ чѣмъ онъ выше, тѣмъ сильнѣе онъ будетъ иррадіировать на впечатлѣнія отрицательнаго тона, изъ которыхъ самый могущественный—страхъ. По мнѣнію Зыкова (*), страхъ—это вершитель столкновеній. Когда моральныя силы противника надорваны, то послѣ этого его гонитъ и заставляетъ сдаваться не сила оружія, а страхъ. Поэтому главная цѣль боя—подорвать моральныя силы противника, вселивши въ ту или другую его часть страхъ. Страхъ болѣе чѣмъ всякія другія впечатлѣнія имѣетъ способность могущественно иррадіировать на всѣ остальныя впечатлѣнія. Страхъ кромѣ того обладаетъ огромною заразительностью въ толпѣ, и возникновеніе его въ одномъ мѣстѣ чрезвычайно быстро передается въ другія. Гибель рядомъ сражающагося корабля далеко не произведетъ такого угнетающаго впечатлѣнія, какъ его бѣгство, и именно потому, что бѣгство—это выраженіе страха—и впечатлѣніе именно страха очень заразительно и обладаетъ огромной силой иррадіаціи.

Страхъ могущественно иррадіируетъ на всѣ впечатлѣнія.

Заразительность впечатлѣній въ толпѣ.

«Чувство, возбужденное въ одномъ изъ людей, находящемся въ толпѣ, немедленно передается окружающимъ», говоритъ Зыковъ (**), «такъ какъ они видятъ его мимику, слышатъ интонацію голоса и ощущаютъ его порывистыя движенія. Если это ощущеніе не найдетъ отзвука, то оно тутъ-же и гибнетъ, но если оно найдетъ соотвѣтствіе въ толпѣ — оно охватываетъ ее какъ пламень. Мимическія движе-

(*) Стр. 176 и 170.

(**) «Какъ и чѣмъ управляются люди» стр. 60.

нія и жесты, созерцаемые тѣми, кто ихъ породилъ, увеличиваютъ ихъ настроеніе. Въ силу этого ихъ настроенія, выраженіе ихъ ощущеній становятся интенсивнѣе и увеличиваютъ ощущенія окружающихъ. Это увеличеніе ощущеній возвращается къ нимъ обратно и такимъ образомъ напряженіе ростетъ и достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ».

«Въ толпѣ идеи, чувства, эмоціи вѣрованія», говоритъ Лебонъ (*), «все получаетъ такую-же могущественную силу *заразы*, какой обладаютъ нѣкоторые микробы. Это явленіе вполнѣ естественное, и его можно наблюдать даже у животныхъ, когда они находятся въ стадѣ. Паника, напр., или какое нибудь безпорядочное движеніе нѣсколькихъ барановъ быстро распространяется на цѣлое стадо. Въ толпѣ всѣ эмоціи также точно быстро становятся заразительными, чѣмъ и объясняется мгновенное распространеніе паники. Умственныя разстройства, напр., безуміе, также точно обладаютъ заразительностью. Появленіе заразы не требуетъ одновременнаго присутствія нѣсколькихъ индивидовъ въ одномъ и томъ-же мѣстѣ; оно можетъ проявлять свое дѣйствіе и на разстояніи, подъ вліяніемъ извѣстныхъ событій, оріентирующихъ направленіе мыслей въ извѣстномъ смыслѣ и придающихъ ему спеціальную окраску, соотвѣтствующую толпѣ. Поэтому-то революціонное движеніе 1848 года, начавшись въ Парижѣ, сразу распространилось на большую часть Европы и пошатнуло нѣсколько монархій. Подражаніе, которому приписывается такая крупная роль въ соціальныхъ явленіяхъ, въ сущности составляетъ лишь одно изъ проявленій заразы».

Страхъ особенно заразителенъ.

И въ особенности это вѣрно относительно чувства страха, такъ какъ это чувство встрѣчаетъ въ каждомъ человѣкѣ сильнаго пособника—инстинктъ самосохраненія. Страхъ—вѣдь это сознаніе опасности, а опасность на войнѣ—это угроза жизни. Поэтому заразить презрѣніемъ къ смерти куда труднѣе, чѣмъ страхомъ, и потому возникновеніе страха такъ опасно въ толпѣ, такъ какъ она особенно легко поддается заразѣ.

(*) Психологія народовъ и массъ. Стр. 255.

Остановимся нѣсколько на вопросѣ—какъ возникаетъ страхъ.

Какъ возникаетъ страхъ.

Страхъ, или создается извѣстными, представленіями, напр., о могуществѣ непріятеля, о собственной слабости, о грозящей опасности, или онъ начинается испугомъ. Испугъ мгновененъ, онъ даетъ очень сильный толчекъ отдѣльному человѣку, и толчекъ этотъ легко передается толпѣ. При отсутствіи испуга можно бороться со страхомъ разсужденіемъ, испугъ-же не даетъ мѣста разсужденію, такъ какъ онъ мгновененъ, и нельзя его предупредить разсужденіемъ, такъ какъ неизвѣстно откуда и въ какомъ видѣ придетъ причина испуга. Поэтому въ особенности на войнѣ опасенъ страхъ, возникшій изъ испуга.

Что такое испугъ.

Значитъ надо особенно тщательно разсмотрѣть—при какихъ условіяхъ возникаетъ испугъ и каковы его послѣдствія. Поэтому вопросу очень интересныя данныя имѣются въ капитальномъ трудѣ врача психіатра В. В. Срезневскаго (*).

«Когда какое нибудь рѣзкое раздраженіе *неожиданно* поражаетъ нашъ слухъ, зрѣніе или осязаніе» говоритъ онъ (**) «является обыкновенно общее вздрагиваніе тѣла».

«Такое-же явленіе бываетъ и тогда, когда внезапное раздраженіе не рѣзко, *но необычно, незнакомо*. Часто при этомъ мы испытываемъ особое чувство, которое называемъ испугомъ. Однако одно вздрагиваніе тѣла не составляетъ еще испуга. Въ испугѣ есть своеобразное психическое содержаніе, которое при возстановленіи его въ памяти всегда примыкаетъ *къ болѣе или менѣе ясно очерченному представленію какой-то грозящей намъ опасности или непріятности*».

«Это часто — неясное, неопредѣленное представленіе, не имѣющее никакой конкретной формы, и о которомъ мы можемъ сказать только одно, что оно *страшно*. Объектъ, вызвавшій *внезапное* раздраженіе органовъ чувствъ, тотчасъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Происходитъ *мгновенное измѣненіе въ направленіи* его *(вниманія)* и мы субъективно пере-

---

(*) Испугъ и его вліяніе на нѣкоторые физическіе и психическіе процессы. Экспериментальное изслѣдованіе съ обзоромъ ученій объ эмоціальныхъ состояніяхъ. Диссертація на степень доктора медицины». 1906 г.

(**) Стр. 125—Курсивы мои.

живаемъ чувство испуга, пока не исчезнетъ внезапно возникшая мысль о грозящей намъ опасности или непріятности». «Обыкновенно *испугъ длится одно мгновеніе*. Если неясное представленіе о чемъ-то угрожающемъ, при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ объектомъ, подтверждается, и мы убѣждаемся, что намъ дѣйствительно грозитъ что нибудь непріятное, — *испугъ переходитъ въ страхъ*, который, уже со временъ Аристотеля былъ опредѣленъ, кака *непріятное чувство ожиданія опасности*. Въ противномъ случаѣ испугъ проходитъ и наступаетъ успокоеніе».

Нѣмецкій ученый Леманъ (*) раздѣляетъ страхъ на два вида, въ зависимости отъ причины возникновенія. Одинъ (Schreck) — это возникшій подъ вліяніемъ *внезапнаго воспріятія* — испуга, который онъ опредѣляетъ какъ *внезапно* возникшее подъ вліяніемъ неожиданнаго воспріятія душевное состояніе, которое связано съ *быстрымъ измѣненіемъ направленія вниманія* и причина котораго кажется намъ опасной. Второй (Furcht) — не имѣетъ связи съ испугомъ и представляетъ изъ себя длительный эффектъ страха подъ давленіемъ исключительно однихъ представленій.

Срезневскій считаетъ, что испугъ можетъ быть вызванъ не только однимъ внезапно поразившимъ насъ воспріятіемъ, но и *неожиданно появившимся* въ сознаніи *воспоминаніемъ*, и приводитъ въ доказательство очень простой и вѣроятно всякимъ испытанный испугъ отъ внезапно возникшаго воспоминанія о забытой нами гдѣ нибудь важной вещи, изъ за чего могутъ произойти непріятныя и угрожающія послѣдствія.

Онъ считаетъ, что существуетъ нѣсколько формъ испуга (**):

1) испугъ вызванный рѣзкимъ *неожиданнымъ* раздраженіемъ органовъ чувствъ. Раздраженія могутъ быть очень разнообразны, начиная отъ очень рѣзкихъ и кончая самыми ничтожными;

(*) Цитирую по Срезневскому, стр. 126 и 127.
(**) Стр. 128 и 129.

2) вызванный индеферентнымъ по формѣ раздраженіемъ, но въ которомъ путемъ нѣкотораго психическаго процесса мы открываемъ нѣчто угрожающее безопасности или благополучію. Видъ змѣи — это не рѣзкое, а обыкновенное, по формѣ, раздраженіе, но этотъ видъ связывается съ представленіемъ объ опасности;

3) вызванный воспоминаніемъ, безъ всякаго раздраженія органовъ чувствъ.

«Два условія являются необходимыми для возникновенія испуга: 1) *внезапность* появленія ощущенія, воспріятія или воспоминанія, вызывающаго испугъ и 2) *угрожающій* характеръ ихъ. Одно первое условіе еще не даетъ испуга. Внезапностью воспріятія можетъ быть обусловлено и удивленіе. Это послѣднее превращается въ изумленіе, восторгъ, когда вызвавшее его воспріятіе получаетъ характеръ необычайнаго или радостнаго».

Внезапность на войнѣ создаетъ благопріятную обстановку для испуга.

На войнѣ непріятель и его дѣйствія по существу дѣла имѣютъ *угрожающій* характеръ. А значитъ *внезапное*, *неожиданное* появленіе непріятеля, извѣстіе о неожиданныхъ его дѣйствіяхъ — все это создаетъ благопріятную обстановку для испуга.

Посмотримъ теперь — каково-же дѣйствіе испуга, само по себѣ, помимо того, что онъ можетъ перейти въ страхъ, о чемъ было уже говорено.

Послѣдствія испуга.

Срезневскій (*), на основаніи тщательно поставленныхъ опытовъ, говоритъ:

«Испугъ имѣетъ два періода: первый короткій возбуждающій, и второй длительный *угнетающій* — реактивный».

Напр., «испугъ, вызванный *внезапной* вспышкой магнія или выстрѣломъ, выражается въ первый моментъ особымъ психическимъ состояніемъ, длящимся около 0,5—1,0 секунды, въ теченіи котораго *человѣкъ не можетъ предпринимать никакого произвольнаго дѣйствія*. Въ теченіи первой и второй минуты послѣ начала аффекта испуга проявляется его *угне-*

(*) Стр. 259, 230—232.

тающее дѣйствіе на психическіе процессы.... Вниманіе при этомъ ослаблено и неустойчиво»...

«Изъ опытовъ съ *памятью* видно, что испугъ или раздраженіе, вызывающее его, вліяетъ на нее *подавляющимъ* образомъ.... угнетеніе сказывается, главнымъ образомъ, на вниманіи, которое послѣ испуга съ большимъ трудомъ можетъ быть сосредоточено на процессѣ реакціи выбора»...

А вотъ какъ описываетъ Дарвинъ (*) проявленія *внезапнаго* страха, происшедшаго отъ изумленія (правильнѣе — испуга): «страху часто предшествуетъ изумленіе, а оба чувства до извѣстной степени сходны между собою, такъ что оба внезапно возбуждаютъ въ насъ чувства зрѣнія и слуха. Въ обоихъ случаяхъ глаза и ротъ широко открываются, а брови поднимаются кверху».

«Испугавшійся человѣкъ сначала останавливается какъ вкопанный, задерживая дыханіе и не двигая ни однимъ членомъ, или даже нѣсколько принижается къ землѣ, какъ будто для того, чтобы пройти незамѣченнымъ. Сердце при страхѣ бьется быстро и сильно, почти ударяясь въ ребра, но, сомнительно, въ самомъ-ли дѣлѣ оно работаетъ больше обыкновеннаго, то есть посылаетъ большій притокъ крови ко всѣмъ частямъ тѣла, такъ какъ кожа становится блѣдной, точно при началѣ обморока. Блѣдность кожи по всей вѣроятности зависитъ отъ того, что *сосудодвигательные центры поражены* такимъ образомъ, что вызываютъ сокращеніе мелкихъ артерій кожи. Что страхъ въ самомъ дѣлѣ дѣйствительно странно дѣйствуетъ на кожу, видно уже изъ того, что она при испугѣ тотчасъ покрывается потомъ. Это выдѣленіе пота тѣмъ замѣчательнѣе, что поверхность кожи въ это время холодѣетъ; вотъ почему мы говоримъ часто «выступилъ холодный потъ», тогда какъ въ нормальномъ состояніи дѣятельность потовыхъ железъ возбуждается теплотою. Волосы на кожѣ становятся дыбомъ и поверхностныя мышцы дрожатъ. Отъ разстроенной дѣятельности сердца дыханіе учащается. Слюнныя

(*) Цитирую по Срезневскому, стр. 76.

железы дѣйствуютъ не совершенно, ротъ высыхаетъ, и человѣкъ безпрерывно то открываетъ, то закрываетъ его. Я замѣтилъ точно также, что при слабомъ страхѣ нами овладѣваетъ большое желаніе зѣвать. Одинъ изъ лучшихъ симптомовъ есть, конечно, дрожаніе всѣхъ мышцъ тѣла, и это часто прежде всего можно замѣтить на губахъ. Какъ отъ этой причины, такъ и отъ высыханія рта голосъ становится хриплымъ и неяснымъ или пропадаетъ совершенно». Извѣстныя проявленія страха Дарвинъ приписываетъ *потрясеніямъ нанесеннымъ уму страхомъ*, вслѣдствіе чего происходятъ различныя разстройства въ передачѣ нервной силы изъ черепо-спинной системы въ различныя части тѣла.

По мнѣнію психолога Бине (*) страхъ можетъ вызвать два противуположныхъ эффекта: стремленіе къ бѣгству и параличъ.

«Страхъ» говоритъ Компсано (**) «эмоція силы принижающей, уменьшающей физическую и умовую энергію индивида... Страхъ производитъ параличъ волевыхъ мускуловъ, параличъ мышцъ органической жизни и замѣтное уменьшеніе дѣятельности сосудо-двигательнаго аппарата, могущее дойти до смертельнаго паралича циркуляціи».

Страхъ по мнѣнію психолога Ланге (***), сопровождается тѣмъ-же парализованіемъ произвольнаго двигательнаго аппарата, тѣмъ-же судорожнымъ состояніемъ сосудо-сжимающихъ мускуловъ, какъ и при печали, но оба эти явленія рѣзче выражены и внезапнѣе наступаютъ.

Испугъ и страхъ лишаютъ человѣка способности разсуждать и дѣйствовать.

Все это показываетъ, что человѣкъ лишается, въ большей или меньшей степени, при испугѣ и страхѣ своихъ способностей разсуждать и дѣйствовать, и очевидно — какъ это опасно на войнѣ и именно въ опасные моменты, въ бою — когда именно необходима вся полнота сознанія и разума и способность къ энергичной дѣятельности.

(*) Цитирую по Срезневскому, стр. 85.

(**) Опытъ военной психологіи. Стр. 15.

(***) Цитирую по Зыкову «Какъ и чѣмъ управляются люди», стр. 111 и 112.

Въ судебной медицинѣ обращаютъ вниманіе на цѣнность свидѣтельскихъ показаній лицъ, перенесшихъ испугъ, въ то время, къ которому относятся ихъ показанія. А вотъ въ военной исторіи еще не сдѣлано попытки — впрочемъ это и очень трудно — оцѣнить показанія лицъ участвовавшихъ въ бояхъ, въ зависимости отъ того въ какомъ психическомъ состояніи они находились во время описываемаго событія. А это очень не мѣшало бы сдѣлать, если только имѣется къ тому какая либо возможность.

Испугъ можетъ дѣйствовать прямо какъ физическое поврежденіе и вызывать такъ называемый травматическій неврозъ, хотя травмы т. е. поврежденія собственно нѣтъ, а только самый испугъ произошелъ на почвѣ представленія опасности поврежденія.

Шустеръ (*) приводитъ, напр. слѣдующій случай: проводникъ электрическаго трамвая заболѣлъ серьезной формой травматическаго невроза послѣ того, какъ ему на голову упалъ оборвавшійся кабель. Между тѣмъ оказалось потомъ, что тока въ цѣпи не было въ то время, когда произошло это несчастіе, поэтому дурныхъ послѣдствій для проводника никакихъ не должно было произойти, но такъ какъ были тѣ видимыя условія при которыхъ эти послѣдствія, по представленію проводника, могли произойти, то произошелъ испугъ и въ результатѣ—неврозъ.

«Въ теченіе только что пережитыхъ событій русско-японской войны» говоритъ Срезневскій «было много случаевъ травматическихъ неврозовъ; о нихъ говорятъ доклады Автократова, Боримпольскаго и многія частныя сообщенія. Въ травматическомъ-же неврозѣ главное значеніе имѣетъ не дѣйствительная тяжесть поврежденія, а та субъективная оцѣнка, которую придаетъ ему пострадавшій. На первомъ мѣстѣ изъ аффектовъ, подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ острое развитіе невроза, стоитъ испугъ. Дѣйствіе аффекта еще возрастаетъ, когда онъ развивается одновременно у цѣлой массы

(*) Цитирую по Срезневскому, стр. 6.

людей, когда онъ пріобрѣтаетъ массовый характеръ, когда къ нему присоединяется еще сила внушенія. Желѣзнодорожныя катастрофы, пожары, кораблекрушенія, войны—служатъ прекраснымъ условіемъ появленія массовыхъ аффектовъ».

Внезапность—бичъ моральной стороны всякого живого существа.

Такимъ образомъ изслѣдованіе духовной стороны природы отдѣльнаго человѣка и организованной толпы даетъ для войны опредѣленный выводъ—дѣлайте все, чтобы оградить свой личный составъ отъ возникновенія страха и чтобы способствовать этому возникновенію у противника (*).

А такъ какъ причина его возникновенія—внезапность, то дѣлайте все, чего не ожидетъ противникъ и принимайте всѣ мѣры, чтобы противникъ не могъ васъ ошеломить внезапностью. Внезапность—это поистинѣ бичъ моральной стороны всякаго живого существа и это одно изъ лучшихъ средствъ вызвать рѣзкое паденіе духа.

Какъ дѣйствовать на настроеніе противника.

Вообще желая дѣйствовать на настроеніе противника—прежде всего надо стараться разрушить существующій у него строй идей. «Такъ какъ поступая соотвѣтственно предположеніямъ противника, строй его идей только укрѣпляется» говоритъ Зыковъ (**), «то отсюда вытекаетъ основное правило военнаго искусства—никогда не поступать такъ, какъ предполагаетъ противникъ. Обратно—чѣмъ болѣе въ разрѣзъ предположеніямъ противника поступки, тѣмъ вѣрнѣе ведутъ они къ успѣху. Наконецъ, если войска совершаютъ поступки невозможные, по его мнѣнію, если они удивляютъ его своими дѣйствіями, то побѣда уже близка для нихъ. Въ силу этого и создался афоризмъ: удивить—значитъ побѣдить».

(*) Страхъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сосредоточеннѣе ожиданіе опасности и чѣмъ она больше. Сосредоточенность обратно пропорціональна количеству постороннихъ идей и прямо пропорціонально вниманію, которое въ съ свою очередь обусловливается отсутствіемъ движенія. Съ другой стороны—какія идеи, кромѣ идеи ожидаемыхъ страданій, имѣютъ больше всего вѣроятія существовать въ мысляхъ людей на войнѣ? Конечно, цѣль и идея передвиженія и боя. Поэтому ознакомленіе людей съ предстоящими передвиженіями и маневрированіями, т. е. достиженіе того, чтобы каждый воинъ зналъ свой маневръ является мѣрой противодѣйствія страху. Зыковъ. «Какъ и чѣмъ управляются люди». Стр. 112.

(**) «Какъ и чѣмъ управляются люди» стр. 186—190.

«Строй мыслей достигается взвѣшиваніемъ идей, возбуждаемыхъ событіями. Появленіе новой идеи побуждаетъ къ новому взвѣшиванію. Чѣмъ рѣшительнѣе будетъ вторженіе новой идеи и чѣмъ она будетъ важнѣе, тѣмъ значительнѣе разрушеніе существующаго порядка идей. Въ этомъ заключается важное значеніе въ военномъ дѣлѣ—неожиданности. Неожиданность—это вторженіе въ сознаніе такого факта, который не входилъ въ предварительную борьбу мотивовъ, обусловившую извѣстный поступокъ, а потому уничтожающій господство опредѣленной идеи. Поэтому неожиданность считается лучшей подготовкой непріятельскаго войска для подчиненія его своей волѣ. «Искусно произведенныя внезапныя нападенія всегда удаются. Чѣмъ неожиданнѣе опасность тѣмъ большей кажется она непріятелю (такъ какъ идеи, составляющія противовѣсъ ей, не успѣваютъ появиться) и первой мыслью внезапно атакованнаго непріятеля есть не сопротивленіе, а бѣгство»—такъ говорилъ Суворовъ. Когда группировка идей непріятеля разрушена, тогда надлежитъ выдвинуть идею подчиненія его поступковъ нашей волѣ и въ то-же время, если мы намѣрены заставить непріятеля отступить, то обратить его мысли назадъ, что всегда ассоціируется съ идеей слабости. Всѣ фланговыя движенія Фридриха II передъ австрійцами сводятся къ слѣдующему: строй мыслей австрійцевъ направленъ къ отраженію атакъ прусаковъ съ фронта. Фридрихъ разрушаетъ этотъ строй идей угрожая атакой съ фланга. Тѣмъ самымъ онъ принуждаетъ австрійцевъ перемѣнить фронтъ т. е. совершить поступокъ, къ которому принуждаетъ ихъ Фридрихъ, другими словами подчиняетъ ихъ своей волѣ. Уже съ этого момента побѣда Фридриха начинаетъ осуществляться.»

«Обращеніе вниманія на тылъ противника было примѣнено Суворовымъ напр., при Треббіи (онъ дѣлалъ это постоянно). Тамъ онъ отдалъ приказаніе: «Казакамъ, коимъ удобнѣе, испортить мостъ на р. Таро (въ тылу у французовъ) и *тѣмъ зачать отчаяніе*». Во время турецкой войны, Суворовъ съ 3-мя тысячами войска находился у Гирсова. Узнавъ, что 10 тысячъ турокъ наступаютъ на него, онъ высылаетъ впередъ казаковъ съ приказаніемъ: сначала упорно оборонятяся, а затѣмъ поспѣшно отступать. Этимъ

маневромъ достигается смѣна идей у турокъ. Они наступаютъ на укрѣпленіе, занятое нашей пѣхотой. Молчаніе нашихъ войскъ укрѣпляетъ въ туркахъ мысль о легкомъ продолженіи побѣды надъ казаками. Съ полу-картечнаго выстрѣла турки завершаютъ побѣду—бросаются въ штыки. Тутъ-то строй ихъ идей подвергается страшному испытанію: ихъ обдаютъ градомъ пуль и картечей. Наступленіе ихъ пріостановлено, мысли въ колебаніи. Въ это время засада изъ бригады пѣхоты съ конницей обрушивается на флангъ турокъ и навязываетъ имъ идею пораженія и бѣгства. Турки бѣгутъ, а русскіе ихъ преслѣдуютъ. Рѣшающее значеніе контръ-атаки, когда напряженіе противника достигло атогея, было, какъ извѣстно, примѣнено Донскимъ въ время Куликовской битвы. Въ этомъ бою замѣчательно поведеніе боярина Боброка, съ огромной выдержкой уловившаго нужный моментъ для производства контръ-атаки».

«Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что управленіе непріятелемъ сводится къ 1) разрушенію созданнаго въ немъ единства идей для чего: а) отнюдь не усиливать господствующей идеи, поступая соотвѣтственно ей, а наоборотъ ослабить это господство, группируя событія такъ, чтобы они шли въ разрѣзъ ей; б) поднять подавленныя идеи страданія и смерти и возбуждать страхъ; в) ослабить идеи, противодѣйствующія страху какъ-то: честолюбія, вѣры, родины и. т. д. . 2) Когда единство разрушено, надо поставить главенство идеи необходимости подчиненія и придать этой идеѣ положительный чувственный тонъ, сознаніемъ, что только ею сохраняется жизнь».

Принципъ внезапности. Все сказанное о страхѣ, испугѣ, о вліяніи ихъ на человѣка и о томъ какъ—дѣйствовать на настрооніе противника—выражается въ *принципѣ внезапности.* дѣйствительно, примѣненная внезапность *неизмѣнно* способствуетъ успѣху, внѣ зависимости отъ средствъ и обстановки. Напр., пренебреженіе развѣдочной службой, вслѣдствіе чего противникъ могъ появиться неожиданно—это пренебреженіе принципомъ внезапности. Преодолѣніе такихъ затрудненій, которыя противникъ считалъ почему либо непреодолимыми—это примѣненіе принципа внезапности. Оригинальность въ пріемахъ,

быстрота и скрытность—вотъ средства для примѣненія принципа внезапности. Осмотрительность, уваженіе къ противнику т. е. отсутствіе къ нему пренебреженія, а тѣмъ паче презрѣнія, предусмотрительность—это средства, чтобы не могъ примѣнить принципъ внезапности противникъ.

Вліяніе внезапности сильно, но непродолжительно.

При примѣненіи принципа внезапности надо однако твердо помнить, что вліяніе внезапности хотя и очень сильно, но непродолжительно. Если появиться передъ противникомъ внезапно, но медлить съ нападеніемъ на него, онъ успѣетъ оправиться отъ моральнаго впечатлѣнія, отъ угнетенія духа. Если вы появились передъ нимъ въ превосходныхъ силахъ, то вліяніе этого превосходства на паденіе духа у противника останется, но тотъ огромный плюсъ, который прибавился-бы какъ вліяніе внезапности, пропадетъ, если нападеніе не будетъ произведено немедленно по внезапномъ появленіи. Помимо того, что противникъ можетъ принять и соотвѣтственныя мѣры — улучшить свою позицію, приспособивши ее къ сопротивленію уже извѣстнымъ ему нашимъ силамъ, или можетъ отступить, или поспѣетъ вызвать подкрѣпленія — онъ просто будетъ имѣть время освоиться съ новой возникшей для него обстановкой, онъ будетъ имѣть время принять какое-бы то ни было рѣшеніе, будетъ имѣть время побороть какими-либо мѣрами послѣдствія нанесеннаго ему моральнаго удара (внезапности нашего появленія), и промедливши намъ придется уже считаться съ противникомъ гораздо болѣе сильнымъ, хотя-бы ему ничего не удалось сдѣлать въ матеріальномъ отношеніи для увеличенія своей силы. Даже, въ виду нашего промедленія при превосходствѣ силъ, онъ можетъ самъ на насъ напасть, считая что мы позволяемъ себѣ медлить именно изъ-за увѣренности въ томъ, что онъ по своей слабости на насъ не нападетъ, и это съ его стороны и будетъ примѣненіемъ принципа внезапности, перехваченное у насъ, и всѣ благопріятныя послѣдствія, которыя онъ извлечетъ изъ такого нападенія будутъ наказаніемъ за пренебреженіе принципомъ внезапности съ нашей стороны.

Порывъ не терпитъ перерыва.

Вообще всякое моральное превосходство, всякое достигнутое угнетеніе моральнаго состоянія у противника надо *непре-*

рывно всѣми возможными мѣрами поддерживать. Иначе черезъ извѣстное время оно проходитъ. Подъемъ духа, достигнутый рядомъ успѣховъ, уменьшается отъ бездѣятельности. Паденіе духа отъ ряда неудачъ проходитъ отъ бездѣятельности противника.

Сломленный въ сраженіи духъ, заставившій отступить, можетъ быть возстановленъ въ извѣстной мѣрѣ, если нѣтъ преслѣдованія. Въ духовной области человѣка, въ которой огромную роль играетъ порывъ, врагомъ порыва является перерывъ. Это выражаютъ поговоркой — «порывъ не терпитъ перерыва». Если извѣстная часть военной силы заражена порывомъ, отодвинувшимъ отъ нея представленіе объ опасности на второй планъ, если порывъ этотъ выражается въ извѣстномъ направленіи дѣятельности, то надо дать этой дѣятельности проявиться до конца—иначе порывъ ослабнетъ или пропадетъ совсѣмъ. Перерывы допустимы лишь, напр., въ мѣрѣ необходимости для возстановленія физическихъ силъ, и вообще и по другимъ причинамъ, но *лишь въ мѣрѣ необходимости*, но никакъ не больше. Если удалось сообщить непріятелю порывъ бѣгства (панику) (*), надо на сколько возможно дольше поддерживать этотъ порывъ непрерывнымъ его устрашеніемъ въ въ видѣ преслѣдованія.

Обыкновенно, въ тотъ моментъ когда рѣшается бой, т. е. когда одинъ рѣшаетъ, что онъ побѣжденъ и начинаетъ отступать, а другой, что онъ побѣдилъ, такъ какъ противникъ началъ отступать, потери у обоихъ противниковъ бываютъ болѣе или менѣе одинаковы. Пока не сломленъ духъ противника, онъ наноситъ полный вредъ, соотвѣтствующій его матеріальной части и степени обученія. Но вотъ когда сломленъ его духъ—этимъ и рѣшается судьба сраженія — тогда наносимый имъ вредъ становится ничтожнымъ, такъ какъ угнетенный духъ не способенъ къ дѣятельности, и вотъ тогда получается огромная разница въ потеряхъ, увеличивающаяся еще благодаря сдачѣ въ плѣнъ — неизмѣнному послѣдствію

(*) Паника—тотъ же порывъ, но только въ неблагопріятную сторону. Лееръ. Методъ военныхъ наукъ. Стр. 30.

упадка духа. Но для этого необходимо энергичное преслѣдованіе.

«Вообще добившись однажды, господства опредѣленной идеи» говоритъ Зыковъ (*) «самое ея осуществленіе способствуетъ восрастанію энергіи въ ея исполненіи. Это происходитъ оттого, что самый процессъ проведенія идеи въ жизнь, сознается нами и возвращается, какъ новое представленіе въ нашъ мозгъ, усиливая первоначальную идею. Вѣроятно, каждый испыталъ, какъ неохотно и трудно приниматься за что нибудь, но разъ принявшись, охотно и легко продолжается работа. Это составляетъ *явленіе психической инерціи*. Такъ, лошадь, пущенная въ карьеръ можетъ пасть, но не уменьшитъ бѣга. Долго сдерживающійся человѣкъ, разъ ударивъ своего врага, теряетъ возможность сдерживаться и бьетъ его до изнеможенія. Это какъ-бы автоматическое движеніе прекрасно характеризуется выраженіемъ—рука размахалась. Точно также солдаты, доведенные до надлежащаго напряженія и посланные въ атаку, идутъ безостановочно до столкновенія съ противникомъ, посланные для преслѣдованія—дѣлаютъ гигантскіе переходы, но только *при условіи усиленія идеи непрерывнымъ ея исполненіемъ*. Порывъ не терпитъ перерыва. Разъ, что произошла остановка—идеи, занявшія первенствующее положеніе, уже не поддерживаются притокомъ ощущенія объ ихъ существованіи, онѣ слабѣютъ и надо затрачивать снова огромную психическую работу, чтобы поставить эти идеи въ исключительно господствующее положеніе. Перерывъ напряженія—это то-же, что пробужденіе загипнотизированнаго. Ибо усиленіе идеи ея исполненіемъ есть ничто иное, какъ *самовнушеніе мышечнымъ чувствомъ*. На сколько важно наступающему не прерывать разъ начатое движеніе, на столько отступающему необходимо ввести во что бы то ни стало перерывы. Идея слабости, отступленія поминутно ростетъ подъ ударами преслѣдующаго, или наступающаго противника, отступленіе переходитъ въ бѣгство и страхъ проявляется въ своей крайней формѣ — въ формѣ ужаса; армія теряетъ способность дѣйствовать, цѣпе-

(*) Какъ и чѣмъ управляются люди. Стр. 163—165.

нѣетъ и сдается. Ввести перерывы въ наступленіе или преслѣдованіе противника возможно, ставя между нимъ и собой или естественныя преграды—разстояніе, рѣки, горы, — или части своихъ войскъ. На маршѣ это послѣднее поведетъ къ арьергардным боямъ, въ бою—къ контръ-атакамъ. Наступательный арьергардный бой, а тѣмъ болѣе контръ-атака могутъ имѣть самыя рѣшительныя послѣдствія въ силу закона истощаемости нервнаго напряженія. При атакѣ напряженіе психики достигаетъ своего апогея. Огромное количество идей, рѣшительно противныхъ наступленію и увеличивающихъ яркость своего плана по мѣрѣ его совершенія, подавлены однако же идеей движенія впередъ, единственнымъ преимуществомъ которой является ея постоянное усиленіе производимымъ движеніемъ. Всѣ другія идеи, не получающія этого усиленія путемъ самовнушенія, какъ-бы исчезаютъ, поглощаются ею. Является крайній монодеизмъ, т. е. существованіе всего одной идеи. Контръ-атака, пріостанавливая производство движенія, отнимаетъ источникъ силы основной идеи. Напротивъ, долго подавляемыя противуположныя идеи вспыхиваютъ пропорціонально прежнему сдавливанію и въ результатѣ атакующаго охватываетъ ужасъ или онъ обращается въ паническое бѣгство. Въ большинствѣ случаевъ сила реакціи будетъ пропорціональна предшествующему увлеченію, т. е. чѣмъ бѣшеннѣе была атака, тѣмъ при удачной контръ-атакѣ, ужаснѣе будетъ паника».

Принципъ энергической эксплоатаціи успѣха.

Все это выражается въ *принципѣ энергической эксплуатаціи успѣха*. Этотъ принципъ—неизмѣнное условіе для подъема духа у себя и подавленія его у непріятеля.

Черезъ этотъ принципъ, цѣлый рядъ принциповъ связывается съ принципомъ сосредоточенія силъ, т. е. вѣрнѣе въ него переливается.

Хорошо подготовленный ударъ, осуществленное сосредоточеніе силъ, укрытая слабая сторона и выставленная сильная, удавшаяся возможность ошеломить противника внезапностью или нарушить у него взаимную поддержку, или осуществить это у себя—все это успѣхи, поднимающіе у себя духъ, пони-

жающіе или имѣющіе его понизить у непріятеля. Каждый такой успѣхъ надо энергично эксплоатировать — иначе, въ большей или мѣньшей мѣрѣ, духъ ослабнетъ. Но именно присоединеніе вліянія успѣха ко всѣмъ прочимъ элементамъ своей силы для того, чтобы сломить моральную силу противника — это ничто иное, какъ тоже самое сосредоточеніе силъ.

Вообще общность принциповъ, неотдѣлимость ихъ другъ отъ друга, переливаніе ихъ другъ въ друга—это очевидно на каждомъ шагу при изслѣдованіи сущности принциповъ.

Принципомъ энергической эксплоатаціи успѣха мы закончимъ перечисленіе тѣхъ принциповъ, которые являются неизмѣнными условіями для достиженія успѣха на войнѣ, имѣя въ рукахъ извѣстныя матеріальныя средства и извѣстный личный составъ.

Боевые принципы.

Выдѣлимъ ихъ изъ другихъ принциповъ, придавъ имъ названіе *боевыхъ*. Область ихъ примѣненія—въ стратегіи и тактикѣ. Ихъ задача—подъемъ духа у себя и паденіе его у противника посредствомъ своей *дѣятельности по отношенію къ противнику*.

Ту-же задачу преслѣдуютъ и путемъ внутренней дѣятельности, въ смыслѣ подготовки наилучшаго личнаго состава и наилучшихъ средствъ, т. е. наилучшаго матеріала для примѣненія боевыхъ принциповъ. Эта подготовка заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ областей и отдѣловъ, изъ которыхъ каждый, въ зависимости отъ изслѣдованія тѣхъ или иныхъ частныхъ цѣлей, имѣетъ свои принципы. Всѣ эти принципы опять таки объединяются въ одномъ принципѣ, уже выше указанномъ (стр. 88) — *въ принципѣ развитія довѣрія къ своимъ силамъ*, который объединяетъ въ себѣ и всѣ боевые принципы.

Принципы организаціи.

Поэтому перечислять всѣ принципы, на которыхъ базируются всѣ отрасли военнаго дѣла было бы немыслимо. Ограничимся лишь краткимъ указаніемъ на принципы организаціи строевыхъ частей военной силы, такъ какъ принципы эти наиболѣе близко соприкасаются съ боевыми въ томъ смыслѣ, что и во время войны личный составъ продолжаетъ воспитываться строевыми начальниками параллельно и неразрывно съ боевою ихъ

дѣятельностью. Во время войны строевые начальники не создаютъ военную силу и рессурсы для нея, не строятъ кораблей, не организуютъ центральныхъ учрежденій, но подчиненный имъ личный составъ они воспитываютъ и притомъ наиболѣе убѣдительными и дѣйствительными способами — иллюстрируя свои мѣры боевой дѣятельностью. Бываютъ случаи когда они получаютъ части плохо воспитанныя въ мирное время, или наскоро организованныя, составленныя изъ различныхъ частей, воспитанныхъ разными начальниками. Все это конечно осуждается военной наукой, этого конечно надо всячески избѣгать, надо стремиться къ *полной* подготовкѣ военной силы къ боевой дѣятельности еще въ мирное время, но жизнь показываетъ, что далеко не всегда, удается избѣгать импровизацій. А разъ онѣ могутъ быть, надо съ этимъ считаться, и совершенно вѣрное положеніе, что «организація не терпитъ импровизацій», строевые начальники въ военное время часто принуждены и должны понимать, что именно въ ихъ задачу и входитъ «превращеніе импровизаціи въ организацію», на сколько только хватаетъ ихъ средствъ и умѣнья. Между тѣмъ бываетъ, что только сваливаютъ свои неудачи на «импровизацію», далеко не приложивъ всѣхъ мѣръ, къ обращенію этихъ импровизацій въ организаціи.

Принципъ органической связи.

Легкая возможность примѣненія боевыхъ принциповъ, способствующихъ подъему духа, требуетъ сплоченной, другъ друга знающей и другъ друга легко понимающей среды. Напр. понятно, что именно въ такой средѣ наиболѣе легко проявится принципъ взаимной поддержки.

Такимъ образомъ всякая воинская часть должна имѣть внутреннюю, духовную, органическую связь, а не только внѣшнюю — механическую. Напр. на морѣ механическая связь—это соединеніе извѣстныхъ типовъ кораблей въ эскадры и отряды, совмѣстное ихъ маневрированіе, внѣшняя дисциплина, проявляющаяся въ повиновеніи приказаніямъ въ извѣстномъ іерархическомъ порядкѣ. Внутренняя-же связь — это — нравственное тяготѣніе другъ къ другу на почвѣ взаимнаго довѣрія, созданнаго взаимнымъ познаніемъ.

Только на почвѣ взаимнаго довѣрія возможенъ дѣйствительный, а не чисто лишь внѣшній авторитетъ старшаго, и на этой лишь почвѣ мыслимо настоящее добровольное повиновеніе подчиненнаго. Чтобы дѣйствовать сообща, а не вразбродъ, чтобы стремиться всѣмъ, каждому своимъ путемъ, къ одной, всѣми сознаваемой, цѣли, каждый долженъ быть преисполненъ довѣріемъ къ своему начальнику, подчиненному, товарищу, и наконецъ къ своему кораблю т. е. къ своему оружію.

Но взаимное довѣріе, это—чувство внутреннее—не показное, и ни въ какомъ случаѣ не являющееся по приказу. Люди только что собранные вмѣстѣ не будутъ другъ другу довѣрять, пока они другъ друга хорошо не узнаютъ.

Органическая связь имѣетъ особо важное значеніе именно для военнаго времени. Въ мирное время и механическая связь можетъ казаться крѣпкой, и даже можетъ производить *иллюзію высокаго благоустройства*. Но въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, въ тяжелыя минуты, напр., при выбытіи изъ строя высшихъ начальниковъ, такая связь легко нарушается, воинская часть распадается и уже не способна къ согласованнымъ дѣйствіямъ.

Вотъ это стремленіе къ внутренней духовной спайкѣ выражается въ *принципѣ органической связи* (*).

Если начальникъ командуетъ на войнѣ той-же частью военной силы, которой онъ командовалъ и въ мирное время, то ему остается лишь продолжать свою работу и укрѣплять ея результаты постояннымъ проведеніемъ принципа органической связи и въ боевой обстановкѣ. Но если воинская часть (армія, корпусъ, полкъ, эскадра, отрядъ, корабль) сформированы лишь для отправленія на театръ военныхъ дѣйствій, то начальники всѣхъ степеней должны употреблять всѣ мѣры для развитія органической связи.

Особенно важно, чтобы необходимость работать въ этомъ направленіи внѣдрилась въ умы высшихъ начальниковъ, такъ какъ

(*) Подробности о принципахъ организаціи имѣются въ моей книгѣ «Организація морской силы» 1900 г., откуда я привожу здѣсь лишь краткія извлеченія.

именно имъ легче всего отъ этого уклониться. Старшій офицеръ на кораблѣ, хотя-бы команда его была только что сформирована передъ отправленіемъ корабля на театръ военныхъ дѣйствій, поневолѣ, имѣя постоянное дѣло съ офицерами и нижними чинами, узнаетъ ихъ, а они въ свою очередь узнаютъ его, и складывается въ той или иной мѣрѣ между ними взаимное пониманіе и взаимное довѣріе. Но командиръ, уже, напр., можетъ держаться сравнительно далеко или близко отъ остального личнаго состава, можетъ въ извѣстной мѣрѣ уменьшить или увеличить интенсивность различныхъ подготовительныхъ занятій, въ которыхъ онъ узнаетъ своихъ подчиненныхъ, можетъ дѣлиться съ ними взглядами на различныя дѣйствія въ бою, или нѣтъ. И вотъ если онъ не добивается всѣми мѣрами того, чтобы знать своихъ подчиненныхъ и дать имъ узнать себя, если онъ не старается пропитать своими взглядами своихъ подчиненныхъ, и узнать ихъ взгляды, чтобы знать на кого и въ какихъ случаяхъ можно ему положиться, то онъ грѣшитъ противъ принципа органической связи. Точно также, и еще въ большей степени, грѣшитъ противъ этого принципа начальникъ вновь сформированной эскадры, если онъ не бываетъ на корабляхъ, держитъ себя далеко даже отъ командировъ, и довольствуется тѣмъ, что управляетъ своими подчиненными лишь посредствомъ внѣшней дисциплины, — посредствомъ авторитета своего чина, а не авторитета всѣмъ извѣстной, внушающей общее довѣріе, личности.

Также погрѣшитъ начальникъ флота противъ принципа органической связи, если онъ, формируя извѣстную часть морской силы для достиженія извѣстной цѣли, надергаетъ ее изъ разныхъ уже сплававшихся и обладающихъ органической спайкой частей, напр., составляя отрядъ для минной атаки— составитъ его изъ миноносцевъ различныхъ дивизіоновъ и т. п.

Точно также противны принципу органической связи, не вызываемые исключительной необходимостью, перемѣщенія различныхъ чиновъ съ одного корабля на другой.

Напр. 9-го Іюня 1904 г. эскадра адмирала Витгефта должна была выйти изъ Портъ-Артура, рано утромъ съ полной водой. Предполагалось, что выходъ этотъ будетъ внезапнымъ для японцевъ, и изъ этой внезапности предполагалось извлечь извѣстные выгоды.

Къ разсвѣту 9-го Іюня (*) на всѣхъ судахъ пары были готовы, но въ это время оказалось, что заболѣлъ командиръ «Побѣды». Его нашли нужнымъ замѣстить командиромъ «Паллады», а на этотъ крейсеръ назначить командира «Амура».

Это было прямымъ нарушеніемъ принципа органической связи. И почему надо было замѣнить командира «Побѣды»? Вѣдь тамъ имѣлся старшій офицеръ, лучше знакомый съ кораблемъ и командой, чѣмъ вновь назначенный, хотя-бы лучшій изъ командировъ, но съ другого корабля. А тутъ еще и другой корабль — «Паллада» былъ лишенъ своего командира и управлять имъ былъ назначенъ командиръ опять таки незнакомый съ кораблемъ и командой и гораздо худшій на новомъ своемъ мѣстѣ, чѣмъ старшій офицеръ «Паллады»!

Вѣдь если-бы, въ послѣдовавшемъ бою, изъ строя выбыли командиры кораблей, то вѣдь ихъ замѣнили-бы никто иные какъ именно старшіе офицеры, и не явилось-бы и мысли переводить командировъ съ другихъ кораблей.

Достойно замѣчанія, что въ данномъ случаѣ нарушеніе принципа органической связи повлекло за собою нарушеніе и боевого принципа—принципа внезапности. Такъ какъ новые командиры не поспѣли вступить въ свои должности, то отложили выходъ эскадры на сутки. Конечно въ этомъ случаѣ выходъ эскадры для японцевъ уже не являлся неожиданностью и 10 Іюня они всѣ были въ сборѣ, когда наша эскадра вышла, а это именно заставило нашу эскадру вернуться назадъ, т. е. все предпріятіе рушилось.

И такихъ нарушеній принципа органической связи во время японо-русской войны наблюдалось множество, какъ на

(*) Цитирую по моему «Очерку военно-морскихъ дѣйствій на морѣ во время русско-японской войны» стр. 36.

Биб Мор. Ак. Р. К. К. Ф.

сушѣ такъ и на морѣ. На сушѣ особенно этимъ отличался генералъ Куропаткинъ, перемѣшивая самыя различныя воинскія части при составленія отрядовъ, на морѣ — это выражалось постояннымъ перемѣщеніемъ командировъ и начальниковъ отрядовъ. Напр., владивостокскій отрядъ крейсеровъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ находился подъ начальствомъ адмирала Іессена, и вдругъ на два крейсерства онъ былъ замѣненъ адмираломъ Безобразовымъ, а потомъ адмиралъ Іессенъ опять вернулся на свое мѣсто. Случалось что командиры и офицеры послѣ боя, не будучи ранены, и получивши даже за этотъ бой выдающіяся боевыя отличія, т. е. значитъ выказавшіе въ немъ и умѣнье и доблесть, замѣщались другими, напр. вслѣдствіе отъѣзда ихъ съ театра войны и такимъ образомъ ихъ самый цѣнный боевой опытъ пропадалъ для будущихъ боевъ.

Принципъ удобоуправляемости.

Второе условіе, чтобы воинская часть была приспособлена къ выполненію задачъ, которыя ей ставятся боевыми принципами — это удобоуправляемость. Всякій случай неиспользованія своей силы изъ-за неудобоуправляемости ею будетъ вызывать справедливую горечь и отражаться на состояніи духа. Удобоуправляемость, напр., на морѣ требуетъ, чтобы адмиралъ былъ расположенъ такъ (на такомъ кораблѣ и въ такомъ мѣстѣ строя), и имѣлъ-бы въ своемъ распоряженіи такія средства (система сигналовъ, эволюцій и степень умѣнья ихъ примѣнять), чтобы онъ могъ легко управлять эскадрой, чтобы эскадра была такова по численности, и такъ раздѣлена, и чтобы адмиралъ имѣлъ такое число помощниковъ, чтобы управленіе эскадрой не превышало его силъ (*), и наконецъ, чтобы переходъ командованія совершался легко, въ случаѣ выбытія адмирала изъ строя. Въ послѣдней войнѣ, какъ въ бою 28 Іюля, такъ и въ Цусимскомъ сраженіи,

(*) На сухомъ пути Наполеонъ рѣшаетъ его такъ: «предѣлъ человѣческихъ способностей, говоритъ онъ, таковъ, что ни одинъ изъ генераловъ не можетъ управлять (непосредственно), на одномъ и томъ-же полѣ дѣйствій, болѣе чѣмъ *пятью* отдѣльными единицами». Дѣйствительно это правило проходитъ черезъ всю военную исторію съ древнихъ временъ. Лееръ. Прикладная тактика. Часть I, стр. 28 — 30.

удобство перехода командованія не было предусмотрѣно, и въ особенности въ первомъ бою, это повело къ значительному ухудшенію положенія русскихъ. На каждомъ отдѣльномъ кораблѣ удобоуправляемость опредѣляется качествомъ боевого росписанія и средствъ передачи приказаній.

Всѣ эти требованія выражаются въ *принципѣ удобоуправляемости* (*).

Третье условіе — чтобы воинская часть была самостоятельна въ предѣлахъ возлагаемыхъ на нее задачъ. Напр., если минный отрядъ предназначенъ для атаки непріятеля, мѣстонахожденіе котораго точно извѣстно, то для выполненія этой задачи онъ въ извѣстной мѣрѣ самостоятеленъ безъ придачи къ нему какихъ-либо другихъ судовъ, но если на него же возлагается и отысканіе противника, то отрядъ получаетъ самостоятельность въ томъ только случаѣ, если въ него входитъ достаточное количество крейсеровъ. Эскадра, чтобы быть самостоятельной, должна имѣть извѣстную численность и заключать въ себѣ цѣлый рядъ типовъ боевыхъ и вспомогательныхъ судовъ, чтобы имѣть возможность дѣйствовать при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ и быть въ извѣстной мѣрѣ независимой отъ берега. Принципъ самостоятельности.

Требованія эти выражаются въ *принципѣ самостоятельности*.

Затѣмъ само собою очевидно, что во всякой отдѣльной части, будь это корабль, отрядъ, эскадра или флотъ, власть должна быть сосредоточена въ однѣхъ рукахъ, и при томъ въ рукахъ такого начальника, который находится въ томъ раіонѣ, гдѣ дѣйствуетъ подчиненная ему сила. Какъ выражался Суворовъ, каждому начальнику, въ предѣлахъ, въ которыхъ ему приходится вести военныя операціи, должна быть предоставлена «полная мочь». Такимъ образомъ совершенно исключается вмѣшательство центральныхъ береговыхъ учрежденій въ управленіе боевымъ флотомъ, и та или другая его часть Принципъ единства власти.

(*) Подробный разборъ всѣхъ этихъ требованій изложенъ въ моей книгѣ «Организація морской силы». Часть I стр. 33—68.

хотя и можетъ быть подчинена лицу, находящемуся на берегу, но лишь въ томъ смыслѣ, что это лицо указываетъ начальнику этой части лишь цѣли, а въ средствахъ достиженія этихъ цѣлей, и въ особенности въ морѣ, начальникъ части долженъ имѣть «полную мочь». Эти требованія выражаются въ *принципѣ единой власти.* Ни въ какомъ случаѣ у того-же дѣла не можетъ быть двухъ равныхъ по власти и другъ другу не подчиненныхъ лицъ.

Принципъ частнаго почина.

Но это не значитъ, чтобы эта единая власть задавила всякую самостоятельность во всѣхъ подчиненныхъ ей лицахъ. Это было-бы страшно вредно, такъ какъ выразилось-бы въ отсутствіи способности дѣйствовать иначе какъ по приказу. А все предвидѣть и приказать нельзя, такъ какъ нельзя самому даже всего видѣть, не говоря уже о постоянно встрѣчающемся случаѣ — не имѣть средства сообщить приказаніе. Такимъ образомъ возникаетъ *принципъ частнаго почина*, который требуетъ, какъ неизмѣннаго условія, для возможности достиженія успѣха, чтобы каждый изъ младшихъ начальниковъ имѣлъ право личнаго почина.

Починъ, или иниціатива, по опредѣленію Войде (*) — это свойство или, вѣрнѣе, совокупность свойствъ, позволяющихъ вѣрно оцѣнить всякую обстановку на войнѣ, принять соотвѣтствующее рѣшеніе и выполнить его на свою собственную отвѣтственность, оставаясь въ предѣлахъ полученныхъ приказаній или поставленной высшимъ начальникомъ задачи.

Такимъ образомъ, полная власть, предоставленная начальнику, централизованная въ его рукахъ, имъ самимъ какъ-бы должна быть децентрализована по отношенію къ своимъ помощникамъ т. е. имъ предоставляется извѣстная бо́льшая или меньшая степень самостоятельности въ способахъ достиженія тѣхъ цѣлей, которыя имъ ставятся начальниками.

Этимъ самымъ частная иниціатива облегчаетъ управленіе всякой воинской частью, позволяя начальнику ставить лишь цѣли и не входить въ подробности выполненія.

(*) «Самостоятельность частныхъ начальниковъ».

Однако, личный починъ имѣетъ также и свою вредную сторону, такъ какъ именно онъ можетъ повлечь за собой нарушеніе плана старшаго начальника. Но надо помнить, что слѣдованіе принципу частнаго почина,—это совсѣмъ не значитъ, чтобы каждый дѣлалъ, что онъ хочетъ, а это лишь значитъ, *чтобы каждый поступалъ такъ, какъ на его мѣстѣ поступилъ-бы начальникъ*—вотъ идеалъ личнаго почина. И если къ личному почину предъявить именно такія требованія, то — вредныхъ послѣдствій у него быть не можетъ.

Но какъ-же достигнуть развитія именно такого личнаго почина? Да очень просто. Подчиненному, вѣдь все равно придется предоставить дѣйствовать, въ извѣстныхъ предѣлахъ, самостоятельно. При этомъ вы не хотите. чтобы онъ нарушилъ вашъ планъ,—ну, значитъ, прежде всего не держите этотъ планъ отъ него въ секретѣ, сообщите ему его во всѣхъ подробностяхъ, во всѣхъ комбинаціяхъ, заставьте его увѣровать въ цѣлеооообразность вашихъ намѣреній, *заставьте его думать вашими мыслями.* Чѣмъ дальше и чѣмъ больше распространятся среди подчиненныхъ намѣренія старшаго, тѣмъ меньше вреда принесетъ личный починъ, т. е. тѣмъ лучше въ общемъ пойдетъ дѣло. Это и хотѣлъ сказать Суворовъ когда указывалъ, что «всякій воинъ долженъ понимать свой маневръ».

Вообще, если признается важность требованій, предъявляемыхъ принципомъ частнаго почина, слѣдуетъ отрѣшиться отъ столь распространенной наклонности ко всевозможнымъ секретамъ, тѣмъ болѣе, что причины ихъ вызывающія иногда довольно жалки. Это или непониманіе значенія принципа частнаго почина, или свойство характера (скрытность) начальника, или его недовѣріе къ своимъ подчиненнымъ, что конечно, очень печально, или—и что хуже всего, хотя къ несчастью нерѣдко бываетъ,—что секретъ служитъ лишь для прикрытія полной пустоты. Не имѣя никакого плана, не будучи въ состояніи его обдумать, отдавшись вполнѣ на волю случайности, всего легче прикрыть эту пустоту непроницаемымъ покровомъ тайны. И кто не знавалъ такихъ начальниковъ?

Именно развитіе личнаго почина рождаетъ смѣлость въ дѣйствіяхъ. «Излишняя смѣлость начальника въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть сочтена за недостатокъ, который легко ведетъ къ неудачѣ» говоритъ Клаузевицъ (*). «Однако недостатокъ этотъ симпатиченъ; его нельзя ставить на одну доску со всякимъ другимъ. Благо той арміи, въ которой часто появляется смѣлость, хотя-бы неумѣстная; это роскошные плоды, свидѣтельствующіе о благодатной почвѣ. Нельзя пренебрегать даже дерзостью т. е. смѣлостью безцѣльною; она, въ сущности, та-же душевная сила, переходящая въ страсть. Смѣлость достойна порицанія и преслѣдованія только тогда, когда она является неповиновеніемъ. Но и тогда ее нужно преслѣдовать, только, въ видахъ огражденія послушанія, этого корня всякаго воинскаго порядка. Кажется нечего напоминать, что при одинаковомъ знаніи дѣла, робость испортила на войнѣ въ сто разъ болѣе, чѣмъ смѣлость». Фрейтагъ Лорингтофенъ, начальникъ военно-историческаго отдѣла германскаго генеральнаго штаба, комментируя эти слова Клаузевица (**), указываетъ на германскіе уставы, въ которыхъ постоянно повторяется, что бездѣйствіе является болѣе серьезнымъ упущеніемъ, чѣмъ неправильный выборъ средствъ. «И священная обязанность всѣхъ начальниковъ», говоритъ онъ, «всячески поощрять самостоятельность, вмѣсто того, чтобы втискивать духъ почина въ узкія рамки, какъ это къ сожалѣнію часто случается въ мирное время». Между тѣмъ этотъ *духъ мгновенныхъ рѣшеній*, эта *нравственная самостоятельность*, едва-ли окажется въ бою, если личный составъ не будетъ къ тому пріученъ въ мирное время. Человѣкъ, который всегда и во всемъ привыкъ ходить на помочахъ, тѣмъ болѣе потребуетъ этихъ помочей въ тяжелыхъ обстоятельствахъ.

Такимъ образомъ, флагманъ долженъ по возможности чаще собирать младшихъ флагмановъ и командировъ и обсуждать съ ними возможныя комбинаціи боевыхъ дѣйствій, такъ чтобы всѣ они совершенно уяснили себѣ — чего онъ хочетъ,

---

(*) «Война». Часть I, книга III, глава VI, русское изданіе стр. 143—144.
(**) «Господство личности на войнѣ. Изслѣдованія по Клаузевицу», стр. 24.

чего добивается, какъ намѣренъ поступать въ различныхъ случаяхъ? Тогда всякая частная инициатива съ ихъ стороны только будетъ способствовать къ достиженію общей цѣли. Отъ командировъ эти указанія разойдутся дальше — на каждомъ отдѣльномъ кораблѣ между офицерами; надо, чтобы всѣ знали, къ чему стремится флотъ, какъ желательно дѣйствовать, въ зависимости отъ обстановки. Не то, чтобы можно было все это удержать въ памяти,—быть можетъ, все это и трудно будетъ запомнить — но непремѣнно въ этомъ случаѣ составится на эскадрѣ общій взглядъ, согласный со взглядомъ начальника, и тогда всѣмъ подчиненымъ можетъ быть предоставлена широкая доля самостоятельности.

На этомъ я закончу перечисленіе принциповъ, ложащихся въ основу военной науки.

Относительно тѣхъ изъ этихъ принциповъ, которые мы назвали *боевыми* (см. стр. 159) необходимо отмѣтить, что наиболѣе благопріятная обстановка для ихъ проявленія, сама по себѣ уже поднимающая духъ—это наступленіе.

Вліяніе на состояніе духа наступленія и обороны.

Наступающій идетъ къ опредѣленной своей цѣли, обороняющійся лишь противодѣйствуетъ *чужой* цѣли. Поэтому въ общемъ инициатива въ дѣйствіяхъ за наступающимъ — онъ подготовляетъ ударъ на опредѣленный участокъ обороняющагося и сосредотачиваетъ съ этой опредѣленной цѣлью свои силы. Если онъ это дѣлаетъ, то значитъ онъ считаетъ себя достаточно сильнымъ для этого—такимъ образомъ наступленіе—это сознаніе силы, это довѣріе къ своимъ силамъ, довѣріе къ возможности достигнуть успѣха—и все это конечно поднимаетъ духъ, т. е. работаетъ въ одну сторону съ боевыми принципами. На войнѣ успѣхъ — это та или иная степень надлома моральныхъ силъ противника, такъ какъ всякая его уступка, въ стратегическомъ или тактическомъ отношеніи—это лишь результатъ такого надлома. Средствомъ для произведенія этихъ надломовъ служитъ угроза смерти, страданій физическихъ и моральныхъ, которыя несетъ въ себѣ военная сила. И если эта сила наступаетъ, то это служитъ признакомъ, что она чувствуетъ свое превосходство.

Поэтому надломъ моральныхъ силъ одного изъ противниковъ начинается съ наступательнаго движенія другого. Отсюда создалось выраженіе что «надо наступать, чтобы быть сильнѣе». Всѣ великіе полководцы и флотоводцы признавали вѣрность этого положенія, и держались оборонительнаго образа дѣйствій только при полной невозможности наступать, т. е. когда имъ приходилось поневолѣ признать превосходство противника.

Оборона это несомнѣнно признаніе своей слабости—это уступка этой слабости, подчиненіе необходимости. Поэтому она сама по себѣ понижаетъ духъ. Оборона можетъ быть героической и съ огромнымъ подъемомъ духа, но этотъ подъемъ духа вызывается не самой обороной, а лишь неудачами въ наступленіи противника, т. е. сомнѣніемъ въ его превосходствѣ и можетъ перейти въ сознаніе своего превосходства, если неудачи противника столь велики, что можно съ своей стороны перейти въ наступленіе. Настроеніе духа при оборонительныхъ дѣйствіяхъ всегда тревожно—всегда въ умѣ возстаетъ проклятый вопросъ—а что и гдѣ предприметъ противникъ, и какъ-бы онъ не ударилъ въ наше самое чувствительное или слабое мѣсто. Суворовъ очень образно выразилъ давящее, принижающее вліяніе обороны на состояніе духа—«подлая оборона. Одно званіе—оборона—уже доказываетъ слабость, слѣдовательно, наводитъ робость». Поэтому, при общемъ оборонительномъ образѣ дѣйствій, необходимо въ отдѣльныхъ случаяхъ наступать, при оборонѣ крѣпости необходимы активныя дѣйствія—вылазки. Иначе отступленіе всегда и вездѣ непремѣнно окончится полнымъ паденіемъ духа.

«Чѣмъ дальше производится отступленіе» говоритъ Зыковъ (*) «чѣмъ оно поспѣшнѣе, тѣмъ глубже его вліяніе. А такъ какъ оно дѣйствуетъ въ ту-же сторону, какъ и инстинктъ самосохраненія, то отсюда является легкость перехода отступленія въ бѣгство, панику и дезорганизацію. Послѣднее является результатомъ того, что при отступленіи начальники не проявляютъ своей власти и, какъ-бы помимо ихъ, войска подчиняются непріятельскому вождю».

(*) Какъ и чѣмъ управляются люди. Стр. 162.

Все что было сказано о принципахъ опредѣляетъ ихъ какъ широкія обобщенія тѣхъ неизмѣнныхъ условій, которыя ведутъ къ успѣху на войнѣ. Они уже неизмѣнны потому, что вытекаютъ изъ духовной природы человѣка, которая остается все тою-же на протяженіи всего извѣстнаго намъ періода существованія человѣчества, и значитъ будутъ неизмѣнны и впредь пока не измѣнится духовная природа человѣка, а таковое измѣненіе не предвидится. (*) Когда человѣкъ освободится отъ инстинкта самосохраненія, отъ чувства стадности, и. т. п. . . тогда и принципы веденія войны будутъ другіе. Но это столь-же вѣроятно, что человѣкъ освободится отъ власти своего желудка, отъ необходимости затрачивать свой трудъ и эксплоатировать себѣ подобныхъ, чтобы получать всѣ блага жизни—а тогда не будетъ и войнъ.

Выводы изъ разсужденій о принципахъ военнаго дѣла.

Принципы вѣчны.

Затѣмъ мы видѣли, это принципы — это не рецепты. Они не даютъ никакихъ указаній—*какъ* вести то или иное дѣло на войнѣ, а указываютъ лишь къ чему надо стремиться и чѣмъ нельзя пренебрегать при *всякомъ* военномъ предпріятіи. Такимъ образомъ, они ни въ какой степени не стѣсняютъ творчество, а направляютъ лишь его на путь правильныхъ рѣшеній, указывая лишь то,—*что никогда ни при какой обстановкѣ, ни въ какомъ военномъ дѣлѣ нельзя забывать.* Творчеству-же остается еще очень широкое поле дѣятельности — *оцѣнить обстановку* — вообще безконечно разнообразную, и всѣ комбинаціи которой никакая наука, и вообще никто указать не можетъ—*и рѣшить* въ какой степени и какъ всего удобнѣе приложить въ данной обстановкѣ тотъ или другой принципъ. Значитъ принципъ ничего не рѣшаетъ, а рѣшаетъ творчество, а принципъ только снабжаетъ творчество совѣтами, которые *всегда ведутъ къ успѣху*, остерегая его отъ забывчивости.

Принципы — не рецепты.

Мы видѣли, что *всѣ принципы чрезвычайно просты, понятны сами по себѣ*, и если понадобилось о нихъ много говорить,

Принципы просты.

(*) «Природа человѣческая осталась та-же, что была тысячалѣтія назадъ, и теперь такъ-же реагируетъ на разныя воздѣйствія, какъ и древле; мѣняется только внѣшняя форма проявленія такой реакціи». Лермонтовъ. Объ обученіи въ училищахъ морского вѣдомства. Морской Сборникъ за 1909 г. № 8 стр. 28.

то не для того, чтобы доказывать ихъ истинность — она сразу ясна,—а для того, чтобы показать, что всѣ эти истины вытекаютъ именно изъ духовной стороны человѣка, что значитъ онѣ вѣчны, и что очень важно умѣть ихъ правильно примѣнять и создавать соотвѣтственную обстановку для удобства ихъ примѣненія.

Почему пренебрегаютъ принципами.

Но именно эта ихъ простота и ясность — пусть это покажется парадоксомъ — именно и составляетъ самую слабую ихъ сторону въ томъ смыслѣ, что именно изъ за этой ихъ простоты и ясности ими и пренебрегаютъ.

Считаютъ, что они именно такъ ясны сами по себѣ, что не можетъ быть и вопроса о томъ, что всякій человѣкъ имѣющій хоть каплю «здраваго смысла» — иначе и не можетъ дѣйствовать. А такъ какъ никто не считаетъ себя лишеннымъ здраваго смысла, то никто и не находитъ нужнымъ принимать какія либо мѣры, чтобы *пріобрѣсти способность, чтобы умѣть слѣдовать такимъ простымъ вещамъ.*

Правда, въ своемъ прошломъ очень многіе признаютъ, что они поступали противно тому или другому изъ этихъ ясныхъ до очевидности положеній, но они это признаютъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ лишь за свою ошибку, скорѣе даже за преднамѣренность — и то и другое они объясняютъ цѣлымъ рядомъ причинъ, — но ни въ коемъ случаѣ *не за неспособность, не за неумѣнье* слѣдовать этимъ положеніямъ. Для будущаго они останутся въ увѣренности, что когда захотятъ, то конечно и будутъ поступать согласно этимъ положеніямъ. А потому вообще придаютъ и мало важности этимъ положеніямъ.

Способность слѣдовать принципамъ надо въ себѣ выработать.

Но когда мы обратимся къ исторіи, то видимъ, что примѣняются эти столь простыя и ясныя положенія очень рѣдко, что примѣняются они обыкновенно людьми отмѣченными военнымъ талантомъ, что остальные обыкновенно пренебрегаютъ этими положеніями, хотя конечно и знаютъ ихъ и сознаютъ ихъ истиность. Затѣмъ исторія даетъ примѣры, когда эти, казалось-бы столь неоспоримыя, положенія подвергались преслѣдованію и провозглашались вѣрными принципы прямо имъ

противуположные. А между тѣмъ, исторія доказываетъ что во всѣ времена, въ числѣ причинъ успѣха и пораженія, всегда играло выдающуюся роль примѣненіе принциповъ веденія войны. Значитъ мало эти положенія только знать — надо еще нѣчто другое, чтобы ихъ примѣнять. И это нѣчто другое — это сознаніе ихъ огромной важности, такое сознаніе, которое связывало-бы всякую мысль о военномъ предпріятіи съ этими положеніями, которое ввело-бы эти положенія въ *способъ мышленія* о военныхъ предпріятіяхъ. Это дается или природнымъ дѣйствительнымъ здравымъ смысломъ, который такой-же рѣдкій даръ природы, какъ и талантъ, или надо воспитать въ себѣ такой способъ мышленія, а это уже требуетъ серьезнаго труда надъ внѣдреніемъ въ свое мышленіе этихъ положеній, труда и теоретическаго и практическаго.

Изученіе исторіи и трудовъ выдающихся военныхъ писателей ясно показываетъ, что всѣ талантливые военные люди, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, какъ перомъ, такъ, и главное—своей военной дѣятельностью, выражаютъ глубокое уваженіе къ принципамъ веденія войны (*).

Принципы служатъ основаніемъ для оцѣнки фактовъ военной исторіи.

Помимо того, что военные принципы должны быть положены въ основу всякаго военнаго предпріятія, они служатъ еще и основаніемъ для оцѣнки фактовъ при изученіи военной исторіи.

«Не руководствоваться-же въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ оцѣнка внутренняго содержанія исторически наиболѣе замѣчательныхъ стратегическихъ комбинацій» говоритъ Лееръ (**) «такою крайне капризной и незаконной вещью, какъ деспотизмъ личнаго вкуса? Этотъ послѣдній путь и ведетъ къ пристрастной, *субъективной критикѣ*, къ тому *поверхностному критицизму*, который съ наукою ничего общаго не имѣетъ. Принципы необыкновенно *просты* въ основаніи (хотя и необыкновенно обильны въ послѣдствіяхъ), нѣтъ ничего легче

(*) Мнѣнія по этому вопросу Наполеона, Фридриха Великаго, Ллойда. Жомини, Клаузевица и другихъ см. Лееръ «Методъ военныхъ наукъ» стр. 43—51.

(**) Тамъ-же стр. 52.

какъ понять ихъ, обнять ихъ умомъ; но рядомъ съ этимъ военная исторія свидѣтельствуетъ о безпрерывномъ нарушеніи ихъ («вся трудность заключается въ томъ, чтобы въ исполненіи, на дѣлѣ, остаться вѣрнымъ усвоеннымъ принципамъ» Клаузевицъ). Все это показываетъ, что мало обнять ихъ умомъ, недостаточно одного ихъ наружнаго воспріятія, но необходимо обратить ихъ въ практическій мотивъ дѣятельности, т. е. владѣть ими настолько, чтобы даже не думая о нихъ, всегда дѣйствовать въ ихъ духѣ, а для этого нуженъ продолжительный трудъ, настойчивая и упорная работа мысли въ ихъ направленіи. Необходимо отдаться имъ всѣмъ своимъ внутреннемъ существомъ, *выносить* ихъ, *выстрадать изъ самого себя*, а не повторять ихъ только съ чужихъ словъ. И только тогда они обратятся въ наше прочное достояніе. Какъ говоритъ Гёте въ Фаустѣ — «что ты наслѣдовалъ отъ твоихъ предковъ пріобрѣти то вновь, чтобы сдѣлаться полнымъ его обладателемъ».

Какъ обратить принципы въ свое прочное достояніе.

Конечно это далеко не всѣмъ по плечу, и совершенно справедливо говоритъ генералъ Ронья (*), что «Военное искусство основано на *неизмѣнныхъ* началахъ.... невѣжды пренебрегутъ изученіемъ ихъ, глупцы надъ ними будутъ издѣваться, люди ограниченные имъ будутъ слѣдовать слѣпо, машинально и часто некстати; одни только талантливые люди, *которые будутъ въ состояніи дойти до сознанія ихъ духа*, сумѣютъ примѣнять ихъ къ дѣлу, видоизмѣнить ихъ, или отступить отъ нихъ сообразно времени, мѣсту обстоятельствамъ (т. е. до безконечности разнообразить ихъ приложеніе)».

Моральный элементъ на войнѣ — главенствующій

Эта общепризнанная важность принциповъ военнаго дѣла, эта трудность примѣнять ихъ на дѣлѣ, не смотря на ихъ простоту, ясность и неоспоримость, эта необходимость воспріятія ихъ чувствомъ и инстинктомъ для возможности ихъ примѣнять—все это служитъ иллюстраціей къ, столь многими несознаваемому, основному положенію—что на войнѣ главенствующее значеніе имѣетъ не матеріальный, а моральный эле-

---

(*) Цитирую по Лееру «Методъ военныхъ наукъ» стр. 50—51.

ментъ (*), и что моральный этотъ элементъ гораздо труднѣе создать чѣмъ матеріальный, и на созданіе его надо положить огромный трудъ. На самомъ же дѣлѣ часто считаютъ, что моральный элементъ какъ бы приходитъ самъ собой, разъ существуетъ воинская часть, разъ она снабжена хорошимъ оружіемъ, и обильнымъ продовольствіемъ, и связана наружной дисциплиной. Остается ею только руководить. Ложность такого взгляда явно выступаетъ только на войнѣ—да только на войнѣ и можетъ выступить,—но къ сожалѣнію въ такомъ сложномъ дѣлѣ какъ война, столько можно подобрать причинъ для объясненія неудачъ и пораженій, что для людей съ предвзятыми узкими взглядами, не понимающими сущности, и важности духовной стороны, очень трудно излечиться отъ этой предвзятости и непониманія, даже путемъ собственныхъ неудачъ и пораженій. Къ этому присоединяется еще то немаловажное обстоятельство, что въ недостаткахъ въ матеріальной части обвинить потерпѣвшихъ неудачи и пораженія, нельзя—не они ее создавали, они принимали ее такою, какою она была, изъ рукъ центральныхъ учрежденій, въ войнѣ непосредственно не участвующихъ,—а въ недостаткахъ въ моральномъ состояніи ихъ въ значительной степени можно считать отвѣтственными.

А тогда болѣе чѣмъ понятно, что они стремятся всю отвѣтственность за неудачи и пораженія свалить именно на матеріальную часть. Изъ побѣжденныхъ, или вѣрнѣе говоря—изъ недобросовѣстныхъ побѣжденныхъ—создаются кадры поклонниковъ матеріальной части.

Чтобы быть справедливымъ нельзя не отмѣтить возможность, по тѣмъ-же причинамъ, со стороны побѣдителей извѣстнаго преувеличенія моральнаго элемента, какъ результата ихъ собственнаго таланта и труда, но тутъ то и приходитъ на

(*) Моральный элементъ военной силы состоитъ изъ всего того, что вноситъ въ нее человѣкъ, т. е. изъ военнаго образованія—теоретическаго и практическаго, искусства руководительства, нравственной силы т. е. военнаго и гражданскаго мужества (способности брать на себя отвѣтственность и жертвовать своимъ благомъ въ борьбѣ за интересы дѣла), искусства созданія и обращенія съ матеріальной частью и т. п... Подробнѣе этотъ вопросъ разобранъ въ главѣ IV-й. Н К.

помощь изученіе принципіальной стороны военнаго дѣла и показываетъ—на чьей сторонѣ правда.

Это изученіе показываетъ—какъ тщательно надо подготовить моральный элементъ, какъ надо оберегать его отъ проявленія присущихъ ему недостатковъ, напр., какъ надо умѣть считаться съ психологіей толпы, чтобы имѣть возможность примѣнять боевые принципы неизмѣнно ведущіе къ успѣху. Оно показываетъ—какъ еще много надо имѣть въ головѣ, какъ много надо знать, и какъ много надо имѣть опыта, чтобы правильно оцѣнивать безконечно разнообразную обстановку—ибо только тогда и можетъ принести пользу примѣненіе принципа. А отсюда уже получается объясненіе—почему такъ рѣдки великіе полководцы и флотоводцы и вообще начальники, почему такъ рѣдко наблюдается личный составъ совершенно не поддающійся моральнымъ потрясеніямъ, съ постоянно высокимъ духомъ, почему такъ рѣдки постоянные и рѣшительные успѣхи на войнѣ, и притомъ совершенно ясные для всѣхъ по своимъ причинамъ. Эта ясность сплошь и рядомъ затемняется тѣмъ, что побѣда явилась не слѣдствіемъ достоинства побѣдителя, а лишь потому, что противникъ его надѣлалъ еще гораздо больше грубыхъ ошибокъ чѣмъ онъ. Рѣшительность результатовъ въ значительной степени можетъ быть умалена невозможностью использовать все преимущество въ моральномъ отношеніи вслѣдствіе недостатковъ въ матеріальной части. Полная рѣшительность результатовъ имѣетъ мѣсто только при соединеніи моральнаго преимущества съ матеріальнымъ—вотъ тогда и получаются разгромы.

При этомъ нельзя не отмѣтить, что при значительномъ недостаткѣ въ матеріальной части, напр., при негодности оружія, трудно допустить наличіе высокаго моральнаго состоянія—такъ какъ отсутствуетъ необходимый элементъ такого состоянія—довѣріе къ своимъ силамъ.

Это неоспоримо. Но что часто упускается изъ вида это то, что вышеприведенное положеніе не имѣетъ обратнаго смысла. А именно—только одно превосходство въ матеріальномъ отношеніи, въ численности и въ качествѣ оружія, еще не создаетъ высокаго моральнаго состоянія—оно только способствуетъ его

созданію. Результатами такого превосходства можетъ оказаться не довѣріе къ своимъ силамъ, а пустая самоувѣренность. Даже при превосходномъ оружіи, то довѣріе къ своей силѣ, которое цѣнно, можетъ создаться только на почвѣ превосходнаго обученія, и довѣрія къ начальникамъ и товарищамъ, что всѣ они сумѣютъ извлечь пользу изъ этого превосходнаго оружія, т. е. на той-же почвѣ высокаго моральнаго состоянія, а это все очевидно само не является.

Еще скорѣе можетъ быть высокое моральное состояніе при значительномъ недостаткѣ въ матеріальной части, если недовѣріе къ своей силѣ, создавшееся на почвѣ несовершенства оружія или недостатка въ численности, перевѣшивается довѣріемъ къ своему искусству въ обращеніи съ матеріальной частью и къ своимъ руководителямъ, основанномъ на увѣренности, что тѣ сумѣютъ выбрать такую обстановку, въ которой эти недостатки не ведутъ къ безнадежности на успѣхъ. Но если къ недостаткамъ въ матеріальной части прибавляется еще и недовѣріе къ своему искусству и къ искусству руководителей, то это ведетъ къ полному паденію духа.

Преимущество моральнаго элемента передъ матеріальнымъ — это тоже одно изъ основаній военной науки, какъ и изслѣдованные выше принципы. Поэтому изслѣдованіе этого положенія и помѣщено рядомъ съ изслѣдованіемъ о принципахъ.

Доказать это преимущество съ помощью однихъ разсужденій конечно задача невозможная — окончательная ясность всетаки остается при такомъ способѣ неуловимой.

То что было высказано выше, является поэтому лишь объясненіями, руководящая мысль которыхъ такая: принципы веденія войны всѣ могутъ выведены изъ духовной стороны человѣка; принципы эти очень важны — это основы военнаго дѣла, а значитъ и духовная сторона человѣка, составляющая одну изъ составныхъ частей моральнаго элемента, а значитъ и моральный элементъ — самый важный элементъ въ военномъ дѣлѣ.

Гораздо болѣе убѣдителенъ для приведенія даннаго вопроса въ полную ясность тотъ фактъ, что всѣ талантливые военные

люди, и именно практики дѣла, признавали преимущество моральнаго элемента передъ матеріальнымъ. Эта убѣдительность не умаляется ни указанной выше возможностью со стороны побѣдителей извѣстнаго преувеличенія этого преимущества, а тѣмъ паче фактомъ его чрезмѣрнаго умаленія, по сравненію съ матеріальной частью, недобросовѣстными, желающими лишь себя оправдать, побѣжденными. При этомъ они часто еще говорятъ не о самомъ моральномъ элементѣ, въ полномъ значеніи этого слова, а лишь объ одной составной его части—о нравственной силѣ.

О значеніи нравственной силы.

«Важное значеніе нравственной силы» говоритъ Компсано (*) «признано всѣми стратегами. Марселли въ Италіи, Клаузевицъ въ Германіи, Войде и Драгомировъ въ Россіи, Мельяръ, во Франціи — много занимались этимъ вопросомъ. И если не всѣ военачальники проникнуты сознаніемъ его важности, то только потому, что философія изслѣдованія не вполнѣ еще доступна для ихъ пониманія».

Компсано очень мѣтко замѣчаетъ, что хотя при одержаніи побѣды и приходится пользоваться двумя родами силъ— физическими и нравственными, но почему-то въ военно-учебныхъ заведеніяхъ всего міра изучаютъ только первыя изъ нихъ. Ученія объ оружіи и о способахъ его употребленія— подготовляютъ къ правильному примѣненію физическихъ силъ, что же касается до силъ нравственныхъ, то *ограничиваются только признаніемъ ихъ существованія*.

Что такое нравственная сила.

Очень хорошо эту нравственную силу, составляющую, между тѣмъ, лишь одну изъ составныхъ частей моральнаго элемента (см. выноска къ стр. 175), опредѣляетъ Мельяръ (**): «Есть сила, старая какъ міръ, и тѣмъ не менѣе вѣчно юная — сила болѣе страшная чѣмъ пушка и ружье, способная къ порожденію всевозможныхъ сюрпризовъ, ибо она мгновенно созидаетъ самыя неожиданныя средства для дѣйствія, чрезвычайно разнообразныя и въ то-же время *удиви-*

(*) Опытъ военной психологіи. Стр. 2 — 3.

(**) «Элементы войны». Введеніе.

тельно соотвѣтствующія обстановкѣ. Это сила нравственная, — равнодѣйствующая трехъ силъ: разума, который рѣшаетъ, воли, которая исполняетъ, и мужества, которое презираетъ смерть. Эта сила *разлившись въ массахъ*, возбуждаетъ, одушевляетъ ихъ и дѣлаетъ ихъ способными къ принесенію величайшихъ жертвъ для побѣды. Нравственная сила заставляетъ склоняться вѣсы побѣды на свою сторону».

Этимъ и объясняется, что въ военной исторіи имѣется много примѣровъ того, какъ слабыя силы разбивали гораздо сильнѣйшія; какъ плохо вооруженные одерживали побѣды надъ хорошо вооруженными; какъ побѣждали, даже при наличіи ошибокъ въ стратегіи и въ тактикѣ — все это возмѣщалось нравственнымъ элементомъ. Это не значитъ, что, полагаясь на нравственный элементъ, можно пренебрегать численностью, вооруженіемъ и тактическимъ и стратегическимъ искусствомъ. Это значитъ только, что ни въ какомъ случаѣ нельзя пренебрегать нравственнымъ элементомъ, и полагаться только на численность, вооруженіе и на познаніе и опытъ въ веденіи войны. «О нравственная сила, ты царица армій»! — восклицаетъ маршалъ Бюжо (*).

«При столкновеніи двухъ армій» говоритъ Зыковъ (**) «исходъ боя опредѣляется всегда тѣмъ, которая изъ сторонъ поработитъ себѣ душу противника т. е. побѣда опредѣляется всегда моральными данными. Въ этомъ тезисѣ слово «всегда» не имѣетъ строго математическаго значенія, но именно его слѣдуетъ употребить въ немъ, въ виду того крайне ограниченнаго числа исключеній, когда побѣда является торжествомъ *грубо матеріальной силы* (***), и когда побѣжденный сохранилъ

(*) Изъ письма генерала Канонжа къ доктору Компсано «Опытъ военной психологіи» стр. VII.

(**) «Какъ и чѣмъ управляются люди». Стр. 169 — 173.

(***) Т. е. когда побѣда является результатомъ только численности дѣйствующаго оружія, даже внѣ искусства обращенія съ нимъ, которое находится на сторонѣ побѣжденныхъ. Только тогда на сторонѣ послѣднихъ находятся всѣ составныя части моральнаго элемента, а на сторонѣ побѣдителей только одинъ матеріальный элементъ, и поэтому только тогда можно сказать, что исключительно матеріальный элементъ побѣдилъ матеріальный. Н. К.

до конца свою моральную силу, если не на большей, то по крайней мѣрѣ на равной высотѣ съ побѣдителемъ Это будутъ тѣ случаи когда всѣ люди одной стороны будутъ *приведены въ полную невозможность пользоваться своими физическими силами ранѣе сдачи.* Такова была побѣда надъ испанцами, осажденными въ Сарагоссѣ, надъ русскимъ гарнизономъ укрѣпленія Михайловскаго. Къ таковой можно причислить и сдачу Генуи Массеной, такъ какъ, если французы и не полегли всѣ, то ихъ готовность на это настолько была несомнѣнна для австрійцевъ, что они выпустили гарнизонъ прямо на позорныхъ для себя условіяхъ. Но это исключенія. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, болѣе или менѣе многочисленные остатки арміи отступаютъ или сдаются и, конечно, не штыки и пули гонятъ ихъ съ поля сраженія и заставляютъ сдаваться, а страхъ. Тѣ, которыхъ задѣваетъ оружіе, обыкновенно останутся лежать на полѣ сраженія. Такъ какъ побѣда является результатомъ моральнаго превосходства къ концу сраженія побѣдителя надъ побѣжденнымъ, то все искусство боя сводится къ тому, чтобы расшатать моральныя силы противника. Средствомъ къ этому расшатыванію служитъ угроза смерти.... Сила и убѣдительность боевой аргументаціи, конечно зависитъ отъ числа наносимыхъ пораженій, а это въ свою очередь, обусловливается числомъ ружей, орудій, штыковъ и шашекъ т. е. *численностью* войскъ. Во-вторыхъ, качествомъ этихъ ружей, орудій и т. д... т. е. *технической стороной* вооруженія. Въ третьихъ *закрытіемъ* войскъ отъ выстрѣловъ и штыковъ, стѣнами, валами, неровностями мѣстности и т. д. Все это вмѣстѣ взятое и составляетъ матеріальныя причины побѣды, вліянію которыхъ Наполеонъ приписываетъ $^1/_4$ успѣха....»

Матеріальный элементъ— это все, кромѣ человѣка.

«Боевая аргументація можетъ оказать вліяніе на поведеніе непріятельскихъ войскъ, воздѣйствуя на эти послѣднія черезъ ихъ начальниковъ или воздѣйствуя на нихъ самихъ непосредственно».

Нравственное пораженіе всегда предшествуетъ матеріальному.

Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣтъ войска еще способныя къ бою, но отступающія по приказанію своего начальника, попавшаго подъ моральный гнетъ противника. Таково было, напр., отступленіе на сѣверную сторону Севастополя. . . Во

второмъ случаѣ, т. е. при непосредственномъ дѣйствіи на войско, оно само, нравственно разбитое и подавленное, начинаетъ отступленіе или бѣгство, въ которомъ увлекаетъ и своего начальника. Такъ Карлъ XII былъ увлеченъ своими войсками подъ Полтавой. Результатомъ различной впечатлительности можетъ быть окончательный разладъ между войскомъ и начальникомъ, при которомъ этотъ послѣдній теряетъ надъ нимъ власть. Такъ какъ самая организація войскъ гораздо болѣе способствуетъ вліянію начальника на войско, чѣмъ обратному вліянію войска на начальника, то и значеніе этого послѣдняго имѣетъ первенствующее вліяніе на ходъ войны. Поэтому древніе римляне съ убѣжденіемъ говорили, что *лучше стадо барановъ подъ предводительствомъ льва, чѣмъ толпа львовъ подъ предводительствомъ барана.* Такъ какъ на войнѣ побѣжденъ тотъ, кто поддается аргументаціи противника, а таковымъ будетъ тотъ, кто не настойчивъ и слабъ волею, то станетъ понятнымъ, отчего *на войнѣ предпочтителенъ человѣкъ съ большимъ характеромъ, но съ ограниченнымъ умомъ, чѣмъ наоборотъ.* Наивыгоднѣйшей комбинаціей будетъ, конечно, квадратъ, т. е. достиженіе при данной волѣ maximum'а соотвѣтствующаго ей ума».

«Сраженія рѣшаются скорѣе вслѣдствіе *потери нравственнаго равновѣсія»* говоритъ Компсано въ заключеніе своего труда (*) «чѣмъ *вслѣдствіе* болѣе или менѣе значительныхъ матеріальныхъ потерь. Если-бы въ ту минуту, какъ рѣшается побѣда, сосчитать потери съ обѣихъ сторонъ, то врядъ ли оказалось-бы въ нихъ значительная разница. Какъ-бы велики ни были потери, но если армія сохраняетъ связь, мужество, довѣріе, то она все таки можетъ наступать, и если даже она на короткое время замнется, то ее все-таки легко снова устроить, чтобы снова продолжать атаку. И только когда она покидаетъ поле сраженія и начинаетъ бѣжать, потери ея возрастаютъ. . . Иначе говоря, если мы будемъ искать причины пораженія данной арміи, то найдемъ ихъ не въ количествѣ ея потерь, но въ паникѣ, которой она подчинилась первою,

(*) Опытъ военной психологіи. Стр. 142.

вслѣдствіе либо какаго нибудь стратегическаго или тактическаго сюрприза, либо вслѣдствіе жестокой атаки. Избытокъ потерь, слѣдующій затѣмъ, составляетъ только послѣдствіе этого упадка духа и является лишь подъ конецъ боя, когда начинается паника. Тѣми-же причинами вызываются и капитуляціи...».

«Можно привести въ примѣръ и осады, выдерживавшіяся до послѣдней крайности, и осады несравненно менѣе тяжелыя, но продолжавшіяся немного времени, потому-что одни коменданты долго сохраняли свою нравственную силу и надежду, а другіе—теряли ихъ слишкомъ рано. Число нераненныхъ плѣнныхъ достигало въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ огромныхъ цифръ. Австрійцы въ 1866 г. французы въ 1870 г. (вторая Луарская армія, отступавшая на Вандомъ) сдавались сотнями безъ всякаго матеріальнаго принужденія. Солдаты эти, справедливо или нѣтъ, но были убѣждены, что начальники не могутъ дать имъ побѣды, что всѣ ихъ усилія, какъ-бы энергичны они ни были, не послужатъ ни къ чему. Они были истомлены, не имѣли ни мужества, ни надежды и добровольно сдавались массами. Итакъ *нравственное пораженіе всегда предшествуетъ матеріальному*».

Генералъ Блуме говоритъ (*), что «Военная исторія доказываетъ, что въ концѣ боя побѣдитель рѣдко знаетъ величину пораженія своего противника и, что онъ часто считалъ бой не рѣшеннымъ и даже проиграннымъ между тѣмъ какъ массы непріятеля бѣжали».

Въ такомъ, напр., положеніи былъ адмиралъ Ито послѣ сраженія у Ялу, а также и адмиралъ Того послѣ боя 28-го Іюля.

Изслѣдуя господство личности на войнѣ по классическимъ сочиненіямъ Клаузевица, начальникъ военно-историческаго отдѣла германскаго генеральнаго штаба Лорингтофанъ, говоритъ (**), «Какъ во всѣ времена, такъ и теперь, главнымъ орудіемъ войны остается человѣкъ, и только форма его воз-

(*) Цитирую по «Господству личности на войнѣ» Лорингтофана, стр. 3.

(**) «Господство личности на войнѣ», стр. 66.

дѣйствія измѣнилась». Къ современному бою вполнѣ приложимо высказанное во время появленія бездымнаго пороха: «смѣло впередъ въ періодъ бездымной войны! Смѣлый все еще продолжаетъ владѣть міромъ».

Главенствующее значеніе моральнаго элемента — вѣчно.

Теперь мы вступаемъ въ область подчиненія человѣкомъ воздуха и быть можетъ совсѣмъ недалеко то время, когда и война перенесется въ воздухъ, но будемъ помнить, что и въ воздухѣ будетъ сражаться тотъ-же человѣкъ, а значитъ и принципы веденія войны въ воздухѣ будутъ тѣ-же, такъ какъ они вытекаютъ изъ духовной стороны человѣка, и въ воздушной войнѣ моральный элементъ будетъ главенствовать надъ матеріальнымъ вообще и надъ техникой въ частности. А потому смѣло впередъ въ періодъ воздушной войны. Побѣду намъ дастъ та-же наука, вѣчная, неизмѣнная, лишь прошедшая черезъ горнило опыта въ другой обстановкѣ.

Принципы—какъ результатъ изслѣдованія условій, ведущихъ къ успѣху на войнѣ.

Резюмирую теперь результаты изслѣдованія тѣхъ *неизмѣнныхъ* условій, которыя ведутъ къ успѣху на войнѣ.

На войнѣ дѣйствуютъ различные элементы: человѣкъ, и всевозможные элементы обстановки—средства борьбы, время, мѣсто, суша, море, погода, характеръ мѣстности на сушѣ или на морѣ, политическія обстоятельства и т. п.

Изъ всѣхъ этихъ элементовъ неизмѣненъ только одинъ—человѣкъ: т. е. конечно и люди очень различны, но въ общемъ неизмѣнны духовныя свойства человѣка. Все остальное — въ каждомъ данномъ случаѣ различно и даетъ безчисленное множество комбинацій.

Притомъ человѣкъ неизмѣнно участвуетъ во всякой комбинаціи, и онъ и причина военныхъ явленій. Уже достаточно этихъ соображеній, чтобы придти къ заключенію, что главный элементъ—это человѣкъ.

Теорія науки, по принятому нами опредѣленію (стр. 45)—это та ея часть, которая выясняетъ закономѣрность или неизмѣнный порядокъ тѣхъ явленій, которыя составляютъ предметъ изученія науки.

Очевидно, что для этого выясненія прежде всего и надо было взяться за духовную природу человѣка какъ за главный и постоянный элементъ военныхъ явленій.

Въ результатѣ получились принципы веденія войны, приложимые ко всякой обстановкѣ, такъ какъ при любой обстановкѣ необходимый элементъ военнаго явленія, безъ котораго нѣтъ и самаго явленія—это человѣкъ.

Принципы безусловны. Нельзя себѣ представить такой обстановки, въ которой они были-бы неприложимы, и только способъ ихъ приложенія зависитъ отъ обстановки.

Принципы выражаютъ духовныя свойства человѣка.

Принципы вытекаютъ изъ изученія свойствъ духовной стороны человѣка, въ ихъ проявленіи въ военной обстановкѣ, а потому и заключаютъ въ себѣ эти свойства. Напр., принципъ внезапности выражаетъ собою слабость моральной стороны человѣка передъ внезапностью. Принципъ сосредоточенія силъ выражаетъ собою свойство усиленія моральнаго элемента въ сообществѣ себѣ подобныхъ, идущихъ къ той-же цѣли.

Принципы не могутъ быть рецептами, разъ способъ приложенія ихъ въ различной обстановкѣ различенъ и они приложимы ко всякой обстановкѣ.

Принципы — это намѣренія.

Принципъ это намѣреніе. Буду добрымъ, буду сосредотачивать свои силы—это намѣренія. Пожалуй принципъ—это и рѣшеніе, но рѣшеніе вообще, рѣшеніе въ намѣреніи безъ приложенія къ дѣлу. Рѣшаю, что буду добрымъ, рѣшаю, что буду сосредотачивать силы. Но дѣйствія еще тутъ нѣтъ. Дѣйствіе—это опредѣленный частный случай. Здѣсь рѣшеніе уже отдѣляется отъ намѣренія и должно заключать въ себѣ путь—какъ сдѣлать добро, какъ сосредоточить силы. А такъ какъ въ частномъ случаѣ сдѣлать добро надо по отношенію къ опредѣленному субъекту и въ предѣлѣ имѣемыхъ средствъ, то это необходимо отразится на пути т. е. на способѣ. Также и сосредоточить силы, въ каждомъ частномъ случаѣ, надо противъ опредѣленнаго противника, въ предѣлахъ имѣемыхъ силъ, находящихся въ опредѣленныхъ мѣстныхъ условіяхъ, обладающихъ извѣстными качествами и т. п. И значитъ рѣшеніе будетъ заключать въ себѣ способъ и будетъ зависѣть отъ обстановки. Значитъ принципъ самъ по себѣ ничего не рѣшаетъ и рѣшать не можетъ. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ его званію — теоретическому положенію (стр. 70 и 76). Рѣшаетъ

тотъ, кто прилагаетъ принципъ къ дѣлу, къ опредѣленной обстановкѣ т. е. практикъ, а теорія ему даетъ принципъ какъ отправную точку для рѣшеній.

Теорія военной науки не ограничивается выводомъ только неизмѣнныхъ условій для успѣха—принциповъ.

Однако роль теоріи не должна ограничиваться только такими общими указаніями, столь широкими, что они пригодны для всякой обстановки. Она можетъ входить и въ детали, твердо держась лишь одного положенія—*ничего не рѣшать*, а только разъяснять (объяснять свойства) и давать отправныя точки для рѣшеній. Иначе она выйдетъ изъ своей области и стѣснитъ практика (творчество). Въ какія мелкія детали можетъ входить теорія и какую пользу она приноситъ этимъ практикѣ, было уже изложено выше (стр. 71—76).

Изслѣдовавши постоянный и неизмѣнный элементъ военныхъ явленій—духовную сторону человѣка—теорія дала *неизмѣнныя* отправныя точки для рѣшеній—принципы.

Правила.

Изслѣдуя любой элементъ обстановки, теорія даетъ отправныя точки пригодныя для рѣшеній *лишь въ тѣхъ предѣлахъ*, которые были приняты для этого элемента обстановки при изслѣдованіи. Эти отправныя точки принято называть, въ отличіе отъ принциповъ, *правилами*. Еще не приводя ни одного правила, можно уже впередъ сказать, что и правило не рецептъ, что оно тоже ничего не рѣшаетъ, такъ какъ на способъ приложенія его будутъ вліять всѣ остальные элементы обстановки, которые не были включены въ предѣлы изслѣдованія, въ результатѣ котораго получилось правило.

Правила—не рецепты.

Чтобы правило *рѣшало*, надо чтобы оно существовало для совершенно опредѣленной *полной* обстановки, и чтобы именно такая обстановка встрѣтилась на дѣлѣ. Но это очевидно невозможно, такъ какъ обстановка подобна человѣческому лицу—нельзя найти двухъ подобныхъ обстановокъ, какъ не существуетъ совершенно одинаковыхъ лицъ, хотя и есть много похожихъ.

Правила выражаютъ свойства обстановки.

Какъ принципы заключаютъ въ себѣ свойства духовной стороны человѣка, такъ правила заключаютъ въ себѣ свойства того или другого элемента обстановки.

Правила не обладаютъ свойствомъ неизмѣнности.

Правила уже не обладаютъ свойствомъ неизмѣнности. Напр. принципы тѣ-же и для сухопутной и для морской войны и останутся тѣ-же и для войны, когда она перейдетъ въ воздухъ. Правила-же для сухопутной и для морской войны могутъ быть совершенно различны, и могутъ быть тѣ-же только по стольку, по скольку въ извѣстныхъ своихъ областяхъ сходны между собою обстановки на сушѣ и на морѣ.

Откуда получаются правила.

Можно изслѣдовать различные элементы обстановки сами по себѣ, можно изслѣдовать нѣкоторыя опредѣленныя комбинаціи изъ элементовъ обстановки, можно изслѣдовать извѣстные способы приложеній принциповъ, можно изслѣдовать извѣстное человѣческое свойство по отношенію къ извѣстнымъ элементамъ обстановки. Все это будутъ изслѣдованія извѣстныхъ свойствъ, и въ результатѣ будутъ получаться *правила*.

Нормы.

Изъ этихъ правилъ можно выдѣлить отдѣльную группу *нормъ*. *Норма*—это теоретическое идеальное рѣшеніе извѣстнаго вопроса (*), вытекающее изъ изслѣдованія свойствъ извѣстнаго элемента военнаго явленія. Въ зависимости отъ обстановки рѣшеніе этого вопроса на практикѣ разнообразится. Значитъ и норма ничего на рѣшаетъ, напоминая лишь практику, что *нормально* этотъ вопросъ рѣшается такъ, и предоставляя ему самому вносить измѣненія сообразно обстановкѣ.

Нормы не рецепты.

Различіе между правилами и нормами трудно провести совершенно рѣзко.

Различіе между правилами и нормами.

Правила — это *указанія на способъ дѣйствій*, вытекающія изъ извѣстныхъ свойствъ элементовъ военныхъ явленій. Нормы — *порядокъ устройства* извѣстныхъ элементовъ военныхъ явленій, тоже вытекающій изъ ихъ свойствъ. Поэтому, въ зависимости отъ характера изслѣдованія свойства и объекта изслѣдованія, получаются то правила, то нормы.

Какъ правила, такъ и нормы измѣняются въ зависимости отъ обстановки и этимъ они отличаются отъ принциповъ, которые неизмѣнны. Лееръ приводитъ (**) опредѣленіе, данное

(*) Лееръ. Прикладная тактика. Стр. 29. Часть I.

(**) Методъ военныхъ наукъ, стр. 55.

принципу и правилу въ курсѣ тактики французской высшей военной школы: «*принципы* служатъ основаніемъ для концепціи, для соображенія; *правила* служатъ основой исполненія, примѣненія. Принципъ *твердъ*, правило должно быть *гибко* (Un principe est *rigide*, une régle doit être *souple*».

Теорія военной науки — это выводъ и объясненіе принциповъ, правилъ и нормъ.

Выводъ и объясненіе принциповъ, правилъ и нормъ посредствомъ изслѣдованія свойствъ элементовъ военныхъ явленій — это и составляетъ теорію военной науки. Въ этомъ и состоитъ выясненіе закономѣрности или неизмѣннаго порядка военныхъ явленій, т. е. вѣрнѣе выясненіе степени ихъ закономѣрности или неизмѣннаго порядка. Это та форма, въ которую выливается — изслѣдованный, обобщенный и сведенный въ систему опытъ всѣхъ предыдущихъ войнъ (см. стр. 50).

Примѣры нормъ.

Возьмемъ примѣры правилъ и нормъ. Для этого, взявши напр., какой нибудь принципъ, изслѣдуемъ его приложеніе въ какой либо обстановкѣ. Напр., принципъ *удобоуправляемости* (стр. 164) требуетъ между прочимъ, чтобы военная сила, подчиненная отдѣльному начальнику, была такова по численности и такъ раздѣлена, чтобы управленіе ею не превышало его силъ. Отвѣтъ на эти вопросы можетъ дать только практика. И вотъ одинъ изъ величайшихъ практиковъ, Наполеонъ говоритъ: «предѣлъ человѣческихъ способностей таковъ, что ни одинъ изъ генераловъ не можетъ управлять (непосредственно), на одномъ и томъ-же полѣ дѣйствій, болѣе чѣмъ *пятью* отдѣльными единицами». Справедливость этого положенія подтверждается на сухомъ пути всей военной исторіей, начиная съ древнихъ грековъ и римлянъ. «Вѣроятно-же есть *законная причина*» говоритъ Леёръ (*) «проводящая эту цифру 4 и 5 сквозь всю военную исторію? И не въ стремленіи-ли къ возможно полному примѣненію къ организаціи армій принципа *удобства управленія* заключается, прежде всего, эта причина? Это повтореніе изъ вѣка въ вѣкъ одного и того-же явленія можетъ-ли быть дѣломъ только одного каприза или слѣпого случая?».

(*) Прикладная тактика. Часть I, стр. 35.

Вотъ эта цифра — 4 — 5 отдѣльныхъ начальниковъ, съ которыми можетъ имѣть дѣло высшій начальникъ — *это предѣльная норма для сухопутной обстановки.*

Будетъ-ли она такова-же для морской обстановки — это вопросъ. Въ послѣднее время замѣтно стремленіе руководствоваться этой нормой и на морѣ (*) съ легкой руки нѣмцевъ (ихъ законъ о флотѣ 1898 г.). Но вѣрно-ли это? *Норма*-ли это, или простое подражаніе, все удобство котораго состоитъ въ томъ — и конечно удобство не малое, — что устанавливается въ организаціи морскихъ боевыхъ силъ извѣстный опредѣленной порядокъ. Историческаго основанія для такого порядка нѣтъ, и основанія, которыя приводятъ къ раздѣленію боевой силы на сушѣ и на морѣ, различны (**), а потому нельзя съ увѣренностью сказать, что они приведутъ къ тѣмъ-же результатамъ.

Наполеонъ говоритъ — «предѣлъ человѣческихъ способностей таковъ». Но вѣдь и на морѣ дѣйствуетъ человѣкъ. Значитъ предѣлъ способностей его не измѣняется, и значитъ какъ будто это свойство человѣка, какъ — таковое — приложимо ко всякой обстановкѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что это не основное, естественное качество духовной стороны человѣка, изъ котораго получается принципъ. Оно зависитъ отъ легкости и способа управленія т. е. отъ обстановки, а потому изслѣдованіе его даетъ не принципъ, а правило, или норму, которыя не имѣютъ свойства быть приложимыми ко всякой обстановкѣ.

Такимъ образомъ формула Наполеона для сухопутной обстановки — *норма*, а для морской — пока еще нѣтъ, — это только *предположеніе*.

Практика даетъ *нормы* для численности различныхъ тактическихъ организмовъ, дивизіи, полка, эскадры, числа броненосцевъ, крейсеровъ и миноносцевъ въ эскадрѣ и т. п.

Напр. изслѣдованіе вопроса о круговомъ дозорѣ (***) приводитъ къ заключенію, что достаточно 8 крейсеровъ, чтобы

(*) Черкасовъ 1-й. Элементарная и прикладная тактика. 1909 г. стр. 267—272.

(**) Подробное выясненіе этихъ различій и рискованность прилагать формулу Наполеона къ организаціи морскихъ силъ изложено въ моей книгѣ «Организація морской силы». Часть I-я, стр. 53—63.

(***) Черкасовъ. Элементарная и прикладная тактика.

установить вокругъ эскадры такой дозоръ на разстояніе 20 миль, т. е. на такомъ разстояніи, которое позволяетъ эскадрѣ приготовиться къ бою къ моменту сближенія съ противникомъ на боевую дистанцію.

Принимая во вниманіе, что такія суда, обладая очень незначительнымъ боевымъ значеніемъ, боевой силы эскадры не увеличиваютъ, и что круговой дозоръ требуется рѣдко, и въ обычныхъ случаяхъ дозора его дальность, при тѣхъ-же 8-ми крейсерахъ, увеличится до 35 миль, цитируемый авторъ приходитъ къ справедливому заключенію, что большаго числа крейсеровъ къ эскадрѣ придавать не слѣдуетъ.

Чтобы пользоваться правилами и нормами необходимо свободное творчество и знаніе теоріи.

Такимъ образомъ 8 крейсеровъ это *норма числа крейсеровъ при эскадрѣ при современной обстановкѣ. И такая норма* ни въ коемъ случѣ не рецептъ, и творчества не стѣсняетъ. Разъ начальникъ имѣетъ основанія предполагать, что непріятель не появится съ извѣстныхъ частей горизонта, онъ можетъ ограничиться употребленіемъ и меньшаго числа крейсеровъ для дозора. Разъ напр., обстановка такова, что его эскадрѣ требуется гораздо большее время на подготовку къ бою чѣмъ то, которое было принято при вышеприведенномъ разсчетѣ крейсеровъ, то онъ употребитъ различныя мѣры для увеличенія средствъ дозора. Но для всего этого онъ долженъ знать *условія, для которыхъ выведена норма*. Разъ эти условія ему неизвѣстны — норма для него, или обращается въ рецептъ — для извѣстнаго разряда людей, или теряетъ всякое значеніе. Такимъ образомъ, чтобы пользоваться правилами и нормами, необходимо свободное творчество и знаніе теоріи. Къ рецептурѣ-же приводитъ ограниченность и невѣжество.

Напр., если представить себѣ, что дозорными судами будутъ воздушные корабли, то быть можетъ норма съ восьми спустится до одного, и если ихъ будетъ больше, то ужъ совсѣмъ по другимъ причинамъ—напр. на случай выхода изъ строя т. е. для живучести средства, для употребленія такихъ кораблей и для другихъ какихъ нибудь цѣлей и т. п.

Такимъ образомъ норма—безъ условій, для которыхъ ее вывело изслѣдованіе свойства какого-либо элемента боевого

явленія—безсмыслица. Она въ этомъ случаѣ создаетъ и питаетъ рутину.

Также напр. боевой строй на сухомъ пути и на морѣ представляютъ изъ себя норму.

Образецъ разсужденій Леера, приводящій къ нормамъ.

Превосходный образецъ разсужденій посредствомъ которыхъ приходятъ на сухомъ пути къ *нормальнымъ боевымъ порядкамъ* — далъ Лееръ въ своей прикладной тактикѣ (Глава II). Каждый такой порядокъ имѣетъ смыслъ лишь для опредѣленнаго рода оружія, или для опредѣленныхъ комбинацій изъ различныхъ родовъ оружія и лишь при опредѣленныхъ особенностяхъ веденія боя, т. е. нормѣ постоянно сопутствуетъ условная обстановка.

При этомъ Лееръ тщательно оговариваетъ, «*что нормальный боевой порядокъ—допустимъ лишь какъ пріемъ теоретическаго изслѣдованія* вопроса о боевыхъ порядкахъ, но не какъ *практическій законъ* въ дѣлѣ ихъ примѣненія т. е. значеніе его лишь чисто *теоретическое*, но не *боевое*». Боевое значеніе придаетъ ему лишь творчество, приспособляя его къ особенностямъ обстановки. Но и тутъ теорія приходитъ ему на помощь, опять таки ничего не рѣшая, а лишь разъясняя.

Чтобы яснѣе представить себѣ работу теоріи въ ея помощи практику при пользованіи нормами, приведу перечень разсужденій Леера относящійся лишь къ нормѣ боевого порядка пѣхоты съ пѣшей артиллеріей.

Нормы боевого порядка пѣхоты съ пѣшей артиллеріей въ примѣненіи только: а) къ основнымъ боевымъ свойствамъ обоихъ родовъ войскъ и б) характеристическимъ особенностямъ современнаго (семидесятые года прошлаго столѣтія) наступательнаго боя. Нѣсколько нормъ такого порядка, отвѣчающія различнымъ зонамъ атаки.

Норма боевого порядка наиболѣе отвѣчающая требованіямъ обороны. Норма походнаго порядка.

Вслѣдъ за этимъ идетъ — вліяніе боевой обстановки на видоизмѣненіе приведенныхъ нормъ боевого порядка, которое разбивается на цѣлый рядъ разсужденій:

I. *Данная рода противника*: 1) непріятель, котораго главная сила въ огнѣ и 2) непріятель, котораго главная сила въ холодномъ оружіи (кавалерія). *Задача I.* Непріятель располагаетъ исключительно одной кавалеріей и мѣстность представляетъ обширную и совершенно открытую равнину. *Задача II.* Непріятель силенъ въ особенности въ кавалеріи, имѣетъ при себѣ артиллерію и поддерживается также пѣхотой. Приближеніе непріятельской кавалеріи замѣчено заблаговременно.

II. *Данная мѣстности.* Нѣсколько задачъ, уясняющихъ вліяніе мѣстности въ различныхъ ея видахъ на боевое расположеніе отряда (8 бат. 32 орудія и 2 эск.).

III. *Данная цѣли дѣйствій.* Задачи, уясняющія вліяніе этой данной на боевое расположеніе войскъ при цѣли: а) преслѣдованія опрокинутаго непріятеля (на мѣстности закрытой и открытой) и б) отступленія (преднамѣреннаго). IV. *Данная времени* (Задачи). V. *Данная случайностей.* (Задачи). VI. *Данная характера противника.* Вліяніе моральныхъ условій.

Теорія, посредствомъ правилъ нормъ и задачъ проникаетъ во всѣ детали по приложенію принциповъ на практикѣ.

Значитъ теорія, посредствомъ правилъ, нормъ и задачъ проникаетъ во всѣ детали по приложенію боевыхъ принциповъ на практикѣ, и все-таки *ничего не рѣшаетъ и нисколько не стѣсняетъ творчество.* Но только при одномъ условіи, которое часто забываютъ практики, пользуясь теоріей, хотя теорія тщательно ихъ остерегаетъ—это *при полномъ пониманіи, что это не рецепты для дѣйствій, а лишь средства для пониманія свойствъ обстановки*, лишь средства для развитія ума, лишь средства для развитія правильнаго военнаго пониманія.

Тотъ-же характеръ носятъ и нормы боевого строя на морѣ (*). Во времена гребныхъ флотовъ нормальнымъ боевымъ строемъ является строй фронта, у парусныхъ флотовъ—строй кильватера, у современныхъ—какъ тотъ, такъ и другой, а также и строй пеленга, причемъ выборъ ихъ за-

(*) Черкасовъ. Элементарная и прикладная тактика. Глава X-я.

виситъ отъ обстановки, и въ томъ-же бою строй можетъ мѣняться въ зависимости отъ дѣйствій противника и отъ тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдуются въ данный моментъ боя.

Примѣры правилъ.

Переходя къ принципу сосредоточенія силъ и изслѣдуя его приложеніе напр. въ столь различныхъ обстановкахъ, какъ на сухомъ пути и на морѣ, принципъ въ первомъ случаѣ приводитъ къ правилу — *врозь двигаться и вмѣстѣ драться*, а на морѣ — къ обратному правилу — *вмѣстѣ двигаться, чтобы вмѣстѣ драться.* Въ этихъ правилахъ выражаются свойства обстановки — опредѣленность и малая пропускная способность путей на сухомъ пути, и неограниченная пропускная способность воднаго пространства, которое почти все представляетъ изъ себя цѣликомъ пригодный для передвиженія путь.

Изслѣдуя, напр., принципъ сосредоточенія силъ, по отношенію, напр., непріятельскаго строя, получимъ *правило*—сосредотачивать силы именно противъ его фланговъ, но это лишь при условіи, что цѣль наша—сосредоточить силы противъ слабѣйшаго участка непріятельскаго строя, внѣ зависимости отъ его важности. Такимъ образомъ это правило выразитъ свойство слабости фланговъ строя. Но это правило ни въ коемъ случаѣ не рецептъ, если практикъ сознательно относится къ нему, если знаетъ при какихъ заданныхъ себѣ условіяхъ оно вытекло.

А потому, если, напр., флангъ строя—голова или хвостъ кильватерной колонны—усиленъ какими либо мѣрами, напр., на сухомъ пути—укрѣпленіями, или въ морѣ—напр., расположеніемъ берега или сосѣдствомъ какого либо отряда судовъ, то очевидно сосредоточеніе силъ должно быть направлено на другой участокъ.

Точно также, если организація непріятельскаго флота такова, что есть надежда, что онъ разсыпется самъ собою, если выбудетъ изъ строя адмиралъ, то очевидно выгодно направлять сосредоточеніе силъ противъ флагманскаго корабля или противъ того участка строя въ которомъ онъ находится. Напр. во времена Ушакова и Сенявина турки имѣли обыкно-

веніе ставить всѣ свои флагманскіе корабли вмѣстѣ, и настолько въ ихъ эскадрахъ не доставало органической связи, что они дрались лишь до тѣхъ поръ, пока дрались или были цѣлы ихъ адмиралы. Поэтому Ушаковъ и Сенявинъ всегда сосредотачивали превосходныя силы именно противъ турецкихъ адмираловъ, несмотря на то, что правило (Клеркъ) и вполнѣ цѣлесообразное, вытекавшее изъ обстановки боя парусныхъ флотовъ, указывало на выгоду во всѣхъ отношеніяхъ сосредотачивать свои силы на арріергардъ.

Идя дальше, въ приложеніи принципа сосредоточенія силъ, и примѣняя его къ современному эскадренному бою, приходятъ къ *правилу*—сосредоточеніе силъ—это есть сосредоточеніе артиллерійскаго огня. Это правило, какъ и всякое вообще, заключаетъ въ себѣ извѣстное свойство—преимущество артиллеріи передъ другими родами оружія въ эскадренномъ боѣ.

Примѣръ вывода нормы изъ правила.

Изслѣдуя приложеніе этого правила, въ смыслѣ рѣшенія вопроса—какое-же количество кораблей слѣдуетъ назначать для сосредоточенія огня по одной цѣли, приходятъ къ *нормѣ*—четыремъ кораблямъ (*).

Опять таки практикъ, пользующійся этой нормой долженъ помнить изъ какихъ условій она вытекла—изъ мнѣнія, что «четыре корабля (бригада) есть максимумъ того чѣмъ можетъ управлять одинъ человѣкъ, и что, если по одной цѣли будутъ одновременно стрѣлять двѣ или болѣе бригады, то онѣ будутъ мѣшать другъ другу пристрѣляться и мѣткость ихъ огня отъ этого значительно понизится».

И если организація силъ подъ его командой такова, что эти условія совершенно другія, или если обстановка боя такова, что необходима другая комбинація для сосредоточенія огня, то, если онъ не понимаетъ норму какъ рецептъ, она не стѣснитъ его творчества и онъ съумѣетъ видоизмѣнить норму сообразно обстоятельствамъ. Норма-же даетъ отправную точку для выбора рѣшенія.

Изслѣдуя примѣненіе принципа подставленія сильной стороны и уклоненія слабой напр., къ мичной атакѣ, мы для

(*) Черкасовъ. Элементарная и прикладная тактика, стр. 395.

миноносцевъ получимъ *правило*—атакуйте ночью, а для подводныхъ лодокъ—атакуйте днемъ, а для тѣхъ и другихъ—атакуйте непріятеля когда онъ стоитъ на якорѣ. Для большого корабля, атакованнаго на ходу, получимъ правило—обращайте къ атакующему корму.

Всѣ эти правила выражаютъ различныя свойства атакующаго и атакованнаго—невидимость миноносцевъ ночью, ихъ беззащитность противъ артиллеріи, невидимость подводныхъ лодокъ днемъ и слѣпоту ихъ ночью, и неуязвимость ихъ по отношенію къ артиллерійскому огню, малый процентъ попаданія минами по движущейся цѣли и т. п.

Изслѣдуя для той-же минной атаки вопросъ о числѣ минныхъ судовъ и подводныхъ лодокъ, необходимомъ] для вѣроятности успѣха, приходятъ къ *нормамъ* (*)—восьми миноносцамъ и тремъ подводнымъ лодкамъ, но опять таки съ точнымъ обозначеніемъ условной обстановки—атака въ первомъ случаѣ одного корабля уже раньше участвовавшаго въ бою (значитъ поврежденнаго), и позиціонный способъ атаки для подводныхъ лодокъ, т. е. ожиданіе непріятеля на опредѣленной позиціи.

Лееръ о принципахъ, правилахъ и нормахъ.

Въ высшихъ областяхъ военнаго искусства, по мнѣнію Леера (**), можно обойтись безъ правилъ и нормъ. Въ нихъ «для регулированія творчества вполнѣ достаточно однихъ *отвлеченныхъ* принциповъ, предполагая дѣятеля въ высшихъ сферахъ вполнѣ на высотѣ своего положенія, т. е. сильнымъ въ отвлеченной работѣ мысли и въ творчествѣ».

«Тѣмъ, которые не обладаютъ широко-развитымъ творчествомъ и не сильны въ сферѣ отвлеченнаго мышленія, которые такимъ образомъ еще больше нуждаются въ помощи, въ регулированіи теоріи, она и даетъ эту помощь въ *частныхъ* отправныхъ точкахъ, *правилахъ* и *нормахъ* уже въ болѣе осязательной, конкретной формѣ».

«Короче, въ то время, какъ люди высоко—талантливые нуждаются только въ помощи *отвлеченныхъ принциповъ* тео-

---

(*) Черкасовъ. Элементарная и прикладная тактика. Стр. 270—271.
(**) Методъ военныхъ наукъ. Стр. 58.

ріи (*), людямъ менѣе талантливымъ нужна еще дополнительная помощь теоріи въ видѣ *конкретныхъ правилъ и нормъ*.

Этимъ ближе всего и объясняется, почему высоко-талантливые люди обыкновенно высказываются противъ правилъ и нормъ, считая ихъ лишними и даже вредными. Они правы, отвергая ихъ *для себя*; для нихъ онѣ лишнія; но они неправы, отвергая ихъ *для всѣхъ*, менѣе талантливыхъ, для которыхъ онѣ являются необходимымъ подспорьемъ. Считать ихъ вредными потому, что нормы легко могутъ обратиться въ *шаблонъ*, это значитъ смѣшивать *норму по существу*, отдѣльно взятую, съ ея *злоупотребленіемъ*. Виновато-ли правило, если имъ неумѣло пользуются? Виновато-ли орудіе только потому, что въ неумѣлыхъ рукахъ оно приноситъ вредъ»?

«Слѣдуетъ-ли послѣ того уничтожить орудіе, или-же позаботиться о томъ, чтобы неумѣлыя руки сдѣлать умѣлыми? Смѣю думать, это послѣднее будетъ вѣрнѣе. Совершенно то-же, и обратно, относится къ тѣмъ, которые, не обладая синтетическимъ умомъ и способностью къ отвлеченному мышленію, вполнѣ искренно отрицаютъ существованіе принциповъ; *для нихъ* послѣдніе дѣйствительно не существуютъ».

«Но отсюда еще далеко не слѣдуетъ, чтобы принципы не существовали *вообще*».

И такъ принципы, правила и нормы, составляющіе теорію военной науки, надо усвоить такъ, чтобы они являлись, для практика не рецептами, а разумнымъ способомъ мышленія о военныхъ явленіяхъ, способнымъ примѣняться къ любой обстановкѣ.

Это дѣло метода изученія науки.

Конецъ 1-й части.

(*) Они приходятъ сами къ правиламъ и нормамъ для каждаго частнаго случая помощью своего таланта. Н. К.

San Diego, U. S. A.

Введеніе въ курсъ исторіи военно-морского искусства.

Цѣль и методъ изученія и преподаванія исторіи военно-морского искусства.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА IV.

Методъ разработки и пріобрѣтенія военныхъ знаній *).

„Я предпочитаю голову хорошо развитую головѣ хорошо наполненной".
Монтень.

„Внимай рѣчамъ ученаго человѣка съ великимъ вниманіемъ, хотя-бы дѣла его не соотвѣтствовали его ученію. Человѣкъ долженъ поучаться хотя-бы поученіе было написано на стѣнѣ". *„Голистанъ" Саади.*

Два рода знанія.

Спенсеръ опредѣляетъ два рода знанія—одно можетъ накопляться въ нашемъ мозгу въ видѣ умственнаго жира, другое—обращается въ умственныя мышцы. Первое только отягчаетъ мозгъ, второе—его развиваетъ и увеличиваетъ его способность къ работѣ. Матеріалъ для того и другого знанія можетъ быть тотъ-же и даже въ томъ-же количествѣ. Разница будетъ лишь въ способѣ усвоенія.

Тутъ является полная аналогія съ физической пищей. Одно и тоже количество одинаковой пищи можетъ совершенно различно воспрниматься людьми. Если только принимать пищу, да еще въ излишнемъ количествѣ, и не работать, чтобы она могла быть усвоена всѣми рабочими органами человѣка, то она отложится въ видѣ жира, который отягчаетъ, затрудняетъ работу,

*) Изложено по „Методу военныхъ наукъ" Лесра.

Биб Мор. Ак. Р. К. К. Ф.

атрофируетъ рабочіе органы и вообще приноситъ вредъ. Если-же ту-же пищу посредствомъ работы переводить въ рабочіе органы, она ихъ поддерживаетъ, развиваетъ и дѣлаетъ способными къ работѣ все увеличивающейся по своей производительности. Значитъ огромную важность играетъ способъ, путь усвоенія, какъ физической, такъ и духовной жизни.

Методъ важнѣе самого ученія.

Методъ, въ переводѣ съ греческаго, значитъ дорога. Вотъ въ смыслѣ важности по результатамъ дороги, принятой для усвоенія знаній и для изслѣдованій, надо понимать выраженіе Конта — „повсюду методъ важнѣе самого ученія, доктрины". Очень образно и горячо говоритъ по этому поводу Лессингъ*): „Не истина, которою обладаетъ человѣкъ, или которою онъ предполагаетъ обладать, но тотъ искренній трудъ, который имъ былъ употребленъ для того, чтобы дойти до истины, опредѣляетъ цѣну человѣка; потому что не вслѣдствіе обладанія истиной, а вслѣдствіе стремленія къ раскрытію ея, развиваются его силы, въ чемъ собственно и заключается его все болѣе и болѣе развивающееся совершенство. Обладаніе дѣлаетъ спокойнымъ, лѣнивымъ и гордымъ. Если-бы Богъ держалъ истину въ правой рукѣ, а въ лѣвой путь къ ней и сказалъ-бы: на, выбирай! Я принялъ-бы къ его лѣвой рукѣ и сказалъ-бы: „Господи! чистая истина пригодна только для Тебя и выбралъ-бы путь къ ней".

„Только истинный *методъ* ведетъ твердымъ путемъ черезъ лѣса опыта къ свѣту закона" говоритъ Беконъ. „Успѣхи всякой науки зависятъ болѣе отъ того *плана*, по которому она разрабатывается, чѣмъ отъ дѣйствительнаго умѣнья лицъ, занимающихся ею" говоритъ Бокль**) „Разъ какъ указанъ истинный путь изслѣдованія, остальное уже сравнительно легко. Торный путь открытъ во всякое время, и трудность не въ томъ, чтобы найти охотниковъ путешествовать по старой дорогѣ, а пріискать такихъ, которые проложили-бы новую".

*) Слова Конта и Лессинга цитируются по Лесеру „Методъ военныхъ наукъ". Предисловіе.

**) Цитируется по Лесеру. „Коренные вопросы" стр. 20.

Инициатива это мученичество.

И не легко найти такихъ охотниковъ не только потому, что таковые рѣдки по своимъ способностямъ къ проложенію новыхъ путей, но и потому, что инициатива и поиски за истиной требуютъ подвижничества и люди знаютъ это по опыту. И совершенно вѣрно Леерь, приступая къ своей преподавательской и авторской исповѣди и къ оправданію того, что было имъ сдѣлано по занимаемой имъ кафедрѣ за 39 лѣтъ, поставилъ эпиграфомъ къ этой исповѣди*) выраженіе Прудона: „Инициатива—это мученичество, а истина такой кинжалъ, который прежде всего убиваетъ того, кто его пускаетъ въ ходъ".

Это изслѣдованіе—простое подражаніе Лееру.

Въ настоящей работѣ нѣтъ вопроса о нахожденіи какого либо новаго пути. Послѣ классическихъ трудовъ Леера методъ военныхъ наукъ совершенно опредѣлился. Остается только ему слѣдовать и убѣждать другихъ въ его истинности, и на сколько хватитъ умѣнья—развивать его въ деталяхъ. Не слѣдуетъ смущаться и чувствомъ сознаваемаго безсилія самому правильно примѣнять рекомендуемый методъ. Развѣ мы не оказываемъ услугу другому, если мы ему указываемъ дорогу къ тому мѣсту куда онъ идетъ, хотя сами не въ состояніи проводить его до этого мѣста? „Иногда бываетъ небезполезно *указать на самый путь*, по которому слѣдуетъ идти, если даже мы сами и не приготовлены идти по немъ" говоритъ Джонъ Стюартъ Милль**). И степень пользы не мѣняется и тогда, когда указаніе, какъ это имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ, дѣлается съ чужихъ словъ. Цѣнность истины въ ней самой, а не въ томъ источникѣ откуда она вышла***). Это положеніе непремѣнно надо себѣ

*) „Коренные вопросы". 1897 г.

**) Цитирую по Лееру. „Методъ военныхъ наукъ". Предисловіе.

***) Провозглашающій истину человѣкъ очень часто не способенъ ей слѣдовать, но отъ этого она все таки не перестаетъ быть истиной. Чтобы привести наиболѣе рѣзкій примѣръ, укажу, что военные писатели и ораторы могутъ напр. указывать на важное значеніе въ бою личнаго, а въ мирное время—гражданскаго мужества, но сами быть можетъ совершенно не способны его проявлять. Но и истинность такого указанія отнюдь этимъ не опровергается. Извѣстенъ напр. фактъ (*Eloc. mil. trad. de Bourcanu. p. 35*, цит. по Компсано „Опытъ военной психологіи"), что Демосфенъ, осуждавшій афинянъ за то что они были вовлечены въ бой и обезоружены, былъ однимъ изъ самыхъ поспѣшныхъ бѣглецовъ въ битвѣ при Херонеѣ

усвоить всякому, который дѣйствительно ищетъ истину и стремится ее познать. Безпристрастіе и обузданіе своихъ личныхъ чувствъ и впечатлѣній—необходимое для этого условіе. Лееръ также не изобрѣлъ какого нибудь новаго метода—заслуга его и притомъ огромная—состоитъ въ томъ, что онъ къ изслѣдованію военныхъ явленій примѣнилъ *истинно-научный* методъ и кромѣ того и показалъ—какъ его примѣнить къ дѣлу *). На сколько это удастся мнѣ, покажетъ будущее—курсъ исторіи военно-морского искусства, къ которому настоящая работа и служитъ введеніемъ. И первый шагъ къ тому, чтобы мнѣ это удалось, я дѣлаю тѣмъ, что заимствую у Леера имъ уже съ успѣхомъ примѣненный методъ. Именно вѣрный методъ долженъ меня удержать отъ ошибокъ, замѣнить умѣнье, какъ это говоритъ Бокль, и провести черезъ лѣсъ опыта (фактическую часть военно-морской исторіи) къ свѣту закона. Именно вѣрный методъ долженъ привести къ тому, чтобы принципы, правила и нормы т. е. теорія науки, не отягчала мозгъ въ видѣ умственнаго жира.

и, внѣ себя отъ страха, кричалъ чертополоху, зацѣпившемуся за его платье: „пощади!". И конечно Демосфенъ подлежитъ осужденію за свое малодушіе, но тѣмъ не менѣе онъ провозглашалъ истину, когда указывалъ своимъ согражданамъ на причину ихъ пораженія. Мы не знаемъ подробностей этого факта, но предположимъ, что онъ происходилъ такъ: афиняне, и вмѣстѣ съ ними Демосфенъ, пали духомъ въ бою, обратились въ бѣгство, и изъ за этого проиграли бой. Но вполнѣ возможно, что послѣ этого нашлись такіе, которые приписывали проигрышъ боя худшему чѣмъ у противника оружію, другіе могли приписать это неудобной мѣстности, третьи—ошибкамъ начальниковъ, четвертые — несчастной случайности и т. п... Но если Демосфенъ, хотя онъ и бѣжалъ вмѣстѣ съ другими, благодаря болѣе способному къ проникновенію въ суть дѣла своему уму, или способности къ большей искренности, видѣлъ, что настоящая причина лежитъ все таки въ паденіи духа, или напр. въ отсутствіи военнаго искусства со стороны афинянъ, то ему естественно было указать это своимъ согражданамъ. Онъ могъ даже говорить такъ: мнѣ недоступно военное искусство, мнѣ недоступно мужество, я признаю себя негоднымъ для боя, но вы—если вы хотите побѣдить, будьте искусны и будьте мужественны—иначе не побѣдите. И имъ, надо было умѣть этому повѣрить, сколь-бы они не осуждали Демосфена за его личныя качества. Какъ говоритъ знаменитый персидскій поэтъ и мудрецъ—Саади, въ своемъ не менѣе знаменитомъ сочиненіи „Голистанъ"—„Внимай рѣчамъ ученаго человѣка съ величайшимъ вниманіемъ, хотя-бы дѣла его не соотвѣтствовали его ученію. Человѣкъ долженъ поучаться, хотя-бы поученіе было написано на стѣнѣ".

*) „Попыткою выйти на этотъ путь (примѣнить научный методъ) служатъ составленные мною курсы тактики (прикладная тактика, 1877 г.) и стратегіи (4-е и 5-е изданія)". Лееръ. Предисловіе къ Методу военныхъ наукъ.

а сдѣлалась-бы способомъ мышленія о военныхъ явленіяхъ, превратилась-бы въ умственныя мышцы, способныя съ помощью опыта примѣнить выводы теоріи къ любой обстановкѣ (см. Ч. I. стр. 195).

Цѣль всякой науки при ея изученіи—найти истину или по крайней мѣрѣ подойти къ истинѣ на сколько возможно больше. Цѣль преподаванія науки—истину или имѣющееся въ наукѣ приближеніе къ истинѣ перевести *въ способъ мышленія* другихъ. Для этого эти другіе должны получить внутреннее убѣжденіе въ томъ, что то, что имъ преподается, есть дѣйствительно истина или посильное къ ней приближеніе и значитъ это должно имъ быть тѣмъ или инымъ способомъ доказано, и если это по какимъ либо причинамъ, не возможно—то внушено, какъ внушается вѣра. Безъ внутренняго убѣжденія въ истинности истины,—внѣ зависимости отъ способа посредствомъ котораго это убѣжденіе получено—истина не будетъ примѣнена къ дѣлу, такъ какъ не войдетъ въ способъ мышленія, а *приказать* всего нельзя и приказъ еще не обезпечиваетъ цѣлесообразнаго, разумнаго исполненія.

Цѣль изученія и преподаванія науки.

Безъ внутренняго убѣжденія нѣтъ приложенія истины къ дѣлу.

Главнымъ препятствіемъ къ изученію и преподаванію соціальныхъ наукъ въ вышеуказанномъ смыслѣ, служитъ ихъ огромная сложность. Въ соціальныхъ явленіяхъ, къ которымъ принадлежатъ и военныя явленія, смѣшано и оказываютъ вліяніе такъ много различныхъ элементовъ, изъ которыхъ даже не всѣ могутъ быть извѣстны, притомъ эти элементы иногда такъ неопредѣленны, и такъ трудно поддаются изслѣдованію, что, съ перваго взгляда и сами явленія кажутся какъ-бы результатомъ случайности.

Но остановиться на такомъ заключеніи значилобы признать, что нѣтъ вообще соціальныхъ и въ частности военныхъ наукъ. Контъ не признаетъ совсѣмъ случая и называетъ случай богомъ невѣждъ. „Для невѣждъ“ говоритъ Лесеръ*) „все есть дѣло случая. Для того, кто способенъ найти причину явленія, нѣтъ случая; тотъ кто видитъ вездѣ случай, для того причины не существуетъ“.

Случай богъ невѣждъ.

*) Методъ военныхъ наукъ. Стр. 18.

При разсматриваніи единичнаго явленія причину его раскрыть очень трудно. Но если сопоставить нѣсколько однородныхъ явленій, то при всемъ своемъ отличіи, они представятъ и сходства, и вотъ если эти сходства выдѣлить, то болѣе или менѣе ясно проявляется и какая-то общая причина, производящая эти явленія, и тѣ причины, которыя дѣлаютъ явленія отличными другъ отъ друга. Чтобы произвести такую работу, надо умѣть расчленять сложныя явленія на элементы, надо умѣть изслѣдовать сущность каждаго элемента въ отдѣльности, и надо умѣть отъ проявленій той или другой стороны этой сущности восходить къ причинамъ этихъ проявленій. Военное явленіе — это результатъ многихъ взаимно переплетающихся причинъ, и надо умѣть выяснить, какое дѣйствіе принадлежитъ той или другой причинѣ. Къ этому и ведутъ научные пріемы логическаго мышленія. Они сводятся: 1) къ *классификаціи* изслѣдуемаго матеріала или явленія т. е. къ его разнятію на части; 2) къ *изслѣдованію, уединенію* его отъ окружающей среды, въ видахъ облегченія объясненія его сущности, и 3) къ *примѣненію правильныхъ путей научнаго изслѣдованія:* анализа (индукціи), синтезиса (дедукціи) и аналогіи, каждаго порознь или, что еще лучше, всѣхъ трехъ послѣдовательно.

Научные пріемы логическаго мышленія.

Чего надо въ особенности опасаться при изученіи и изложеніи соціальныхъ явленій — это вліянія діалектики. Напр. въ математикѣ опасаться этого нечего. Никакая діалектика, сколь-бы ни была она блестяща, ничего не можетъ доказать въ математикѣ. Здѣсь нужно знаніе и безъ знанія діалектика ничто. Здѣсь всѣ элементы явленій такъ опредѣленны и такъ опредѣленно связаны между собой, такъ строго логично должны вытекать одно изъ другого звенья цѣпи доказательствъ, что напустить вольный или невольный туманъ тутъ нельзя. Ошибочное звено немедленно будетъ обнаружено. Никакіе софизмы здѣсь немыслимы, и если существуютъ такъ называемые „математическіе софизмы", то это просто своего рода фокусы, разсчитанные на то, что тотъ которому ихъ показываютъ, не

Опасность діалектики въ военныхъ наукахъ.

замѣтить завѣдомо ошибочнаго и самого по себѣ совершенно яснаго въ его ошибочности положенія. Такъ напр. въ математикѣ доказываютъ, что $1 = 2$, но и тутъ, хотя-бы и не было замѣчено ошибочное звено въ дѣлѣ доказательствъ, самый результатъ очевидно невѣрный, и показываетъ, что какая-то невѣрность допущена и въ доказательствѣ.

Въ изученіи и изложеніи соціальныхъ явленій это не такъ. Тамъ, благодаря сложности явленій, неопредѣленности отношеній между ихъ элементами и степени вліянія каждаго изъ нихъ на характеръ явленія, можно краснорѣчіемъ прикрыть и незнаніе и недобросовѣстность, и провести невѣрную мысль, хотя-бы и искренно исповѣдуемую. Можно самому запутаться въ логическихъ построеніяхъ, не имѣя опредѣленнаго критеріума для повѣрки каждаго звена этихъ разсужденій.

Лучшее предупрежденіе опасныхъ послѣдствій діалектики—правильный методъ изслѣдованія.

Вотъ здѣсь и будетъ главнымъ регуляторомъ цѣлесообразности разсужденій—методъ, по которому они построены. За цѣнность выводовъ будетъ здѣсь ручаться не безусловная ясность и точность проведенныхъ черезъ ходъ доказательствъ опредѣленныхъ соотношеній, а довѣріе къ тому, что тотъ, кто доказываетъ обезпечилъ себя отъ возможности уклониться въ сторону или ввести въ разсужденіе несоотвѣтствующій или затемняющій дѣло элементъ. Здѣсь довѣріе не къ сущности, а къ инструменту для добыванія этой сущности. Въ математикѣ, желая удостовѣриться въ правильности вывода, надо только прослѣдить—соотвѣтствуютъ-ли манипуляціи, произведенныя надъ данными величинами, уже извѣстнымъ соотношеніямъ между величинами вообще. Въ физическомъ опытѣ, произведенномъ хотя-бы съ простымъ тѣломъ, надо провѣрить не вліяла-ли,—а если вліяла, то какъ,—на результатъ та среда, въ которой производился опытъ, напр. воздухъ, и довѣріе къ результату опыта въ значительной степени будетъ зависѣть отъ довѣрія къ правильности устройства тѣхъ инструментовъ, посредствомъ которыхъ производился опытъ и къ умѣнью обращаться съ этими инструментами лицъ производив-

нихъ опытъ, такъ какъ сущность того, что происходитъ въ испытуемомъ тѣлѣ ускользаетъ отъ непосредственнаго наблюденія.

Еще больше довѣрія къ правильности метода (прибора) и къ правильному логическому мышленію (умѣнью обращаться съ приборомъ) требуется для того, чтобы увѣровать въ правильность результата, вытекающаго изъ разсужденій о какомъ либо соціальномъ явленіи, гдѣ та внутренняя работа, которая строитъ результатъ изъ взаимноотношеній и вліяній другъ на друга элементовъ, еще болѣе скрыта отъ глазъ наблюдателя и того, котораго убѣждаютъ въ истинности причинъ извѣстнаго результата.

Классификація.

Классификація—разложеніе сложнаго на простое это начало методичности. Безъ классификаціи совершенно нельзя и приступить къ разсматриванію такихъ сложныхъ явленій, какъ военныя. Нельзя сразу взяться за изслѣдованіе всѣхъ явленій составляющихъ войну. Нельзя сразу всѣ ихъ наблюдать, нельзя придти ни къ какимъ выводамъ вообще о войнѣ.

Классификація основывается на основномъ законѣ логики—на *соединеніи сходнаго, однороднаго* и на *разъединеніи разнороднаго*. Этимъ путемъ она приводитъ къ *уясненію* дѣла. Обратный пріемъ *скученности* приводитъ къ обратному, къ скученности понятій, къ путаницѣ въ нихъ. Это—пріемъ всякаго рода софистовъ, стремящихся къ искаженію истины.

Невыгодная сторона пріема классификаціи состоитъ въ томъ, что приходится раздѣлять и разграничивать то, что въ природѣ органически связано между собою, что во всякомъ случаѣ не имѣетъ строго очерченныхъ границъ, и незамѣтно переливается другъ въ друга. Но вѣдь задача классификаціи временная, подобно лѣсамъ при постройкѣ зданія, посредствомъ которыхъ зданіе отдѣлывается по частямъ. Когда зданіе готово, лѣса снимаются; когда изслѣдованіе вопроса по частямъ окончено, временныя клѣтки должны исчезнуть сами собой. Но, чтобы эти части послѣ изслѣдованія могли быть легко соединены въ одно цѣлое, надо чтобы одна часть по возможности меньше за-

хватывала область другой, т. е. чтобы раздѣленіе на части было возможно проще, естественнѣе — иначе они плохо придутся другъ къ другу — не составятъ гармоническаго цѣлаго. Если на фасадѣ дома при отдѣлкѣ точно не разграничать по характеру отдѣлки фундаментъ отъ стѣны, и послѣднюю отъ колоннъ и т. п., тогда какъ на планѣ способы отдѣлки различные, то по снятіи лѣсовъ получится архитектурное безобразіе. Таковой-же результатъ получится при неправильной и неестественной классификаціи, когда придется сопоставить вмѣстѣ то, о чемъ по неволѣ, изъ за невозможности говорить о всемъ заразъ, пришлось говорить послѣдовательно.

Приложеніе пріема классификаціи къ военнымъ наукамъ.

Раздѣленіе военныхъ наукъ на стратегію, тактику, военную исторію, военную организацію и различные техническіе отдѣлы военныхъ знаній это начало классификаціи при изслѣдованіи военныхъ явленій, и раздѣленіе это вполнѣ естественное (см. ч. I. стр. 33—39). Каждая изъ этихъ наукъ раздѣляется на теоретическій отдѣлъ и прикладной (см. ч. I. стр. 45 и дальше).

Въ свою очередь напр. тактика естественно раздѣляется на сухопутную и морскую, т. е. по рѣзко различающейся обстановкѣ. Но разобравъ отдѣльно свойства и предметы возможностей напр. для пѣхоты и для линейнаго корабля, легко ихъ соединить для совмѣстныхъ дѣйствій, распредѣливъ совершенно правильно между ними работу, на основаніи точнаго знанія, какая каждому изъ нихъ нужна обстановка и чего отъ каждаго изъ нихъ можно требовать. Но если соединить въ одно — изслѣдованіе свойствъ пѣхоты съ изслѣдованіемъ свойствъ корабля, т. е. если допустить неестественную классификацію, то очевидно кромѣ хаоса ничего не получится.

Точно также, изслѣдуя въ морской тактикѣ напр. вопросъ объ эскадренномъ боѣ, хотя въ немъ и могутъ участвовать всѣ средства морского боя и всѣ типы судовъ, нельзя его изслѣдовать сразу, а необходимо сначала отдѣльно изслѣдовать вопросы о дѣйствіи артиллеріи, о дѣйствіи минами, объ удобоуправляемости кораблемъ и эскадрой, о типахъ кораблей и т. п...

потому-что иначе въ каждомъ заключеніи мы будемъ путаться. Напр. артиллерія допускаетъ одну дистанцію боя, а мины другую, при бо́ѣ линейнаго корабля съ крейсеромъ одному нужна одна дистанція, а другому другая, при минной атакѣ большому кораблю надо показывать миноносцу корму, а послѣднему надо пройти мимо перваго контръ-курсомъ и т. д...

Когда-же свойства каждаго элемента будутъ изслѣдованы въ отдѣльности, тогда можно разобраться въ томъ, какой изъ нихъ и какое вліяніе оказываетъ на военное явленіе, происходящее при наличіи комбинаціи изъ этихъ элементовъ.

Наиболѣе обычная форма классификаціи при преподаваніи отдѣльной науки — это такъ называемая программа предмета, въ сочиненіи — раздѣленіе на части, главы, параграфы и т. п... представленное въ оглавленіи. Программа, оглавленіе — это скелетъ предмета изслѣдованія, кругомъ котораго соотвѣтственнымъ образомъ наростаетъ ткань разсужденій, сопоставленій, выводовъ, и все это оживляется, какъ въ тѣлѣ кровью, циркулирующей по всему предмету или сочиненію живою мыслью, логикой, исходящихъ и вновь возвращающихся къ опредѣленному центру, заключающему въ себѣ основу, цѣль предмета и тѣ неизмѣнныя основныя условія (въ военномъ дѣлѣ принципы), которыя ведутъ къ этой цѣли.

Изолированіе.

За классификаціей идетъ такъ называемый пріемъ *изолированія*. Для примѣненія этого пріема и производится классификація. Изолированіе заключается въ томъ, что желая изучить какое либо свойство извѣстнаго элемента, считаютъ временно, пока продолжается изолированіе, что элементъ только и обладаетъ этимъ однимъ свойствомъ. Это приходится дѣлать потому, что каждый элементъ обладаетъ различными свойствами, обыкновенно противорѣчащими другъ другу, и другъ на друга вліяющими, и если изслѣдовать какое либо свойство, не отдѣливши его отъ другихъ, оно можетъ не выказать всей своей истинной сущности, и оказаться такимъ, какимъ оно проявляется подъ вліяніемъ другихъ свойствъ. А тогда изслѣдованіе не дастъ полнаго

результата при пользованіи этимъ свойствомъ на практикѣ, для чего собственно только и производится изолированіе. Потому—то для приложенія къ практикѣ надо знать свойство въ чистомъ видѣ, чтобы умѣть сочетать его съ другими и съ различными комбинаціями обстановки. Для этого-же, при изслѣдованіи свойствъ элемента, его обыкновенно изолируютъ отъ вліянія обстановки, которая, вслѣдствіе своего разнообразія, видоизмѣняетъ видимое проявленіе этихъ свойствъ, то въ ту, то въ другую сторону. Такой пріемъ постоянно примѣняется напр. въ естественныхъ наукахъ. Чтобы изслѣдовать свойство какого нибудь тѣла, хотя-бы оно въ природѣ не встрѣчалось въ чистомъ видѣ, и не употреблялось въ чистомъ видѣ для дѣла, его все таки химическимъ путемъ отдѣляютъ отъ всѣхъ примѣсей и опредѣляютъ его свойства, также отдѣльно изучаютъ свойства примѣсей, а затѣмъ на практикѣ употребляютъ наивыгодѣйшее ихъ соединеніе, основанное на знаніи ихъ основныхъ свойствъ, и вліянія свойствъ одного на свойства другого. Доходятъ до того, что помѣщаютъ испытуемое тѣло въ безвоздушное пространство, чтобы изслѣдовать его свойства, хотя, ни въ природѣ, ни при пользованіи свойствами этого тѣла на практикѣ, никогда въ безвоздушномъ пространствѣ оно не будетъ. Въ естественныхъ наукахъ можно на дѣлѣ выдѣлить одно тѣло отъ соединенія съ другими, или помѣстить его въ безвоздушное пространство, въ соціальныхъ-же явленіяхъ всѣ элементы и ихъ свойства нераздѣлимы по желанію изслѣдователя, и изолированіе можно производить только *мысленно*, лишь *считая*, что другіе элементы и свойства не существуютъ.

Примѣненіе пріема изолированія къ военнымъ наукамъ.

Напр. изслѣдуя способъ маневрированія корабля въ бою, въ которомъ могутъ быть пущены въ ходъ артиллерія, мины, а въ крайности и таранъ, слѣдуетъ сначала изслѣдовать маневрированіе корабля, считая, что онъ вооруженъ одной только артиллеріей, потомъ принять, что единственное его оружіе мины, и наконецъ,—только таранъ. Какъ дистанціи, такъ и способы маневрированія окажутся совершенно разными и

противорѣчащими другъ другу, но когда ихъ свойства совершенно точно извѣстны, когда ихъ можно уже сравнивать другъ съ другомъ, то послѣ того, жертвуя менѣе важнымъ, и выдвигая впередъ болѣе важное, является то или другое комбинаціонное рѣшеніе, въ зависимости отъ цѣли и обстановки, напр. для различныхъ фазъ боя.

Въ военномъ дѣлѣ вообще, въ той его области, которая занимается не самимъ человѣкомъ, а различными приложеніями техники къ военному дѣлу, пріемъ изолированія имѣетъ обширное примѣненіе. Вѣдь пріемъ изолированія напр. въ естественныхъ наукахъ, это и есть „опытъ", понятіе о которомъ можно опредѣлить, какъ выдѣленіе одного основного свойства явленія и изолированія его искусственнымъ путемъ отъ воздѣйствія среды и соприкасающихся съ нимъ другихъ самостоятельныхъ явленій. Таковые „опыты" въ техникѣ морского дѣла могутъ имѣть огромное значеніе и много могутъ сохранить денегъ и жизней во время войны. „Опыты" эти могутъ даже выйти за предѣлы чистой техники, въ умѣло поставленныхъ маневрахъ. Но значеніе такихъ „опытовъ" сознается далеко не всѣми одинаково, и часто жалѣютъ „деньги" на такіе опыты, упуская изъ виду ту огромную экономію въ деньгахъ, людяхъ и вліяніе ихъ на результаты, которые они даютъ на войнѣ. Развѣ напр. не стоило затратить огромные деньги на опыты съ нашими снарядами до войны, разстрѣлявши напр. одинъ изъ броненосцевъ, чтобы имѣть такіе-же снаряды, которые въ это время имѣли англичане, и которые отъ нихъ заимствовали японцы.

Условность частныхъ выводовъ.

Въ результатѣ, изслѣдованіе изолированной части, дастъ извѣстный выводъ, но конечно вѣрный только при томъ условіи, при которомъ онъ полученъ, т. е. при томъ или иномъ условіи, которое пришлось принять для изолированія. Поэтому можно придти къ полному абсурду, распространяя *частный* выводъ внѣ предѣла принятыхъ условій. И вотъ въ этомъ-то чаще всего и грѣшатъ нѣкоторые теоретики, увлекаясь результатами своихъ изслѣдованій, но забывая, что ими обслѣ-

дованы не *всѣ* стороны явленія, а часто въ этомъ грѣшны и практики, воспринимая выводы теоріи какъ рецепты, безъ изученія самой теоріи, т. е. безъ знанія, какимъ путемъ теорія пришла къ тому или иному выводу (рутина). „Полученные такимъ путемъ, говоритъ Леоръ*)" выводы изъ *односторонняго* источника будутъ *безусловно* справедливы, какъ *частные* выводы, опредѣляющіе неизмѣнные свойства того или другого элемента, но будутъ крайне ложны въ смыслѣ безусловныхъ *общихъ* выводовъ. Въ нихъ они могутъ входить только какъ *условные* выводы, какъ входящіе въ нихъ съ извѣстными взаимными уступками. Различныя точки зрѣнія (элементы), по природѣ своей, противорѣчатъ одна другой, одна другую исключаютъ; такъ въ теоріи, но на дѣлѣ, гдѣ онѣ всегда встрѣчаются не иначе, какъ въ соединеніи между собой, онѣ взаимно уравновѣшиваются въ своихъ послѣдствіяхъ, *нейтрализуютъ* одна другую. Польза отдѣльнаго, изолированнаго ихъ изученія заключается въ томъ, что, узнавъ въ *чистой теоріи безусловныя* свойства ихъ, легче уже на *практикѣ*, въ жизни, заключать объ ихъ *условныхъ* послѣдствіяхъ, изъ которыхъ слагается вся жизненная дѣятельность. Итакъ, какъ *пріемъ* научнаго изслѣдованія, изолированіе, разъединеніе, односторонность весьма полезны и неизбѣжно необходимы; но самопроизвольно возводить эти частные выводы въ общіе и видѣть въ томъ, что составляетъ только *пріемъ* научнаго изслѣдованія, *все дѣло*, всю сущность сложнаго явленія, — вотъ что ложно".

Пренебреженіе пріемомъ изолированія часто приводитъ къ ложнымъ заключеніямъ, а потому пріемъ изолированія преднамѣренно избѣгается тѣми, которые стремятся затемнить дѣло, чтобы провести ту или иную мысль. Послѣдствія пренебреженія пріемомъ изолированія.

Это напр. довольно часто бросается въ глаза при вѣчномъ спорѣ между собою сторонниковъ различныхъ типовъ судовъ, изъ которыхъ долженъ состоять флотъ. Флотъ нуженъ для войны, для достиженія извѣстныхъ

*) Методъ военныхъ наукъ. Стр. 7—8—10.

цѣлей, а потому достоинства различныхъ типовъ исключительно зависятъ отъ способности ихъ къ достиженію этихъ цѣлей. Между тѣмъ сплошь и рядомъ не изолируютъ качества типовъ отъ ихъ денежной стоимости, которая не играетъ никакой роли въ боевомъ состязаніи, и въ результатѣ часто приходятъ къ губительному выводу—качествомъ поплоше, да цѣною подешевле.

Конечно денежная цѣнность боевыхъ средствъ вещь очень важная, но надо ее вводить лишь послѣ того, какъ совершенно точно изслѣдована боевая цѣнность этихъ средствъ, чтобы ясно можно было сознавать—что именно получаешь въ руки, и если изъ за бѣдности получаешь худшее, то и знать это совершенно точно, и сообразно этому и дѣйствовать. Тогда возможенъ столь важный на войнѣ разсчетъ, и невозможенъ азартъ и самомнѣніе, приводящіе обыкновенно къ катастрофамъ.

Способы научнаго изслѣдованія.

Самый способъ изслѣдованія, извѣстнымъ образомъ изолированнаго отдѣла или элемента, можетъ быть троякій—дедуктивный, индуктивный и аналогическій, или вѣрнѣе—двоякій—дедуктивный и индуктивный, такъ какъ послѣдній собственно неизмѣнно связанъ съ аналогическимъ.

Дедукція.

*Дедукція**) — это терминъ современной логики, обозначающій выведеніе (отъ *deducere*—выводить) одной мысли изъ другой, дѣлаемое на основаніи логическихъ законовъ. Въ составъ каждаго процесса дедукціи входятъ слѣдующіе элементы: положеніе, изъ котораго дѣлается выводъ и которое въ такомъ случаѣ называется основаніемъ; самый процессъ выведенія изъ основанія мысли въ немъ заключенной, и, наконецъ, выводъ или мысль, добытая изъ основанія и поставленная какъ отдѣльное положеніе. Положенія, изъ которыхъ дѣлаются выводы, могутъ быть чрезвычайно разнообразны, но, въ концѣ концовъ, сводятся къ двумъ родамъ: самоочевидныя истины (аксіомы) и обобщенія, добытыя изъ опыта. Процессъ выведенія

*) Статьи Радлова въ энциклопедич. словарѣ Брокгауза и Эфрона. Томъ X стр. 276.

не мѣняетъ характера основанія, изъ котораго получается выводъ, т. е. выводъ изъ аксіомы самъ получаетъ аксіоматическій характеръ: выводъ изъ эмпирическаго положенія есть фактъ, могущій быть провѣреннымъ на опытѣ. Самый процессъ дедукціи основанъ на законѣ тожества. Частное подводится подъ общее, или подъ другое частное на томъ основаніи, что оно съ нимъ тожественно по содержанію. Самый выводъ, наконецъ, есть положеніе, въ которомъ признается тожество подводимаго съ тѣмъ положеніемъ, подъ которое мы подводимъ. Иногда дедукція отожествляется съ *синтезомъ* — т. е. такимъ путемъ доказательства—прогрессивнымъ,—который ведетъ отъ основаній къ выводамъ.

Индукція и аналогія.

Индукція или наведеніе—это способъ умозаключенія отъ частнаго къ общему. Его иногда отожествляютъ съ *анализомъ* — регрессивнымъ путемъ доказательства, идущимъ отъ слѣдствій къ причинамъ. Сократъ подъ индукціей подразумѣваетъ нахожденіе общаго опредѣленія понятій путемъ *сравненія* частныхъ случаевъ (т. е. значитъ въ индукцію входитъ аналогія) и исключенія ложныхъ, слишкомъ узкихъ опредѣленій.

Различаютъ двоякую индукцію — полную и неполную. Въ первой мы заключаемъ отъ полнаго перечисленія видовъ извѣстнаго рода ко всему роду: очевидно, что при подобномъ способѣ умозаключенія мы получаемъ вполнѣ достовѣрное заключеніе, которое не вызываетъ никакихъ сомнѣній. Напротивъ, неполная индукція идущая отъ частнаго къ общему (способъ умозаключенія, запрещенный формальной логикой*), должна вызвать вопросъ о правѣ. Задача логики состоитъ въ томъ, чтобы указать границы, за предѣлами которыхъ, индуктивный выводъ перестаетъ быть правомѣрнымъ, а также вспомогательные пріемы, которыми

*) Силлогизмъ—это умозаключеніе, въ которомъ, на основаніи нѣсколькихъ сужденій, съ *необходимостью* выводится новое сужденіе, называемое заключеніемъ. Такимъ образомъ силлогизмъ—это *посредственное* заключеніе. Его часто отожествляютъ съ дедукціей. Непосредственнымъ умозаключеніемъ называется то, въ которомъ заключеніе получается изъ даннаго сужденія безъ помощи другого, напр. $A = B$, слѣдовательно и $B = A$. Если-же $A = B$, а $B = C$, то $A = C$, т. к. оба они $= B$. И потому это силлогизмъ.

пользуется изслѣдователь при образованіи эмпирическихъ обобщеній. Несомнѣнно, что опытъ (въ смыслѣ эксперимента) и наблюденіе служатъ могущественными орудіями при изслѣдованіи фактовъ, доставляя матеріалъ, благодаря которому изслѣдователь можетъ сдѣлать гипотетическое предположеніе, долженствующее объяснить факты. Такимъ-же орудіемъ служитъ и всякое сравненіе и *аналогія*, указывающія на общія черты въ явленіяхъ; общность-же явленій заставляетъ предположить, что мы имѣемъ дѣло и съ общими причинами; такимъ образомъ сосуществованіе явленій, на которое указываетъ аналогія, само по себѣ еще не заключаетъ въ себѣ объясненія явленія, но доставляетъ указаніе, гдѣ слѣдуетъ искать объясненія. Правомѣрность индуктивнаго заключенія не подлежитъ сомнѣнію, но надо строго установить условія (это дѣло логики), при которыхъ индуктивное заключеніе можетъ считаться правильнымъ; отсутствіе отрицательныхъ инстанцій еще не доказываетъ правильности заключенія. Необходимо, чтобы индуктивное заключеніе основывалось на возможно большемъ количествѣ случаевъ, чтобы эти случаи были по возможности разнообразны, чтобы они служили типическими представителями всей группы явленій, которыхъ касается заключеніе и т. д...

При всемъ томъ индуктивныя заключенія легко ведутъ къ ошибкамъ, изъ которыхъ самыя обычныя проистекаютъ отъ *множественности причинъ* и отъ смѣшенія временнаго порядка съ причиннымъ. Въ индуктивномъ изслѣдованіи мы всегда имѣемъ дѣло со слѣдствіями, къ которымъ должно подыскать причины; находка ихъ называется объясненіемъ явленія, но извѣстное слѣдствіе можетъ быть вызвано цѣлымъ рядомъ различныхъ причинъ; талантливость индуктивнаго изслѣдователя въ томъ и заключается, что онъ, постепенно, изъ множества логическихъ возможностей, выбираетъ лишь ту, которая реально возможна. Для человѣческаго ограниченнаго пониманія, конечно, различныя причины могутъ произвести одно и тоже явленіе; но полное адэкватное познаніе въ этомъ явленіи умѣетъ усмотрѣть признаки, указывающіе на проис-

хожденіе его лишь отъ одной возможной причины. Временное чередованіе явленій служитъ всегда указаніемъ на возможную причинную связь, но не всякое чередованіе явленій, хотя-бы и правильно повторяющееся, непремѣнно должно быть понято какъ причинная связь.

Дедуктивный методъ вывода принциповъ, правилъ и нормъ военнаго дѣла.

Въ первой части (глава III-я) были выведены принципы военнаго дѣла. Методъ ихъ полученія—былъ дедуктивный. Для этого мы мысленно отдѣлили въ военныхъ явленіяхъ человѣка отъ обстановки, потомъ въ самомъ человѣкѣ отдѣлили духовную его сторону отъ физической (классификація), намѣтили взаимодѣйствіе этихъ сторонъ другъ на друга и прослѣдили это взаимодѣйствіе при одной лишь неизмѣнной данной всякаго военнаго явленія—опасности потерять жизнь (изолированіе). Въ результатѣ мы получили боевые принципы.

Принявъ ихъ за новое *основаніе* для дальнѣйшей дедуктивной работы мы, примѣняя ихъ къ извѣстнымъ типичнымъ обстановкамъ (изолированіе), пришли къ правиламъ и нормамъ. Такъ какъ мы приводили эти правила и нормы лишь для поясненія опредѣленія этихъ словъ, то обстановки мы брали случайныя, безъ какой либо системы. Поэтому не пришлось прибѣгать къ классификаціи. При систематическомъ-же изслѣдованіи извѣстныхъ отдѣловъ военныхъ наукъ, напр. стратегіи, принципы проводятся черезъ нихъ въ извѣстной системѣ, и для этого предварительно производится классификація тѣхъ типичныхъ обстановокъ, которыя встрѣчаются въ этой области. Эти классификаціи составляютъ программу предмета. Такимъ образомъ напр. въ тактикѣ расклассифицированныя обстановки дадутъ главы объ одиночномъ и эскадренномъ боѣ, о минныхъ атакахъ, о прорывѣ и т. п.... въ стратегіи—о главныхъ операціяхъ, о крейсерской войнѣ, въ военно-морской исторіи явятся періоды гребныхъ, парусныхъ и паровыхъ судовъ, а эти періоды въ свою очередь раздѣлятся на отдѣльныя войны и наконецъ на отдѣльныя сраженія. Дедуктивныя изслѣдованія отдѣльныхъ фактовъ военной исторіи входятъ какъ иллюстраціи въ соотвѣтственные отдѣлы другихъ военныхъ наукъ.

Индуктивный методъ вывода принциповъ военнаго дѣла.

Однако одинъ только дедуктивный способъ обоснованія, напр. принциповъ, далеко не для всѣхъ является достаточно убѣдительнымъ. Да даже и для тѣхъ, кого онъ убѣждаетъ, важно повѣрить эти обоснованія и другими путями, чтобы еще сильнѣе прочувствовать истинность принциповъ. Въ предыдущей главѣ (стр. 172—174) было указано, что мало эти принципы знать—это совершенно не гарантируетъ ихъ примѣненія на дѣлѣ—а надо ввести ихъ въ свой способъ мышленія о военномъ дѣлѣ, надо себя на нихъ воспитать, надо настолько впитать ихъ въ себя, чтобы примѣнять ихъ инстинктивно.

Этому могъ-бы помочь обширный и постоянный боевой опытъ, который при благопріятныхъ условіяхъ, могъ-бы выработать крѣпкое убѣжденіе въ истинности и огромной важности боевыхъ принциповъ и выработать умѣнье примѣнять ихъ инстинктивно сообразно съ обстановкой.

Но вѣдь такой опытъ невозможенъ въ настоящее время, а потому нечего о немъ и думать. А тогда приходится обратиться къ обоснованію принциповъ посредствомъ анализа различныхъ событій военной исторіи.

Здѣсь путь уже будетъ обратный дедуктивному. Здѣсь за исходную точку принимается окончательный результатъ—военное явленіе въ томъ видѣ, какъ оно произошло на самомъ дѣлѣ, часто затуманенное различными обстоятельствами иногда очень сложной обстановки.

Трудность установить полную достовѣрность военныхъ событій.

Работа анализа производится здѣсь такъ. Сначала прилагаются всѣ усилія, чтобы на сколько возможно достовѣрно установить фактическую сторону. Вѣдь изъ нея придется исходить, и ошибка въ ней отразится и на выводахъ.

Однако это далеко не легко. Даже участники событій сплошь и рядомъ совершенно искажаютъ его. Искаженія бываютъ и вольныя и невольныя, какъ въ частныхъ замѣткахъ, такъ и въ офиціальныхъ документахъ.

Генералъ Куропаткинъ въ предисловіи къ своему отчету о минувшей войнѣ*) говоритъ: „но и эти основные для моего отчета документы (полковыя реляціи) имѣли *недостатки присущіе вообще реляціямъ и за прошлыя войны:* начальники излагали участіе ввѣренныхъ ихъ командованію частей войскъ въ возможно благопріятномъ освѣщеніи. Были, конечно, и совершенно правдивыя изложенія, особенно цѣнныя. Въ изложеніи дѣйствія частей одной и той-же дивизіи и корпуса встрѣчались трудно согласуемыя противорѣчія".

Но очень скоро оказалось, что и отчетъ генерала Куропаткина страдаетъ тѣмъ-же недостаткомъ т. е. изложеніемъ въ возможно благопріятномъ освѣщеніи для его автора. Это доказываетъ многочисленными ссылками на документы Графъ Витте и онъ даетъ такую характеристику этому отчету**): „я призналъ предпочтительнымъ не касаться высказываемыхъ Генералъ-Адъютантомъ Куропаткинымъ личныхъ мнѣній и сужденій и даваемой имъ оцѣнки событіямъ... Иначе обстоитъ дѣло съ фактами, которыхъ касается авторъ и которые представляютъ большой интересъ для будущихъ историковъ. Въ этой области не должно быть разногласій, равно не можетъ быть споровъ и о томъ, какъ долженъ былъ относиться къ фактическимъ даннымъ авторъ, желавшій, по его словамъ, дать историкамъ матеріалъ для правдиваго выясненія причинъ нашихъ военныхъ неудачъ. Здѣсь, къ сожалѣнію, мы почти на всякомъ шагу встрѣчаемся съ неточностями, а равно умолчаніями, и установить это обстоятельство я считалъ себя тѣмъ болѣе обязаннымъ, что документальныя данныя, по которымъ могутъ быть провѣрены выводы автора, являются пока доступными лишь немногимъ".

Веллингтонъ сказалъ***), что разсказать сраженіе также невозможно, какъ и разсказать про балъ. Тысячи свидѣтелей даютъ свои показанія, но разсказы ихъ на

*) Отчетъ Генералъ-Адъютанта Куропаткина. Томъ 4. Итоги войны. Стр. 1.

**) Вынужденныя разъясненія Графа Витте по поводу отчета Генералъ-Адъютанта Куропаткина о войнѣ съ Японіей. 1909 г. стр. 2.

***) Комисано. Опытъ военной психологіи. Стр. 44.

столько искажены, что исторической критикѣ приходится недоумѣвать, разбираясь, гдѣ правда, гдѣ ложь.

Согласныя показанія многихъ свидѣтелей не служатъ ручательствомъ за ихъ достовѣрность.

Иногда историки придаютъ значеніе тому, что извѣстное явленіе видѣли многіе одновременно. Но и такое основаніе сплошь и рядомъ бываетъ обманчиво. Извѣстный фактъ*), что какая нибудь иллюзія или галлюцинація, созданныя воображеніемъ одного изъ толпы, служатъ ядромъ заразительнаго внушенія для всей прочей массы, которая вскорѣ и отдается ему всецѣло.

Лебонъ**) приводитъ такой примѣръ. Фрегатъ „*La Belle Poule*" разыскивалъ корветъ „*Berceau*", съ которымъ онъ былъ разъединенъ сильной бурей. Дѣло было днемъ и солнце свѣтило ярко. Вдругъ одинъ изъ матросовъ увидѣлъ вдали погибающее судно. По его указанію уже всѣ, офицеры и матросы ясно видѣли плотъ, наполненный людьми, буксируемый шлюпками, на которыхъ производились сигналы о бѣдствіи. Адмиралъ Дефоссе приказалъ спустить шлюпки и онѣ отправились на помощь погибающимъ. Приближаясь къ мѣсту катастрофы, офицеры и матросы, ясно видѣли кучи людей, волнующихся, протягивающихъ руки, и слышали глухой и смѣшанный шумъ большого количества голосовъ. Когда-же наконецъ шлюпки подошли къ этому мѣсту, то оказалось, что тамъ ничего не было, кромѣ нѣсколькихъ сучьевъ съ листьями, унесенныхъ волнами съ сосѣдняго берега.

На этомъ примѣрѣ можно ясно прослѣдить механизмъ образованія коллективной галлюцинаціи. Съ одной стороны—толпа въ состояніи выжидательного вниманія, съ другой—внушеніе, сдѣланное матросомъ, которому показалось, что онъ видитъ погибающее судно. Это внушеніе уже путемъ заразы распространилось на всѣхъ присутствовавшихъ, какъ офицеровъ, такъ и матросовъ.

Точно также знаменитые опыты факировъ основаны на обманахъ чувствъ и на способности ихъ гипнотизировать толпу. Реальность при этомъ получается

*) Компсано. Опытъ военной психологіи.
**) Психологія массъ и народовъ. Стр. 179.

удивительная и фактъ подтверждается всѣми присутствующими, закрѣпляется протоколомъ, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ его не было. Описывается напр. такой случай *). Факиръ бросаетъ въ воздухъ клубокъ веревки. Клубокъ, разматываясь на лету, летитъ все выше и выше и, наконецъ, исчезаетъ изъ глазъ изумленной публики. Одинъ конецъ веревки падаетъ на землю, другой скрытъ въ облакахъ. Факиръ приказываетъ одному изъ мальчиковъ лѣзть на верхъ по веревкѣ. Мальчикъ послушно лѣзетъ и такъ быстро, что вскорѣ зрители теряютъ его изъ вида. Тогда факиръ кричитъ ему, чтобы онъ спустился, но мальчикъ не исполняетъ приказанія, несмотря на неоднократное его повтореніе. Видимо, крайне раздраженный непослушаніемъ, факиръ хватаетъ ножъ, самъ карабкается по веревкѣ вслѣдъ за мальчикомъ и вскорѣ исчезаетъ въ облакахъ. Проходитъ нѣсколько минутъ томительнаго молчанія, какъ вдругъ въ воздухѣ раздается нечеловѣческій крикъ и изъ пространства на землю падаютъ по одиночкѣ окровавленные члены, голова и туловище ребенка. Вслѣдъ затѣмъ по веревкѣ спускается внизъ и факиръ съ окровавленнымъ ножемъ въ зубахъ. Видя угрожающіи жесты возмущенныхъ зрителей, факиръ, какъ-бы изъ чувства самосохраненія, составляетъ снова разрѣзанное тѣло мальчика, шепчетъ надъ нимъ заклинанія и чертитъ пальцемъ въ воздухѣ геометрическія фигуры. Тѣло тотчасъ срослось, и мальчикъ, весело смѣясь, возвращается на свое мѣсто. Каково-же было изумленіе присутствующихъ, когда нѣсколько дней спустя, они получили снимки съ опыта, сдѣланные на мѣстѣ однимъ американскимъ журналистомъ. На каждой изъ фотографій были изображены факиръ и мальчикъ въ оживленной бесѣдѣ, сидящими на коврѣ. Оказывается, факиръ во все время опыта не вставалъ съ своего мѣста и все, что видѣла публика, было имъ разсказано, и загипнотизированные зрители пережили драму въ своемъ воображеніи. Мертвая фотографическая пластинка, конечно не подчинилась внушенію и выдала тайну факира.

*) „Факиры и гипнотизмъ". Очеркъ индійскаго факира Вайрагіананды.

Конечно, быть можетъ, опытъ и значительно пріукрашенъ, и происходилъ не совсѣмъ такъ, быть можетъ не всѣ зрители видѣли совсѣмъ одно и тоже, быть можетъ гипнозу поддалась только часть зрителей, но подобные разсказы о чудесахъ факировъ имѣютъ значительное распространеніе и въ концѣ концовъ должны-же имѣть какое нибудь основаніе.

„Казалось-бы" говоритъ Лебонъ, „что искаженія, которыя претерпѣваетъ какое нибудь событіе въ глазахъ толпы, должны имѣть весьма разнообразный характеръ, потому-что индивиды, составляющіе толпу, обладаютъ весьма различными темпераментами. Но ничуть не бывало. Подъ вліяніемъ заразы, эти искаженія имѣютъ всегда одинаковый характеръ для всѣхъ индивидовъ. Первое искаженіе, созданное воображеніемъ одного изъ индивидовъ собранія, служитъ ядромъ заразительнаго внушенія. Таковъ всегда механизмъ всѣхъ коллективныхъ галлюцинацій, о которыхъ часто говорится въ исторіи и достовѣрность которыхъ подтверждается тысячами людей. Было-бы лишнее, въ видахъ опроверженія вышесказаннаго, указывать на умственныя качества индивидовъ, входящихъ въ составъ толпы. Эти качества не имѣютъ значенія; невѣжда и ученый, разъ что они участвуютъ въ толпѣ, одинаково лишаются способности къ наблюденію. Положеніе это можетъ, пожалуй показаться парадоксальнымъ, но, чтобы доказать его, намъ пришлось-бы цитировать такое множество историческихъ фактовъ, что на это понадобились-бы цѣлые томы*)".

Для насъ, пережившихъ эпоху революціоннаго движенія, едва-ли имѣется недостатокъ въ такихъ фактахъ.

„Коллективныя наблюденія" утверждаетъ Лебонъ „самыя ошибочныя изъ всѣхъ и чаще всего представляютъ ничто иное, какъ иллюзію одного индивида, распространившуюся путемъ заразы и вызвавшую внушеніе. Тысячи людей напр. присутствовали при знаменитой кавалерійской атакѣ при Седанѣ, а между

*) У Лебона на стр. 180—183 приведены чрезвычайно характерные случаи ошибочности коллективныхъ наблюденій.

тѣмъ невозможно, въ виду самыхъ противорѣчивыхъ показаній очевидцевъ, узнать, кто командовалъ этой атакой. Англійскій генералъ Уольслей доказываетъ, что до сихъ поръ относительно важнѣйшихъ фактовъ битвы при Ватерлоо существуютъ самые ошибочные представленія, не смотря на то, что эти факты подтверждаются сотнями свидѣтелей. Можемъ-ли мы знать относительно какого-бы то ни было сраженія, какъ оно въ дѣйствительности происходило? Я сильно въ этомъ сомнѣваюсь. Мы знаемъ, кто были побѣжденные и побѣдители, и далѣе этого наши знанія, вѣроятно, не идутъ. То что д'Аркуръ, участникъ и свидѣтель, разсказываетъ о Сольферинской битвѣ, можетъ быть примѣнено ко всякимъ сраженіямъ: „генералы, получающіе свѣдѣнія конечно отъ сотни свидѣтелей, составляютъ свои офиціальные доклады: офицерамъ, которымъ поручено обработать эти доклады въ отчетъ, измѣняютъ эти доклады и составляютъ окончательный проэктъ отчета; начальникъ главнаго штаба опровергаетъ его и составляетъ съизнова. Тогда уже его несутъ къ маршалу, который восклицаетъ: „Вы рѣшительно ошибаетесь!" и составляетъ новую редакцію. Отъ первоначальнаго доклада уже не остается ничего. Д'Аркуръ разсказываетъ этотъ фактъ, какъ доказательство невозможности установить истину даже относительно событія, наиболѣе поразительнаго и наиболѣе извѣстнаго".

Офиціальность донесеній о военныхъ событіяхъ не есть ручательство за ихъ полную достовѣрность.

Именно нѣчто подобное при составленіи реляцій приходилось наблюдать и во время послѣдней войны.

Ну, а не то-ли-же самое утверждаетъ Толстой въ своемъ послѣсловіи къ „Войнѣ и Миру"?

Этотъ-же вопросъ онъ затрагиваетъ въ малоизвѣстной статьѣ, помѣщенной въ журналѣ „Русскій Архивъ" за 1868 годъ, въ которой онъ разъясняетъ — что такое его „Война и Миръ"? Онъ противупоставляетъ свое произведеніе историческимъ сочиненіямъ, къ которымъ онъ относится съ нескрываемымъ недовѣріемъ, считая, что *исторія и не можетъ писаться правдиво.* Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этой его статьи. „Историкъ *обязанъ* иногда, пригибая истину, подводить

всѣ дѣйствія историческаго лица подъ одну идею, которую онъ вложилъ въ это лицо. Художникъ, напротивъ, въ самой одиночности этой идеи видитъ несообразность со своей задачей и старается только понять и показать не извѣстнаго дѣятеля, а человѣка. Въ описаніи самыхъ событій различіе еще рѣзче и существеннѣе. Историкъ имѣетъ дѣло до результатовъ событія, художникъ до самаго факта событія... Различіе добытыхъ результатовъ объясняется и тѣми источниками, изъ которыхъ и тотъ и другой черпаютъ свои свѣдѣнія. Для историка—главный источникъ есть донесенія частныхъ начальниковъ и главнокомандующаго. Художникъ изъ такихъ источниковъ ничего почерпнуть не можетъ, они для него ничего не говорятъ, ничего не объясняютъ. Мало того, художникъ отворачивается отъ нихъ, находя въ нихъ необходимую ложь. Художникъ, изъ своей-ли опытности, или по письмамъ, запискамъ и разсказамъ, выводитъ свое представленіе о совершившемся событіи, и весьма часто выводъ о дѣятельности такихъ то и такихъ то войскъ, который позволяетъ себѣ дѣлать историкъ, оказывается противуположнымъ выводу художника. Нечего уже говорить о томъ, что при каждомъ сраженіи оба непріятеля почти всегда описываютъ сраженіе совершенно противуположно одинъ другому; *въ каждомъ описаніи сраженія есть необходимость лжи*, вытекающая изъ потребности въ нѣсколькихъ словахъ описать дѣйствія тысячъ людей, раскинутыхъ на нѣсколькихъ верстахъ, находящихся въ самомъ сильномъ нравственномъ раздраженіи, подъ вліяніемъ страха, позора и смерти".

„Въ описаніяхъ сраженій пишется обыкновенно, что такія то войска были направлены въ атаку на такой-то пунктъ, и потомъ велѣно отступать и т. д., какъ-бы предполагая, что та самая дисциплина, которая покоряетъ десятки тысячъ людей волѣ одного на плацу, будетъ имѣть то-же дѣйствіе тамъ, гдѣ идетъ дѣло о жизни и смерти. Всякій кто былъ на войнѣ, знаетъ, на сколько это несправедливо; а между тѣмъ на этомъ предположеніи основаны реляціи, и на нихъ военныя описанія. Объѣздите всѣ войска тотчасъ послѣ сраже-

нія, даже на другой, третій день, до тѣхъ поръ пока не написаны реляціи, и спрашивайте у всѣхъ солдатъ, у старшихъ и низшихъ начальниковъ о томъ, какъ было дѣло; вамъ будутъ разсказывать то, что испытали и видѣли всѣ эти люди, и въ васъ образуется величественное, сложное, до безконечности разнообразное и тяжелое, неясное впечатлѣніе; и ни отъ кого, еще менѣе отъ главнокомандующаго, вы узнаете — какъ было все дѣло. Но черезъ два три дня начинаютъ подавать реляціи, говоруны начинаютъ разсказывать, какъ было то, чего они не видали; наконецъ составляется общее донесеніе, и по этому донесенію составляется общее мнѣніе арміи. Каждому облегчительно промѣнять свои сомнѣнія и вопросы на это лживое, но ясное и всегда лестное представленіе. Черезъ мѣсяцъ и два разспрашивайте человѣка, участвовавшаго въ сраженіи,—ужъ вы не чувствуете въ его разсказѣ того сырого утерянного матеріала, который былъ прежде, а онъ разсказываетъ по реляціи. Такъ разсказывали мнѣ про Бородинское сраженіе многіе живые, умные участники этого дѣла. Всѣ разсказывали одно и то-же, и всѣ—по невѣрному описанію Михайловскаго-Данилевскаго, по Глинкѣ и др.; даже подробности, которыя разсказывали они, несмотря на то, что разсказчики находились на разстояніи нѣсколькихъ верстъ другъ отъ друга, однѣ и тѣ-же".

„Послѣ потери Севастополя, начальникъ артиллеріи Крыжановскій прислалъ мнѣ донесенія артиллерійскихъ офицеровъ со всѣхъ бастіоновъ и просилъ, чтобы я составилъ изъ этихъ болѣе чѣмъ 20-ти донесеній — одно. Я жалѣю, что не списалъ этихъ донесеній. Это былъ лучшій образецъ той наивной, *необходимой военной лжи*, изъ которой составляются описанія. Я полагаю, что многія изъ тѣхъ товарищей моихъ, которые составляли тогда эти донесенія, прочтя эти строки, посмѣются воспоминанію о томъ, какъ они по приказанію начальства писали то, чего не могли знать... Все это я говорю къ тому, чтобы показать *неизбѣжность лжи въ военныхъ описаніяхъ*, служащихъ мате-

ріаломъ для военныхъ историковъ, и потому показать неизбѣжность частыхъ несогласій художника съ историкомъ въ пониманіи историческихъ событій".

„Вотъ какъ пишется исторія!!" съ горечью восклицаетъ въ письмѣ ко мнѣ одинъ изъ выдающихся офицеровъ, бывшій до конца въ Портъ-Артурѣ и участвовавшій въ бою 28 іюня,—и это восклицаніе онъ считаетъ дѣйствительно классическимъ и характеризующимъ всю исторію. „Въ томъ что это такъ" продолжаетъ онъ „я убѣдился самъ, читая и слушая тѣ невѣроятныя сказки, кои дошли въ Россію о томъ, что творилось въ Артурѣ, а между тѣмъ большинство этихъ сказокъ основаны на докладахъ и офиціальныхъ извѣстіяхъ присланныхъ съ войны, т. е. документахъ „исторически неоспоримыхъ".

Характеристика показаній толпы.

„Подобнаго рода факты" продолжаетъ Лебонъ (см. стр. 218) „достаточно указываютъ, какое значеніе имѣютъ показанія толпы. Согласно логикѣ, единогласное показаніе многочисленныхъ свидѣтелей слѣдовалобы повидимому причислить къ разряду самыхъ прочныхъ доказательствъ какого нибудь факта. Но то, что намъ извѣстно изъ психологіи толпы, показываетъ, что именно въ этомъ отношеніи трактаты логики слѣдовалобы совершенно переделать. Самыя сомнительныя событія—это именно тѣ, которыя наблюдались наибольшимъ числомъ людей. Говорить, что какой нибудь фактъ единовременно подтверждается тысячами свидѣтелей,—это значитъ сказать, въ большинствѣ случаевъ, что дѣйствительный фактъ совершенно не похожъ на существующіе о немъ разсказы".

Цѣнность историческихъ сочиненій по Лебону.

„Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что къ историческимъ сочиненіямъ надо относиться, какъ къ произведеніямъ чистой фантазіи, фантастическимъ разсказамъ о фактахъ, наблюдавшихся плохо и сопровождаемыхъ объясненіями, сдѣланными позднѣе. Мѣсить известку—дѣло гораздо болѣе полезное, чѣмъ писать такія книги. Если-бы прошедшее не завѣщало намъ своихъ литературныхъ и художественныхъ произведеній

и памятниковъ, то мы-бы не знали истины о прошломъ. Развѣ мы знаемъ хоть одно слово правды изъ жизни великихъ людей, игравшихъ выдающуюся роль въ исторіи человѣчества, напр. о Геркулесѣ, Буддѣ и Магометѣ? По всей вѣроятности, нѣтъ! Въ сущности, впрочемъ, дѣйствительная жизнь ихъ для насъ имѣетъ мало значенія; намъ интересно знать этихъ великихъ людей только такими, какими ихъ создала народная легенда. Именно такіе легендарные, а вовсе не дѣйствительные герои и оказывали вліяніе на душу толпы". „Къ несчастью, легенды, когда даже онѣ записаны, все таки не имѣютъ сами по себѣ никакой устойчивости. Воображеніе толпы постоянно мѣняетъ ихъ, сообразно времени и, особенно, сообразно расамъ. Будда, обожаемый въ Китаѣ, не имѣетъ ничего общаго съ Буддой, которому поклоняются въ Индіи. Мы видѣли, какъ мѣнялась нѣсколько разъ, менѣе чѣмъ въ 50 лѣтъ, легенда объ одномъ изъ величайшихъ героевъ исторіи Наполеонѣ. Когда пройдетъ еще нѣсколько десятковъ столѣтій, то ученые будущаго, въ виду такихъ противорѣчивыхъ повѣствованій о героѣ, быть можетъ подвергнутъ сомнѣнію и самое его существованіе, подобно тому, какъ они сомнѣваются иногда въ существованіи Будды, и, пожалуй, будутъ видѣть въ этихъ сказаніяхъ о героѣ какой нибудь солнечный миѳъ или-же дальнѣйшее развитіе легенды о Геркулесѣ. Но впрочемъ эти ученые вѣроятно легко примирятся съ такими сомнѣніями, такъ какъ, лучше насъ посвященные въ психологію толпы, они будутъ конечно знать, что исторія можетъ увѣковѣчивать только миѳы".

„Такихъ примѣровъ" говоритъ Комисано*) „можно привести цѣлыя сотни; они являются продуктомъ большой впечатлительности и легковѣрія толпы. Вотъ почему нельзя удивляться, что исторія войнъ содержитъ такъ много сомнительныхъ подробностей".

Примѣры галлюцинацій изъ послѣдней войны.

Во время послѣдней войны съ наблюдательныхъ постовъ около Владивостока ежедневно доносили днемъ и ночью о появленіи подозрительныхъ кораблей и огней и ни разу это не оказалось правдой, а когда

*) Опытъ военной психологіи. Стр. 44.

непріятель дѣйствительно ставилъ мины, то никто его не видѣлъ. Въ одну изъ ночей во Владивостокъ пришло извѣстіе, что къ Русскому острову подошелъ цѣлый непріятельскій флотъ и высаживаетъ войска. Весь гарнизонъ былъ поставленъ на ноги, а между тѣмъ оказалось, что ничего подобнаго не было, и просто одинъ изъ мелкихъ транспортовъ, которому поручена была работа около Русскаго острова, зашелъ на ночь въ одну изъ бухтъ и сталъ тамъ на якорь.

Во время работъ около выскочившаго на камни крейсера „Богатырь" въ Амурскомъ заливѣ, среди бѣла дня было дано знать о появленіи подозрительныхъ судовъ, которые по обслѣдованію оказались... камнями всѣмъ прекрасно извѣстными. А между тѣмъ многіе одновременно увѣряли, что это суда.

И вотъ когда является возможность провѣрить и опровергнуть такое заблужденіе, тогда и дѣлу конецъ. Но когда этого сдѣлать не удается, когда нѣчто подобное происходитъ при быстрой смѣнѣ событій и впечатлѣній въ бою, то въ результатѣ является воображаемый фактъ, подтверждаемый многими и попадающій въ офиціальные документы.

Надо быть готовымъ къ неточностямъ въ изложеніи военныхъ событій.

Поэтому работающіе надъ историческими изслѣдованіями, несмотря на полную свою добросовѣстность и на изученіе событія по первоисточникамъ (архивнымъ даннымъ), несмотря на пользованіе показаніями очевидцевъ, сплошь и рядомъ впадаютъ въ болѣе или менѣе крупныя ошибки.

Отъ изслѣдователя поэтому, помимо добросовѣстности и усидчивости, непремѣнно требуется талантъ, извѣстное чутье къ истинѣ, особая способность къ всесторонней критикѣ, ему приходится усвоить привычку ко всякому показанію, ко всякому документу относиться съ недовѣріемъ, и искать возможность его провѣрить.

Изъ этого слѣдуетъ, что точное установленіе фактической стороны должно дѣлаться по частямъ отдѣльными изслѣдователями изслѣдованіе обширныхъ періодовъ не по плечу одному человѣку, такое изслѣдованіе неизмѣнно явится поверхностнымъ.

Но когда дѣло касается общихъ выводовъ, которые тѣмъ шире, чѣмъ обширнѣе охвачена эпоха—тогда уже нельзя отвлекаться для установленія фактической стороны, тогда приходится уже довѣриться работамъ отдѣльныхъ изслѣдователей.

Индуктивный методъ въ приложеніи къ нахожденію причинъ военныхъ явленій.

Вторая ступень аналитической работы (первая см. стр. 214) уже заключается въ томъ, чтобы пользуясь произведеннымъ изслѣдованіемъ фактической стороны извѣстнаго явленія, исходя изъ окончательнаго результата, опредѣлить сначала ближайшую причину этого результата; затѣмъ—причину этой причины; далѣе—то-же по отношенію къ слѣдующей причинѣ и т. д... пока не дойдемъ до основной, коренной причины, самой главной и всегда наиболѣе удаленной отъ результата, сидящей въ самой глубинѣ дѣла. „Оттого-то" говоритъ Лееръ*) „большинство и склонно не доходить до нея, а останавливается, обыкновенно только на ближайшихъ, даже просто на ближайшей причинѣ факта".

Вотъ такое отысканіе коренной главной причины явленія, исходя изъ его фактической стороны (окончательнаго результата) это и есть индукція.

„Работа индукціи, анализа, въ дѣлѣ *обоснованія* того или другого факта" говоритъ Лееръ**) „представляется въ видѣ постепеннаго углубленія критики во *внутренній смыслъ* событія, въ расчлененіи его на цѣлый рядъ частныхъ явленій, изъ которыхъ оно слагается, съ отнесеніемъ каждаго изъ нихъ къ соотвѣтствующей ему причинѣ или причинамъ; далѣе въ открытіи связи между этими причинами, а слѣдовательно и въ раскрытіи *внутренней, причинной связи* между составляющими его частными явленіями. Такою представляется обработка путемъ индукціи сложнаго явленія, стратегической операціи, *обоснованіе* его, отнесеніе къ вызвавшимъ его къ жизни причинамъ. Такимъ путемъ, въ то-же время, не замедлитъ въ

*) Методъ военныхъ наукъ. Стр. 15.

**) Методъ военныхъ наукъ. Стр. 16.

концѣ концовъ и выясниться: *какая причина какое дѣйствіе производитъ*, что и составляетъ главную задачу теоретическаго изученія дѣла".

„Само собою разумѣется, что *одной* подобной индуктивной работы далеко недостаточно, чтобы имѣть право утверждать, что полученный выводъ есть не гипотеза, а полное научное обобщеніе, дѣйствительный, вѣрный *законъ*, разъ навсегда опредѣляющій дѣйствіе извѣстной причины. Одного подобнаго изслѣдованія, какъ-бы добросовѣстно оно ни было ведено, не только недостаточно для такого заключенія, а даже крайне опасно возводить *частный* выводъ въ *общій законъ*, справедливый во всѣхъ случаяхъ. Это—вѣрнѣйшій путь къ разнаго рода опаснымъ измышленіямъ. Слѣдовательно необходимо еще продолжить работу, *повѣрить полученный нами выводъ* т. е. продолжить индукцію надъ разборомъ еще нѣсколькихъ явленій, однородныхъ съ разсмотрѣннымъ (чѣмъ большее число ихъ будетъ разобрано, тѣмъ лучше), и затѣмъ сопоставить эти выводы, отбросить все имъ не общее, т. е. все *случайное, временное*, вызванное обстановкою того или другого частнаго случая, отмѣтить лишь общія всѣмъ черты т. е. обратиться къ *аналогіи*, и если и тутъ подтвердится справедливость первоначальнаго вывода, то вѣроятность значенія его какъ закона, безусловно опредѣляющаго дѣйствіе извѣстной причины, весьма велика".

Вотъ отысканіе *неизмѣнныхъ* условій, ведущихъ къ успѣху на войнѣ, т. е. принциповъ военнаго дѣла индуктивнымъ путемъ и составляетъ одну изъ задачъ исторіи военнаго искусства. Здѣсь уже нѣтъ заботы объ установленіи фактической стороны событій—она берется готовой изъ изслѣдованій по военной исторіи. Здѣсь берутся факты наиболѣе значительные, наиболѣе типичные, наиболѣе отличающіеся по обстановкѣ, напр. принадлежащіе къ совершенно различныхъ эпохамъ. этихъ фактовъ берется возможно большее количество (см. стр. 212), и въ каждомъ фактѣ отыскиваются основныя произведенія его причины, а послѣ того причины эти сопоставляются (аналогія), и на основаніи

этого судятъ о закономѣрности военныхъ явленій и о постоянствѣ причинъ ихъ производящихъ и ими управляющихъ.

При индуктивномъ методѣ изслѣдованія причинъ военныхъ событій сглаживается вліяніе неточностей въ изложеніи отдѣльныхъ фактовъ.

Если для примѣненія индуктивнаго метода взято значительное число событій, относящихся къ самымъ различнымъ обстановкамъ, то чѣмъ ихъ больше и чѣмъ разнообразнѣе обстановки, тѣмъ меньше вліяютъ на правильность вывода различныя фактическія невѣрности отдѣльныхъ событій, которыя, какъ было указано выше, совершенно неизбѣжны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ допустить, что искажены *всѣ* событія, и даже больше — допустить, что *всѣ* событія искажены *въ одномъ* направленіи —въ сторону преобладанія *все одной и той-же* причины—это ужъ трудно. Тутъ ужъ болѣе логично предположить, что факты могутъ быть сильно извращены, но то *общее*, что удалось въ нихъ подмѣтить, то *общее*, что и служитъ собственно основаніемъ къ индуктивному выводу—это *общее* дѣйствительно было и вліяло, и что извращенія относятся именно къ тому *разному*, что въ каждомъ событіи сопутствовало общему, и что мы откинули. Пусть даже извѣстный фактъ происходилъ совсѣмъ не такъ, какъ передала его намъ исторія. Пусть напр., противно историческому описанію, въ извѣстномъ бою, побѣдитель не сосредоточилъ свои силы, а разбросалъ ихъ, и сраженіе онъ выигралъ случайно а мы, руководствуясь ложнымъ описаніемъ сдѣлали выводъ, что причина побѣды была—сосредоточеніе силъ! Служитъ-ли это опроверженіемъ принципа сосредоточенія силъ? Случайность ничего не опровергаетъ ужъ потому, что она случайность. Тогда разбираемый фактъ выпадаетъ только изъ ряда фактическихъ доказательствъ, и присоединяется къ числу логическихъ доказательствъ, къ числу доказательствъ, посредствомъ искуственно скомбинированнаго примѣра. Для этого надо лишь не ограничиваться простымъ указаніемъ причинъ и результатовъ и ихъ сопоставленій, а показывать послѣдовательную работу причинъ по приведеніи ихъ къ извѣстнымъ результатамъ. И лишь, если этого сдѣлать нельзя, и вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ основаніе недовѣрять фактическому из-

ложенію причинныхъ дѣйствій, не слѣдуетъ пользоваться этими фактами для доказательства.

Наибольшія ошибки допустимы все таки не въ самыхъ фактахъ, а въ изложеніи историками тѣхъ побужденій, которыя руководили участниками событій. Оно и понятно, такъ какъ чужая душа потемки, и даже собственныя письма участниковъ еще не всегда выдаютъ ихъ истинныя намѣренія и мысли — они сами могли не сознавать своей сущности, а поступали они именно согласно со своей сущностью. Тогда, такія ошибки историковъ, еще меньше отнимаютъ цѣнность изложенныхъ ими событій для нашихъ выводовъ.

Пусть событіе происходило не совсѣмъ такъ, какъ оно изложено, и именно въ томъ смыслѣ, что въ головѣ участниковъ не было тѣхъ мыслей, которыя мы имъ приписываемъ. Пусть событіе сложилось случайно, пусть участникъ дѣйствовалъ безсознательно, но если установленъ фактъ, что онъ дѣйствовалъ извѣстнымъ образомъ и это привело къ извѣстнымъ результатамъ, то причина успѣха, на сколько она зависитъ отъ *хода событія* — все та-же, внѣ зависимости чѣмъ именно вызванъ такой ходъ событія. Тогда только получается невѣрное заключеніе объ участникѣ, но не объ основной причинѣ результата.

Такимъ образомъ различныя неточности въ историческомъ изложеніи фактовъ, еще не дѣлаютъ ихъ непригодными для примѣненія индуктивнаго метода, и въ особенности если этихъ фактовъ много и они очень разнообразны по обстановкѣ.

При выводѣ принциповъ индуктивнымъ путемъ они утрачиваютъ отвлеченность и получаютъ совершенно ясную содержательность.

Раньше было указано (гл. III стр. 172), что одна изъ причинъ почему принципами часто пренебрегаютъ, заключается въ томъ, что ихъ считаютъ *общими мѣстами*, не имѣющими достаточнаго содержанія. Но это можно еще допустить лишь для тѣхъ, которые просто ихъ узнали, и даже для тѣхъ кому они выведены дедуктивнымъ путемъ (см. глава III). Въ этомъ случаѣ они дѣйствительно нѣсколько отвлечены и далеко не для всѣхъ доступны. Но стоитъ только придти къ нимъ путемъ индуктивнымъ, посредствомъ анализа цѣлаго ряда историческихъ фактовъ, какъ они совершенно

утрачиваютъ свою отвлеченность и кажущуюся съ перваго взгляда безсодержательность. Фактическое содержаніе вливается въ нихъ широкой волной въ видѣ связи ихъ какъ причинъ съ результатами въ рядѣ дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто фактовъ.

„Принципы“ говоритъ Лееръ*) „окажутся очень содержательными для тѣхъ, кто *осмысленно* владѣетъ большимъ числомъ фактовъ“.

„Польза теоріи стратегіи“ говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ**) „какъ обобщенія военныхъ явленій, не безусловна, а *условна*—именно *при обширныхъ свѣдѣніяхъ изъ военной исторіи*. При этомъ условіи, всѣ общія формулы стратегіи получаютъ *смыслъ* и *содержаніе*. Безъ большихъ свѣдѣній изъ военной исторіи онѣ обращаются въ безсодержательныя общія мѣста, ничего не говорящія уму и сердцу, и вся теорія стратегіи вырождается въ безсодержательную, поверхностную болтовню т. е. ни болѣе, ни менѣе, какъ въ дѣло вредное“.

Значеніе труда въ усвоеніи принциповъ военнаго дѣла и въ пріобрѣтеніи способности примѣнять ихъ на практикѣ.

Вотъ такой путь обоснованія и выводовъ принциповъ военнаго дѣла требуетъ огромнаго труда, но за то и результатъ этого труда стоитъ. Принципы военнаго дѣла, раскрытые посредствомъ тщательнаго анализа въ основѣ каждаго военнаго явленія, получаютъ огромное значеніе для изслѣдователя, поневолѣ они переливаются въ его способъ мышленія, и даютъ именно то знаніе дѣла, которое Спенсеръ назвалъ умственными мышцами.

„Укажу еще разъ“ говоритъ Лееръ о принципахъ***) „на необыкновенную простоту ихъ, на легкость ихъ пониманія, ихъ *внѣшняго* воспріятія и, въ то же время, на необыкновенную трудность *оставаться имъ вѣрнымъ въ примѣненіи*. Для этого необходимо владѣть ими на столько, чтобы, въ минуту надобности, *даже не думая о нихъ*, дѣйствовать не иначе, какъ въ духѣ ихъ требованій, т. е. владѣть ими безсознательно,

*) Методъ военныхъ наукъ. Стр. 19.

**) Стратегія. Часть I-я. 5-е изданіе. Предисловіе.

***) Коренные вопросы. Стр. 21—24.

обративъ ихъ во вторую натуру; путемъ внутренняго ихъ воспріятія, обратить ихъ въ *практическій* мотивъ нашихъ дѣйствій; для этого-же необходимо постоянно думать о нихъ, безпрерывно повторять ихъ, почаще встрѣчаться съ повтореніемъ ихъ въ жизни, въ *военной исторіи*, въ этой *мудрости вѣковъ;* короче—нуженъ большой и продолжительный *трудъ*".

„Итакъ, помимо природнаго задатка, нуженъ *большой трудъ*, чтобы развить въ себѣ способность къ отвлеченному мышленію; нуженъ не меньшій трудъ (обширный военно-историческій трудъ), чтобы *внутренно* воспріять принципы, а не только *наружнымъ* образомъ (какъ-бы заимствовать ихъ въ *долгъ* или на *прокатъ*)".

„Итакъ, *трудъ* и *трудъ большой*—вотъ что нужно, чтобы понять и прочно владѣть основными принципами военнаго дѣла, и все это въ виду того общаго свойства всѣхъ людей, которое называется *„лѣнью"* или *„закономъ наименьшаго усилія"*. Понятно послѣ того, что и по этой причинѣ принципы имѣютъ такъ мало приверженцевъ и такъ много противниковъ".

„Вотъ тутъ-то и являются услужливые массѣ люди съ рекомендаціею разнаго рода *обходныхъ путей* (неизбѣжнаго) труда, со *„здравымъ смысломъ"*, съ *„вдохновеніемъ"* и съ *„опытомъ"*, будто-бы въ избыткѣ восполняющими собою принципы, эти *общія мѣста*, ничего яко-бы не дающія уму. Таковы главные тезисы проповѣди *„свободы отъ науки"*.

Здравый смыслъ и вдохновеніе не могутъ обойтись безъ содѣйствія науки.

„Все это и *„опытъ"*, и *„здравый смыслъ"*, и *„вдохновеніе"*, какъ высшіе выразители творческой силы (послѣдніе два) весьма важны и цѣнны; но они одни не составляютъ еще всего дѣла и не могутъ обойтись безъ *содѣйствія науки*, безъ руководящихъ принциповъ. *Здравый смыслъ* не можетъ обойтись безъ правильныхъ отправныхъ точекъ, безъ *знанія* (науки), которое указываетъ ему что *истинно* и *цѣлесообразно*. Здравый смыслъ безъ руководящихъ принциповъ—это хаосъ (Карлъ XII; см. „Стратегію", ч. I, изданіе 1893 года, стр. 207—209)".

„Нѣтъ, здравый смыслъ не можетъ обойтись безъ регулирующихъ принциповъ. Не столько-же несостоятельна надежда, возлагаемая на одно *вдохновеніе*, что въ минуту надобности оно само собою придетъ, и готовое рѣшеніе вопроса, какъ-бы высѣченное изъ одного куска, съ неба свалится. Были-же люди, которые вѣрили въ то, что Наполеонъ I выигрывалъ сраженія, а Ла-Фонтенъ писалъ басни и *не думая о нихъ (Stendal „Vie de Napoléon“ 280)*, что будто все это было дѣломъ безсознательной интуиціи, какого то откровенія. Такъ могутъ смотрѣть на дѣло только люди наивные, не дававшіе себѣ никогда отчета въ томъ; *„что такое вдохновеніе?“*

Вдохновеніе—это быстро сдѣланный разсчетъ.

„По опредѣленію Наполеона I, *„вдохновеніе*—это *быстро сдѣланный разсчетъ“ (un calcul rapidement fait)*, слѣдовательно не что либо *„безсознательное“*, съ неба падающее, а *„сознательный разсчетъ“, накопленное заблаговременно размышленіе* объ извѣстномъ дѣлѣ. Пожалуй размышленіе и *„насиженное“*,—слово, надъ которымъ мы не прочь сильно глумиться, желая всюду видѣть *„вдохновеніе“*, а не *трудъ*. Первыя идеи о дѣлѣ хотя и приходятъ къ намъ самопроизвольно, но онѣ становятся прочнымъ достояніемъ нашимъ только въ той мѣрѣ, какъ мы освоимся съ ними, анализируемъ ихъ и классифицируемъ вполнѣ *сознательнымъ образомъ*, т. е. *не мало потрудимся надъ ними*. Какъ говоритъ Карріонъ Низа (см. эпиграфъ къ отд. II ч. II моей стратегіи)—„безъ *времени* и *труда* нельзя создать чего либо истинно великаго. И если въ дѣлахъ, которыя становятся выше уровня минуты, иногда и кажется, что причиною ихъ была *импровизація*, то, въ сущности, эта *кажущаяся* импровизація объясняется тѣмъ, что объ этихъ вещахъ *думали* (т. е. къ нимъ тщательно *готовились)* въ то время, когда о нихъ никто не думалъ, такъ, что когда наступаетъ минута, что общественное мнѣніе устремляется на нихъ, то люди, *думавшіе* о нихъ, оказываются къ нимъ и наиболѣе *подготовленными*. Вотъ тайна великихъ дѣлъ. Она заключается въ настойчивой и продолжительной работѣ мысли въ извѣстномъ направленіи“.

„Слѣдуетъ отличать *вдохновеніе—разсчетъ* отъ *вдохновенія—фантазіи*. *Первое*—это правильно построенное умозаключеніе, исходящее изъ правильной *объективной* отправной точки (большой посылки) при помощи настолько-же правильно построенной, *субъективной*, малой посылки; слѣдовательно представляетъ собою вполнѣ правильно построенный *мгновенный* выводъ (силлогизмъ) *). *Второе—вдохновеніе—фантазія*—это хотя и *мгновенно* сдѣланный выводъ, но не имѣющій подъ собою никакой прочной основы: оно просто является дѣломъ только одного, ничѣмъ не руководимаго *пылкаго воображенія*".

„Пріятное заблужденіе толпы, что творческій процессъ подобенъ счастливой мысли, внезапно приходящей въ голову,—это заблужденіе тотчасъ разсѣевается, какъ только мы изучаемъ то, что дѣйствительно испытывали творцы великаго и прекраснаго. *Все величіе въ области мысли—это продуктъ упорнаго труда*. Правда, часто этотъ трудъ прилагается не въ моментъ самого созиданія, но во всякомъ случаѣ когда либо этотъ трудъ былъ затраченъ. Необычайная скорость, съ которой Вальтеръ-Скоттъ писалъ свои историческіе романы, была-бы необъяснима, если-бы мы не знали какъ много онъ работалъ, изучая жизнь, природу и исторію своей родины" (Джемсъ Селли—„Геніальность и помѣшательство"; русскій переводъ, стр. 35, 36). „Разсчетъ въ такомъ трудномъ и сложномъ дѣлѣ, какъ война, требуетъ не малаго труда и тѣмъ большаго для изощренія способности къ *быстрому, мгновенному* разсчету, составляющему сущность вдохновенія. Тотъ, кто не *научился* разсчитывать, никогда не будетъ разсчитывать ни быстро, ни медленно".

Здравый смыслъ, вдохновеніе и наука—три великія силы, дополняющія другъ друга.

„Нѣтъ, ничто, ни *здравый смыслъ*, ни *вдохновеніе*, не освобождаютъ насъ отъ необходимости продолжительнаго и настойчиваго труда надъ основными принципами, господствующими надъ всѣмъ военнымъ дѣломъ т. е. отъ *военной науки*. Повторяю снова, *здравый смыслъ, вдохновеніе* и *наука*—это три великія силы;

*) См. стр. 211.

отнюдь одна другую не замѣняющія, а только дополняющія. Человѣкъ *болѣе знающій*, будетъ обладать и большею *вѣрою въ себя*, а слѣдовательно будетъ принимать не только болѣе *правильныя*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе *быстрыя* рѣшенія".

„Мало того, *наука* способствуетъ въ извѣстной степени и развитію и укрѣпленію столь важнаго на войнѣ *характера*. „Когда человѣкъ сознаетъ, что онъ свѣдущъ, что, благодаря его познаніямъ, онъ легко можетъ оріентироваться въ трудныхъ положеніяхъ, то этимъ *укрѣпляется и его характеръ*, онъ пріобрѣтаетъ способность къ принятію кстати правильнаго рѣшенія и къ практическому его осуществленію. И напротивъ человѣкъ, сознающій свое невѣжество и необходимость пользоваться совѣтами другихъ, будетъ постоянно нерѣшительнымъ, колеблющимся и склоннымъ къ деморализаціи" (прусскій генералъ Фонъ-Пейкеръ).

Опытъ не освобождаетъ отъ науки.

„Не освобождаетъ отъ науки и *опытъ*. Опытъ *коллективный (объективный)* нѣсколькихъ вѣковъ, результаты котораго освѣщены и сведены въ науку (*военную исторію*), конечно имѣетъ громадное значеніе; но онъ не только не противорѣчитъ наукѣ, а составляетъ ея сущность; онъ и есть сама военная наука. Да и наконецъ усвоеніе его немыслимо безъ труда, а напротивъ того, оно-то и требуетъ именно наибольшаго труда".

„*Личный*, субъективный опытъ, *опытность*, уже болѣе скудный по результатамъ сравнительно съ коллективнымъ опытомъ, представляетъ очень хорошую школу, *но только при условіи наблюденія и размышленія;* иначе это будетъ опытъ историческаго мула*) принца Евгенія (моя „Прикладная тактика", предисловіе, стр. 16 и 17); слѣдовательно и тутъ необходимъ трудъ, иначе опытъ безполезенъ".

„Для того, чтобы извлечь возможную пользу изъ опыта, необходимъ не только не малый *трудъ* (наблюденіе и размышленіе), но необходима и *наука*, какъ сила, направляющая опытъ и освѣщающая его резуль-

*) Или „чемодана" адмирала Лазарева.

таты. *Хорошимъ наблюдателемъ* можетъ быть только *хорошій теоретикъ*".

„*Скорѣе еще наука можетъ обойтись безъ опыта, чѣмъ опытъ безъ науки.* Слѣпой Саундерсонъ, *не видя отъ рожденія*, написалъ-же оптику, разъ какъ было доказано, что движеніе свѣтового эфира, вызывающее въ насъ свѣтовыя ощущенія, совершается по законамъ механики. Между тѣмъ маршалъ Ней, имѣвшій такую *громадную практику*, какимъ онъ явилъ себя стратегомъ?"

А Джонъ Клеркъ, написалъ-же онъ превосходную морскую тактику, не ступивши ни разу ногой на палубу военнаго корабля. И вотъ онъ сумѣлъ указать—какими основными положеніями надо руководиться, чтобы использовать для побѣды надъ французами лучшую морскую опытность англичанъ, а цѣлое поколѣніе морскихъ офицеровъ, имѣвшихъ огромный и морской и боевой опытъ, этихъ основныхъ положеній не видѣло.

„Итакъ", заканчиваетъ Лееръ, „безъ науки, ни *здравый смыслъ*, ни *вдохновеніе*, ни *опытъ* обойтись не могутъ. Наука-же безъ *общихъ идей*, безъ *широкихъ обобщеній* немыслима: это организмъ безъ головы, общество безъ главы".

Не пропадаетъ трудъ изученія даже не вполнѣ достовѣрныхъ историческихъ фактовъ.

Выше (стр. 224 и 227) много говорилось о томъ, что легко можетъ оказаться, что тотъ или другой историческій фактъ изложенъ неточно, что иные результаты могутъ быть приписаны причинамъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ и не было въ наличности. Но *трудъ* изученія такихъ фактовъ все таки не пропадаетъ, а приноситъ только пользу. Трудъ изученія—это практика въ извѣстномъ логическомъ развитіи мысли, онъ выковываетъ эту мысль, онъ представляетъ изъ себя ту гимнастику (ума), которая наращиваетъ умственныя мышцы, о которыхъ говоритъ Спенсеръ, именно онъ доводитъ привычку думать извѣстнымъ образомъ до инстинктивности, которая и лежитъ, при наличіи творческой силы, въ основѣ способности къ мгновеннымъ правильнымъ рѣшеніямъ.

Сравнительно—историческій методъ.

Приложеніе индуктивнаго метода къ изученію причинъ военныхъ явленій (стр. 225) приводитъ къ такъ называемому сравнительно-историческому методу, т. е. къ сравнительному изученію историческихъ фактовъ, взятыхъ изъ жизни разныхъ народовъ и разныхъ временъ*). Дѣйствительно, наблюдая однородныя явленія культурной и соціальной жизни народовъ, мы весьма часто встрѣчаемся со случаями поразительнаго между ними сходства.

Это сходство можетъ объясняться троякимъ образомъ. Вопервыхъ оно можетъ быть результатомъ *заимствованій* одними народами у другихъ тѣхъ или иныхъ продуктовъ ихъ культурнаго и соціальнаго творчества. Во вторыхъ, сходныя черты у разныхъ народовъ могутъ объясняться *общностью происхожденія* этихъ народовъ. Наконецъ, третью категорію случаевъ сходства между явленіями культурной и соціальной жизни разныхъ народовъ составляютъ тѣ, которые могутъ быть объяснены лишь тѣмъ, что *сходныя условія жизни порождаютъ и сходныя явленія*, хотя-бы и не было рѣчи ни о заимствованіяхъ ни объ общности происхожденія.

Вотъ изученіе этой третьей категоріи случаевъ, въ приложеніи къ изучанію военныхъ явленій, и даетъ цѣнный результатъ для военнаго дѣла, приводя къ объясненію *причинъ* военныхъ явленій.

Въ XIX вѣкѣ сравнительно-историческій методъ проникъ въ разныя науки, изучающія культурную и соціальную жизнь человѣчества, и въ настоящее время важное значеніе этого метода для отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ, и вообще для соціологіи, находится внѣ спора. Начало методологіи сравнительнаго метода было положено Контомъ.

Критико-историческій методъ изученія военнаго дѣла.

Примѣняя сравнительно-историческій методъ къ изученію военныхъ явленій, переходя при этомъ съ помощью индукціи отъ фактовъ къ первопричинамъ ихъ породившимъ, мы приходимъ къ положеніямъ, которыя лежатъ въ основѣ военныхъ явленій. Этотъ

*) Профессоръ Карѣевъ. Энцикл. Словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XIIIA стр. 507 и XXXI стр. 328.

путь Г. А. Лееръ называетъ *практическимъ*, какъ основаннымъ на *критическомъ разборѣ фактовъ* *). Но эти основы, напр. въ видѣ принциповъ, правилъ, нормъ и вытекающихъ изъ нихъ непосредственно слѣдствій, какъ мы видѣли (глава III), могутъ быть уяснены и чисто *теоретическимъ*, умозрительнымъ, *дедуктивнымъ* путемъ, посредствомъ изученія духовной природы человѣка поставленнаго въ обстановку смертельной борьбы съ себѣ подобными. Соединеніе того и другого метода вмѣстѣ Г. А. Лееръ называетъ *критико-историческимъ методомъ*, котораго мы значитъ и держимся при изученіи сущности военныхъ явленій.

Этотъ путь, какъ говоритъ Лееръ, воплощая безпрестанно идеи въ самыя разнообразныя формы, даетъ отвлеченностямъ, къ которымъ мы пришли исключительно дедуктивнымъ путемъ, *содержаніе*, уясняетъ зависимость этихъ формъ отъ колебаній въ обстановкѣ (условій *силы, времени, мѣста*, данной *воли* противника...) и служитъ въ то же время самымъ надежнымъ оплотомъ противъ столь опасныхъ, широкихъ умственныхъ полетовъ, такъ какъ указываетъ—*что, когда, гдѣ* и *какъ* возможно исполнить, подъ вліяніемъ той или другой обстановки, чѣмъ и развиваетъ *чувство мѣры*.

Недостатки критико-историческаго метода изложенія военнаго дѣла.

Однако, признавая всѣ выгоды критико-исторической формы изложенія, Лееръ указываетъ на ея неизбѣжные и притомъ весьма существенные недостатки.

Она все таки вѣдь на первый планъ ставитъ интересы теоріи, ибо задача ея—вывести и объяснить основы дѣла, и составляющія его теорію. Для облегченія себѣ этой задачи она прибѣгаетъ къ разбору историческихъ фактовъ, но лишь въ той степени, на сколько ей это нужно для обоснованія того или другого положенія. Значитъ она приводитъ факты только въ извѣстныхъ основныхъ ихъ чертахъ, сопровождая разборъ ихъ далеко *неполною обстановкой*, а лишь тѣми условіями, которыя въ томъ или другомъ случаѣ вызываются интересами того или другого теоретическаго вопроса, которые по отношенію къ тому или

*) Стратегія. Часть I. Предисловіе.

другому факту имѣютъ *рѣшающее* значеніе, опуская всѣ остальныя. И въ такомъ видѣ—съ *неполной обстановкой*—приводится одинъ фактъ за другимъ.

Очевидно это особенно рѣзко будетъ проявляться въ такихъ систематизированныхъ отдѣлахъ военнаго дѣла, какъ стратегія и тактика, но и въ исторіи военнаго искусства, которая преслѣдуетъ задачу подмѣтить и свести въ одно общія черты въ военныхъ явленіяхъ, происходящихъ въ самыхъ различныхъ обстановкахъ, чтобы отъ этихъ общихъ чертъ перейти къ ихъ постояннымъ и неизмѣннымъ причинамъ, изъ обстановки будетъ указываться съ одной стороны только наиболѣе типичное для данной эпохи, и съ другой стороны—именно на общее всѣмъ эпохамъ. Разборъ *полной* обстановки даже немыслимъ въ исторіи военнаго искусства. Она охватываетъ такой огромный періодъ времени, изъ котораго должна выхватить всѣ типичные факты, что разборъ во всѣхъ деталяхъ обстановки привелъ-бы къ огромной потерѣ времени, не говоря уже о томъ, что въ этихъ деталяхъ запуталась-бы руководящая нить ведущая къ цѣли поставленной себѣ исторіей военнаго искусства—обосновать исходныя положенія военной науки.

Какъ указываетъ Леерь, интересы теоріи военнаго дѣла, напр. теоріи стратегіи, этимъ вполнѣ удовлетворяются, но далеко не удовлетворяются потребности изученія военнаго дѣла въ его цѣломъ.

Если остановиться при изложеніи исключительно только на одномъ критико-историческомъ методѣ, то у слушателей можетъ возникнуть тотъ ложный взглядъ, что на развитіе того или другого факта только и имѣли вліяніе приведенныя при объясненіи его условія, а это ведетъ къ возможности возникновенія взгляда, что напр. дѣло управленія военными событіями (составленіе плановъ операцій и ихъ исполненіе) есть дѣло весьма *легкое*, или что вообще причины военныхъ явленій довольно *просты*.

Между тѣмъ на дѣлѣ—это совершенно не такъ. Составленіе плановъ операцій, какъ указываетъ Леерь—дѣло огромной трудности. Дѣйствительно, вѣдь въ

минуту составленія плана, обстановка на практикѣ представляется въ чрезвычайно сложномъ видѣ, а во многомъ (прежде всего во всемъ, касающемся проявленія *воли противника*)—и въ гадательномъ. Такимъ образомъ, составитель плана, изучая обстановку, долженъ, изо всѣхъ составляющихъ ее условій, выбрать лишь самыя важныя, имѣющія *рѣшающее* значеніе по отношенію къ данному случаю, отбросивъ все побочное и маловажное. А это требуетъ хорошо выработаннаго стратегическаго взгляда, для чего напр. курсъ стратегіи въ критико-исторической формѣ изложенія не даетъ ни малѣйшей практики, потому-что, въ приведенныхъ въ немъ фактахъ, эта трудная и многосложная работа правильной оцѣнки всѣхъ условій полной обстановки и классификація ихъ по степени ихъ важности дѣлается не слушателями, а заранѣе уже сдѣлана составителемъ курса и съ каѳедры излагается уже только результатъ этой работы.

Такимъ образомъ, одна изъ существенныхъ трудностей, неизбѣжно встрѣчающихся на дѣлѣ, обойдена, и *трудное дѣло можетъ представиться слушателямъ въ видѣ чрезвычайно легкаго*, а это можетъ развить въ нихъ, по мнѣнію Леера, столь нежелательную *поверхностность*. Вотъ этотъ существенный недостатокъ можно устранить, напр. въ стратегіи, подробнымъ критическимъ разборомъ хоть одной (классической) стратегической операціи, а еще лучше—цѣлой кампаніи, не упуская изъ вида ни на минуту *полной обстановки* и притомъ не въ такомъ видѣ, какъ она выяснилась по совершеніи факта, а именно въ томъ,—*какъ она представлялась дѣятелямъ въ минуту его развитія*.

Лееръ указываетъ и другіе недостатки теоретическаго курса, хотя-бы и излагаемаго въ критико-исторической формѣ.

Въ немъ, напр. всѣ частныя явленія, на которыя распадается стратегическая операція, разбираются *послѣдовательно* (по отдѣламъ и главамъ), одно за другимъ. Конечно ихъ располагаютъ по возможности въ *логическомъ* порядкѣ, чтобы выяснить *внутреннюю, причинную* между ними связь и зависимость ихъ другъ

отъ друга, но все таки, по мнѣнію Леера, эта цѣль далеко не достигается, и все таки каждый частный вопросъ болѣе или менѣе обособляется.

Но и этотъ недостатокъ опять таки лучше всего устраняется подробнымъ критическимъ разборомъ операціи или кампаніи. Здѣсь можно представить *полную картину* того, какимъ образомъ основная идея операціи (плана), по мѣрѣ развитія ея въ исполненіи, вызываетъ цѣлый рядъ частныхъ явленій: маневровъ, боевъ въ самой тѣсной, причинной ихъ связи, по *мѣсту* и *времени*. Нѣкоторыя изъ нихъ развиваются одно *возлѣ* другого, въ отношеніи *сосуществованія*, другія-же—одно *послѣ* другого, въ отношеніи *послѣдовательности*, обусловливая въ обоихъ случаяхъ, одно другимъ, помогая другъ другу; одни явленія подготовляютъ рѣшеніе, другіе дають его... Вся эта внутренняя связь между частями цѣлаго, ихъ преемственность, сама собою уясняется на живой картинѣ развитія операціи и глубоко запечатлѣвается въ сознаніи слушателей.

Затѣмъ Леерь указываетъ, что къ слабымъ сторонамъ теоріи слѣдуетъ еще отнести то, что по самымъ своимъ свойствамъ, теорія далеко *не можетъ вполнѣ освоить съ трудной стороной* собственно *исполнительной части операціи*. Она, конечно, поставитъ на видъ важность сильной воли, характера въ дѣлѣ окончательной установки плана и послѣдовательнаго исполненія его. Но такое указаніе произведетъ только легкое, скоро изгладимое впечатлѣніе. Она упомянетъ и о множествѣ разнаго рода треній, неизбѣжныхъ при передачѣ идеи начальника до послѣднихъ исполнителей, о множествѣ инстанцій, черезъ которыя воля его должна пройти. Она укажетъ, что могутъ встрѣтиться опаздыванія въ ея передачѣ, невѣрное пониманіе, а иногда и злая воля подчиненныхъ...

Необходимо одновременно съ критико-историческимъ методомъ изложенія

Но теорія безсильна представить полную картину всякаго рода препонъ и *случайностей*, которыя сопротивляющейся средой войны ставятся исполненію плана и нерѣдко опрокидываютъ самые лучшіе предварительные разсчеты. Между тѣмъ при подробномъ раз-

военнаго дѣла, излагать подробный критическій разборъ отдѣльныхъ кампаній.

борѣ отдѣльной операціи или кампаніи—можетъ быть нарисована живая картина такихъ препонъ и случайностей.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Леера, военная исторія, въ видѣ подробнаго критическаго разбора, хотя-бы только одной кампаніи (даже операціи), способна восполнить собою слабыя стороны критико-историческаго метода изученія войны.

Недостатки критическаго разбора отдѣльныхъ кампаній.

Но это не значитъ, что она можетъ его замѣнить ей тоже присущи своего рода недостатки.

Нельзя конечно отрицать того, что подробный разборъ хотя-бы и одной кампаніи, въ сущности, самъ по себѣ, представляетъ, въ извѣстномъ случаѣ, законченный курсъ стратегіи. Дѣйствительно, всякая война, даже отдѣльная операція, является выразительницей всей стратегіи, въ полномъ ея объемѣ, со всѣми ея общими и частными задачами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это все таки будетъ только курсъ *частной стратегіи*, обособленный, индивидуализированный особенностями обстановки извѣстной войны или операціи.

Въ этой частной стратегіи прежде всего не найдется полнаго подтвержденія того, что то, что выдавалось за причину, за сущность, за принципіальную сторону въ томъ или другомъ стратегическомъ вопросѣ, за неизбѣжно присущія ему общія черты, при всевозможныхъ обстановкахъ, и будетъ дѣйствительно его *неизмѣнной сущностью*.

Вѣдь, чтобы убѣдить въ этомъ, надо доказать ихъ *безпрестанную повторяемость* въ военныхъ явленіяхъ, а для этого надо, хотя-бы и не столь подробно—для выигранія времени—разобрать возможно большое число такихъ явленій въ главныхъ ихъ чертахъ. Тогда и выяснится ихъ неизмѣнность въ принципіальной сторонѣ, при безконечномъ ихъ разнообразіи въ формальной сторонѣ—въ обстановкѣ.

И эта цѣль можетъ быть достигнута только при примѣненіи критико-историческаго метода въ изложеніи систематическаго теоретическаго курса.

Но кромѣ того, подробный критическій разборъ одной кампаніи представляетъ еще и тотъ существен-

ный недостатокъ, что *формы* рѣшеній различныхъ частныхъ вопросовъ въ этой кампаніи, вполнѣ оправдываемыя ея обстановкою, могутъ быть приняты—не за *условно лучшія, въ частности*, при извѣстной обстановкѣ, каковыми они и являются на самомъ дѣлѣ, а за—*безусловно лучшія вообще*, при всевозможныхъ обстановкахъ, а это, въ свою очередь ведетъ на опасный путь *шаблоновъ* и *рецептовъ для побѣдъ*. Именно на этомъ пути утрачивается представленіе о *гибкости формы* и важномъ значеніи *обстановки*, этой „верховной повелительницы на войнѣ", какъ называлъ ее Наполеонъ.

Очевидно и этотъ недостатокъ устраняется теоретическимъ курсомъ въ критико-исторической формѣ изложенія.

Теоретическій курсъ военныхъ наукъ въ критико-исторической формѣ и подробный критическій разборъ отдѣльныхъ кампаній дополняютъ другъ друга.

Подводя итогъ своему обсужденію вопроса о методѣ изложенія военной науки, Леоръ, изъ сопоставленія двухъ методовъ изложенія, приходитъ къ заключенію, что они другъ друга не исключаютъ, а лишь дополняютъ, такъ какъ въ чемъ слабъ одинъ, въ томъ силенъ другой, и что, слѣдовательно, надо пользоваться и тѣмъ и другимъ путемъ изученія.

Именно на этомъ основаніи, пользуясь его авторитетнымъ указаніемъ, въ программу военно-морского отдѣла морской академіи, наряду съ курсами исторіи военно-морского искусства и стратегіи, излагаемыми въ критико-исторической формѣ (съ примѣненіемъ сравнительно-историческаго метода), внесено подробное критическое изложеніе двухъ отдѣльныхъ морскихъ войнъ—русско-шведской и русско-турецкой въ 1788—1791 годахъ и русско-японской 1904—1905 годовъ *).

*) По мнѣнію Г. Л. Леера, постановка преподаванія теоріи военнаго искусства въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба до половины 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія была неправильной. Она сводилась къ обширному чисто фактическому курсу военной исторіи, который у современниковъ въ шутку назывался „вензелями, которыя арміями вышивались ногами" или „наукою о томъ, кто куда пошелъ", и къ обзору наиболѣе выдающихся сочиненій по стратегіи, исключительно въ догматической формѣ. И только съ назначеніемъ военнымъ министромъ графа Милютина, въ постановкѣ этого важнаго дѣла произведенъ былъ рѣшительный переворотъ. Подъ личнымъ предсѣдательствомъ новаго министра въ конференціи были пересмотрѣны всѣ программы и въ результатѣ—обширный фактическій курсъ военной исторіи былъ замѣненъ подробнымъ чтеніемъ двухъ кампаній, а умозрительный курсъ стратегіи—курсомъ въ критико-исторической формѣ изложенія.

Необходимость установленія въ теоріи военной науки основныхъ положеній пріобрѣтенія военныхъ знаній путемъ опыта и внушенія.

Все, что до сихъ поръ было изложено въ этой главѣ, относилось къ разбору тѣхъ путей (методовъ), которыми надо идти для разработки военныхъ знаній и для перевода тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришли эти знанія, въ способъ мышленія другихъ посредствомъ доказательствъ умозрительныхъ и фактическихъ истинности этихъ выводовъ (см. стр. 201). Это пути теоретическіе, научные. Пути эти прилагаются наиболѣе полно въ теоретическомъ высшемъ, и, въ извѣстной мѣрѣ—въ среднемъ военномъ образованіи.

Но этимъ не можетъ ограничиться, хотя-бы и только теоретическій разборъ вопросовъ, относящихся, къ методу разработки и пріобрѣтенія военныхъ знаній.

Вѣдь эти знанія и разрабатываются и пріобрѣтаются не только теоретическимъ, но и практическимъ путемъ.

Также для приложенія результатовъ этихъ знаній еще мало того, чтобы ими сознательно обладали всѣ тѣ слои личнаго состава, которые, по своему развитію, способны къ такому сознательному усвоенію этихъ результатовъ теоретическимъ или практическимъ путемъ. Надо еще, чтобы эти верхніе слои умѣли двинуть къ практическому приложенію этихъ результатовъ массу, которая для того, чтобы это осуществилось на самомъ дѣлѣ, должна увѣровать, что именно надо дѣлать такъ а не иначе, такъ какъ вполнѣ сознательно обосновать тотъ способъ дѣйствій, на который ее толкаютъ, она, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не всегда въ состояніи.

Такое вліяніе одной части личнаго состава на другую—это тоже извѣстный путь или методъ сообщенія одними и пріобрѣтенія другими военныхъ знаній.

По этому установленіе извѣстныхъ основныхъ положеній и въ этихъ вопросахъ, т. е. въ вопросахъ практическаго пріобрѣтенія военныхъ знаній и въ вопросахъ искусства направленія болѣе сознательными элементами личнаго состава менѣе сознательныхъ элементовъ къ приложенію результатовъ военныхъ знаній—все это также должно входить въ теорети-

ческій разборъ вопроса о методахъ разработки и пріобрѣтенія военныхъ знаній вообще.

Основныя положенія практическаго пріобрѣтенія военныхъ знаній заключаются въ установленіи понятій— *что слѣдуетъ понимать подъ обученнымъ практически личнымъ составомъ*, и на основаніи этого—*чему* и *какъ* слѣдуетъ его учить. Очевидно, что для боевой дѣятельности пригоденъ только такой личный составъ, который *практически* обученъ своему дѣлу. Теоретическія его познанія—это не болѣе какъ переходная, хотя и очень важная и необходимая, (см. стр. 71) ступень его военнаго образованія.

Основныя положенія практическаго пріобрѣтенія военныхъ знаній.

Но, чтобы при практическомъ обученіи совершенно сознательно идти къ опредѣленной цѣли, надо умѣть себѣ совершенно опредѣленно отвѣтить на вопросъ—когда личный составъ можно считать вполнѣ подготовленнымъ для боевой дѣятельности?

Адмиралъ, изучившій за долговременную свою службу въ полной подробности качества и недостатки различныхъ типовъ кораблей, еще не подготовленъ для того, чтобы вести эскадру въ бой, если онъ таковой никогда не командовалъ въ мирное время, или командовалъ ею въ такомъ составѣ, который совершенно не соотвѣтствуетъ тому, въ какомъ она будетъ въ военное время. Я уже здѣсь не говорю про эскадры и отряды преслѣдующіе чисто учебныя цѣли и притомъ узко спеціальныя, какъ напр. отряды артиллерійскій и минный, но напр. возьмите эскадру, лишенную въ мирное время крейсеровъ. Очевидно, командующій ею адмиралъ лишенъ возможности на практикѣ изучить дозорную и развѣдочную службу и напр. ясно представить себѣ—гдѣ должно быть мѣсто этихъ судовъ при различныхъ строяхъ эскадры. Легко можетъ случиться, что онъ, и получивши въ военное время эти крейсеры, не съумѣетъ ихъ использовать вполнѣ, и вообще недостаточно обратитъ вниманіе на дозоръ и развѣдки. Въ подобномъ-же положеніи окажется адмиралъ, командовавшій въ мирное время эскадрой безъ миноносцевъ, или только миноносными флотиліями.

Когда личный составъ можно считать вполнѣ подготовленнымъ для боевой дѣятельности *).

*) Цитирую по моему курсу „Морской тактики“ 1902 г. стр. 26—27.

Точно также и командиръ всякаго корабля. Этого еще мало, если онъ только изучилъ всѣ качества и недостатки своего корабля, въ отношеніи его личнаго состава, его эволюціонныхъ свойствъ, артиллеріи, минъ и защиты.

Необходимо, чтобы онъ умѣлъ согласовать движенія и дѣйствія своего корабля съ другими, чтобы онъ имѣлъ случай изучить своихъ будущихъ товарищей въ бою—другихъ командировъ, чтобы онъ научился имъ довѣрять, и изъ постояннаго съ ними общенія вынесъ-бы увѣренность въ готовности ихъ къ взаимной выручкѣ и къ неослабному стремленію общими силами содѣйствовать предначертаніямъ адмирала.

Подъ опытнымъ руководительствомъ адмирала, мысли его о томъ, какъ поступать въ различныхъ случаяхъ боя, когда обстоятельства легко могутъ не позволить адмиралу распорядиться сигналомъ, должны на столько войти въ плоть и кровь командировъ, чтобы они понимали его при отдачѣ приказанія—съ полуслова, во время маневрированія—по движенію адмиральскаго корабля; наконецъ, будучи предоставлены самимъ себѣ,—они съумѣли-бы поступать такъ, какъ поступилъ-бы на ихъ мѣстѣ адмиралъ,—вотъ идеалъ духовной связи адмирала съ своими командирами.

Такимъ образомъ, вліяніе совмѣстнаго плаванія въ эскадрѣ на воспитаніе командира огромно, и командиръ, еще не плававшій въ эскадрѣ, не можетъ считаться закончившимъ свое воспитаніе и образованіе командира, и считать его вполнѣ подготовленнымъ для боевой дѣятельности нельзя.

Комендоръ, превосходно знающій свою пушку и имѣющій аттестацію изъ артиллерійскаго отряда превосходнаго стрѣлка, еще не является законченнымъ по своему образованію и воспитанію, пока онъ не освоится съ обстановкой того корабля, на которомъ ему предстоитъ идти въ бой, пока онъ не стрѣлялъ въ этой обстановкѣ при различномъ состояніи моря и при различномъ характерѣ движенія корабля, пока онъ не

свыкся со своими начальниками, приказанія которыхъ ему придется выполнять въ бою, и съ товарищами, которые будутъ въ это время около него.

Рулевой, какъ-бы не былъ онъ хорошо обученъ своей спеціальности, получаетъ настоящую свою цѣну только тогда, когда онъ изучилъ до тонкости, не только всѣ эволюціонныя свойства своего корабля, *но и своего командира или штурмана.*

Во время маневрированія корабля между командиромъ и рулевымъ существуетъ невидимая духовная связь, посредствомъ которой рулевой понимаетъ командира съ полуслова, считается съ тономъ его голоса, съ характеромъ движенія его руки, указывающей рулевому—что надо дѣлать съ рулемъ. Рулевой вѣдь не столько долженъ пунктуально выполнять приказанія командира, сколько долженъ умѣть понимать, *чего хочетъ командиръ,* и такъ и направлять корабль.

При такомъ условіи и командиръ знаетъ — въ какой степени онъ можетъ положиться на рулевого, и на сколько онъ можетъ ему давать свободу въ управленіи.

Только такимъ образомъ и получаются корабли маневрирующіе и смѣло и точно.

Считаю необходимымъ отмѣтить, что такой взглядъ на качества рулевого былъ очень распространенъ въ старомъ поколѣніи командировъ, которые уже начинаютъ сходить со сцены. Теперь, какъ мнѣ указано было нѣкоторыми изъ моихъ слушателей, нарождается новый взглядъ, вызываемый быть можетъ все увеличивающейся быстроходностью кораблей, что рулевой— это автоматъ, точно выполняющій указанія командира или штурмана, что онъ кладетъ руль на точное число градусовъ ему указанное.

Но основной мысли настоящаго разсужденія такой новый взглядъ не мѣняетъ. Онъ ставитъ лишь командиру и штурману новыя требованія для того, чтобы считаться вполнѣ подготовленнымъ къ боевой дѣятельности—на столько усвоить себѣ всѣ тонкости эволюціонныхъ качествъ своего корабля, принимая во вниманіе и погоду и волну, чтобы давать рулевому

совершенно точныя и опредѣленныя приказанія и объ углѣ на который долженъ быть положенъ руль и о степени быстроты съ которой долженъ класться руль. А для этого они должны довести свое познаніе въ этой области до того, чтобы быть способными самимъ стать на руль и обойтись совсѣмъ безъ рулевого. Однако и представителями новаго направленія все таки признаются случаи, когда рулевому можетъ быть дана самостоятельность—править на извѣстный предметъ, подходить къ щиту и т. п.—но уже безъ вмѣшательства командира и штурмана. А тогда опять рулевому должно быть поставлено требованіе—детальное знакомство со всѣми эволюціонными качествами корабля и съ него снимается лишь требованіе о необходимости изученія характера командира или штурмана. Кромѣ того на малыхъ судахъ вѣроятно окажется болѣе примѣнимымъ личный взглядъ прежнихъ поколѣній.

Какъ надо понимать положеніе Наполеона о зависимости успѣха въ бою на три четверти отъ духовной стороны.

Подобныя разсужденія могутъ быть приложены ко всякому на кораблѣ, и изъ нихъ и видно—черезъ какія послѣдовательныя ступени должно пройти обученіе и образованіе личнаго состава, чтобы считаться законченнымъ. Вотъ нравственный элементъ, доведенный до такой степени, и дѣлаетъ жизненнымъ положеніе Наполеона о зависимости успѣха въ бою на $^3/_4$ отъ духовной стороны и только на $^1/_4$ отъ матеріальной. Я уже имѣлъ случай указывать на превратное толкованіе положенія Наполеона, что на войнѣ „обстановка повелѣваетъ“. Столь-же часто приходится сталкиваться и съ неустойчивыми представленіями о вышеприведенномъ его положеніи. И главная причина этой неустойчивости заключается въ томъ, что нѣкоторые какъ-бы представляютъ себѣ сумму матеріальныхъ и моральныхъ данныхъ, при сравненіи этихъ суммъ, въ видѣ нѣкоторой постоянной величины, и какъ-бы считаютъ, что если моральнымъ даннымъ отдается преимущество, то этимъ самымъ ослабляется матеріальная часть. Отсюда напр. проистекаютъ требованія для доказательства положенія Наполеона указаніями на такіе факты, въ которыхъ побѣда оказалась на сторонѣ—явно уступавшей побѣжденному въ матеріальной силѣ, а

также критика этого положенія Наполеона въ томъ смыслѣ, что при слабой матеріальной части собственно не можетъ быть преимущества въ моральныхъ данныхъ, такъ какъ отъ недостатка въ матеріальной части у личнаго состава въ извѣстной степени опускаются руки.

На самомъ дѣлѣ, какъ мнѣ представляется, положеніе Наполеона надо понимать совсѣмъ не такъ, хотя въ военной исторіи и нѣтъ недостатка въ примѣрахъ, когда гораздо болѣе слабый матеріально одерживалъ побѣду надъ болѣе сильнымъ въ этомъ отношеніи, именно благодаря своему моральному превосходству. Мнѣ кажется положеніе Наполеона надо понимать въ томъ смыслѣ, что, достигнувъ всей доступной матеріальной силы, нельзя на этомъ успокаиваться, и строить на этой матеріальной силѣ свои разсчеты на побѣду до тѣхъ поръ, пока еще не положено гораздо больше и труда и средствъ на достиженіе совершенства въ моральномъ отношеніи, и что если нѣтъ возможности заручиться извѣстной степенью моральнаго элемента, то затраты на созданіе матеріальнаго элемента пропадутъ даромъ.

Положеніе противное положенію Наполеона—разъ имѣется превосходная матеріальная часть, можно ужъ не особенно заботиться объ остальномъ, такъ какъ будто-бы увѣренность въ совершенствѣ матеріальной части даетъ и моральную силу личному составу. Это наиболѣе рѣзко выразилось въ приведенномъ мною (см. стр. 65) мнѣніи боевого офицера, что теперь въ морскомъ бою почти не требуется даже мужества, такъ какъ за крѣпкой броней быстроходныхъ военныхъ судовъ и за толстымъ слоемъ воды съ подводныхъ лодокъ, могутъ сражаться не только мужчины, но чуть не дѣти.

Это положеніе очень заманчиво, и если и не въ такой степени, какъ это указано въ вышеприведенномъ крайнемъ мнѣніи, то все таки приложеніе его въ жизни встрѣчается очень часто. Сплошь и рядомъ, при огромныхъ затратахъ на содержаніе матеріальной части, всѣми мѣрами урѣзываются расходы на содержаніе

моральнаго элемента, который зиждется на довѣріи въ личномъ составѣ другъ къ другу и къ данной ему въ руки матеріальной части, для чего требуется превосходное обученіе и практика въ обстановкѣ наиболѣе приближающейся къ боевой. Отсюда вытекаютъ во флотѣ урѣзки на время посвященное плаванію, на составленіе эскадръ и отрядовъ въ мирное время далеко не изъ всѣхъ типовъ судовъ и не въ достаточномъ количествѣ сравнительно съ составомъ ихъ въ военное время, вслѣдствіи чего личный составъ лишается возможности должнымъ образомъ подготовляться къ боевой дѣятельности, урѣзки на уголь, на снаряды, и вообще на теоретическое и на практическое обученіе.

Отчасти этъ объясняется и тѣмъ, что всякая затрата на матеріальную часть даетъ ясно видимый, ощутительный результатъ и въ мирное время, тогда какъ прогрессъ въ моральномъ отношеніи остается въ мирное время какъ-бы скрытымъ.

Но на самомъ дѣлѣ, даже и это не такъ. Пробѣлы въ моральномъ элементѣ, въ который входитъ и степень военнаго образованія, и въ мирное время проявляются въ достаточно ясныхъ признакахъ, если только внимательно и вдумчиво отнестись къ состоянію той-же самой матеріальной части. Разъ нѣтъ достаточнаго развитія военныхъ знаній, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ, это непремѣнно отразится на неумѣломъ выборѣ матеріальной части, на неумѣломъ ея использованіи и въ мирное время и вообще много окажется признаковъ для внимательнаго и проникновеннаго наблюдателя.

И бѣда только въ томъ, что именно отсутствіе военныхъ знаній влечетъ за собой извѣстную степень слѣпоты въ этомъ отношеніи, признаки въ глазахъ людей безъ истиннаго военнаго образованія теряютъ свою *типичность*, свое значеніе грозныхъ предвѣстниковъ грядущаго разгрома.

И такъ, понемногу, отсутствіе даже одного элемента моральной силы—военнаго образованія—сводитъ матеріальную часть лишь къ обманчивой формѣ безъ внутренняго содержанія и силы.

Вотъ противъ такого состоянія военнаго дѣла и предостерегаетъ положеніе Наполеона, и кто имъ проникнется ни въ коемъ случаѣ не забросить матеріальную часть, а напротивъ онъ будетъ стремиться имѣть ее наилучшаго качества, но только въ *такомъ количествѣ*, при которомъ могло-бы быть обезпечено и одухотвореніе этой матеріальной части въ полной мѣрѣ развитымъ моральнымъ элементомъ, во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ.

Изъ чего составляется моральный элементъ*).

А моральный элементъ и составляется изъ полной подготовленности личнаго состава для боевой дѣятельности, построенной на фундаментѣ выводовъ теоріи военнаго дѣла и увѣнчанной тою степенью обученія, о которой говорилось выше.

Говоря отдѣльно о моральномъ элементѣ, я не хочу показать, что онъ можетъ быть отдѣленъ отъ матеріальнаго. Какъ тотъ, такъ и другой крѣпко между собою связаны, и другъ на друга вліяютъ именно въ положительномъ смыслѣ, т. е. чѣмъ выше матеріальный элементъ, тѣмъ выше и моральный и обратно**). Раздѣленіе это чисто мысленное, искусственное, и производится лишь для того, для чего производится всякая классификація — для удобства изслѣдованія составныхъ элементовъ военной силы, которая и раздѣляется для этой цѣли на матеріальный и моральный элементы. Въ виду встрѣчающихся часто сомнѣній и разнообразныхъ мнѣній—какъ именно производится такое раздѣленіе, необходимо указать, что наиболѣе естественнымъ, а потому и общепринятымъ раздѣленіемъ является такое—неодушевленныя средства войны, которыя и носятъ названіе матеріальныхъ средствъ, и человѣкъ—съ его обученіемъ, умѣньемъ, мужествомъ, знаніемъ и

*) См. глава III стр. 174—183.

**) „Сознаніе превосходства въ вооруженіи“ говоритъ Куропаткинъ (Итоги войны. Стр. 69) „приподнимаетъ нравственный духъ арміи лучше вооруженной. Наоборотъ, даже при оружіи мало отличномъ отъ оружія противника, *войска съ нихъ начальниками склонны свои ошибки сваливать на превосходство вооруженія противника* (см. стр. 175). Такой крупной разницы въ вооруженіи между турками и нами въ войну 1877—1878 г.г. не было, каковая была въ 1853—55 г.г., и тѣмъ не менѣе, послѣ первыхъ нашихъ неудачъ подъ Плевною, войска потеряли довѣріе къ своимъ ружьямъ и пушкамъ и въ превосходствѣ вооруженія турокъ искали утѣшенія въ постигшихъ войска испытаніяхъ“.

талантомъ. Такимъ образомъ, напр. въ морской войнѣ матеріальный элементъ —это будутъ корабли, эскадры, запасы снарядовъ, минъ, угля, продовольствія, порта съ ихъ укрѣпленіями и ресурсами для поддержки флота въ боевой готовности и т. п... Каждая отдѣльная часть военной силы —портъ, корабль, эскадра, служба связи и т. п. будутъ имѣть свой матеріальный и моральный элементъ.

Между тѣмъ очень часто представляютъ себѣ, что моральный элементъ—это не болѣе какъ состояніе духа личнаго состава идущаго въ бой—степень его готовности къ смерти. Это далеко неполное опредѣленіе моральнаго элемента, изъ котораго никакъ нельзя исключить обученіе и искусство. Въ своемъ мѣстѣ (см. гл. III стр. 174—183 и 133—137) было уже указано что такое представляетъ изъ себя моральный элементъ и насколько именно въ морской войнѣ мужество (пассивное) связано съ превосходнымъ умѣньемъ обращаться съ матеріальной частью. Изъ неполнаго опредѣленія—что такое моральный элементъ, вытекаетъ иногда представленіе, что главное—что военный человѣкъ можетъ дать государству—это готовность пожертвовать для его пользы жизнью. Для каждаго отдѣльнаго человѣка это можетъ быть и такъ. Жизнь—это самое драгоцѣнное его достояніе. Но для государства—это не такъ. Государство ставитъ основнымъ своимъ требованіемъ къ личному составу военной силы—чтобы онъ далъ ему побѣду и для этого съ своей стороны снабжаетъ этотъ личный составъ соотвѣтствующей матеріальной частью.

А для побѣды, при наличіи извѣстной матеріальной части, нужны и умѣнье и мужество, которыя и составляютъ моральный элементъ. Въ мирное время онъ состоитъ изъ умѣнья и гражданскаго мужества, въ военное—для личнаго состава идущаго въ бой, къ этому присоединяется еще и военное мужество. Преобладаніе одного военнаго мужества, при ущербѣ въ другихъ составныхъ частяхъ моральнаго элемента—даетъ героевъ, а государство, давая должную оцѣнку героямъ, нуждается не столько въ нихъ, сколько именно въ побѣдителяхъ. Поэтому, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда

военная сила какого либо государства одерживаетъ побѣду надъ врагомъ, очень мало рискуя, или вслѣдствіе огромнаго превосходства въ численности, или вслѣдствіе особаго искусства, хитрости, предусмотрительности и т. п.. государство даетъ побѣдителямъ высшую оцѣнку чѣмъ побѣжденнымъ, хотя-бы и выказавшимъ при этомъ самое высокое мужество. И происходитъ это само собой, хотя съ точки зрѣнія справедливости это не выдерживаетъ критики, и только потому, что военное мужество государство цѣнитъ только какъ средство къ побѣдѣ, если не въ настоящемъ (при пораженіи), то для будущаго и для воспитанія этого мужества въ другихъ т. е. опять таки для будущихъ побѣдъ.

Вотъ что говорилъ съ каѳедры Кронштадтскаго морского собранія, въ 60-хъ годахъ т. е. значитъ вскорѣ послѣ проигранной восточной войны, одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ адмирала Григорія Ивановича Бутакова—лейтенантъ Сѣмечкинъ, доказывая необходимость заручиться военными знаніями*):

„Что русскіе моряки не боятся умереть и умѣютъ умирать, то это давно извѣстно и тому доказательствомъ служатъ бастіоны Севастополя, гдѣ одинъ слой жизни ложился на другой при добросовѣстномъ исполненіи святого долга. Что умереть не страшно, то въ этомъ намъ убѣждать другъ друга не нужно, но за то будемте милостивые государи убѣждать другъ друга, что умереть нѣшкою—ужасно! Отдать свою жизнь за родину легко и отрадно, но отдать ее не умѣючи, дешево, не за дорогую цѣну, невыносимо тяжело и трудно! Поэтому намъ необходимо развивать въ себѣ и усваивать тѣ знанія, которыя должны составлять достояніе моряка воина. Будемте укрѣплять въ себѣ убѣжденіе, что слѣдуетъ *учиться* милостивые государи и флагъ нашъ снова покроется давно знакомою ему славою!“

На это могутъ возразить—да вѣдь восточную войну и на сушѣ и на морѣ мы проиграли изъ за несовершенства въ матеріальной части. Что могли сдѣлать

*) Лекціи о морской тактикѣ. 1868 г. стр. 35.

наши моряки съ немногочисленными парусными кораблями противъ превосходившихъ ихъ въ численности паровыхъ флотовъ союзниковъ?

Все это такъ, и все таки Сѣмечкинъ призывалъ не къ постройкѣ новѣйшихъ кораблей, а къ тому чтобы *учиться*. И онъ былъ правъ. Дѣйствительно коренная причина нашего пораженія лежала не въ отсталости матеріальной части нашего флота, а именно въ невѣжествѣ въ военномъ дѣлѣ, ибо только оно могло допустить эту отсталость. Обладающій хорошимъ военнымъ образованіемъ личный составъ не допуститъ созданія *отсталой* матеріальной части, и при наличіи гражданскаго мужества, даже, въ случаѣ непониманія государствомъ его нуждъ и вслѣдствіи этого при отсутствіи достаточныхъ ассигнованій, онъ добьется и этихъ ассигнованій. Но тогда не въ этомъ было и дѣло. Государство давало достаточныя деньги, но ихъ тратили на устарѣлую матеріальную часть, *не умѣя оцѣнить*, по недостатку въ военныхъ знаніяхъ, значенія парового флота, а тѣ, которые были на это способны, не имѣли гражданскаго мужества пожертвовать—не жизнью, а матеріальнымъ своимъ положеніемъ и пріятными отношеніями съ окружавшей ихъ средой, чтобы протестовать, и чтобы громкимъ протестомъ добиться обличенія невѣжества.

И не думалъ Сѣмечкинъ, что слова его останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, что черезъ 40 лѣтъ русскому флоту придется испить еще болѣе горькую чашу и по той-же причинѣ, что и въ восточной войнѣ. Вѣдь не потому-же оказалась въ русскомъ флотѣ отсталая матеріальная часть къ войнѣ съ Японіей, что государство отпустило на нее мало денегъ. Въ тотъ моментъ когда Японія вступила на путь соревнованія съ нами въ созданіи морской силы, мы находились въ болѣе выгодномъ положеніи, и истратили послѣ того денегъ больше чѣмъ японцы, но истратили ихъ *неумѣло*, обнаруживъ этимъ все тотъ-же, давно намъ свойственный недостатокъ въ той составной части моральнаго элемента, которая называется умѣньемъ и

обученіемъ—въ широкомъ смыслѣ этого слова. И дай Богъ, что-бы мы еще разъ не повторили ту-же ошибку, которой не мало способствовало представленіе о моральномъ элементѣ, какъ только о военномъ мужествѣ.

И особенно надо помнить при этомъ, что слово „обученіе" не относится только до техническаго умѣнья владѣть средствами морской войны (попаданіе въ цѣль снарядомъ и миной, управляемость кораблемъ и эскадрой въ эволюціонномъ отношеніи), а неизмѣнно заключаетъ въ себѣ представленіе объ умѣньѣ правильно использовать всякое средство отдѣльно и любую ихъ комбинацію въ зависимости отъ обстановки т. е. напр. комендору умѣть приспособиться къ различнымъ особенностямъ своего корабля для попаданія въ указанную ему цѣль, управляющему огнемъ умѣть выбрать наивыгоднѣйшую при данныхъ обстоятельствахъ цѣль, командиру умѣть согласовать свои дѣйствія съ другими командирами для достиженія цѣли поставленной адмираломъ, и адмиралу—умѣть выбрать правильныя цѣли для дѣйствій и умѣть направлять къ достиженію этихъ цѣлей всѣ находящіеся съ его распоряженіи средства.

Искусство руководительства главная составная часть моральнаго элемента.

Въ этомъ представленіи соединятся *обученіе* и *техническое* и *военное* и *мужество*—на морѣ главнымъ образомъ *пассивное*, и проникающее какъ первое такъ и второе и третье и расширяющее и освѣщающее ихъ въ той или иной степени, въ зависимости отъ различныхъ слоевъ іерархіи, *военное образованіе*, и въ этомъ представленіи само собою займетъ подобающее ему главное мѣсто—*умѣнье руководительства*, опредѣляющее собою *качества командного элемента*, въ особенности *высшаго командованія*, и это представленіе и опредѣлитъ собою тотъ моральный элементъ, который даетъ столь рѣшительный перевѣсъ на войнѣ, и который всѣ великіе военные люди ставятъ на первое мѣсто, по отношенію къ элементу матеріальному.

И повторяю еще разъ—это не значитъ пренебрегать матеріальнымъ элементомъ, а это значитъ на немъ не успокаиваться, не класть на него надежду, если онъ не сопровождается моральнымъ элементомъ, и, въ особенности, если нѣтъ главной составной части этого

моральнаго элемента -искусства руководительства въ командномъ персоналѣ. Не то, чтобы это искусство руководительства давало побѣду, при отсутствіи другихъ составныхъ частей моральнаго элемента, хотя случаи успѣха благодаря искусству руководительства при значительныхъ пробѣлахъ въ этихъ остальныхъ составныхъ частяхъ и нерѣдки въ исторіи, но это искусство руководительства, проявляющееся въ широкихъ размѣрахъ, замѣтное для внимательнаго наблюдателя и въ мирное время, именно оно-то и служитъ показателемъ, что и остальныя составныя части моральнаго элемента достаточно пропитали личный составъ. Если надъ массой возвысились люди, умѣющіе выбрать лучшія средства войны, умѣющіе организовать ихъ созданіе и поддержаніе въ боевой готовности, умѣющіе установить порядки, при которыхъ всякому легко выполнять свое дѣло, то это показываетъ, что элементы позволяющіе переводить это умѣнье въ дѣло, уже широко разлиты въ массѣ, и что она представляетъ изъ себя среду, въ которой можетъ развиться это умѣнье, наконецъ, что она придаетъ дѣйствительную цѣну именно такому умѣнью и этимъ и выдвигаетъ обладающихъ такимъ умѣньемъ людей. Напр. стройность организаціи германскаго флота — его эскадры, корабли, порта, плаванія, маневрированіе, военное образованіе—все это признаки, позволяющіе угадывать наличіе въ немъ всѣхъ частей моральнаго элемента, а также и главной изъ нихъ—искусства руководительства, которое создавъ все это въ мирное время, проникнутое значитъ пониманіемъ—для чего все это создавалось,—съумѣетъ и въ военное время направить все это къ достиженію тѣхъ цѣлей, которыя значитъ такъ ясны въ его представленіи.

Относительно значенія командного персонала не надо никогда забывать словъ Леера.

Въ руководительствѣ военной силой за-

„Считаю долгомъ“ говоритъ онъ *) „поставить еще и еще разъ въ особенности на видъ первостепенную важность *командного элемента* въ арміи, *начальство-*

*) Стратегія. Часть I стр. 432, изд. 1893 г. Курсивы подлинника.

ванія надъ войсками, *руководительства* ими; въ немъ заключается главная причина (причина всѣхъ причинъ) успѣховъ или неудачъ на войнѣ".

ключается главная причина успѣховъ или неудачъ на войнѣ.

„На войнѣ, главное значеніе принадлежитъ *моральнымъ, духовнымъ* средствамъ, т. е. человѣку. Тамъ, гдѣ онъ лучше обученъ и воспитанъ (въ *военномъ* отношеніи), тамъ долженъ быть и успѣхъ. Вотъ гдѣ вѣрнѣйшее средство нарушить равновѣсіе въ свою пользу и склонить успѣхъ на свою сторону; но и тутъ, какъ показываетъ военная исторія, нужно отличать *человѣка—солдата* отъ *человѣка—начальника* (въ особенности теперь). Человѣкъ—солдатъ болѣе или менѣе вездѣ былъ и есть одинаковъ съ точки зрѣнія *военнаго духа* (разница нѣкоторая только въ отношеніи *народнаго духа* и *воинственнаго* духа). Всѣ европейскія арміи дрались и дерутся одинаково хорошо. Каждая изъ нихъ, *при одномъ и томъ-же человѣкѣ—солдатѣ,* одерживала побѣды и несла пораженія, имѣла свои дни славы и омраченія, *въ зависимости отъ того, какъ арміей управляли, какъ вели ее,* отъ генія и таланта *человѣка—начальника,* отъ генерала, полководца, отъ *степени ихъ подготовки*".

„*Начальствующій персоналъ* и является главнымъ носителемъ и выразителемъ духовнаго начала, отъ котораго на $^{3}/_{4}$ зависитъ успѣхъ на войнѣ. Въ немъ коренится и коренилась всегда главная причина успѣховъ и неудачъ на войнѣ. Вотъ на что должно быть обращено особенное вниманіе теперь, помня, что подготовка начальниковъ, какъ и всякаго рода подготовка въ духовномъ отношеніи, какъ дѣло *воспитанія,* является дѣломъ не только многотруднымъ (даже самымъ труднымъ), но и въ то-же время—дѣломъ *многолѣтнимъ,* задачею нѣсколькихъ преемственныхъ поколѣній. Та армія, которая превзойдетъ въ этомъ отношеніи другія арміи, будетъ имѣть и всѣ шансы на успѣхъ, тѣмъ болѣе, что сравниться съ нею въ этомъ, въ относительно короткій срокъ, какъ то возможно въ отношеніи къ матеріальнымъ средствамъ, едва-ли мыслимо!"

„Я не могу лучше закончить изслѣдованіе вопроса объ управленіи арміями, какъ слѣдующими словами Наполеона I: „...не римскіе легіоны овладѣли Галліей а Цезарь; не карѳагенскія войска заставили трепетать Римъ, а Аннибалъ; не македонская фаланга проникла до Инда, а Александръ; не французская армія доходила до Везера и до Инна, а Тюреннъ; не прусскія войска 7 лѣтъ защищали Пруссію противъ трехъ сильнѣйшихъ державъ Европы, а Фридрихъ Великій".

Едва-ли стоитъ говорить, на сколько слова Леера оказались пророческими относительно операцій на сухомъ пути въ минувшей русско-японской войнѣ.

И остается только разрѣшить вопросъ—на сколько приложимы эти разсужденія къ морской войнѣ? Но вѣдь и въ области морской войны у всѣхъ на устахъ одно заключеніе—все зависитъ отъ личнаго состава. А значитъ надо только выяснить,—на столько-ли изъ общей роли личнаго состава выдѣляется роль флотоводца?

Подробное выясненіе этого вопроса—задача курса исторіи военно-морского искусства, а потому ограничусь здѣсь лишь краткими ссылками общаго характера.

Военно-морская исторія утвердительно разрѣшаетъ вопросъ объ огромной роли высшаго командованія въ морѣ.

Адмиралы, которые побѣждали, внѣ зависимости отъ эпохи, національности и обстановки, въ которой они дѣйствовали (Ѳемистоклъ и Форміо, Рюйтеръ и Турвиль. Нельсонъ и Сюфренъ. Ушаковъ и Сенявинъ), дали образцы высокаго искусства въ стратегіи и въ тактикѣ. А между тѣмъ далеко не всегда, не только матеріальная часть, но и качество личнаго состава были на сторонѣ побѣдителей.

Ѳемистоклъ побѣждалъ съ малочисленнымъ, плохо обученнымъ, на скоро организованнымъ и совсѣмъ не опытнымъ флотомъ.

Сюфренъ командовалъ эскадрой изъ очень плохихъ кораблей, дурно снабженныхъ, съ недисциплинированнымъ и плохо обученнымъ личнымъ составомъ, и у него не было ни одной базы, когда онъ началъ свои операціи.

Большая часть кораблей Ушакова собственно и не могли называться кораблями—боевая его линія состояла на половину изъ фрегатовъ: притомъ эти корабли уступали турецкимъ и въ ходѣ и въ количествѣ и въ качествѣ артиллеріи. Кромѣ того Ушакову приходилось выдерживать борьбу и со своимъ личнымъ составомъ, который относился къ нему не всегда сочувственно, какъ къ новатору въ пріемахъ морской войны.

Знаменитая кампанія Сенявина въ Средиземномъ морѣ протекла въ то время, когда русскій флотъ находился въ полномъ упадкѣ.

Извѣстный военный писатель М. И. Богдановичъ о состояніи флота въ царствованіе Александра I пишетъ: „Безпрестанныя войны, веденныя Россіей съ 1805 по 1815 годъ, заставя правительство обратить исключительное вниманіе на умноженіе и содержаніе военно-сухопутныхъ силъ, были причиною тому, что нашъ флотъ оставался въ небреженіи. Исправленіе старыхъ кораблей и постройка новыхъ почти совершенно прекратились, по недостаточности суммъ отпускаемыхъ на содержаніе флота. Наши моряки, выходя изъ портовъ съ ветхими судами, едва могшими держаться въ морѣ, дѣйствовали успѣшно противъ шведовъ въ Балтійскомъ морѣ и противъ турокъ въ Архипелагѣ, но такое состояніе флота угрожало совершеннымъ разрушеніемъ нашей морской силы“.

Но во главѣ такого флота стоялъ Сенявинъ и онъ побѣждалъ, уступая противнику и въ численности.

И такихъ примѣровъ изъ прежнихъ морскихъ войнъ можно привести сколько угодно.

А развѣ вліяніе адмирала Макарова не было огромно на Портъ-Артурскую эскадру, и развѣ она не преображалась совершенно въ его рукахъ?

А развѣ несчастный характеръ адмирала Рождественскаго, его мрачная суровость, его отчужденность отъ личнаго состава, который не былъ посвященъ въ его планы и намѣренія—развѣ все что не отразилось въ извѣстной мѣрѣ на тяжести пораженія при Цусимѣ, дѣйствуя въ ту-же сторону съ другими многочисленными причинами, ужъ отъ адмирала Рождественскаго

независящими, которыя готовили 2-й эскадрѣ печальную судьбу, тогда какъ при другомъ руководительствѣ эти причины могли быть въ извѣстной мѣрѣ ослаблены? Развѣ его могучая воля и энергія, вылившіяся почти исключительно въ отчаянную рѣшимость необузданнаго мужества, не могли получить лучшаго примѣненія въ развитіи единаго военнаго мышленія на эскадрѣ и въ примѣненіи на ней всѣхъ указаній прежняго и недавняго боеваго опыта? А между тѣмъ комиссія по разслѣдованію причинъ пораженія при Цусимѣ, указавъ съ полною опредѣленностью на главныя причины пораженія, лежавшія внѣ эскадры и ея начальника, отмѣтивъ превосходное мужество его и его личнаго состава, вмѣстѣ съ тѣмъ указала и на серіозные пробѣлы въ руководительствѣ, отсутствіе которыхъ могло въ извѣстной мѣрѣ уменьшить размѣры бѣдствія.

Разъ будетъ въ мирное время существовать школа для адмираловъ—она будетъ удовлетворять требованіямъ школы для всѣхъ.

И потому всѣ эти примѣры неустанно твердятъ намъ—не будемте забывать, что $^3/_4$ успѣха на войнѣ зависитъ отъ духовнаго начала, а главнымъ его носителемъ и выразителемъ является *начальствующій персоналъ*. Важность утвержденія этого положенія прежде всего скажется въ томъ, что ничто не будетъ упущено, чтобы имѣть въ мирное время *школу адмираловъ* т. е. такія *постоянныя* эскадры, въ которыхъ адмиралы дѣйствительно могутъ учиться своему дѣлу, могутъ пробовать и изощрять свое творчество, чтобы уже увѣренно прилагать его въ военное время. При такомъ образѣ мыслей, напр. совершенно невозможенъ случай несообщенія результатовъ критическаго разбора маневровъ даже его участникамъ. И разъ это будетъ сдѣлано, разъ будетъ создана обстановка, въ которой могутъ учиться и изощрять свое творчество адмиралы, разъ будетъ дана имъ возможность пріобрѣтать военныя знанія въ той полной мѣрѣ, въ которой они нужны для успѣшнаго веденія войны, то этимъ самымъ эта возможность откроется для всего личнаго состава т. е. значитъ созданіе одной изъ частей моральнаго элемента будетъ обезпечено.

На сколько отсутствіе „школы адмираловъ“ въ мирное время вліяетъ на пробѣлы въ руководитель-

ствѣ въ военное время, показываетъ та-же русско-японская война. И эти пробѣлы въ руководительствѣ, оказавшіеся въ этой войнѣ, было-бы несправедливо приписывать личностямъ—это было послѣдствіемъ системы, такъ какъ искусство въ руководительствѣ флотомъ можетъ быть получено только при практикѣ въ командованіи постоянно плавающими боевыми эскадрами, а не учебными отрядами.

А между тѣмъ изъ адмираловъ, бывшихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, только 4 командовали передъ тѣмъ въ мирное время боевыми эскадрами, но въ дѣйствіяхъ на морѣ во время войны изъ нихъ приняли участіе только два. Первый былъ смѣненъ въ самомъ началѣ войны, второй безвременно погибъ, пробывъ во главѣ флота только одинъ мѣсяцъ. Остальные двое оставались на берегу. Одинъ—вслѣдствіе того, что считалъ свое присутствіе болѣе полезнымъ при арміи для направленія ея дѣйствій, а другой—потому что былъ отрѣзанъ отъ флота.

Изъ прочихъ-же 13 адмираловъ, трое командовали въ мирное время только учебными отрядами, и одинъ плавалъ младшимъ флагманомъ, а остальные никогда ничѣмъ не командовали. Странно было-бы и требовать отъ нихъ искуснаго руководительства эскадрами и отрядами въ бою.

То-же самое оказалось и въ арміи.

„Одинъ изъ парадоксовъ послѣдней войны“ говоритъ публицистъ М. Меньшиковъ *) „состоялъ въ томъ, что чѣмъ выше были военныя части и чины, тѣмъ они были хуже. Солдаты были, въ среднемъ, нисколько не хуже японскихъ, скорѣе—лучше. Низшіе офицеры нисколько не уступали японскимъ. Небольшой русскій отрядъ всегда билъ соотвѣтствующій японскій отрядъ: русская рота всегда гнала японскую роту. Батальонъ успѣшно дрался съ батальономъ. Полкъ еще не уступалъ полку. Но, начиная съ бригады, начинался переломъ: японцы начинали брать верхъ. Русская дивизія уже пугалась японской дивизіи, корпусъ нашъ—коле-

*) „Новое Время“ отъ 17 Января 1910 г. Курсивы мои.

бался, армія наша—отступала. Въ чемъ-же тутъ причина? Одинъ изъ главнокомандующихъ (а я съ обоими велъ обстоятельныя бесѣды на эту тему) объяснилъ мнѣ эту загадку. Дѣло въ томъ, что мелкіе чины и мелкія военныя части у насъ *имѣютъ школу*, а крупныя, начиная съ бригады, не имѣютъ ея. Въ мирное время все военное обученіе у насъ сосредоточено преимущественно на нижнемъ чинѣ—оттого онъ всего и удовлетворительнѣе оказался на войнѣ. Достаточно времени тратится на ротныя и баталіонныя ученья,—вотъ почему роты и баталіоны у насъ были побѣдоносны. Полковыхъ ученій уже почти нѣтъ. Бригадныхъ, дивизіонныхъ, корпусныхъ—совсѣмъ нѣтъ; объ арміи и говорить нечего. Армія въ мирное время никогда не собирается и какъ цѣлое не существуетъ вовсе. Наши полководцы, вродѣ А. Н. Куропаткина, командовали ротой, много—полкомъ. Такъ называемые маневры далеко не даютъ генераламъ настоящей практики управленія частями. На маневрахъ, къ сожалѣнію, собирается слишкомъ высокопоставленная публика и однимъ изъ рѣшающихъ условій боя ставится то, чтобы въ часъ дня ихъ превосходительства могли позавтракать безъ помѣхъ, а въ семь пообѣдать. Куропаткина сгубило то, что ему не могли дать—какъ Кутузову—постоянной боевой практики, а сдѣлали чиновникомъ, а также то, что ему не могли дать и мирной практики, т. е. достаточнаго опыта управлять полевой арміей. Очень авторитетный во множествѣ второстепенныхъ отношеній, *знаменитый генералъ растерялся на новомъ для него дѣлѣ—полководческомъ*".

На войнѣ человѣкъ дѣлаетъ только то, что онъ привыкъ дѣлать въ мирное время.

Опредѣливши—что слѣдуетъ понимать подъ обученнымъ практически личнымъ составомъ, логично было-бы перейти къ вопросу—чему и какъ слѣдуетъ его учить (см. стр. 243). Но всѣ подробности этого относятся уже къ области морской тактики и здѣсь достаточно отмѣтить только нѣсколько общихъ основныхъ положеній.

Главное изъ нихъ заключается въ томъ, что *на войнѣ человѣкъ дѣлаетъ только то, что онъ привыкъ дѣлать въ мирное время.*

Это положеніе, формулированное маршаломъ Морицемъ Саксонскимъ, выведенное имъ изъ обширнаго боеваго опыта, постоянно подтверждаемое опытомъ каждой новой войны, предостерегаетъ противъ часто встрѣчающагося разсчета на то, что будто-бы, когда придетъ война, люди сдѣлаются какими-то другими, измѣнятъ свои навыки, сами пополнятъ то, что было упущено въ мирное время, что они забудутъ свои несогласія и вражду, что они пожертвуютъ всѣми своими личными чувствами, чтобы дружными усиліями сломить врага.

На самомъ дѣлѣ такой разсчетъ болѣе чѣмъ обманчивъ. Ужъ не говоря про то, что при использованіи матеріальной части на войнѣ, по крайней мѣрѣ въ первое время, будутъ употребляться лишь пріемы, практиковавшіеся въ мирное время, но если не было въ мирное время дружной работы и согласованныхъ усилій, если не было дисциплины, основанной на взаимномъ довѣріи, если не проявлялась личная инициатива, то тѣмъ болѣе не окажется этихъ качествъ въ военное время.

Все это значитъ должно быть создано въ мирное время посредствомъ образованія и воспитанія.

Образованіе даетъ умѣнье создавать надлежащую матеріальную часть, держать ее въ исправности, искусство при использованіи ея въ бою, увѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ и проистекающее отсюда хладнокровіе.

Как распределяется работа созданія моральнаго элемента между образованіемъ и воспитаніемъ.

Воспитаніе создаетъ нравственныя качества личнаго состава: неустрашимость, безпрекословное повиновеніе волѣ начальника, находчивость и собственную инициативу, когда человѣкъ предоставленъ самому себѣ, чувство долга, доведенное до самоотверженія, заключающее въ себѣ готовность пожертвовать собой для выручки другихъ, и способность выносить тягости и лишенія военнаго времени безропотно и безъ быстраго истощенія силъ.

Образованіе даетъ указанія для практическаго изученія военнаго дѣла, воспитаніе—создаетъ ту почву, которая необходима для того, чтобы одна часть личнаго

состава, болѣ сознательная, могла направлять къ достиженію опредѣленныхъ цѣлей массу, не способную подняться до высокой степени сознательности.

Чему учить—это относится къ образованію, а *какъ* учить—неизмѣнно заключаетъ въ себѣ и элементъ воспитательный.

Въ задачу настоящаго изслѣдованія, какъ уже было указано выше (стр. 260), не могутъ входить какія либо подробности по этимъ вопросамъ и въ особенности—по первому изъ нихъ, какъ зависящему исключительно отъ современнаго состоянія оружія и пріемовъ обращенія съ нимъ. Поэтому, кромѣ уже приведеннаго общаго и *вѣрнаго для всякой эпохи* указанія, что при обученіи надо разсчитывать, что люди на войнѣ только и будутъ дѣлать то, чему ихъ учили въ мирное время, и скорѣе будутъ дѣлать это хуже, чѣмъ лучше, я приведу только, для лишняго подтвержденія того, о чемъ уже было говорено во второй главѣ (стр. 69—77), мнѣніе генерала Драгомирова *) о томъ—слѣдуетъ ли вводить въ обученіе и теорію военнаго дѣла, какъ вопросъ тоже стоящій *внѣ* какой-бы то ни было *обстановки*.

Драгомировъ о значеніи теоріи военнаго дѣла въ методѣ сообщенія военныхъ знаній.

На вопросъ—можно-ли пренебрегать изученіемъ теоріи военнаго дѣла, такъ какъ на войнѣ требуется лишь практическое его приложеніе, Драгомировъ отвѣчаетъ—отнюдь нѣтъ. Напротивъ,—значеніе теоріи въ обученіи личнаго состава огромно. Чѣмъ сложнѣе то или другое средство боя, чѣмъ труднѣе имъ владѣть, тѣмъ необходимѣе самое тщательное изученіе его свойствъ, *до* употребленія его въ бою. Иначе придется знакомиться съ этими свойствами изъ ряда горькихъ опытовъ, между тѣмъ, какъ это можно сдѣлать безъ малѣйшаго пожертвованія, теоретически, въ спокойномъ состояніи духа.

Зная эти свойства, придется на дѣлѣ разрѣшить только одну задачу—какимъ изъ нихъ воспользоваться въ данномъ случаѣ? Не зная-же свойствъ, вмѣсто одной задачи, придется разрѣшить двѣ, т. е. знакомиться сначала со свойствами изъ кроваваго опыта, и затѣмъ уже ими пользоваться.

*) Тактика. Изд. 1881 г.

И сколько разъ приходилось именно такъ дѣлать и на сушѣ и на морѣ впродолженіи нашей войны съ Японіей! Пригоденъ на войнѣ только тотъ человѣкъ, который умѣетъ прикладывать свои познанія къ дѣлу, но самыя познанія безъ помощи теоріи для него недостижимы.

Теорія требуетъ разложенія всякаго предмета изученія на составные элементы и послѣдовательнаго изслѣдованія каждаго изъ нихъ, иначе его свойства (качества и недостатки) не могутъ представиться въ полной ясности, заслоняя другъ друга. Практика-же требуетъ умѣнья пользоваться предметами въ полной совокупности всѣхъ ихъ свойствъ, выдвигая впередъ качества, и именно тѣ, которые наибольше соотвѣтствуютъ обстановкѣ и прикрываютъ недостатки.

Сообразно съ этими требованіями распредѣляется и обученіе, но при этомъ каждый, какъ обучающій, такъ и обучающійся, долженъ ясно сознавать, что первый способъ служитъ, хотя и необходимою, но только ступенью къ тому, чтобы приступить къ второму—гораздо болѣе важному. Поэтому на первомъ слѣдуетъ остановиться лишь по стольку, по скольку это дѣйствительно необходимо; иначе легко имъ увлечься, начать считать результаты такого обученія не за средство, а за цѣль, и пренебречь или не поспѣть удѣлить достаточно времени для второго способа.

Этими общими и не зависящими отъ какой либо обстановки указаніями я и ограничусь въ вопросѣ объ образованіи.

На вопросѣ о воспитаніи остановлюсь нѣсколько подробнѣе, потому что именно воспитаніе, которое должно создать нравственныя качества, входящія въ составъ моральнаго элемента (см. стр. 261), участвуетъ въ созданіи той почвы, которая необходима для того, чтобы одна часть личнаго состава, болѣе сознательная, имѣла возможность направлять къ достиженію опредѣленныхъ цѣлей, не обладающую такой-же степенью сознательности, массу.

Здѣсь я опять обращусь прежде всего къ Драгомирову, много поработавшему надъ этимъ вопросомъ,

исходя изъ того, что основы воспитанія человѣка не зависятъ ни отъ обстановки, ни отъ эпохи—вѣдь человѣкъ по существу не мѣняется.

Драгомировъ объ условіяхъ при которыхъ развивается чувство долга.

Нравственное воспитаніе, по мнѣнію Драгомирова, требуетъ того-же, что и физическое—упражненія того органа, который желаютъ развить. Если вы хотите, чтобы человѣкъ былъ возможно болѣе способенъ приводить себя въ извѣстное нравственное настроеніе, старайтесь обставить его такимъ образомъ, чтобы это настроеніе возникало въ его душѣ по возможности чаще. Наоборотъ: должно избѣгать возбужденія тѣхъ настроеній, которыя противы назначенію воина. *А что въ военномъ можетъ быть презрительнѣе страха, который парализуетъ и умъ и волю* (см. стр. 144—152)—восклицаетъ Драгомировъ. Слѣдовательно военный человѣкъ долженъ быть веденъ такъ, чтобы чувство страха возникало въ его душѣ по возможности рѣже, ибо кто пріученъ безсознательно бояться своего, тотъ уже тѣмъ самымъ въ извѣстной мѣрѣ пріученъ бояться и непріятеля. Уже изъ этого видно, что *нравственное воспитаніе военнаго коренится въ характерѣ отношеній его къ старшимъ*—чѣмъ менѣе они даютъ мѣсто бозотчетному страху, тѣмъ лучше. Въ особенности это важно относительно нижнихъ чиновъ. Такъ напр. гдѣ нижній чинъ увѣренъ, что, если онъ сдѣлаетъ свое дѣло, его пальцемъ никто не имѣетъ права тронуть,—чувство безсознательнаго страха развиться не можетъ; тамъ, гдѣ этой увѣренности нѣтъ,—такой страхъ развивается. Что-же можетъ дать ему эту увѣренность?

Ее можетъ дать только такое положеніе, при которомъ нижній чинъ знаетъ всегда напередъ, что онъ долженъ дѣлать и чего съ нимъ не должны дѣлать; такая система, при которой, въ мирное время, *произволъ какъ со стороны старшаго, такъ и со стороны младшаго одинаково являются преступленіемъ;* при которой *законъ становится выше личности каждаго изъ служащихъ.* Это—неизбѣжное условіе нравственнаго воспитанія и начальниковъ и подчиненныхъ: безъ него чувство долга выработаться не можетъ, ибо послѣднее возникаетъ только тамъ, гдѣ человѣкъ изъ

практики видитъ, что законъ, *обязывая* его, въ то-же время *обезпечиваетъ* его отъ неправыхъ посягательствъ. Гдѣ законъ не былъ поставленъ въ такое положеніе, начиналось съ того, что начальникъ переставалъ его исполнять въ случаяхъ его стѣсняющихъ, а кончалось тѣмъ, что и подчиненный дѣлалъ то-же.

Драгомировъ о выработкѣ нравственной самостоятельности, исполнительности и находчивости.

Нравственная самостоятельность только тогда и можетъ создаться, когда начальникъ внушаетъ подчиненному не безотчетный страхъ, а *вѣру* въ то, что онъ никогда не отдастъ незаконнаго приказанія, и *уваженіе*, составляющее слѣдствіе этой вѣры.

Можно подумать, что строгая законность отношеній въ мирное время можетъ сдѣлать человѣка не совсѣмъ гибкимъ исполнителемъ воли начальника въ военное. Но это, по мнѣнію Драгомирова, совершенно невѣрно. Вынося изъ практики мирнаго времени убѣжденіе въ ненарушимости закона и вѣру въ то, что требованіе начальника не можетъ быть не дѣльно или внушено личнымъ капризомъ, онъ въ военное время не можетъ допустить мысли, чтобы требованія того-же начальника измѣнили свой характеръ. Должно помнить, что *исполнительность на войнѣ опредѣляется для большинства людей, не столько страхомъ взысканія, сколько убѣжденіемъ въ томъ, что приказывающій требуетъ дѣла.*

Такая система отношеній вырабатываетъ слѣдовательно и нравственную самостоятельность, и привычку безпрекословнаго исполненія служебныхъ требованій; она вырабатываетъ наконецъ то чувство внутренняго единства части (корабля, отряда, эскадры), которое называется ея *духомъ*, и при которомъ выручка своихъ во всѣхъ смыслахъ, какъ для подчиненныхъ, такъ и для начальниковъ,—становится святѣйшимъ закономъ.

Но вырабатываетъ-ли эта система находчивость? Непосредственно—нѣтъ. Но она способствуетъ развитію послѣдней уже тѣмъ, что пріучаетъ къ спокойствію духа, т. е. къ возможности яснѣе видѣть и судить въ опасныя минуты, а слѣдовательно и легче находиться.

Суворовъ, глубоко постигшій человѣческую природу и знавшій, какое парализующее вліяніе на чело-

вѣка производить всякая неожиданность, имѣлъ свою оригинальную манеру возбуждать находчивость неожиданными вопросами, на которые требовалъ хоть какого нибудь, но непремѣнно положительнаго отвѣта. Какъ-бы отвѣтъ не былъ неудовлетворителенъ, все-же онъ показывалъ въ человѣкѣ *способность рѣшаться;* и потому-то „не могу знать", какъ представитель отсутствія этой пособности, такъ было имъ ненавидимо. „Тотъ", говорилъ Суворовъ, „кто растеряется отъ простого вопроса, растеряется еще болѣе отъ неожиданной атаки непріятеля".

Но когда возможна подобная манера развитія находчивости? Опять тогда, когда спрошенный будетъ думать о томъ только, чтобы быстро и дѣльно отвѣтить, а не о томъ, чтобы прочесть отвѣтъ въ глазахъ спрашивающаго.

Наилучшая обстановка для развитія нравственныхъ качествъ личнаго состава—это плаваніе, и въ особенности—въ эскадрѣ.

Въ мирное время наилучшей ареной для созданія этихъ качествъ у личнаго состава флота является плаваніе, и въ особенности плаваніе въ эскадрѣ, съ высокой отвѣтственностью вахтенной службы для всѣхъ нижнихъ чиновъ и младшихъ офицеровъ, и еще болѣе отвѣтственной службой командировъ и адмираловъ по руководительству кораблями и эскадрами, въ особенности во время ихъ передвиженій.

Въ этомъ и состоитъ единственная дѣйствительная служба строевого личнаго состава въ мирное время; всѣ остальные отдѣлы занятій представляютъ не болѣе какъ подготовку къ этой службѣ.

Напр. нижній чинъ, стоя на часахъ, иногда охраняетъ предметы величайшей важности и облекается правомъ употребленія оружія. Это право ставитъ его въ положеніе, въ высшей степени трудное, ибо несвоевременное употребленіе оружія является въ мирное время одинаково преступнымъ, какъ и несвоевременное воздержаніе отъ такого употребленія, и рѣшать вопросъ—что дѣлать въ извѣстномъ случаѣ—часовой долженъ *самъ*, такъ какъ вблизи его руководителя можетъ и не быть. Съ честью выйти изъ такого противорѣчиваго положенія можетъ только человѣкъ съ вѣрно развитымъ, въ кругѣ доступныхъ ему понятій,

чувствомъ и умомъ. А также и обратно—только такія положенія могутъ утвердить человѣка въ способности оцѣнивать положеніе и рѣшать быстро—что дѣлать въ данномъ случаѣ. Также здѣсь нижній чинъ утверждается въ правильномъ отношеніи къ получаемымъ приказаніямъ, ибо относительно ихъ часовой поставленъ также въ противорѣчивое положеніе, будучи обязанъ исполнять приказанія только разводящаго и караульнаго начальника, и не имѣя права принимать приказанія даже отъ прямыхъ своихъ начальниковъ, коимъ внѣ часовъ, онъ обязанъ безусловно повиноваться.

Въ плаваніи, въ особенности во время хода, не только офицеры, но и цѣлый рядъ нижнихъ чиновъ несутъ очень большую отвѣтственность по безопасности, представляющаго изъ себя огромную стоимость, корабля и большого количества человѣческихъ жизней. Здѣсь требуется нешуточное пониманіе этой отвѣтственности и неуклонная бдительность; здѣсь люди пріучаются преодолѣвать утомленіе усиліемъ собственной воли.

Такимъ образомъ плаваніе вызываетъ дѣятельность всѣхъ духовныхъ и физическихъ качествъ личнаго состава и оно и представляетъ наилучшую подготовку къ бою. Корабль или эскадра, содержащіеся въ дѣйствительномъ, а не показномъ линіи или формальномъ порядкѣ въ мирное время, не могутъ и въ бою показать себя дурно.

Воспитательное значеніе характера обученія.

Однако не малое вліяніе на развитіе нравственныхъ качествъ личнаго состава имѣетъ и подготовка къ дѣйствительной службѣ, т. е. его обученіе, или вѣрнѣе характеръ этого обученія. Обученіе это заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ частностей, которыми легко могутъ увлекаться какъ обучающіе, а за ними иногда и обучающіеся, забывая при этомъ ту, часто очень ограниченную, роль, которую должна играть та или другая частность обученія въ общей боевой подготовкѣ.

Въ особенности сильно это проявляется иногда въ стрѣльбѣ, одной изъ важнѣйшихъ отраслей обученія нижнихъ чиновъ. Иногда на стрѣльбу обнаруживается взглядъ, не какъ на средство для боя, а какъ на ис-

кусство, само по себѣ составляющее цѣль. Отсюда часто вытекаетъ погоня за выбиваніемъ опредѣленнаго процента попаданія. И это еще не составляетъ бѣды, такъ какъ конечно извѣстный процентъ попаданія даетъ возможность оцѣнить искусство въ стрѣльбѣ корабля или эскадры. Но вотъ бѣда начинается тогда, когда не ставятъ стрѣльбу въ обстановку наиболѣе подходящую къ боевой, только изъ за того, что въ этомъ случаѣ затрудняется опредѣленіе процента попаданія. Напр. быстрая буксировка щита заставляетъ настолько уменьшить его размѣры, что о дѣйствительности стрѣльбы приходится судить по близости къ нему мѣстъ паденія снарядовъ, а не по непосредственному подсчету числа пробоинъ въ щитѣ. Слѣдуетъ-ли изъ этого, что надо стрѣлять по тихо движущимся, или еще того хуже, по неподвижнымъ щитамъ, или стрѣлять съ небольшихъ разстояній?

Конечно нѣтъ, а между тѣмъ, и не только прежде, а даже и теперь, и въ самыхъ лучшихъ европейскихъ флотахъ, имѣются примѣры увлеченій въ эту сторону, какъ будто нужно учить стрѣльбѣ, для повѣрки, а не для того, чтобы поражать врага.

Упражненіе въ стрѣльбѣ, въ обстановкѣ наиболѣе приближающейся къ боевой, представляетъ изъ себя не только обязанность личнаго состава, но и его *право*, потому-что отъ большаго или меньшаго его искусства въ таковой стрѣльбѣ зависитъ сравнительная безопасность его въ бою.

Упражненіе въ стрѣльбѣ кораблей въ одиночку не должно заслонять упражненій въ эскадренной стрѣльбѣ, въ которой надо умѣть не мѣшать другимъ, а напротивъ надо умѣть имъ содѣйствовать, и въ которой нельзя свободно располагать своими движеніями; въ особенности это важно для эскадренныхъ броненосцевъ, главное назначеніе которыхъ—сражаться совмѣстно и для которыхъ одиночный бой всегда явится исключеніемъ. Нельзя ждать того, чтобы каждый корабль въ отдѣльности дошелъ до опредѣленной степени совершенства. Непріятель не ждетъ съ объявленіемъ войны того времени, когда это совершенство будетъ достигнуто;

въ бою не спросятъ, какой корабль, и тѣмъ болѣе, какой комендоръ *выбилъ* извѣстный процентъ,—а въ бой пойдетъ эскадра и результатъ будетъ зависѣть отъ ея умѣнья стрѣлять, связаннаго съ умѣньемъ совмѣстнаго маневрированія.

Это соображеніе еще разъ подчеркиваетъ правильность уже высказаннаго положенія (стр. 258), что дѣйствительная подготовка личнаго состава къ боевой дѣятельности возможна лишь при наличіи въ мирное время такихъ эскадръ и отрядовъ, составъ которыхъ соотвѣтствуетъ требованіямъ военнаго времени, и которые находятся въ плаваніи непрерывно—круглый годъ.

Но, какъ было упомянуто выше, увлеченіе обучающихъ передается и обучающимся. Въ прежнее время увлеченіе процентомъ осязаемыхъ пробоинъ на щитѣ доводило послѣднихъ до того, что передъ щитами на берегу накладывали кучу камней и старались попасть даже не въ щиты, а въ эту кучу, чтобы камни, разлетаясь, произвели-бы цѣлый рядъ пробоинъ въ щитѣ.

Уже изъ этихъ примѣровъ явствуетъ, какъ всякая лишняя прибавка въ обученіи противъ того, что требуется для войны—опасна: въ конечномъ результатѣ она обращается въ самостоятельный предметъ занятій, неимѣющій ничего общаго съ боевымъ дѣломъ.

Замѣчаются увлеченія и въ обратную сторону. Напр. говорятъ иногда—зачѣмъ добиваться особой стройности въ эскадренныхъ эволюціяхъ—вѣдь эта стройность все равно и недостижима, да и существенно не нужна въ бою.

Все это правда, но при этомъ забываютъ, что не эта одна цѣль и преслѣдуется при упражненіяхъ въ совмѣстномъ маневрированіи. Здѣсь развивается въ эскадрѣ сплоченность, способность быстро подчиняться одной волѣ, способность въ необходимый моментъ дѣйствовать какъ одинъ,—и это все въ бою нужно.

Затѣмъ нѣкоторыя упражненія производятся далеко въ недостаточной мѣрѣ, напр. изъ за того, что они представляютъ извѣстную опасность или требуютъ

значительныхъ затратъ. Напр. въ тотъ періодъ, когда таранъ еще считался оружіемъ, почти совершенно не упражнялись въ его употребленіи, тогда какъ это искусство дается еще труднѣе, чѣмъ искусство стрѣльбы.

Далеко не всегда стоитъ на достаточной высотѣ стрѣльба минами, все таки производящаяся главнымъ образомъ по цитамъ и днемъ, хотя—главное назначеніе напримѣръ миноносцевъ—дѣйствовать ночью, и стрѣльба минами, при рѣшимости произвести на это соотвѣтствующія матеріальныя затраты, можетъ производиться по кораблямъ.

Какъ противодѣйствовать увлеченію частностями обученія.

Средство противодѣйствовать увлеченію частностями обученія, въ ущербъ боевому его значенію, заключается, по мнѣнію генерала Драгомирова, въ исполненіи основнаго закона всякой человѣческой дѣятельности, по которому человѣкъ, приступая къ изученію какого нибудь предмета, начинаетъ съ разложенія его на составныя части, изучаетъ ихъ отдѣльно, и затѣмъ соединяетъ ихъ въ одно, *не останавливаясь слишкомъ долго на отдѣльномъ изученіи*. Учитесь-ли вы читать, писать, пахать, плотничать,—вы постоянно держитесь этого пути. Слѣдуетъ его держаться и въ образованіи личнаго состава.

Увлеченіе грамотностью.

Увлеченіе частностями обученія, напр. увлеченіе изученіемъ тонкостей современной сложной матеріальной части, которое облегчается съ развитіемъ грамотности, можетъ повести напр. къ увлеченію грамотностью. Противъ такого увлеченія также предостерегаетъ генералъ Драгомировъ.

Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что грамотность важна и что къ развитію ея въ средѣ нижнихъ чиновъ должны быть прилагаемы настойчивыя мѣры, но въ число ихъ не должны входить служебныя награды. Должно помнить, что для того, чтобы быть унтеръ-офицеромъ, нужно прежде всего умѣть управляться съ людьми и знать свои обязанности; неграмотный, но удовлетворяющій этимъ условіямъ, долженъ становиться на служебной лѣстницѣ выше, не только грамотнаго, но даже пожалуй, и ученаго, который этихъ условій не

представляетъ. Это въ особенности должно имѣть въ виду въ странахъ, гдѣ грамотность мало еще распространена, т. е. гдѣ оба условія (способность управлять и грамотность) не всегда встрѣчаются въ одномъ лицѣ. Военная часть не есть школа грамотности; одно знаніе грамоты не можетъ быть въ ней служебнымъ отличіемъ; кто ставитъ вопросъ иначе, тотъ, самъ того не замѣчая, обращаетъ военную часть въ школу грамотности, отклоняетъ ее отъ прямаго ея назначенія. Вообще, сколько кажется, слѣдуетъ принять основнымъ правиломъ, что военное производство должно стремиться къ одному только—къ расширенію власти тѣхъ людей, которые, управляя меньшимъ числомъ себѣ подобныхъ, показали, что могутъ справиться и съ большимъ, но не быть наградой за частное совершенство въ какомъ либо отдѣлѣ образованія.

Конечно въ буквальномъ смыслѣ, это указаніе Драгомирова гораздо менѣе приложимо къ флоту, гдѣ цѣлый рядъ обязанностей, по управленію даже небольшими группами людей, требуетъ превосходнаго знакомства со столь сложной матеріальной частью, что это знакомство не можетъ быть получено, не только безъ хорошей грамотности, но даже и безъ значительныхъ познаній по цѣлому ряду предметовъ. Но мысль высказанная Драгомировымъ, понимаемая широко—возможное несовмѣщеніе въ одномъ лицѣ *способности управлять* и *способности* въ полной строгости *удовлетворить* всѣмъ *требованіямъ программы* обученія, и тѣ выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ этой мысли—будутъ небезполезны и для флота, и эту мысль, широко понимаемую, я считаю въ числѣ тѣхъ, которыя ложатся въ основу созданія нравственнаго элемента личнаго состава, внѣ зависимости отъ обстановки, а потому и включилъ ее въ настоящее изслѣдованіе.

Очень важно укрѣпить силы людей и пріучить ихъ къ выносливости. Первое качество достигается хорошей пищей, хорошей гигіеной, обдуманнымъ распредѣленіемъ времени впродолженіи дня, въ которомъ достаточное его количество отводилось-бы физи- Пріученіе къ выносливости.

ческой работѣ и гимнастикѣ (напр. греблѣ), въ соединеніи съ достаточными временемъ для сна и отдыха.

Выносливость развивается вахтенной службой. Для машинистовъ и въ особенности для кочегаровъ очень важно быть выносливыми при полномъ ходѣ.

Необходимость всеобщаго обученія плаванію.

Затѣмъ необходимо, чтобы не было на кораблѣ людей боящихся воды—а это достижимо только при неослабномъ обученіи, всѣхъ безъ исключенія, плаванію. Съ сожалѣніемъ приходится констатировать фактъ, что эта отрасль обученія, какъ нижнихъ чиновъ, такъ и будущихъ офицеровъ, въ морскихъ учебныхъ заведеніяхъ, находится въ пренебреженіи.

Наконецъ, бодрость и хорошее расположеніе духа поддерживается разумными развлеченіями во время плаванія,—и достаточнымъ пребываніемъ на берегу.

Характеръ отношеній начальниковъ къ подчиненнымъ.

Громадную роль въ этомъ случаѣ играетъ и характеръ отношеній начальниковъ къ своимъ подчиненнымъ.

Жюрьенъ-де-ла-Гравьеръ указываетъ, что Нельсонъ, кумиръ своихъ матросовъ, умѣлъ въ той-же степени заслужить и любовь своихъ офицеровъ. Нельсонъ изъ всѣхъ англійскихъ адмираловъ былъ лучше другихъ поддерживаемъ своими капитанами, но онъ обязанъ было этимъ, не какому либо счастливому стеченію обстоятельствъ, а собственно себѣ и тому ревностному повиновенію, какое внушаютъ, не неумолимо строгія постановленія, но добровольная преданность. Трудно точно формулировать, какими средствами достигалась эта *добровольная* преданность, которая и представляетъ изъ себя идеалъ отношеній подчиненныхъ къ начальнику, но нѣкоторыя указанія на эти средства мы найдемъ у того-же историка.

Послѣ побѣды Нельсонъ всегда великодушно слагалъ честь ея на своихъ подчиненныхъ. Никогда, писалъ онъ про одного изъ нихъ, ни одинъ офицеръ не подавалъ лучшаго совѣта въ болѣе благопріятную минуту. Геройское сердце этого человѣка чувствовало, что между нимъ и его офицерами преданность должна быть взаимна, и, дѣйствительно, во всѣхъ случаяхъ, онъ

защищаетъ ихъ интересы съ тѣмъ же рвеніемъ, съ какимъ они старались содѣйствовать его славѣ.

Нельсонъ никогда не осуждалъ офицера, которому не посчастливилось,—по его мнѣнію, дѣятельный капитанъ былъ всегда правъ. Потерявъ судно, онъ заслуживалъ, чтобы ему дали другое. Когда до него дошли слухи о томъ, что адмиралтейство хочетъ лишить награды одного изъ его командировъ за то, что корабль его сталъ на мель, онъ сейчасъ-же обратился въ адмиралтейство съ такимъ письмомъ:

„Я не принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые боятся земли. Тѣ, которые опасаются приблизиться къ берегу, рѣдко совершаютъ какой-нибудь великій подвигъ. Въ потерѣ судна утѣшиться легко, но потеря услугъ храбраго офицера была-бы, по моему мнѣнію, потеря національная. И позвольте вамъ замѣтить, милорды, что если-бы меня самого судили всякій разъ, когда я ставилъ въ опасное положеніе мой корабль, или мою эскадру, то вмѣсто того, чтобы засѣдать въ палатѣ пэровъ, я давно-бы уже долженъ былъ быть исключенъ изъ службы“.

Вмѣстѣ съ этимъ рвеніемъ въ защитѣ интересовъ своихъ подчиненныхъ, Нельсонъ соединялъ простоту обращенія, которая всегда такъ привлекательна въ людяхъ высокаго достоинства. Онъ не боялся унизить свое званіе, показывая себя сообщительнымъ съ окружающими, и охотно признавалъ превосходство ихъ во многихъ изъ тысячи мелочныхъ подробностей, которыми изобилуетъ морское дѣло. Такимъ образомъ, онъ отдавалъ справедливость спеціальнымъ познаніямъ каждаго, и умѣлъ вызвать совѣты, которые часто неожиданнымъ свѣтомъ озаряли его соображенія.

Впрочемъ, онъ думалъ, что это участіе каждаго въ окончательномъ планѣ дѣйствій должно только облегчить его выполненіе. Увѣренный, что не должно быть ничего безусловнаго въ предначертанномъ заранѣе планѣ, онъ требовалъ не столько точнаго исполненія своихъ приказаній, сколько искренняго и усерднаго содѣйствія.

Но этого было ему мало: ему надо было, чтобы не онъ одинъ былъ предметомъ этого чувства, а чтобы между всѣми людьми, назначенными сражаться подъ однимъ флагомъ, царствовали взаимная любовь и взаимное довѣріе; этого онъ и добивался, сознавая, какъ хорошій психологъ, всю важность такого положенія.

Въ какихъ-бы онъ ни находился критическихъ обстоятельствахъ, даже наканунѣ сраженія, среди важнѣйшихъ занятій, онъ находилъ время входить во всѣ мелочи личныхъ отношеній своихъ подчиненныхъ. Вмѣсто того, чтобы держать себя далеко отъ всѣхъ, подъ предлогомъ какого-то ошибочнаго понятія о своемъ достоинствѣ, Нельсонъ, напротивъ, всѣми силами вмѣшивался въ частную жизнь своихъ подчиненныхъ; такимъ образомъ, онъ скоро самъ сдѣлался центромъ этой жизни, и, привлекая къ себѣ всѣ эти, готовыя подняться одна на другую, воли, онъ соединялъ ихъ въ одну мысль, заставлялъ ихъ стремиться къ одной общей цѣли—къ уничтоженію французскихъ эскадръ. Онъ вникалъ въ малѣйшія распри, доходилъ до самой мелочной заботливости въ примиреніи сторонъ, и всегда вѣрною рукою удерживалъ готовыя возникнуть несогласія.

Обращая громадное вниманіе на дисциплину и обученіе командъ, онъ понималъ, на сколько болѣе цѣнными являются эти качества, если они достигнуты безъ обычныхъ, въ то время, грубыхъ насилій и жестокихъ наказаній.

И въ то время, когда почти каждый англійскій матросъ носилъ на плечахъ слѣды кошки, Нельсонъ питалъ отвращеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ. „Могу похвалиться“—говорилъ онъ—„что я исполнилъ мой долгъ такъ-же хорошо, какъ и самый строгій изъ этихъ господъ, и что вмѣстѣ съ тѣмъ я не потерялъ любви своихъ подчиненныхъ“. Онъ умѣлъ дѣйствовать на массы энергіей безъ суровости, убѣжденіемъ безъ слабости, и дѣйствовалъ болѣе посредствомъ окружавшаго его обаянія, нежели посредствомъ находившейся въ рукахъ его власти, въ полной увѣренности, что никогда его власть не потерпитъ отъ близости его

сношеній съ подчиненными. Какъ не повторить вмѣстѣ съ Жюрьенъ-де-ла-Гравьеромъ его слова: „Счастливы тѣ энергичные люди, которыхъ снисходительность нельзя назвать слабостью, и которые могутъ безнаказанно оставаться человѣколюбивыми и добродушными".

Какъ управлять массой.

Этими положеніями (стр. 261—274) обрисовываются въ общихъ чертахъ тѣ условія, которыя дѣлаютъ массу гибкой и способной воспринимать указанія начальниковъ, хотя-бы въ полной мѣрѣ она и не была способна совершенно сознательно отнестись къ тому дѣлу, которое отъ нея требуютъ и къ тѣмъ способамъ, которые ей указываютъ для достиженія поставленныхъ цѣлей. Здѣсь очень много зиждется на довѣріи, на способности воспринимать внушеніе другихъ, а для этого должна быть создана соотвѣтствующая почва, и создается она вышеуказанными условіями.

Подготовленная такимъ образомъ масса представляетъ изъ себя организованную толпу, и чтобы изучить искусство управлять ею—а для этого вѣдь ее и подготовляли—нельзя пренебрегать указаніями людей занимавшихся изученіемъ психологіи толпы.

Логикой и разсужденіями массой управлять нельзя.

Всѣ они*) сходятся на томъ, что логикой и разсужденіями толпой управлять нельзя. Это годится для отысканія истины, для убѣжденія отдѣльныхъ относящихся вполнѣ сознательно къ дѣлу людей, это годится для книги, которая имѣетъ дѣло съ отдѣльными людьми, и которые путемъ логики и разсужденій, путемъ научныхъ методовъ и различныхъ пріемовъ, о которыхъ шла рѣчь въ первой части этой главы, можетъ *убѣдить* въ истинности того или другого положенія людей искренно ищущихъ истину и готовыхъ ее принять съ любой стороны, откуда-бы она ни пришла, внѣ зависимости отъ личныхъ качествъ доказывающаго ея истинность, лишь-бы только онъ *умѣлъ ее доказать* — въ этомъ главное.

Но для толпы этотъ способъ совершенно непригоденъ.

*) Лебонъ, Компсано, Зыковъ.

Нужно-ли вселить въ нее какую либо идею, или нужно ее заставить совершить какой нибудь поступокъ способы для этого совершенно другіе, не имѣющіе ничего общаго съ научнымъ методомъ. Но все таки это—*методы* сообщенія результатовъ научныхъ методовъ для непосредственнаго ихъ приложенія къ дѣлу, а потому нельзя о нихъ не говорить въ настоящей главѣ.

Чтобы заставить идею проникнуть въ душу толпы, лучшія средства—утвержденіе, повтореніе, зараза.

По мнѣнію Лебона*), когда дѣло идтъ о томъ, чтобы заставить душу толпы проникнуться какими нибудь идеями или вѣрованіями, то наилучшіе способы для того, чтобы этого достигнуть—это *утвержденіе, повтореніе, зараза*. На мгновеніе толпу еще легче можно увлечь какимъ либо быстрымъ внушеніемъ—и самое лучшее—личнымъ примѣромъ, но дѣйствіе такого внушенія быстро проходитъ, тогда какъ дѣйствіе вышеуказанныхъ способовъ, хотя и медленно, но результаты достигаемые ими, очень стойки.

„Простое *утвержденіе*, не подкрѣпляемое никакими разсужденіями и никакими доказательствами, служитъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ для того, чтобы заставить какую нибудь идею проникнуть въ душу толпы. Чѣмъ болѣе кратко утвержденіе, чѣмъ болѣе оно лишено какой-бы то ни было доказательности, тѣмъ болѣе оно оказываетъ вліяніе на толпу. Священныя книги и кодексы всѣхъ вѣковъ всегда дѣйствовали посредствомъ простого утвержденія; государственные люди, призванные защищать какое нибудь политическое дѣло, промышленники, старающіеся распространить свои продукты посредствомъ объявленій, хорошо знаютъ, какую силу имѣетъ утвержденіе**)“.

„Утвержденіе тогда лишь оказываетъ дѣйствіе, когда оно повторяется часто и, если возможно, въ

*) Психологія народовъ и массъ. Стр. 253—258.

**) При этомъ надо отмѣтить, что все это вѣрно именно когда надо внушить идею толпѣ. Когда-же дѣло идетъ объ убѣжденіи болѣе сознательныхъ слоевъ, на первый планъ выступаютъ логика и разсужденія. Истинность религіозныхъ понятій *доказывается* въ курсахъ богословія, государственные люди *доказываютъ* передъ парламентами истинность своихъ политическихъ воззрѣній, промышленники *доказываютъ* превосходство своихъ фабрикатовъ оптовымъ торговцамъ или тѣмъ, которыхъ они хотятъ привлечь къ участію въ своемъ предпріятіи. *Н. К.*

однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Кажется Наполеонъ сказалъ, что существуетъ только одна, заслуживающая вниманія, фигура риторики—это повтореніе. Посредствомъ повторенія идея водворяется въ умахъ до такой степени прочно, что въ концѣ концовъ она уже принимается какъ доказанная истина".

„Вліяніе утвержденія на толпу становится понятнымъ, когда мы видимъ, какое могущественное дѣйствіе оно оказываетъ на самые просвѣщенные умы. Это дѣйствіе объясняется тѣмъ, что *часто повторяемая идея, въ концѣ концовъ, врѣзывается въ самыя глубокія области безсознательнаго, гдѣ именно и вырабатываются двигатели нашихъ поступковъ* *)".

Двигатели поступковъ людей вырабатываются въ области безсознательнаго.

„Отсюда-то и происходитъ изумительное вліяніе всякихъ публикацій... Читая постоянно въ одной и той-же газетѣ, что *A*—совершенный негодяй, а *B*—честнѣйшій человѣкъ, мы становимся сами въ концѣ концовъ убѣжденными въ этомъ, конечно, если только не читаемъ при этомъ еще какую нибудь другую газету, высказывающую совершенно противуположное мнѣніе. Только утвержденіе и повтореніе въ состояніи состязаться другъ съ другомъ, такъ какъ обладаютъ въ этомъ случаѣ одинаковой силой".

„Послѣ того какъ какое нибудь утвержденіе повторялось уже достаточное число разъ, и повтореніе было единогласнымъ..., образуется то, что называется теченіемъ и на сцену выступаетъ могущественный факторъ—зараза. Въ толпѣ идеи, чувства, эмоціи, вѣрованія—все получаетъ такую-же могущественную силу заразы, какой обладаютъ нѣкоторые микробы... Человѣкъ, также какъ и животное, склоненъ къ подражанію; оно составляетъ для него потребность, при условіи конечно, если не обставлено затрудненіями. Кто-же посмѣетъ не подчиниться ея власти—все равно, касается-ли это мнѣній, идей, литературныхъ произведеній или просто на просто—одежды? Управляютъ толпою не при помощи аргументовъ, а лишь при помощи образцовъ. Во всякую эпоху существуетъ небольшое число индивидовъ, внушающихъ толпѣ свои

Для возникновенія заразы повтореніе должно быть частымъ и единогласнымъ.

Толпой управляютъ не при помощи аргументовъ, а при помощи образцовъ.

*) Курсивъ мой. *Н. К.*

дѣйствія, и безсознательная масса подражаетъ имъ. Но эти индивиды *не должны* все таки *слишкомъ удаляться отъ преобладающихъ въ толпѣ идей—иначе подражать будетъ трудно, и тогда все вліяніе ихъ сведется къ нулю*)*. По этой-то причинѣ люди, стоящіе много выше своей эпохи, не имѣютъ вообще на нее никакого вліянія. Они слишкомъ отдалены отъ нея. Потому-то и европейцы, со всѣми преимуществами своей цивилизаціи, имѣютъ столь незначительное вліяніе на народы Востока—они слишкомъ отличаются отъ этихъ народовъ".

Передъ могуществомъ заразы отступаетъ личный интересъ.

„Зараза на столько могущественна, что она можетъ внушать индивидамъ не только извѣстныя мнѣнія, но и чувства... Можно напр. ясно прослѣдить, какъ зараза, дѣйствующая вначалѣ только въ народныхъ слояхъ, постепенно переходитъ въ высшіе слои общества; мы можемъ убѣдиться въ этомъ на нашихъ современныхъ соціалистическихъ доктринахъ, которыми въ настоящее время начинаютъ увлекаться уже тѣ, кто осужденъ сдѣлаться первыми жертвами ихъ торжества. Дѣйствіе заразы на столько сильно и могущественно, что передъ нимъ отступаетъ всякій личный интересъ".

Приложимость указаній психологіи толпы къ управленію военными организмами.

Эти мысли Лебона конечно не могутъ всегда и во всѣхъ случаяхъ непосредственно прилагаться въ военномъ дѣлѣ для того, чтобы заставить массу проникнуться извѣстной идеей, но сущность его мыслей даетъ цѣнныя указанія и для управленія военными организмами. Надо помнить, что двигатели извѣстныхъ поступковъ людей скрыты гдѣ-то въ глубинѣ ихъ, въ области безсознательнаго, и что въ эту область нельзя проникнуть никакой логикой, никакими разсужденіями, что въ нее нужно толкаться механически—утвержденіемъ и повтореніемъ, создающимъ нѣчто вродѣ внушенія, дѣйствующаго не на разумъ, а на чувства. Чтобы создалось кромѣ того теченіе—зараза, которая охватила-бы всю массу, нужно чтобы эти утвержденія и повторенія были единогласны—разноголосица нарушаетъ эту механическую работу проникновенія въ

*) Курсивъ мой. *Н. К.*

область безсознательнаго. Отсюда вытекаетъ еще одна причина крайней необходимости единства военной мысли, (см. стр. 9, 42 и 43) и если она достигнута въ высшихъ слояхъ, то въ низшіе она и перейдетъ въ видѣ единогласныхъ подтвержденій и повтореній. Притомъ эти подтвержденія и повторенія должны быть родственны массѣ, они не должны уходить слишкомъ далеко отъ привычныхъ ей понятій—иначе зараза, распространяющаяся путемъ подражанія, не будетъ имѣть мѣста, а также трудно будетъ проникнуть и въ область безсознательнаго отдѣльныхъ индивидовъ.

И чѣмъ проще будутъ обращенія къ массѣ, чѣмъ прямѣе они будутъ идти къ этой области безсознательнаго въ человѣкѣ, которая руководитъ его чувствами и вызываетъ поступки, тѣмъ легче эти поступки будутъ вызваны.

Въ непосредственномъ управленіи военнымъ организмомъ огромную роль играетъ личность управляющаго.

Вотъ здѣсь, въ противуположность тому, что можетъ имѣть мѣсто въ военной наукѣ (стр. 199 и 200), огромную, преобладающую роль играетъ личность обращающагося къ массѣ или ей приказывающаго. Здѣсь наилучшій способъ внушенія—это примѣръ, и на примѣрѣ надо показать и выносливость и хладнокровіе и умѣнье и презреніе къ смерти. И если примѣра не будетъ, то трудно вызвать и соотвѣтствующія дѣйствія со стороны массы.

Характеръ обращенія къ массѣ.

Самый-же характеръ обращенія къ массѣ для вызова извѣстныхъ дѣйствій долженъ быть еще проще и еще больше дѣйствовать на чувства, а не на умъ, чѣмъ при внушеніи толпѣ извѣстныхъ идей, такъ какъ здѣсь особенно важно добиться быстраго результата.

Причина малоуспѣшности логики при обращеніи къ массѣ, говоритъ Зыковъ*), кроется въ томъ, что поступокъ вызывается только положительнымъ (см. стр. 139—142) чувственнымъ тономъ, сопровождающимъ главенствующую идею. Логикой можно привести къ главенству извѣстную идею, т. е.—убѣдить, но логика безсильна придать ей желаемый тонъ, т. е. заставить ощущать ее—какъ пріятную. За то чувственный тонъ

*) Какъ и чѣмъ управляются люди. Стр. 68—99.

легче всего сообщается толпѣ напр. мимикой, жестами и интонаціей. А создавши чувственный тонъ, уже не трудно создать главенство извѣстной идеи—и поступокъ совершится просто стихійно. Перенесеніе центра тяжести съ логики на чувство находитъ постоянное примѣненіе когда нужно быстро подѣйствовать на собраніе людей. Напр. Шопенгауеръ въ своей Эристикѣ (искусствѣ спорить) совѣтуетъ употреблять выраженія, выставляющія противника въ смѣшномъ видѣ, ибо „люди всегда готовы смѣяться, а смѣющійся оказывается на нашей сторонѣ". Цѣль логики—правда; цѣль мимики, жестовъ и краснорѣчія—удовольствіе, и такъ какъ толпа инстинктивна, то она болѣе живетъ чувствами, чѣмъ отвлеченными идеями, стремясь къ удовольствіямъ, а не къ истинѣ. Поэтому управлять толпою при помощи логики—невозможно. Всѣ рѣчи къ толпѣ и въ особенности военныя должны затрагивать чувства.

Чтобы внушить массѣ поступокъ надо откинуть логику и обратиться къ ея чувствамъ.

„Войска любятъ видѣть" говоритъ Компсано*) „въ трудныя минуты въ своемъ начальникѣ сосредоточеніе того безстрашія, тѣхъ воли и рѣшимости, которыхъ они не находятъ въ самихъ себѣ. Вотъ почему они расположены къ абсолютному повиновенію приказаніямъ своего начальника, лишь-бы онъ обладалъ авторитетомъ. Начальникъ долженъ при помощи простыхъ средствъ заставить совершать подвиги. Быстрота внушенія, слова, образность рѣчи—вотъ оружіе начальника. Чтобы убѣдить и заставить проникнуться какимъ либо мнѣніемъ или вѣрою, начальникъ не нуждается ни въ спорахъ, ни въ доказательствахъ: онъ долженъ лишь утверждать, повторять и повторять. Часто повторяемое въ концѣ концовъ проникаетъ въ разумъ войскъ, такъ же какъ и въ разумъ всякаго множества, какъ непреложная истина".

Особенности военнаго краснорѣчія.

„Итакъ, военное краснорѣчіе отличается отъ краснорѣчія гражданскаго: вотъ почему знаменитѣйшія рѣчи военной исторіи необъяснимо просты для насъ. И не взирая на эту простоту, могущество этихъ рѣчей

*) Опытъ военной психологіи. Стр. 99—100.

было удивительно. Причина этого заключается въ томъ, что военачальникъ говоритъ живыми образами вмѣсто пышныхъ фразъ, что его слово идетъ отъ сердца а не отъ разума, и идетъ къ сердцу, а не къ разсудку. Сердце не любитъ ученыхъ фразъ, что и доказывается повседневной жизнью".

„Рѣчи трибунныхъ ораторовъ—академичны, искусственны, подготовлены; военныя рѣчи составляются изъ менѣе правильныхъ, но болѣе удачныхъ фразъ; фразы эти могутъ быть угловаты, но должны быть оригинальны, новы, производить впечатлѣніе и, въ особенности, исходить изъ глубокаго убѣжденія, мощнаго и заразительнаго".

„Въ то время какъ трибунные ораторы не рискуютъ ни своей личностью, ни тѣмъ, что есть самого дорогого для человѣка—*жизнью*, военные дѣлаютъ то-же, чего требуютъ отъ другихъ".

И вотъ это-то и есть главное для массы.

ГЛАВА V.

Задачи изученія и преподаванія исторіи военнаго искусства.

„Что ты наслѣдовалъ отъ своихъ предковъ, пріобрѣти то вновь, чтобы сдѣлаться полнымъ его обладателемъ". *„Фаустъ". Гете.*

„Истинныя слова не бываютъ пріятны. Пріятныя слова не бываютъ истинны". *Лао-Тсе.*

Задача исторіи военнаго искусства обыкновенно формулируется не полно.

Всякая военная сила ощущаетъ настоятельную необходимость въ *общности истинной военной мысли* въ области ея примѣненія *).

Выработка и распространеніе правильныхъ *общихъ идей о веденіи войны*—задача военныхъ наукъ, дающихъ военное образованіе.

Дѣло каждой отдѣльной военной науки—способствовать этой задачѣ. Исторія военнаго искусства способствуетъ этой задачѣ тѣмъ **), что такъ подбираетъ и освѣщаетъ факты изъ военной исторіи, чтобы получилось возможно ясное представленіе о существованіи извѣстныхъ *общихъ* идей, которыя руководили подготовкой и веденіемъ войны во всѣ эпохи существованія человѣчества, т. е. она даетъ представленіе о независимости извѣстныхъ военныхъ идей отъ обстановки. Безъ этой независимости, въ виду безконечнаго разнообразія обстановки, не можетъ и существовать исходныхъ началъ для общности военной мысли.

Этими исходными началами, какъ мы видѣли ***), являются принципы военнаго дѣла, и исторія военнаго искусства имѣетъ задачей выводъ этихъ принциповъ путемъ индукціи и аналогіи, чтобы повѣрить и дополнить выводъ тѣхъ-же принциповъ, сдѣланный путемъ дедукціи, и тѣмъ вопервыхъ—окончательно

*) См. предисловіе, стр. 7—9.

**) См. предисловіе, стр. 12, и гл. I стр. 38—39.

***) См. главу III стр. 85—86 и гл. IV стр. 226—227 и 229—230.

Академия имени тов. Ворошилова

760

٦٨

26281
I